

Московский педагогический
государственный университет

Д. О. Чураков

**РАБОЧЕЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ
В РОССИИ**

**ФАБЗАВКОМЫ И РЕВОЛЮЦИЯ
1917-1918 ГОДЫ**

Москва
2015

Димитрий Чураков

**Рабочее самоуправление
в России. Фабзавкомы и
революция. 1917–1918 годы**

«МПГУ»

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Чураков Д. О.

Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция.
1917–1918 годы / Д. О. Чураков — «МПГУ», 2015

ISBN 978-5-4263-0322-5

В монографии на материалах рабочего самоуправления периода Великой русской революции 1917 г. подвергается углублённому изучению формирование в нашей стране институтов гражданского общества, в частности таких, как фабрично-заводские комитеты. Анализируются влияние общинных традиций трудовой демократии на рабочее движение 1917 г., причины кризиса органов рабочего представительства после прихода к власти большевиков. Книга предназначена для специалистов, всех интересующихся родной историей, практиков рабочего движения, учителей школ, студентов исторических факультетов.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4263-0322-5

© Чураков Д. О., 2015

© МПГУ, 2015

Содержание

Введение	7
Крах властного начала и зарождение рабочего самоуправления	11
Первые шаги рабочего представительства	11
1. Двоевластие в провинции: революционная Москва	11
2. Начало фабзавкомовского движения	17
3. Фабзавкомы и национальное в революции 1917 года	23
В борьбе за «фабричную конституцию»	29
4. Задачи выживания	29
5. Рабочий контроль как функция рабочего самоуправления	36
6. Специфика фабзавкомов как органов производственного самоуправления	40
«Строительные леса» новой государственности	66
Интеграция и противоречия в рабочей среде	66
1. Производственное самоуправление как база пролетарской самоорганизации	66
2. 1 Всероссийская конференция ФЗК	69
3. На перекрёстке истории: фабзавкомы и Советы	71
4. На перекрёстке истории: фабзавкомы и профсоюзы. природа конфликта	76
Аксиология гражданского разлома в судьбах рабочего самоуправления	83
5. Кризис механизмов социального партнёрства	83
6. Роль стачек в развитии рабочего представительства	90
7. «Социальное партнёрство» в области государственного строительства и общественной саморегуляции	94
Триумф или кризис?	111
Фабзавкомы в Октябрьских событиях	111
1. Миф о «штабах революции»	111
2. Фабзавкомы и переход власти в руки Советов	116
3. Штрихи к портрету «Смутного времени»: фабзавкомы и первый кризис Советского правительства	121
Противоречия в развитии фабрично-заводского представительства	128
4. Социально-экономическое положение рабочих в первые месяцы революции	128
5. Деятельность фабзавкомов в новых условиях	141
6. Основные тенденции развития фабзавкомовского движения после Октября	146
7. Фабзавкомы и конверсия	152
8. Взаимоотношения фабзавкомов и профсоюзов на новом этапе: на пути к свёртыванию рабочего самоуправления	157
9. Последний бой – он трудный самый...	160
Революционный этатизм: между практикой и доктриной	187
К самовосприятию революции: выбор элит	187
1. Формирование идеологии «огосударствления»	187

2. Большевики перед выбором: государственный или рабочий контроль?	191
Рождение «нового мира»: первые шаги в решении рабочего вопроса	202
3. Положение от 14 ноября о рабочем контроле: надежды и обречённость	202
4. Закон принят, борьба продолжается...	207
5. На подступах к политике огосударствления	214
Метаморфозы государственного курса и фабзавкомы	217
6. Рабочее самоуправление в тисках политики огосударствления	217
7. На перепутье: фабзавкомы и рабочий протест	222
8. От эры «пролетарского коллективизма» к эпохе «военного коммунизма»	228
9. Рабочее самоуправление в зеркале Конституции 1918 г.	230
10. Зарождение новой государственнической идеологии: «красный патриотизм» и «национал-большевизм»	233
Вместо заключения: судьбы рабочего самоуправления после революции	255
Схемы и диаграммы	267

Димитрий Чураков
Рабочее самоуправление в России:
фабзавкомы и революция.
1917-1918 годы: Монография

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»

Рецензенты:

А. М. Матвеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии
Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

В. Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МИГУ

Введение

Каждый исторический период бросает глубокую тень далеко в будущее. Часто само это будущее зависит от того, насколько полно и всесторонне оно смогло реализовать потенциал предшествующего исторического развития. Но особенно большое значение всегда имеют эпохи, когда на политическую арену врываются массовые силы, обычно малозаметные в повседневном движении истории. Речь идёт об эпохах революций. Среди них своё достойное место занимает русская революция 1917-1918 гг. Сегодня многое сделано для переосмысления той далёкой эпохи, но главное ещё предстоит сделать.

Важным направлением дальнейшего изучения революции 1917—1918 гг. является рассмотрение роли в революционных событиях российских рабочих, низовых рабочих организаций, наконец – рабочего контроля. Первые работы, посвященные этой проблематике, появились уже вскоре после неё. Часто публикации тех лет принадлежали участникам событий, воевавшим по разные стороны баррикад¹. В 1930-е годы количество монографий и статей по рабочей истории заметно сокращается, в результате изучения фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций было на некоторое время свёрнуто и продолжилось только во второй половине 1950-х гг.². Однако достаточно скоро политическая конъюнктура вновь изменилась. В 1985 г. начинается перестройка, а вслед за ней происходит поражение в «холодной войне» и насильственное упразднение Советского Союза. Эти события вызвали во всём мире кризис интереса к «классу-гегемону», каковым в СССР считались рабочие.

Лишь очень немногие историки в 1990-е гг. сохраняли верность выбранной тематике. И тем не менее можно констатировать как факт, что усилия одиночек-энтузиастов дали свои положительные результаты и не позволили прерваться преемственности отечественной историографии рабочего движения революционной поры³. Свидетельством роста интереса к данной тематике могут служить не только публикации документов и монографий. Важным проявлением выхода из кризиса стали регулярные «круглые столы» и конференции по проблемам рабочей истории. Одним из центров проведения подобного рода регулярных конференций становится Кострома⁴. В Москве начиная с 2000 г. при поддержке фонда «Альтернативы» в музее В. В. Маяковского, а в отдельные годы и на базе Московского педагогического государственного университета регулярно проводятся научные конференции по рабочей истории, по итогам которых выходят сборники материалов и документов⁵.

Несмотря на заметное оживление в последние годы интереса научной общественности к истории рабочего класса в русской революции 1917 г., состояние изученности проблемы на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным⁶. К числу таких малоизученных вопросов относится также анализ фабрично-заводских комитетов как органов рабочего производственного самоуправления, поскольку вся огромная литература прежних лет подходила к ним преимущественно с точки зрения их политической роли в революции, представляя их подчас некими «штабами революции».

Парадоксально, но похожая ситуация складывается и в зарубежной историографии. Традиционно зарубежные историки уделяли фабрично-заводским комитетам должное внимание, в том числе их участию в решении повседневных проблем рабочих, воздействию на общее экономическое положение в стране, а также взаимоотношениям с органами революционной власти⁷. Перспективные подходы демонстрируют и некоторые работы последних лет, вышедшие как за рубежом, так и в России для русскоязычной аудитории⁸. И тем не менее, по откровенному признанию одного из крупнейших корифеев в области изучения рабочего движения Д.

Щелла, рабочее самоуправление в русской революции 1917 г. как объект самостоятельного научного рассмотрения пока ещё не состоялось⁹.

Тем самым, целью данного исследования является заполнение образовавшегося пробела в изучении фабзавкомов как особой формы рабочего движения в период русской революции 1917 г. Центральным в монографии является раскрытие закономерностей развития органов производственной демократии и осуществляемого ими рабочего контроля. Рассмотрение затронутой в монографии проблематики выводит на решение нескольких более узких, конкретных задач. В частности, ставится задача по-новому поставить вопрос о предпосылках возникновения и последующего быстрого развития низовых органов рабочего самоуправления в первые недели после свержения самодержавия. Всесторонне разбирается тема национальной специфики рабочего движения в России. Рассматривается в исследовании и довольно запутанный в историографии вопрос о возможности в России в период революции создания механизмов межклассового партнёрства. Наконец, в контексте вопроса о характере и зрелости фабзавкомовского движения в монографии показаны причины и механизм кризиса рабочего самоуправления после Октября. Поскольку эта проблема комплексно также никогда прежде не рассматривалась, перед нами стояла задача показать как внутренние, так и внешние для органов рабочей самоорганизации тенденции развития, приведшие их к ослаблению.

Учитывая новизну собранных автором материалов, научную и общественную значимость затрагиваемых в монографии проблем, хочется верить, что предлагаемая читателям книга найдёт позитивный отклик коллег-историков, студентов, изучающих историю, участников современного профсоюзного движения, а также всех интересующихся отечественной историей и проблемами развития в России подлинного народовластия.

Примечания

¹ *Лозовский С. А.* Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920; *Плетнев В. Ф.* О рабочем контроле. М., 1918; *Фрумкин Б.* Руководство по рабочему контролю. М., 1918; *Томский М.* Очерки профессионального движения в России. М., 1924; *Рязанов Д.* Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. Харьков, 1923; *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; *Шмидт В.* Профсоюзы и Советская власть. М., 1927; *Мартов Ю.* Итоги войны и революции. М., 1918; *Далин Д.* После войн и революций. Профсоюзы в России в первые годы революции (1917-1921). Нью-Йорк, 1981; *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). CHALIDZE PUBLICATIONS, 1989.

² *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; *Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984; *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района в борьбе за победу Октябрьской революции (март-ноябрь 1917 г.). М., 1960; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль (март-июль 1917 г.). М., 1971; *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март-октябрь 1917 г.). М., 1960; *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. М., 1974; *Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс. 1918-1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974; *Дробижев В. З.* Красногвардейская атака на капитал. М., 1976; *Трукан Г. А.*

³ Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975 и др. См.: *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917—1920 гг.). М., 1991; *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Боткинском районе. Ижевск, 1992; *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917-1922 гг.). Смоленск, 1998; *Филоненко А. Л.* ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998; *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999.

⁴ Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. В 2-х частях. Кострома, 2001; Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. В 2-х частях. Кострома, 2003.

⁵ Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Ред. А. В. Бузгалин, Д. О. Чураков, П. Шульце. М., 2002; Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность / Ред. А. В. Бузгалин, Д. О. Чураков. М., 2003; Рабочие России: исторический опыт и современное положение / Ред. Д. О. Чураков. М., 2004.

⁶ Подробнее историографию см.: *Чураков Д. О.* Изучение рабочей истории начала XX века: современная историография // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001; *Он же.* Рабочая история начала XX века глазами современных историков // Альтернативы. 2001. № 4; О субъективности источников и объективности интерпретации [Материалы «круглого стола» «Рабочий активизм в послереволюционной России»] // Отечественная история. 2002. № 2 и др.

⁷ *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962; *Ferro M.* La Revolution de 1917. R., 1980; *Addison Ch.* Four and Half Years. A Personal Diary from June 1914 to January 1919. Vol II. L., 1934; *Abendon W.* A Shot History of European Working Class. © NBL. 7 C. S. London, 1972; *Avrich P.H.* The Bolshevick and Worker's Control in Russian Industry // Slavic Review. March. 1963. Vol. XXII.¹ 1. P. 60-61.; *Avrich P.H.* Russian Factory Committees in 1917 // Jahrbucher fur Geshichte Osteuropas. H. 2. Wisbaden, 1963. *Bunger S.* Die socialistische Antikriegsbewegung in Grossbritannien. 1914-1917. B. 1967; *Keep J. L. H.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York, 1976; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Pristoen. 1981. P. 107; *Hill Ch.* Lenin and the Russian Revolution. Cox & Wyman Ltd. London, 1971; *Liebman M.* The Russian Revolution / New York, 1970; *Gerschenkron A.* Wirtschaftliche Ruckstandichkeit in historischer Perspektive // Geschechte und Okonomie / Hrsg. H.-U. Wehler/ Koln, 1973; *Wright. A. W.* Guild Socialism Revisited // Journal of Contemporary History. L., 1974. Vol 9. N 1. и др.

⁸ *Поспеловский Д.* На путях к рабочему праву. Профсоюзы в России.: Франкфурт-на-Майне, Посев, 1987; Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы / Под ред. М. С. Бернштама. Париж, 1981; *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. М.: Республика. 1993; *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2. С. 112-135; № 3. С. 116-137; *Shkliarevsky G.* Labor in the Russian Revolution. Factory Committees and Trade Union 1917-1918. N. Y., 1993 и др. В частности, В. Хазбанд, предвосхищая некоторые сюжеты новейшей историографии, в том числе ставшую осевой проблематику монографии А. Ф. Киселёва о государствении рабочих организаций, отмечает, что предреволюционные надежды на рабочий контроль снизу уже в первый год большевистской диктатуры показали свою несостоятельность. Так, попытки союза текстильных рабочих, попытавшегося после Октября принять власть над своей отраслью промышленности, не увенчались успехом, поскольку не удалось наладить достаточно эффективную систему управления, и об осуществлении первоначальных замыслов приходилось только мечтать. Хазбанд констатирует также факт постепенного подчинения советской экономики логике бюрократического стиля руководства, обосновывая эти свои выводы преимущественно на деятельности ВСНХ и Центроткани (См. *Husband. William B.* Revolution in the Factory. The Birth of Soviet Textile Industry. 1917-1920. New York-Oxford. Oxford University press. 1990. R 86-87).

⁹ Более того, Сцелл отмечает, что проблематика рабочего самоуправления и рабочего контроля остаётся недостаточно разработанной не только в исследованиях, посвящённых конкретным эпохам и странам, но даже в целом, на теоретическом уровне: «Многочисленность и разнообразие концепций обнаруживается в используемых терминах, которые тесно связаны с темой, – пишет он. – Приведенный ниже список, вероятно, далеко не полон: участие,

контроль работников, самоуправление, управление работников, самоуправление работников, участие работников, информация, совместное принятие решений, партнерство, совместные консультации, совместное заключение сделок, промышленная демократия, организационная демократия, демократия на рабочем месте, контроль работы, кооперативы (потребительские, производственные, сервисные, жилищные...), кооперация, совместные решения, совместное управление, комитеты, совместное наблюдение, участие в наблюдательном совете, распределение прибыли, работники-акционеры, совместная собственность, совладение, социальная собственность, системы участия в управлении, организационное развитие, (полу) автономные группы, кружки качества, участие в формировании бюджета, самоопределение, социализация, национализация, самооборона, рабочие делегаты, управляющие на предприятии, представители работников, временное владение предприятием, общая забастовка, совет работников, совет завода, директор завода, экономический и социальный советы, демократия советов, самоуправление, самоадминистрирование, самоуправительство, самодоверие, правительство округа; прямое управление, автономия, автаркия, самоорганизация, (свободная) ассоциация, равноправие, советы, коммунизм советов, профсоюзы, коммуны (в труде, в собственности, киббутцы)...» (См.: *Сцелл Д.* Участие, контроль работников и самоуправление. М., 1994. С. 6, 13, 14 и др.).

Поскольку обобщающих работ о закономерностях развития органов самоуправления в 1917 г. пока не появилось, некоторые терминологические недоразумения, действительно, возникают. Чтобы избежать их в нашей работе, вскользь обозначим, что будет в ней пониматься под термином «рабочее самоуправление» и некоторыми близкими к нему понятиями. Наиболее широким среди них является понятие «рабочая самодеятельность». Оно подразумевает под собой всякую самостоятельную деятельность рабочих как особого социального слоя. Если же перед нами деятельность рабочих, направленная на создание ими своих самостоятельных структур, то в этом случае правильным будет более узкий термин «рабочая самоорганизация». Ещё одно важное понятие, о котором следует упомянуть – «рабочее представительство», обозначающее пролетарские организации, защищающие интересы рабочих при взаимодействии с прочими социальными силами. Понятно, что перед нами понятия близкие, почти синонимы. Это же касается и термина «рабочее самоуправление», который включает в себя все перечисленные признаки и поэтому является как бы интегрирующим. Кроме того, можно добавить, что обозначаемые им отношения полностью лежат в плоскости власть-подчинение. Таким образом, применительно к русской революции 1917 г. под «рабочим самоуправлением» следует понимать организационную деятельность рабочих, направленную на отстаивание ими своих классовых интересов, а также на решение своих внутренних проблем в отдельных производственных и профессиональных рамках.

Крах властного начала и зарождение рабочего самоуправления

Первые шаги рабочего представительства

1. Двоевластие в провинции: революционная Москва

По меткому замечанию известного советского историка Л. М. Спирина, в Москву и прочие города Центрально-промышленного района (ЦПР) революция 1917 г. «пришла то телеграфу». Основные события в регионе, как и вообще в русской глубинке, начали разворачиваться, когда в столице многое уже прояснилось¹. В своей телеграмме от 28 февраля 1917 г. командующему войсками Московского военного округа генералу И. И. Мрозовскому начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. А. Алексеев практически непосредственно в предверии событий пытался наметить самые необходимые меры, чтобы хотя бы на московском рубеже задержать начавшийся процесс разрушения власти. Алексеев требовал принятия всех возможных мер для обеспечения работы Московского железнодорожного узла и непрерывного подвоза продовольствия, так как «первые беспорядки в Петрограде возникли из-за недостатка хлеба для наиболее бедной части населения»². Генерал Мрозовский был наделён чрезвычайными полномочиями. По приказу Ставки Москва объявлялась на осадном положении, митинги и демонстрации запрещались³. Но было уже поздно, в своей телеграмме в Ставку Мрозовский сообщал, что, несмотря на сохранявшее вплоть до 27 февраля спокойствие в городе, к полудню 28 февраля бастовали уже все заводы, обезоруживались одиночные городские, начался многотысячный митинг у Городской думы⁴.

К ночи 28 февраля ситуация в Москве становится более накалённой. Около полуночи происходит столкновение 1-й артиллерийской бригады, направлявшейся к Городской думе, с двумя взводами жандармов⁵. Утром улицы Москвы начинают заполняться рабочими, покинувшими цеха и рабочие предместья. Демонстрации с красными знамёнами и пением революционных песен начинают стягиваться к центру города. В районе Яузского моста шествие рабочих было остановлено полицией. Помощник пристава, убивший во время попыток рассеять демонстрантов молодого рабочего Иллариона Астахова, был сброшен в реку, полицейский кордон смят. Столкновения рабочих с полицией происходят и в районе Каменного моста. Однако к этому времени солдаты нескольких полков отказались выйти из казарм для «подавления» беспорядков, а без использования армии попытки хоть как-то утихомирить улицу были уже бесплодны. В донесении генерала Мрозовского в Ставку 1 марта ситуация подавалась по-военному чётко: «В Москве полная революция. Военские части переходят на сторону революционеров»⁶. 2 марта 1917 г. всё было закончено, в руках восставших оказались важнейшие объекты города – почта, телеграф, телефон, Кремль, арсенал, вокзалы, охранное отделение⁷. Бывший губернатор М. Н. Татищев и бывший градоначальник были арестованы. Под арестом оказался и командующий округом⁸.

Как и повсюду, в ЦПР февральско-мартовский переворот означал радикальное упразднение прежних структур и органов управления. Но это ещё не решало главного, по определению В. И. Ленина, вопроса всякой революции – вопроса о власти⁹. Двоевластие – вот что сразу и на долгие месяцы определило специфику российской революции 1917 года.

Вероятно, со временем придётся отказаться от уже устоявшейся в науке концепции «двоевластия», по крайней мере, пересмотреть её. Некоторые исследователи уже сейчас не отрицают того факта, что для *провинции* понятие «двоевластие» не даёт возможности адекватно отразить происходившие там политические процессы и что на местах организация системы управления приобрела значительно более сложную конфигурацию¹⁰. Всё это заставляет сегодня внимательнее отнестись и к самому понятию «двоевластие», и к тому явлению, которое стоит за ним. Не случайно современники революции уже тогда говорили о десятивластии, как это делал кадет Е. Н. Трубецкой, о многовластии, как это делал лидер партии Народной свободы П. Н. Милюков, а то и просто о безвластии, как это делал комиссар Саратовской губернии Н. И. Семёнов. По сути, как справедливо отмечает Г. А. Герасименко, в тот момент на власть претендовали все партии, организации и учреждения и соотношение между ними складывалось самое разное¹¹.

Какими путями в дальнейшем вероятнее всего пойдёт изучение двоевластия? Представляется, что с методологической точки зрения много интересного и нового в понимании этой проблемы может дать взгляд на русскую революцию 1917 г. как на *революцию самоуправления*. Процесс формирования новой государственности в силу ряда обстоятельств изначально шёл и сверху, и снизу. Причём снизу в этом процессе участвовали гораздо более широкие демократические слои, что при определённых условиях могло существенно стабилизировать новую власть и нивелировать разбухшие революцией антагонизмы. Общие для страны закономерности особенно наглядно проявились в сердце России – Москве и фабрично-заводских городах и посёлках, прилегающих к ней.

Первоначально, так же как и в столице, в провинции на первые позиции в организации новой власти выдвинулись те учреждения, которые действовали ещё до революции и хоть в какой-то мере зарекомендовали себя в политической жизни, в частности, в Москве, таким средоточием общественной жизни в первые дни революции сделалась Городская дума¹². Как и другие подобные органы городского самоуправления в царской России, Московская городская дума находилась под сильным влиянием консервативных кругов¹³. Тем не менее кризис самодержавия в последние месяцы его существования был столь глубок, что прошедшие в декабре 1916 г. перевыборы в Московскую городскую думу принесли убедительную победу кадетам. Из 160 мест они получили 149. Петербургское правительство в сложившейся ситуации предложило Московскому по городским делам присутствию новый состав думы не утверждать. Страсти, бушевавшие вокруг Московской городской думы на рубеже 1916-1917 гг., и делали её центром притяжения революционных симпатий как непосредственно перед свержением царизма, так и в первые несколько дней после него¹⁴.

Однако очень скоро либеральным деятелям пришлось задуматься над тем, как в условиях нараставшей анархии сохранить хоть какую-то организованность в действиях революционных сил и не упустить лидерство из своих рук. Выход был очевиден – необходимо было срочно приступить к формированию институтов новой, революционной, власти. Инициативу в этом вопросе в Москве первоначально взяли на себя круги, близкие к Земгору, Московскому военно-промышленному комитету, кооперации и подобным им общественным межпартийным организациям. Один из наиболее ранних шагов, направленных на формирование новой власти, относится к 27 февраля 1917 г., – в этот день в 12 часов пополудни на квартире П. П. Рябушинского состоялось совещание членов Всероссийского союза торговли и промышленности. На нём было принято решение о создании Комитета общественных организаций Москвы (КООМа). Вечером того же дня решение это начало проводиться в жизнь на совещании в Московской Городской думе. Присутствовавшие на нём общественные деятели второй столицы, в том числе прежний городской голова М. В. Челноков, постановили избрать особый *организационный комитет*, в задачи которого входили недопущение анархии и организация власти¹⁵.

На следующий день выбранное накануне бюро в составе 28 человек в помещении Думы продолжило работу по организации КООМа. Параллельно с этим обсуждение вопросов организации новой власти в городе продолжилось на экстренном заседании бюро Московского военно-промышленного комитета (МВПК). Выступившие на нём С. А. Смирнов и П. П. Рябушинский сообщили о том, как идёт в городе процесс конструирования новой власти. Их доклады были встречены с одобрением¹⁶. По итогам обсуждения МВПК принял специальное заявление, вскоре опубликованное в прессе. В нём московские торгово-промышленные круги выразили полную поддержку происходящим в стране переменам¹⁷. В тот же день аналогичное собрание провели члены Главного комитета Земского союза, где так же была поддержана идея создания в городе революционной власти. При этом подчёркивалось, что «*московское губернское земство должно участвовать в объединяющем органе*»¹⁸. Усилия цензовых элементов завершились успехом, и 28 февраля КООМ был создан¹⁹.

Таким образом, создание Комитета общественных организаций Москвы явилось не таким уж стихийным, как это могло бы показаться на первый взгляд. Более того, как странно это ни покажется сегодня, в его формировании принимали участие не только разного рода организации цензовых элементов, и прежде имевшие определённое влияние на государственные структуры, – немалую активность в создании этого органа «революционного представительства» проявили и прежние органы власти, которые, казалось бы, должны были придерживаться контрреволюционных, реставраторских позиций. Первое заседание КООМа открылось в 5 часов дня 1 марта 1917 г. В его состав входили представители от Городской думы, городской управы, от земств, Земгора, ВПК, кооперативных, биржевых, общественных и рабочих организаций. Производятся выборы в президиум Комитета: председателем становится С. Н. Прокопович, его заместителями – И. И. Егоров и Н. М. Кишкин. Позже проходят выборы во Временный исполнительный комитет КООМа и его Президиум, здесь руководящие лица остаются теми же, но теперь председательское кресло достаётся Кишкину. На первом же собрании КООМа было решено «объединить всю власть над городом Москвой». Несколько позже публикуется специальное воззвание к населению города, в котором подчёркивалось, что все распоряжения Комитета подлежат безусловному исполнению всеми учреждениями и лицами²⁰.

В течение марта 1917 г. аналогичные органы управления возникают в Костроме, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве и во всех прочих губернских и уездных городах ЦПР. Всего же по стране, по сведениям МВД, тогда было образовано 79 губернских, 651 уездный и около тысячи волостных исполнительных комитетов. Их социальная база была существенно шире, чем у прежних земских учреждений, довольно аристократических и консервативных по своему составу. Демократический социальный состав Комитетов Общественной Безопасности (КОБов) позволил сегодня некоторым исследователям ввести в их отношении такой современный термин, как «антицаристский» или даже «народный фронт»²¹. В Иваново-Вознесенске, например, в созданном 3 марта 1917 г. Революционном КОБе действовало 15 большевиков²². В Комитет московских общественных организаций также входили представители Московского Совета рабочих депутатов, довыборы которых прошли 2 марта. Среди депутатов КООМа были и большевики Ногин и Смидович. Как справедливо пишет по этому поводу американский исследователь Д. Дж. Рейли²³, участие большевиков в КОБах, как правило, критически оценивалось советскими историками, исключение составляет только В. И. Старцев, полагавший, что только в Петрограде не было создано коалиционного органа местной власти, подобного КОБам²⁴.

Вместе с тем демократизм большинства КОБов переоценивать не приходится, поскольку жесткая привязка ими своей политики к Временному правительству, патронаж над ними со стороны таких деятелей, как Кишкин, Третьяков, Астров, Рябушинский, сводили на нет весь их

демократический потенциал, действительно немалый²⁵. Интегрированность в общую систему буржуазной власти постепенно привела КОБы к затяжному кризису И тем не менее Временное правительство встретило появление КОБов с недоверием. Поэтому в первые же дни революции оно берётся за конструирование института собственных представителей на местах.

Ставший министром-председателем Временного правительства и, по совместительству, министром внутренних дел, князь Львов, как старый деятель земского движения, видел будущее местного управления в реформировании земств. И сейчас, в критический для революции момент, он решает опереться на земское движение и своих прежних соратников. И здесь, как нельзя более кстати, для Львова оказывается московский опыт.

Официальным представителем новой власти, комиссаром Временного правительства по Москве в те дни становится бывший городской голова М. В. Челноков. Об этом уже в ночь на 2 марта была получена соответствующая правительственная телеграмма за подписью Родзянко²⁶. Тогда же Временный комитет Государственной Думы назначает прежнего председателя земской управы А. Е. Грузинова комиссаром Государственной думы по управлению Московской губернией. Вскоре, однако, он оставляет этот пост, поскольку назначается на должность командующего войсками Московского военного округа. Освободившуюся вакансию занимает его заместитель М. А. Нарожницкий, первым актом которого становится назначение временных уездных комиссаров, также из числа прежних земцев.

По образцу Москвы Львов попытался провести реформу местных органов власти во всероссийском масштабе, и 5 марта 1917 г. МВД была разослана специальная телеграмма, в которой власть на местах передавалась комиссарам Временного правительства. Это был основной правовой акт, определивший судьбу административной власти на первом этапе революции. Как подчёркивает Г. А. Герасименко, он сразу же оказался мишенью острой критики, поскольку современники понимали его разрушительное влияние на те хрупкие ростки демократии и единства народа, которые обозначились в ходе революции. Так, председатель Московского губернского исполнительного комитета В. А. Левицкий говорил: «На местах принимали все меры, чтобы организовать жизнь, а со стороны Петрограда ничего не делалось к тому, чтобы создать контакт между центром и провинцией. Наоборот, действия Петрограда эти местные действия разлагали»²⁷.

Едко высказывались о шагах Львова по распространению московского опыта на всю страну и некоторые другие его сподвижники. К примеру, в вышедшем в Берлине в 1921 г. I томе «Архива русской революции» была помещена небольшая работа В. Д. Набокова «Временное правительство». В ней он откровенно называл телеграмму Львова «одним из самых неудачных» шагов мартовских либералов, «необдуманной и легкомысленной импровизацией»²⁸. П. Н. Милоков был ещё категоричнее, когда утверждал, что эта мера, отменив законную власть на местах, вызвала путаницу во всех органах управления²⁹. Милоков, правда, умалчивал, что гораздо большую «путаницу во всех органах управления» вызвала «отмена» законной власти в центре, к чему он сам имел самое непосредственное отношение³⁰, однако в общем с его оценкой трудно не согласиться. Тем не менее реформа, предложенная кн. Львовым, активно шла, и помимо Москвы правительственные комиссары появляются в других городах ЦПР. В Тверской губернии им становится председатель местного комитета кадетской партии А. А. Червен-Вода-ли, в Нижнем Новгороде – кадет Демидов, в Ярославле – пошехонский помещик Черносивитов³¹. Во Владимире, Туле и других городах у кормила власти оказывается председатели губернских управ и городские головы, многих из которых кн. Львов знал лично по прежнему земскому движению³².

Важной чертой произошедшего в феврале-марте переворота становится попытка торгово-промышленных классов и приближённых к ним групп интеллигенции максимально рас-

пространить своё влияние не только на власть в целом, но и через союзнические им группы в кругах социалистов также и на рабочее движение. Тема эта ещё ждёт своего подробного изучения, но сам факт попыток «оседлать» рабочее движение со стороны либеральных кругов важен для понимания и некоторых сторон вопроса об эволюции на протяжении 1917 г. органов рабочего представительства, в том числе фабзавкомов, в частности, для анализа их автономной роли в развитии революции.

Каналами влияния на рабочее движение на первом этапе революции служили не только больничные кассы и другие существовавшие прежде легальные организации, но и Советы, ставшие позже прообразами будущей власти, что также вносит некоторую новизну в изучение проблемы двоевластия. Зачастую Советы рабочих депутатов в первые дни после падения самодержавия образовывались не только в результате инициативы низов, о чём прежняя отечественная историческая литература писала много и подробно³³, но и в достаточной степени искусственно, и контролировались не рабочими, а партийными активистам³⁴. К примеру, Временный исполком Петросовета был самообразован группой меньшевиков из Центрального военно-промышленного комитета и думской фракции совместно с левыми журналистами, попавшими в Таврический дворец в поисках сенсаций³⁵. В Москве предшественник Совета рабочих депутатов Временный революционный комитет, начавший работу в ночь с 27 по 28 февраля в помещении Городской думы, также был самообразован рабочей группой местного ВПК. В него, так же как и в столице, вошли различного рода кооператоры, студенты и другая «чистая» публика³⁶. Только потом, когда 1 марта состоялось первое заседание образованного на базе ВПК Моссовета, состав его начал пополняться рабочими и служащими московских предприятий³⁷.

По похожему сценарию события разворачивались и в прочих городах и рабочих посёлках Центральной России. В них, как правило, роль надпартийных центров играла потребительская и рабочая кооперация. Подробно писавший об этом А. В. Лубков отметил весомое участие в формировании подобных межпартийных центров таких видных деятелей революции 1917 г., как член ЦК партии кадетов, председатель московского общества потребителей «Кооперация» князь Д. И. Шаховской, его заместители по правлению эсер А. В. Меркулов и большевик И. И. Скворцов-Степанов, а также таких кооператоров, как А. А. Кизиветтер, Н. В. Чайковский, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др. Как только весть о революции достигла Москвы, руководством московских кооперативов были разосланы телеграммы с извещением о характере и масштабах событий в столице. В них местным кооперативным союзам предлагалось инициировать создание революционных органов власти³⁸. Известный кооператор В. А. Кильчевский позже уверял, что если бы был произведён цифровой учёт участия различных структур в «устранении старых властей», то кооперация заняла бы «одно из первых, если не первое место» – и это замечание нельзя считать пустым бахвальством, оно вполне адекватно передавало дух происходивших событий и характер революции 1917 г. как *революции самоуправления*³⁹.

Действенная практика кооператоров сводилась к проникновению во все новые органы власти, продвижению на руководящие посты «своих» людей. Так, в Кинешме созданный Революционный комитет общественной безопасности возглавил председатель местного союза кооперативов меньшевик А. С. Колодин, а Совет рабочих депутатов – инструктор того же союза меньшевик Я. А. Савченко. Сыграли свою роль кооператоры и в самой Москве. Здесь упомянутый выше ВПК всё время его существования возглавлялся членом правления общества «Кооперация» А. М. Никитиным. Вскоре Никитин делается первым председателем Моссовета. После того как 5 марта 1905 г. он становится руководителем Комитета общественных организаций, председателем Моссовета избирается другой кооператор – меньшевик Л. М. Хинчук, одновременно являвшийся членом бюро Московского союза потребительских обществ. Его заместителями становятся внефракционный социал-демократ, руководитель Союза рабочих

кооперативов Москвы И. И. Егоров, а также большевик В. П. Ногин, до переворота занимавший должность секретаря неторгового отдела общества «Кооперация»⁴⁰.

«Легко и красиво», по определению журнала «Объединение», «взяли в свои руки власть» кооператоры Тулы⁴¹. Провозгласили 3 марта создание Совета рабочих депутатов кооператоры Твери и вошли в него. В целом же по району инструкторы Московского областного бюро Советов (Мобюс) в своих отчётах отмечали особое значение кооперации в организации власти в Ярославле, Ростове Великом, Иваново-Вознесенске, Твери, Туле, Костроме, Кинешме, Шуе, Кольчугине, Переяславле-Залесском, Кашире, Вышнем Волочке, Смоленске⁴². Не секрет, что ещё до переворота многие из деятелей рабочей кооперации, рабочих групп ВПК и других подобных объединений были тесно связаны с руководством Прогрессивного блока⁴³. Поэтому «передачу» Советами власти Временному правительству можно считать скорее заранее предусмотренным шагом, чем «парадоксом Февральской революции», как называл это событие Л. Троцкий⁴⁴.

Окончательно институты новой власти и самоорганизации общества складываются в Центральной России вскоре вслед за Петроградом. Положение здесь многим напоминало происходившее в столице, но в некоторых важных аспектах было более сложным, что было связано с неопределённостью первых шагов революции в Петрограде и плохо налаженным информационным обменом. *В Москве и многих других городах Центрально-промышленного района власть пришлось делить не только и не столько между буржуазными и советскими органами власти, сколько между органами, возникшими на демократической основе, и органами, авторитарно назначенными из центра.* Причём, это противостояние проявилось и внутри самого либерального лагеря. В этом сразу же проявилась *специфика двоевластия в провинции.* Но в целом в ЦПР, за исключением Иваново-Вознесенска, где голод создавал плохой фон для общественного успокоения, и ещё некоторых городов, где положение было столь же тяжёлым, буржуазии удалось внешне стабилизировать власть.

Ещё более отчётливо, чем в Петрограде, где из общего ряда продолжали выделяться своим радикализмом анархисты, левое крыло эсеров и, в особенности, влиятельное Русское бюро ЦК РСДРП (б), первые недели в Центральной России проявились тенденции на солидаризацию в политической элите. В этом ключе очень сложно однозначно согласиться с существовавшими ранее в исторической науке оценками, согласно которым после февраля происходит резкий сдвиг политического спектра влево в результате ликвидации черносотенных организаций и исчезновения буржуазных партий правее кадетов. В реальности обстановка развивалась значительно более противоречиво. Наряду с этим внешним поведением, происходил и глубинный сдвиг вправо всех политических партий тогдашней России. Центризм и соглашательство стали в среде партийной интеллигенции как бы признаками хорошего тона.

В Москве, впрочем, тоже не обошлось без всплеска крайних настроений и демаршей на манер призывов выборгских большевиков, требовавших немедленного перехода власти к советскому рабочему правительству⁴⁵. Например, ориентировавшееся влево Московское бюро ЦК РСДРП (б), руководившее партийными организациями всего ЦПР, в воззвании к рабочим Москвы и области 28 февраля призвало к созданию Временного революционного правительства, очевидно, подконтрольного социалистам⁴⁶. Однако эти настроения в Москве были вскоре преодолены, что также выдавало некую провинциальность Московского региона и специфичность протекавшего в нём политического процесса. Даже несмотря на то что в Моссовете самой многочисленной партией были большевики (205 депутатов, меньшевики имели в нём 172 места, эсеры – 110, ещё по несколько представителей в нём имели другие партии), его политика была умеренной, и дело было не только в формальном преобладании соглашательских элементов, но и в особенностях мартовской тактики самих большевиков, до приезда Ленина совершавших общий для всех социалистов дрейф вправо.

Но означала ли такая «идиллия» в партийном истеблишменте страны окончательное «замирение» вышедших из берегов стихий? Не была ли неурегулированность институциональных, психологических и социальных проблем причиной дальнейшей радикализации масс? Исследователи спорят об этом⁴⁷. Не предрешая итогов этой полемики, отметим, что попытка деятелей политических партий взять всё революционное движение под свой контроль серьёзно контрастировала с природой революции. Вступали в противоречия авторитарные тенденции в области управления и с той ситуацией многовластия, которая серьёзно ослабляла новую революционную государственность и, по сути, создавала ситуацию перманентного кризиса власти. В результате всего этого, к уже имевшимся в обществе точкам неустойчивости добавлялась ещё одна, а именно: быстро обострявшееся противоречие между всё более инертными политическими верхами и всё более социально-активными низами.

2. Начало фабзавкомовского движения

После февральско-мартовской революции как бы само собой напрашивалось, что наследницей свергнутого строя должна стать молодая российская буржуазия. Именно она, с опорой на либеральные круги высшей бюрократии, валила вековое дерево российской монархии, занимала ключевое положение в экономике, имела влиятельных покровителей в странах-союзниках. Буржуазия обладала немалым опытом управления государством, который, как писал В. М. Чернов, она приобрела «и в органах самоуправления, городских думах и земствах, и в четырех последовательных Государственных думах, во всевозможных парламентских комиссиях, разрабатывая вместе с министрами бюджеты ведомств и контролируя их работу»⁴⁸.

Стремление буржуазии к власти было совершенно осознанным и подкреплялось целенаправленным напором. Где силой, где путем компромиссов буржуазия захватывала власть в свои руки. Так было и в центре, где заработало буржуазное Временное правительство. Так было и на местах. Но с развитием революции произошло то, что никак не укладывалось в привычные схемы «революционеров во фраках». Отстранив продуманным натиском царя, буржуазия осталась один на один с рабочим движением. Массовые выступления рабочих ещё вчера охотно использовались ею для шантажа слабевшего монарха с целью ускорить его отречение. Теперь же, неожиданно для либералов, отдельные вспышки недовольства развернулись в действительно широкое народное движение.

Стремительно разрасталась сеть Советов. Вслед за возникшими соответственно 27 февраля и 1 марта 1917 г. Петроградским и Московским Советами 2 марта организуется Совет рабочих депутатов в Нижнем Новгороде и Харьковский совета рабочих депутатов, 3 марта Советы начинают действовать в Омске и Нарве. 4 марта состоялось учредительное собрание Уральского Совета рабочих депутатов, объявившего себя руководящим органом революционного пролетариата. Уже в первых числах марта возникло более 50 Советов рабочих депутатов. Помимо только что названных городов, они начали действовать в Иваново-Вознесенске, Костроме, Твери, Ярославле, Воронеже, Нарофоминске, Серпухове, Шуе, Кимрах, Астрахани, Саратове, Екатеринодаре, Армавире, Перми, Томске, Чите, Уфе, Хабаровске, Ростове-на-Дону и других крупных пролетарских центрах. О темпах советского строительства свидетельствуют следующие цифры: на прошедшей в Донбассе 15-17 марта конференции Советов присутствовали представители 48 Советов, а на состоявшейся в конце марта Московской областной конференции Советов присутствовали представители 108 Советов⁴⁹. Согласно обобщающим данным, которые получены советским историком И. И. Минцем, в общей сложности в марте 1917 г. в стране возникло около 500 Советов, в том числе 242 чисто пролетарских Совета⁵⁰.

Больших успехов достигло профсоюзное строительство. В Москве уже 2 марта 1917 г. состоялось первое организационное собрание профессиональных союзов, в работе которого

участвовало 25 представителей от рабочих союзов города. 3 марта возникает союз железнодорожников в Мурманске. 12 марта создают своё профессиональное объединение рабочие судоходных предприятий Северодвинска. На 19 марта приходится рождение профсоюза металлистов Омска⁵¹. В Петрограде ко дню своего учредительного собрания 29 марта союз металлистов уже насчитывал 16 243 члена⁵². Из всех сложившихся в 1917 г. профессиональных союзов 51% начали действовать уже в марте-апреле. За эти два месяца в Петрограде рабочие успели создать 60 союзов, наиболее крупными из которых выступали союз металлистов (54,5 тыс. членов), текстильщиков (18 тыс.), кожевников (15 тыс.), деревообделочников (15 тыс.) и др. В Москве в марте-апреле действовали 50 союзов. Крупнейшими из них вновь оказался союз металлистов (40 тыс.), следом за ним по численности шли союзы текстильщиков (25 тыс. членов) и портных (18 тыс.). В Твери возникло 15 профессиональных союзов, объединивших 25 тыс. членов. В Ярославле профстроительством было охвачено 37 тыс. человек, объединившихся в 31 союз. Столь же уверенно профдвижение укреплялось в эти дни и в других регионах страны: в Ростове-на-Дону оформилось 21, Оренбурге – 10, Омске – 32, Красноярске – 14, Владивостоке – 17, в Томске, Барнауле, Новониколаевске – свыше 50 профессиональных союзов. Организационный бум по созданию профсоюзов, по свидетельству современных историков, продолжался и летом 1917 года⁵³. К этому моменту общее количество членов профессиональных объединений рабочих приблизилось к полутора миллионам⁵⁴.

Вспоминая дни, последовавшие за свержением самодержавия, видный профлидер П. Гарви вспоминает о них как о времени настоящего организационного «грюндерства», охватившего всю вздыбленную революционным подъёмом страну⁵⁵. Бурно развивавшееся движение рабочего класса России со временем вело к возникновению форм, мало подконтрольных организационным усилиям либералов и правых социалистов. Среди новых революционных организаций низов важное место сразу же заняли *фабрично-заводские комитеты*, создаваемые самими рабочими на предприятиях в трудовых коллективах⁵⁶, за что их с момента возникновения называли «детьми революции»⁵⁷.

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники рисуют противоречивую картину их развития в первые недели революции. Уже 28 февраля избирается завком на Люберецком заводе международной компании жатвенных машин. 6 марта образовывается заводской комитет на Крамеровском предприятии, а 9 марта – на заводах Михельсона и «Динамо». На заводе бр. Бромлей выборы завкома состоялись, по воспоминаниям рабочего этого завода Богдановича, 7 марта 1917 г.⁵⁸ О создании заводских комитетов на заводе Хитина, где работало 300 рабочих, и на фабрике Коликова, численность работающих на которой составляла около 100 человек, писал в первых числах марта «Социал-демократ»⁵⁹. Тогда же начинают свою деятельность фабкомы на Даниловской и Рябовской фабриках, на мануфактуре Циндыля и целом ряде других предприятий⁶⁰.

Практически в самом начале революции, а именно 3 марта, вопрос о создании фабзавкомов в старой столице обсуждался на пленуме Моссовета. Представители районов докладывали об образовании рабочих организаций на большинстве предприятий и о создании районных фабзавкомовских структур⁶¹. 17 марта на заседании Совета рабочих депутатов Городского района было сообщено, что в районе 63 комитета уже действуют и на 20 предприятиях они находятся в процессе становления⁶². В заметке «Известий Московского Совета рабочих депутатов» за 19 марта 1917 г. сообщалось о том, что в Сокольническом районе фабзавкомы были избраны практически на всех предприятиях⁶³.

В первой половине марта возникают фабкомы в Канавинском районе Нижнего Новгорода на заводах Биржевого общества, «Новая Этна», «Фельзер», Доброва и Набгольца, Отто

Эрбе и прочих предприятиях. Тогда же создаются комитеты на Сормовском, Коломенском, Кулебакском и ряде тульских заводов, немного позже – на семи заводах Мальцевского акционерного общества в Кольчугине и Выске⁶⁴. Идет создание фабзавкомов в Ярославле⁶⁵. 27 апреля происходит первое заседание фабричного комитета т-ва Иваново-Вознесенской ткацкой фабрики⁶⁶. Возникает рабочий комитет фабрики Кашина в Костроме⁶⁷. Тогда же организуется комитет рабочих Покровской мануфактуры Дмитровского уезда⁶⁸. Временный исполнительный комитет был создан на мартовском митинге рабочими Вознесенской мануфактуры в с. Нарофоминском Веретейского уезда Московской губернии, о чём и сообщалось в письме фабкома Московскому областному бюро Советов⁶⁹. Избираются первоначально Совет, а вслед за ним фабком на крупнейшем предприятии Бронницкого уезда той же Московской губернии – фабрике товарищества «П. Малютина сыновья»⁷⁰.

Вместе с тем источники показывают не только широту процесса возникновения фабзавкомов, но также и его крайнюю хаотичность. Единства не наблюдалось ни в чем. Разнились состав, механизмы и сроки формирования фабрично-заводских комитетов. Фабзавкомы образовывались «явочным порядком»⁷¹, без единого плана, отсюда различным был уже сам характер их возникновения: чаще всего это происходило мирно, как на Рускабеле в Москве, о чём рассказывается в книге «Шесть лет на революционном посту»: «1 или 2 марта собрались представители цехов в количестве 18 человек в столовке для служащих и стали закладывать фундамент власти трудящихся. В тесной, страшно накуренной столовой сидели неумытые, черные после работы, не чувствуя усталости, представители от цехов»⁷². Где-то фабзавкомы, наоборот, зарождались в обстановке совсем не мирной, и тогда рабочим приходилось создавать органы своей самоорганизации с применением силы. По свидетельству И. Миритеева, так произошло, например, на его родном Люберецком заводе, где рабочие для выборов комитета захватили клуб завода⁷³. Случалось также, что фабзавкомы получали возможность функционировать «путем сепаратных переговоров с отдельными группами предпринимателей»⁷⁴. В других же случаях после выхода закона 23 апреля 1917 г. о заводских и фабричных комитетах владельцы предприятий сами навязывали рабочим выборы в эти комитеты на своих предприятиях в надежде получить ещё один рычаг контроля над рабочей активностью, как это произошло на фабриках т-ва Новинской мануфактуры Московской губернии⁷⁵.

Столь же стихийно на большинстве фабрик и заводов ЦПР складывалась система выборов в рабочие комитеты. Так было, в частности, на фабрике Хлебникова в Москве⁷⁶, на фабрике бр. Бузиных во Владимирской губернии и на ряде других предприятий⁷⁷. В других случаях могло происходить иначе. Например, завкомы на «Динамо» и Военно-артиллерийском заводе состояли из представителей отдельных мастерских и цехов⁷⁸, такая же практика сложилась и на Тульском оружейном заводе⁷⁹. Примером более сложной избирательной практики можно назвать и опыт завода «Поставщик», где выборы были двухступенчатыми⁸⁰. Иногда в процессе развития шло стихийное изменение форм и методов формирования комитетов. Так, обсудив на общем собрании порядок выборов в заводской комитет, рабочие Симоновского механического завода решили усовершенствовать его. Первоначально комитет формировался напрямую всеми рабочими предприятия, в дальнейшем было признано более целесообразным представительство в комитете от отдельных участков и производств завода, что ещё значительнее приближало завком к нуждам рядовых тружеников⁸¹.

Существенные различия существовали также в количественном составе фабрично-заводских комитетов⁸². На Коломенском заводе, по воспоминаниям большевика-фаб-

завкомовца Петухова, в ФЗК входило всего 9 человек⁸³. В то же время на Бромлее количество членов комитета достигало 30⁸⁴, а на Военно-артиллерийском 200 человек⁸⁵.

Первоначально даже само название «фабрично-заводские комитеты» не было общепризнанным. Оно укрепилось в уже потом, перекочевав в сознание масс из манифестов и листовок. До этого же организации рабочего самоуправления могли носить самые разные названия. На оружейном заводе Тулы первое время действовал по старинке совет старост⁸⁶. На фабрике Райковской мануфактуры Иваново-Кинешемской промышленной области органом самоорганизации выступало собрание рабочих депутатов, а при фабрике т-ва Сенькова Пучежского посада работал Совет рабочих депутатов, совмещая фабричное и территориальное управление⁸⁷. Одновременно территориальные и заводские проблемы решал комитет рабочих Кашина в Костроме⁸⁸. На фабрике т-ва «П. Малютина сыновья» действовал заводской комитет рабочих депутатов⁸⁹, которому предшествовал Совет, также распространявший свою деятельность на город Раменок, на территории которого фабрика располагалась⁹⁰. Временный исполнительный комитет выполнял функции органа рабочей самоорганизации на Воскресенской мануфактуре в Нарофоминске⁹¹. На Мышенском заводе Тульской губернии орган рабочего самоуправления назывался просто завкомом⁹². На Тульском патронном заводе действовал Центральный заводской комитет, а также цеховые комитеты рабочих⁹³. Правлением коллектива именовали свой комитет рабочие т-ва Долматовской мануфактуры бумажных изделий, расположенной вблизи города Кинешмы⁹⁴. На фабрике т-ва на паях мануфактур А. Толчеевского и И. Трушина орган рабочего самоуправления в документах обозначался по-разному: месткомом, местным комитетом или даже просто комитетом⁹⁵. Та же ситуация была и на фабрике т-ва Шуйской мануфактуры⁹⁶. А вот на фабрике т-ва Шуйско-Тезинской мануфактуры местная организация рабочих так и функционировала под названием фабрично-заводского комитета, но поначалу это было скорее исключением, чем правилом⁹⁷. Такая же многоголосица в названиях звучала и в главном форпосте революции ЦПР – Москве. На предприятии бр. Крамер за местным органом рабочего представительства закрепилось название фабрично-заводского комитета Совета рабочих депутатов, на Военно-артиллерийском – Совета уполномоченных, а на Военно-промышленном – совета старост и т.д.⁹⁸

О стихийности и самостоятельности рабочей самодеятельности в первый период революции говорит и такой немаловажный факт, как существование большего числа распорядков, правил, уставов и прочих регламентирующих деятельность фабзавкомов документов, разработанных непосредственно рабочими. Подобные свидетельства нормативного творчества трудовых коллективов отразились в архивных материалах Тульского пулеметного⁹⁹ и оружейного¹⁰⁰ заводов, существовали регламентирующая документация у рабочих Цинделевской мануфактуры, Московского капсульного завода, фабрики Оловяшников, «автономные правила» были разработаны печатниками Москвы и Московского региона, на большинстве других заводов и фабрик ЦПР¹⁰¹. Какую-то организованность, структурность, по свидетельству членов и сотрудников ЦБ ФЗК, фабзавкомы обретают значительно позже, когда ЦБ ФЗК разработало и приступило к распространению проекта единого Устава рабочего комитета, в соответствии с которым начинают приводить уставы фабзавкомов на местах¹⁰².

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что первоначально фабзавкомовское движение представляло собой хаотичную, постоянно меняющуюся картину революционной вольницы низового пролетарского самоуправления. Разумеется, различные политические партии с самого начала революции активно предпринимали всё, чтобы фабзавкомы находились в сфере их влияния. Большевицкое руководство, к примеру, предприняло первую попытку

наладить своё лидерство над деятельностью низового рабочего представительства уже 27 февраля 1917 г., в листовке ЦК РСДРП (б) призвав рабочих «приступить немедленно на заводах к выборам в заводские комитеты»¹⁰³. Затем тот же лозунг 1 марта 1917 г. продублировали московские большевики, заодно порекомендовав организовываться по районам¹⁰⁴. Со схожими призывами к рабочим в первые недели революции неоднократно обращались и меньшевики¹⁰⁵. По их мнению, «революционные толпы» были «должны превратиться в революционные организации», к оформлению которых и следовало приступить с «лихорадочной последовательностью»¹⁰⁶. Уже 4 марта 1917 года в первом же номере газеты «Вперёд», органе московской меньшевистской организации, в передовой статье «Рабочие, организуйтесь» ставилась задача: «Надо покрыть Москву густой сетью рабочих организаций... Фабрично-заводские комитеты рабочего представительства и их районные советы, как опора для общегородского Московского Совета рабочих депутатов»¹⁰⁷. Пыталась взять под свой контроль самостоятельные рабочие организации и буржуазия, и даже Временное правительство, о чём свидетельствует вся государственная политика в рабочем вопросе до и после принятия закона о комитетах от 23 апреля 1917 г.

Проблема влияния партий на фабзавкомовское движение всегда была центральной для отечественной историографии, однако в ней она рассматривалась исключительно в связи со сроками и темпами большевизации фабзавкомов¹⁰⁸. Вероятно, ни один исследователь напрямую не задался вопросом, а поддавалась ли в принципе в тот момент народная стихия, организационно проявившись в возникновении и становлении фабзавкомов, какой-либо организующей воле, исходящей из одного или нескольких политических центров? Подчинить эту вольницу чьему-то влиянию было крайне сложно, подчас невозможно. Приводимые же в литературе факты партийного (прежде всего большевистского) влияния на первых этапах развития фабзавкомов отнюдь не характеризуют всего процесса в целом. Так, В. И. Селицким собраны очень интересные данные по газете «Правда», согласно которым в марте 1917 г. среди рабочих Путиловского завода расходилось до 1000 экземпляров этой газеты, на фабрике «Скорород» – 300, на Молитовской фабрике в Канавине – 200¹⁰⁹. Но, во-первых, общий тираж «Правды» тогда был 100 000 экземпляров, поэтому приводимые автором данные статистически малы для оценок (1-2%), во-вторых, численность рабочих на том же Путиловском была более 26 000 человек, и нет свидетельств, что большевистские и прочие газеты доходили до всех из них, в-третьих, *эти цифры показывают лишь агитационную мощь аппарата той или иной партии, а вовсе не результат пропаганды*. Ещё менее убеждают цифры роста партий, хотя бы потому, что высокая численность не являлась залогом успеха. Так, одна из сильнейших ячеек большевиков существовала на заводе бр. Бромлей, однако при организации завкома рабочие предпочли самостоятельно определить структуру и задачи своих органов самоуправления, большевистские же представители в завкоме длительное время были в меньшинстве¹¹⁰. В целом же в феврале 1917 г., когда процесс возникновения фабзавкомов уже разворачивался, численность только-только вышедших из подполья московских большевиков не превышала 600 человек, ещё малочисленней были и другие политические группы¹¹¹.

Словом, воля организовать «рабочую стихию» у политических деятелей периода революции была, и этот факт имеет широкое отражение в последующей историографии. Однако сами рабочие вовсе не спешили откликнуться на призывы, идущие «сверху», из чужой им среды политизированной интеллигенции. В этом плане нам представляется важным вывод, к которому в одном из своих исследований приходит В. П. Булдаков. Он полагает, что об отсутствии планомерности в организации фабзавкомов и о слабости влияния извне на этот процесс свидетельствует уже то немаловажное, но мало понятое исследователями обстоятельство, что в общероссийском масштабе рабочие объединялись по революционным меркам существенно

более медленно крестьянства. Правда, трудно согласиться с автором, что объединительные процессы в его среде были *инспирированы* эсерами, но фактор внешнего воздействия на первых этапах революции здесь существеннее и очевиднее¹¹².

Скорее можно констатировать обратный процесс влияния рабочего самоуправления на позиции отдельных партий. Если партиям и политическим течениям и удавалось склонить тот или иной фабзавком на свою сторону, то только при совпадении целей и установок. И. Батышев приводит пример успеха такой тактики, когда при прямой поддержке большевистской заводской первички фабком добился повышения зарплаты работницам и чернорабочим на Военноартиллерийском заводе. Большинство женщин и чернорабочих предприятия вскоре оказались самыми надёжными приверженцами большевиков¹¹³. Другой случай, рассказанный Батышевым, ещё более показателен. Вот как он рассказывает о выбранной большевиками тактике, когда тем понадобилось провести своих людей в завком: «... договариваемся о перевыборах завкома. Мотивы перевыборов выдвинули такие: в *завкоме мало представлено рабочих*, он не обеспечивает выполнения самых насущных требований, слабо вникает в повседневную жизнь завода»¹¹⁴.

Таким образом, отмечая рост большевистского влияния в фабзавкоммах, исследователи должны признать и то, что партийные лозунги большевики часто заменяли лозунгами рабочего самоуправления и завоёвывали большинство не только как представители партии, но и как наиболее авторитетные рабочие данного предприятия. Что именно авторитет, а не партийная принадлежность, был важнейшим при выборе комитета, признавал и сам Батышев¹¹⁵.

В одной из своих работ Л. Гапоненко приводит пример, который, казалось бы, свидетельствует об обратном. Она пишет о том, как на своём заседании 11 марта 1917 г. завком фабрики «Шеврохром» принимает решение, согласно которому фабком является ячейкой РСДРП(б). Однако, на самом деле этот случай стоит в том же ряду, что и названные И. Батышевым. Рабочие сами, добровольно приняли соответствующее организационное решение – поддержать близкую им по лозунгам политическую партию. Разумеется, большевистская партия, заинтересованная в росте своих рядов и влияния, не могла возражать и бороться против такого волеизъявления шеврохромовского рабочего комитета. Очень трудно представить себе обратный случай, а именно, чтобы большевистский (меньшевистский, анархо-коммунистический, синдикалистский, эсеровский и т.п.) комитет партии какого-нибудь завода вдруг провозгласил себя фабзавкомом и рабочие приняли бы это.

В принципе же на протяжении всего революционного периода, как после февраля, так даже и после октября, фабзавкомы проявили неожиданный иммунитет к любому внешнему влиянию. В этом смысле не безынтересно остановиться и на популярнейшем лозунге периода революции об установлении рабочего контроля над производством. Вопреки распространённому мнению, приписывающему его авторство большевикам, этот лозунг не содержался в программах политических партий и первоначально формировался в рабочей среде, а уже потом подхватывается радикальными социалистическими группировками. Требование рабочего контроля над производством, время от времени стихийно появлявшееся и в первые недели революции, становится центральным пунктом к середине апреля 1917 г., и лишь месяц спустя оно было официально закреплено I Петроградской конференцией фабзавкомов¹¹⁶. Впрочем, дело нельзя трактовать и так, что рабочие были совершенно невосприимчивы к партийной агитации, а сама партийная идеология строилась лишь под воздействием импульсов, идущих снизу. Чем мощнее становились партии, тем активнее вмешивались они в процесс формирования настроений масс. Но процесс этот никогда не являлся односторонним, а имел чётко выраженный комбинированный характер¹¹⁷.

3. Фабзавкомы и национальное в революции 1917 года

В отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения о причинах значительно более быстрого и широкого развития рабочего движения в году 1917 по сравнению с годом 1905, появления таких массовых и широко распространенных рабочих организаций, как фабзавкомы. Называются и приобретенный рабочими за прошедшие со времени первой революции годы опыт, и разработка Лениным теории социалистической революции, и революционизирующее воздействие войны, и существование у рабочих к тому времени зачатков рабочей самоорганизации в виде рабочих секций при ВПК, профсоюзов, больничных касс, кооперации, стачкомов, старостата и прочих аналогичных организаций, и даже развитие в России монополистического капитала. Применительно к 1917 г. называются такие причины, как организаторская деятельность большевиков, саботаж или бегство предпринимателей, недостатки организационной структуры профсоюзов, препятствовавшей объединению рабочих одного предприятия¹¹⁸.

Действительно, часть из перечисленных обстоятельств могла так или иначе отразиться на процессе возникновения либо дальнейшего становления фабзавкомовского движения, но и она нуждается в серьёзном переосмыслении. Во-первых, численность существовавших в годы войны и до неё рабочих организаций была невелика, а связи этих структур с рабочими массами оставались достаточно ограниченными. Сами по себе они ещё не могли стать опорой для того всплеска рабочей активности, которым сопровождалась революция 1917 г. Во-вторых, влияние капиталистической фабрики на самоорганизацию рабочих носило далеко не один лишь положительный характер. Ещё в начале века в политических дискуссиях внутри российской социал-демократии высказывалось справедливое мнение, впоследствии полностью проигнорированное в отечественной историографии как антиленинское, что угнетение здесь дополняется *казарменной* дисциплиной и *разобщённостью*, основанными на конкуренции между рабочими, – ни то, ни другое не то что не способствовало возникновению в рабочей среде навыков самоорганизации, а существенно тормозило их развитие¹¹⁹. Влияние же войны тоже могло дать рабочим мало чего положительного, кроме растущего радикализма, но *радикализм сам по себе никогда не ведёт к проявлению созидательных инициатив*.

Наконец, вряд ли правомерно сравнивать ситуацию, в которых действовали рабочие организации в 1905 г., с той, которая складывается в 1917 году. Известно, что фабрично-заводские комитеты существовали и в период революции 1905-1907 гг., и что уже тогда их создание приветствовалось российской социал-демократией¹²⁰. Но, как признавали некоторые современники, в частности один из лидеров Центрального Совета ФЗК Петрограда Н. Скрыпник, «рабочие комитеты 1905-1907 ... явление совершенно другого порядка, чем заводские комитеты, которые существуют в настоящее время»¹²¹. Различие между рабочими комитетами 1905 и 1917 г., которое очень чутко почувствовали участники событий, определялось различиями в характере самих революций. Между двумя русскими революциями существовала принципиальная разница, заключающаяся в *факторе падения в 1917 г. самодержавия*¹²². Разрушение господствовавшей многие десятилетия государственной организации самым решительным образом повлияло на условия развития рабочего самоуправления. Именно в этом следует искать причины такого быстрого, по сравнению с 1905 г., и более массового и глубокого развития рабочих организаций в 1917 г.

Теперь, с крахом царизма, прежде подавляемая инициатива гражданского общества получает полный простор для самореализации. Начинается бурное развитие органов местного самоуправления,

в том числе и пролетарского. Отмечаемое всеми исследователями 1917 г. массовое развитие фабзавкомов, как представляется, было одним из проявлений *революции самоуправления*, о которой говорилось выше. Причём, одним из наиболее массовых и глубинных её проявлений. Поскольку же падение самодержавия кроме всего прочего означало ещё и кризис центральной власти, то подобное усиление организаций местного самоуправления носило положительный характер. На период, пока государство не восстановило свою значимость, самоуправление было естественной альтернативой хаосу и развалу. В том, что развитие событий не пошло по худшему сценарию, большая заслуга принадлежит гражданским общественным институтам, в том числе и органам самоуправления рабочих. Начавшись, процесс их образования шел уже лавинообразно, быстро заполняя вакуум власти, образовавшийся в системе «человек-общество» после обвального кризиса и обрушения империи, цементируя то, что ещё представлялось возможным спасти от окончательного разложения.

Но откуда же рабочее самоуправление взяло силы для столь стремительного развития? Представляется, что в 1917 г. расцвет рабочего самоуправления происходит не на пустом месте. Переходу пролетариата к самоуправлению способствовали традиционные для России стереотипы социального поведения. И если в деревнях сразу же после падения царизма сходь старост восстанавливают в правах традиционный крестьянский мир¹²³, то в фабрично-заводских цехах национальное начало пробивает себе дорогу как раз через деятельность рабочих, фабрично-заводских комитетов.

Следует подчеркнуть, что, говоря о национальной специфике фабзавкомов, рабочего самоуправления в целом, мы имеем в виду содержание, а не форму. Форма же как раз была в значительной мере интернациональной: схожие кризисные процессы, вызванные мировой войной, повсюду в Европе привели к образованию организаций, внешне тождественных фабзавкомам¹²⁴. Об этой множественности возникших тогда в воюющих державах фабрично-заводских организаций много писала в 1917-1918 гг. российская фабзавкомовская печать. В ней публиковались сообщения об инициативах «братьев по классу» в США, Испании, Японии и других государствах¹²⁵. Обобщался зарубежный опыт и на конференциях фабзавкомов. Например, на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов о производственных советах Германии докладывал Ю. Ларин¹²⁶. Но уже тогда настрой провести если не полную аналогию, то хотя бы частичную параллель между российскими и зарубежными фабзавкомами во многом *был преодолен* - слишком разными путями шли рабочие разных стран к своим новым организациям¹²⁷.

В западной науке наличие национальных особенностей в путях формирования и характере рабочих объединений разных стран - пусть и не повсеместно, но признанный факт. Об этом пишет, например, один из крупнейших авторитетов в области изучения демократических институтов Д. Сцелл. В качестве исторического фундамента для рабочих союзов в Западной Европе он называет городскую цеховую структуру средневекового ремесла¹²⁸. В своих подходах Сцелл не одинок. Созвучные мотивы можно видеть в очерке истории европейского рабочего класса В. Абендона¹²⁹. То же касается и историков, описывающих события в конкретных странах, в частности революционное рабочее движение 1917 г. на Британских островах. По их оценкам, во всех выступлениях рабочих в то время, будь то стихийные вспышки или широкое движение шопстюартов, так или иначе проявилось глубокое национальное своеобразие английского рабочего движения¹³⁰. Характерно, что само слово шопстюарт (англ. shop-stewards), обычно трактуемое в отечественной литературе как «заводские старосты», на самом деле переводится как «управляющий цеха (мастерской)», что уже само по себе показывает различие между двумя вроде бы похожими институтами фабричного старостата, по крайней мере, различие в их восприятии рабочими Англии и России. Не случайно получившие в первой

четверти XX века в Англии теории «самоуправленческого» социализма назывались теориями **гильдейского социализма**. Идеалом для молодых интеллектуалов, выдвинувших эти идеи, были национальные особенности развития британского рабочего класса, уходящие корнями в цеховое, гильдейское средневековье¹³¹. Очень интересно в этой связи напомнить и позицию лидера российского крестьянского социализма В. М. Чернова. В своём главном теоретическом труде по теории социализма, уже в эмиграции обобщая опыт и всемирное значение революции 1917 г., он писал, что «гильдейский социализм» – понятие чисто английское, и что понять его можно только принимая в расчёт экономические, политические и даже культурно-исторические условия Англии, что он является дальнейшим логическим развитием «старо-английского индивидуализма»¹³².

Такую же картину рисуют специалисты по истории Германии, Италии, Франции и других стран¹³³. Важно отметить, что признают западные историки и специфику рабочего движения России¹³⁴, в том числе влияние на неё национальных, общинных корней¹³⁵. Особенно показательно сравнение России 1917 г. с революционной Испанией 1936-1939 гг. Эти две европейские державы объединяет очень многое. И там, и там в момент революции народы находились на марше от аграрного общества к индустриальному. И там и там была высока роль религии и прочих институтов традиционализма. Обе страны отстали в своём экономическом развитии в результате неблагоприятной внешнеполитической ситуации. Всё это, казалось, предполагало, что и формы революционного самоуправления в этих странах проявят много общих черт. И действительно, в годы революции в Испании возникают органы самоуправления фабзавкомовского типа – «ассамблеи» и т. и. Но в Испании в основе рабочего и даже крестьянского самоуправления лежали опять-таки индивидуалистические начала. Это вело к разобщённости, часто преуспевающие коллективы не желали помогать отстающим, конкуренция существовала не только между разными коллективами, но и в отношениях рабочих одного коллектива¹³⁶. В России же подобное если и встречалось, то в исключительных случаях и подвергалось моральному осуждению¹³⁷. Как ни запугивали руководители профсоюзов рабочих неизбежной рознью между фабзавкомом отдельных предприятий в случае поступательного развития рабочего контроля над производством, в ощутимых масштабах это явление так и не возникло.

Таким образом, главным в специфике фабрично-заводских пролетарских учреждений Запада была их кровная связь с цеховыми традициями средневековья. Поэтому там развитие рабочего движения шло от индивидуализма к корпоративизму. На этом пути западноевропейские фабзавкомы являлись хотя и важным, но не последним шагом. Отсюда и слабость этих органов, склонность к местничеству и компромиссам. Их дееспособность определялась прежде всего зрелостью пролетарского движения, а не какими-либо привносимыми факторами общекультурного плана.

Иначе дело развивалось в России. Основой здесь изначально выступал не индивид, а локальное общество, коллектив¹³⁸. Традиции же коллективизма уходили корнями в русскую земельную общину, что уже в XIX веке стало осознаваться представителями русской интеллигенции, такими, как Н.А. Карышев¹³⁹, А. Н. Энгельгардт¹⁴⁰, И. И. Каблиц и др.¹⁴¹ Даже такой последовательный приверженец насильственным формам преобразования общества, как П. Ткачёв, писал: «Каковы же общественные идеалы нашего народа. . . Его общественный идеал – самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не право частного владения землёй, круговая порука, братская солидарность всех членов общины – одним словом, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком»¹⁴². Важную роль общины, коллективизма признавали и общественные деятели, далекие от коммунистических увлечений Ткачёва. Так, автор фундаментального труда об особенностях русской нацио-

нальной экономической модели князь Васильчиков видел в общине будущее развитие свободной России, хотя и считал её вершейшей «прививкой от коммунизма»¹⁴³.

Важно, что уже тогда экономисты задумывались над проблемой трансформации общинных традиций и приспособлении их к условиям современной промышленности, к стоящим перед Россией потребностям социально-экономической модернизации. «Общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства... – полагал, к примеру, экономист Н. Даниельсон, – научное земледелие и современную крупную промышленность нам приходится прививать к общине и, в то же время, настолько изменить её, чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной русской промышленности и для преобразования её из капиталистической формы в общественную»¹⁴⁴.

Не только славянофилы, а за ними и народники считали основой российского общества этот социальный институт, но и К. Маркс видел путь России к социализму через общину. Ему, в частности, принадлежит следующее высказывание: «Если революция (в России) произойдёт в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя *вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя*»¹⁴⁵. Как противники, так и сторонники общинности признавали, что традиции мира пронизывают всё российское общество, и в этом видели своеобразие русского исторического пути.

Но насколько правомерно говорить об общинном влиянии на поведение российского пролетариата в условиях, когда страна уже давно входила в первую десятку наиболее развитых промышленных государств, причём имея самую высокую концентрацию пролетариата в мире? Русские ученики и последователи Маркса, к примеру, не готовы были признать столь далеко идущих оценок своего учителя. Известна почти детективная история, как верхи русской социал-демократии пытались скрыть от партии рукопись Маркса о важной роли общины. Г. Плеханов и В. Засулич не только умолчали о ней, но и всегда отрицали её существование. Рукопись «нашлась» только в 1923 г., хотя есть данные, позволяющие говорить, что с её содержанием были знакомы Д. Рязанов, Н. Бухарин и, видимо, другие вожди¹⁴⁶.

На наш взгляд, правы были всё же К. Маркс, А. Хомяков, П. Ткачёв, В. П. Воронцов и другие деятели, видевшие и понимавшие подлинную роль русской общины для истории государства¹⁴⁷. Сила влияния её традиций на революционное движение русских рабочих в 1917 г. может быть объяснена не только некими «ментальными особенностями» русского народа (на чём мы ещё остановимся подробнее ниже), но и вполне материалистическими фактами, а в частности, теми глубокими и всесторонними связями, которые существовали между рабочими и их крестьянскими корнями. У российского же крестьянства историческая традиция общинности и коллективизма не прерывалась никогда, что нашло широкое отражение в литературе, в том числе в развивающейся в последнее время теории «общинной революции» применительно к революции 1917 г.¹⁴⁸ И если посмотреть на влияние русского села на городской пролетариат не с классово-экономической, а цивилизационной точки зрения, обнаружится, что многие действия рабочих в период кризиса 1917 г. продиктованы традиционными для России навыками коллективизма.

Не следует вообще упускать из виду тот факт, что революция не замыкалась одним Петроградом с его мощными профсоюзами западного типа и прочими атрибутами «индустриализма» и «либеральной просвещённости». Как писали по этому поводу Н. Бухарин и Е. Преображенский: «не все рабочие таковы, как в Питере». И поясняли свою мысль самым недвусмысленным образом: «Много есть рабочих, совсем ещё недавно пришедших в город. Они во многом думают так же, как и крестьяне, и *вместе с ними ошибаются*». Своё неудовольствие

по этому поводу Н. Бухарин и Е. Преображенский поясняли тем, что «само собой разумеется, что это обстоятельство ... затрудняет осуществление *наших задач*»¹⁴⁹.

Не могло не сыграть свою роль и широкое распространение перед революцией *артельного движения*. В 1915 г. Министерство торговли и промышленности распространило «Справочник об артелях трудовых». Справочник этот был далеко не полным: он включал в себя лишь артельные предприятия, имевшие официально утверждённый устав, тогда как большинство российских артелей в этот период по старинке действовало без всяких уставов. В справочнике значилось 507 артелей, из которых наибольшее количество было за артелями грузчиков и крючников – 53, за ними шли посыльные и носильщики – 31, строительные рабочие – 25, маляры – 24. Отдельно значились производственные товарищества: 29 – транспортников, 29 – по обработке металлов и изготовлению орудий и машин, 28 – по изготовлению одежды, 27 – по обработке дерева, 19 – ювелирных, 15 – сапожных, 8 – переплётные и типографские. Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых на первом месте шли сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9, столярные – 6. Были в этом справочнике названы также артели чертёжников, техников, землемеров, монтеров, водопроводчиков, газетчиков, бухгалтеров, конторщиков, театральных капельдинеров, парикмахеров, дворников, полотеров, печников, портняжных и т. д.¹⁵⁰

Герцен называл артели передвижными общинами. И это была не просто метафора. Артели строились по схожим принципам, что и крестьянский мир. По наблюдению А. Н. Энгельгардта, артель, подобно общине, позволяла соединить личный хозяйственный интерес с навыками коллективной организации труда¹⁵¹. Значительное количество рабочих успело до революции пройти эту школу трудовой самоорганизации.

Общинно-артельные корни значительного процента промышленных рабочих являлись как бы непосредственной базой оживших в рабочей среде в переломный момент традиций трудовой демократии и самоорганизации. Рабочим, противостоящим попыткам фабриканта закрыть предприятие или уволить недовольных, не приходилось долго раздумывать, как организовать себя для самозащиты. От одной до двух третей рабочих с детства усвоили основные механизмы деятельности самоуправления в их общинно-артельном варианте. Самоуправление в условиях новейшей капиталистической фабрики, естественно, не то же самое, что саморегулирование в условиях полунатурального крестьянского хозяйства, но психологическая и генетическая связь между российским пролетариатом и деревенским миром была жива и оказывала своё влияние.

В этой связи важно коротко упомянуть ещё одно обстоятельство, не увиденное историками, но точно угаданное царскими властями: «Положение о выборах в Государственную Думу» от 3 июня 1907 г. в пятой главе содержало особый раздел – «*О производстве выборов уполномоченных на волостных сходах, станичных сборах и от рабочих на фабриках и заводах*». Отдельные параграфы, содержащиеся в нём, однотипно рисовали механизмы самоорганизации и для сельского схода и для рабочего коллектива. Процесс формирования гражданского общества как бы получал национальную окраску. Законодатель закреплял существующую практику, лишь косметически подгоняя её под требования нового парламентского уклада власти. Из анализа этих положений закона вытекает два вывода. Во-первых, в начале века параллели между общиной и рабочей самоорганизацией были столь глубоки, что нашли воплощение в законах империи. Во-вторых, участие в выборах в четыре Думы закрепили в сознании даже тех рабочих, кто имел слабую связь с селом, уже выверенные законодателями нормы формирования представительства. Сочетание социальной памяти с социальными навыками и послужило той питательной средой, которая позволила рабочему представительству 1917 года занять своё важное место в революционном потоке.

Характерно, что консерваторы из царского окружения, пусть и в усечённом виде, закладывали в закон такие положения, которые напрочь отсутствовали в программах российских либеральных оппозиционеров. Парадоксально, однако, что то же самое можно сказать и о традиционалистских группировках. Они либо отделялись общими положениями о развитии «национального народного труда», как это делала Русская монархическая партия, либо, как в платформе Союза русского народа на выборах во II Государственную думу, включали несколько второстепенных пунктов о развитии рабочих и промышленных артелей и товариществ. Впрочем, это вряд ли следует считать случайным – главное богатство страны и главную основу её экономики черносотенцы видели в сельском хозяйстве¹⁵².

При более широком изучении миграционных и других базисных процессов в российском обществе рубежа веков специфика эта может оказаться и не столь уж разительной, а выводы, полученные, например, для Сормова или Вичуги, могут помочь разобраться с социальным движением пролетариата 1917 года не только в ЦПР. Во всяком случае, имеются факты, свидетельствующие о сильном воздействии крестьянских корней на рабочих Российского Черноземья, Поволжья, Урала, да и других регионов страны.

В борьбе за «фабричную конституцию»

4. Задачи выживания

Процесс трансформации низовых рабочих комитетов в органы самоуправления не был единовременным. Не сразу разобрались в природе фабзавкомов и политические лидеры революции. Например В. И. Ленин, один из немногих, кто понимал важность рабочего самоуправления, первоначально представлял рабочий контроль в виде вооруженных отрядов. Вернувшись в Россию, он отдал предпочтение Советам, и лишь на рубеже мая – июня начинает признавать возможность самоуправления непосредственно на производстве – через профсоюзы и фабзавкомы¹⁵³. То есть первоначально Ленин видел движение за рабочее представительство в западноевропейском его понимании – как орудие давления на буржуазию.

Переориентации на фабзавкомы Ленина и других наиболее радикальных деятелей тогдашнего политического спектра способствовало два обстоятельства. Первое из них носило чисто внешний характер и было связано с той не очень радужной для радикалов ситуацией, которая складывалась в прочих структурах рабочего движения в первые революционные месяцы. Так, рабочая кооперация не ставила перед собой каких-либо производственных задач, всегда выступая в качестве только торгового посредника¹⁵⁴. Что касается профсоюзов, то они, согласно данным отдела труда Моссовета, на конец весны – начало лета 1917 г. были ещё слишком слабы, чтобы «брать на себя руководство экономической борьбой»¹⁵⁵. Сам же Моссовет по своему составу также не мог возглавить борьбу за рабочее самоуправление. Более того, на одном из своих пленумов, состоявшемся 16 июня 1917 г., он принимает решение, по сути направленное против рабочего контроля и заметно осложнявшее развитие самоуправления. При этом подобное решение сложно считать изолированным актом. По мнению современников, оно являлось прямым следствием всей политики соглашательского большинства Моссовета на протяжении весенних месяцев 1917 г.¹⁵⁶ Такой расклад сил, при благоприятном стечении обстоятельств, и мог бы выдвинуть фабрично-заводские комитеты на передовые позиции, поскольку они имели гораздо более широкую социальную базу, чем профсоюзы, более многообразные функции по сравнению с кооперацией и, наконец, были обременены *гораздо меньшей ответственностью*, чем Советы.

Вторым обстоятельством, побуждавшим левые группировки от социал-демократов интернационалистов до анархо-синдикалистов внимательно присматриваться к развитию фабзавкомов, было само их внутреннее развитие, связанное с борьбой рабочих отдельных предприятий за свои экономические и социальные права. Эта борьба получила в отечественной историографии широкое освещение¹⁵⁷, о том, как её динамика и результаты сказывались на становлении фабрично-заводских комитетов в качестве особой, *самостоятельной формы рабочего самоуправления*, речь фактически не велась. В этой связи правомерно возникает вопрос об основных закономерностях и направлениях эволюции фабзавкомов. В каком направлении могло двигаться их развитие и каковы его механизмы?

Большинство исследователей, писавших о деятельности фабзавкомов в марте – апреле 1917 г., сходятся во мнении, что круг направлений деятельности фабзавкомов в этот период был достаточно узок. Предварительные подсчёты показывают: в первые месяцы революции, выполнив свою роль стачкомов¹⁵⁸, лишь около 10-15% заводских комитетов решали вопросы, связанные с управлением и жизнеобеспечением предприятий. Как замечает Д. Мандель, приметой февраля на заводах являлось всего три ключевых требования: удаление неугодных членов прежней администрации, 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты. В понимании

рабочих, эти требования, считает историк, составляли непреложную часть установления революционного порядка¹⁵⁹. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Требования эти имели не только политическую окраску. Можно без особых натяжек утверждать, что в ряде случаев речь шла о выживании целых коллективов рабочих.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее важным, не терпящим отлагательства был вопрос о справедливой оплате труда. Борьбу за выполнение этого требования обостряло два обстоятельства. Первое из них – экономическое. Реальная заработная плата за годы войны упала так низко, а цены поднялись так высоко, что для некоторых категорий рабочих реальной была угроза нищеты. Журнал «Металлист» в те дни писал, что заработок чернорабочих, например, едва покрывал прожиточный минимум, «опускаться ниже которого – значит голодать»¹⁶⁰. В цифровом выражении, по данным комиссии из представителей Московской торговой палаты и Московского отделения Министерства труда, пищевые продукты за годы войны вздорожали на 556%, что на 51% больше роста за тот же период оплаты труда¹⁶¹. По другим данным, составленным экономическим отделом Московского Совета рабочих депутатов, рост цен на промышленную продукцию и товары первой необходимости составил 1109%. Согласно подсчетам П. В. Волобуева и Б. М. Фрейдлина, реальная заработная плата в московской промышленности составляла в среднем 50–60% довоенной¹⁶². В пользу таких выводов говорят данные и по отдельным предприятиям. На металлообрабатывающем заводе Гужона зарплата рабочих составляла всего 53% довоенной¹⁶³.

Вторым же обстоятельством было то, что, выдвигая требование увеличить оплату труда, рабочие тем самым осуществляли своё завоёванное годами нищеты и подневольного положения право на жизнь, достойную рабочего человека и свободного гражданина, о чём прямо писала рабочая печать того времени¹⁶⁴.

Требования повысить зарплату выдвигаются фабриками текстильщиков Орехово-Зуева, Богородска, Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи¹⁶⁵. Столкновения с предпринимателями произошли вокруг этого требования, например, на бумагольноткацкой и аппаратно-отделочной фабрике М. И. Колмазина. Фабрикант отказался повышать зарплату, а заодно выразил несогласие «вносить в кассу общества при клубе рабочих» дополнительные средства. Он попытался закрыть фабрику и обратился за поддержкой в Совет Общества шуйских фабрикантов и заводчиков¹⁶⁶. На защиту рабочих выступил Шуйский исполком СР. и СД., в своём письме рабочим призвавший их добиваться увеличения заработной платы и улучшения условий жизни. Рабочим в результате их активности удалось достичь ощутимых результатов и увеличить размер зарплаты в среднем в два раза. У ткачей она выросла с 30 до 50–58 рублей в месяц, а у слесарей, токарей и кочегаров соответственно с 60–100 до 100–160 руб., с 70 до 120 руб., с 50 до 90 руб. в месяц¹⁶⁷. Потребовали повысить зарплату мастеровые фабрики Кокушкина, о чём её хозяин также жаловался в Шуйское Общество фабрикантов и заводчиков, прося совета¹⁶⁸. Вызвал трения вопрос о зарплате между рабочими и администрацией Тульского патронного завода. На стороне владельцев выступили и служащие предприятия. Конфликт удалось урегулировать лишь после удовлетворения претензий завкома¹⁶⁹. В конце марта – начале апреля требования о повышении заработной платы предъявили рабочие завода Гакентала. Когда хозяин отказался их удовлетворять, он был посажен под домашний арест, под которым ему пришлось просидеть 8 часов. После этого все условия рабочих были выполнены¹⁷⁰.

Не всегда, но такие случаи тоже были, борьба за справедливую оплату труда имела ещё одну подоплёку, кроме борьбы за выживание, о чём свидетельствует ситуация, сложившаяся на заводе Густава Листа. Это был один из немногих заводов, весь период революции, голода и разрухи работавший без существенных сбоев. По мнению самих рабочих, входивших в комис-

сию по подготовке десятилетнего юбилея революции, причина этого была в сознательности основного трудового ядра заводчан¹⁷¹. По заведённому на заводе самими рабочими порядку, их заработок на протяжении всего революционного времени увеличивался в соответствии с ростом производительности труда¹⁷².

Фабзавкомы выступали и против косвенных форм ограничения заработков на своих предприятиях. Решения об отмене штрафов были приняты фабрично-заводским комитетом Шуйско-Тезинской мануфактуры. Когда же администрация попыталась выписывать рабочим штрафы в обход комитета, фабком принял меры репрессивного характера по недопущению впредь ничего подобного¹⁷³. Другой случай произошёл на московской фабрике акционерного общества «Русская электрическая лампа». В июле 1917 г. фабком этой фабрики потребовал от Моссовета ограничить прибыли предпринимателей, подчеркивая, что прибавки к зарплате «не могут улучшить материальное положение рабочих»¹⁷⁴. Таким образом, в требованиях фабрично-заводских комитетов зазвучало посягательство на святая святых капитала – прибыль.

В предпринимательской среде требования рабочих повысить заработную плату были восприняты как проявление «безумных социальных экспериментов» и «рабочего анархизма»¹⁷⁵. Особенно усилилось сопротивление претензиям рабочих к лету 1917 г. Московское общество объединенной промышленности вынуждено было пойти даже на неординарные шаги, разослав всем районным обществам промышленников письмо, в котором требовалось: «Если отдельные фирмы будут в заработках превышать соседние, то против них принять меры, так как это совершенно недопустимо». Обо всех неподчинившихся рекомендовалось «сообщать» правлению Общества¹⁷⁶.

Не меньшую, чем борьба за повышение зарплаты роль в формировании фабзавкомов многие исследователи отводят их организационным усилиям по установлению на производстве 8-часового рабочего дня¹⁷⁷. И действительно, обосновывая необходимость 8-часового рабочего дня, заводской комитет Варшавского арматурного завода заявлял, что 8-часовой рабочий день позволит рабочим принимать участие в деятельности органов рабочего представительства, а следовательно, будет способствовать духовному развитию пролетариата. 8-часовой рабочий день, по мнению членов этого фабзавкома, должен был стать «первой ступенью к прочной сознательной организации»¹⁷⁸. Тот же подход прозвучал в наказе собрания рабочих Замоскворечья 4 марта 1917 г. – то есть в самые первые дни революции. Манифестанты, обращаясь к своим представителям в Советах, подчеркивали, что участвовать в строительстве новой России должен весь народ, а следовательно, работа пролетариев должна оставлять им силы для выполнения их гражданских обязанностей. Поэтому рабочие считали возможным прекратить начатую ранее забастовку и приступить к работе лишь в случае введения 8-часового рабочего дня с сохранением зарплаты и запрещением без чрезвычайной необходимости сверхурочных работ¹⁷⁹.

В вопросе о 8-часовом рабочем дне Московский городской Совет первоначально занял позицию даже более революционную, чем Петросовет. Так, 1 марта 1917 г. он призвал продолжать борьбу, допуская выход на работу лишь тех рабочих, от которых зависело жизнеобеспечение города. Забастовка должна была продолжаться, «по тем соображениям, что победа народа ещё не окончательно закреплена, и прекращение забастовки может повлечь к возрождению старой власти». Но уже 6 марта подход Моссовета меняется. Вопреки настроениям рабочих, руководство Моссовета принимает решение о возобновлении работ 7 марта 1917 г., обставив своё решение различными революционными и патриотическими призывами¹⁸⁰.

Рабочие подчинились, так как доверяли Советам. Но уже в тот же день отдельные депутаты сигнализировали, что рабочие решением Моссовета недовольны. Представитель Замоскворечья доводил до сведения представителей других районов, что рабочие ропщут: «Това-

рищи, где же лозунги, которые были написаны на нашем знамени, где же требования и где результаты, которые мы получили после окончания забастовки?» Сложная обстановка складывалась и в Пресненском районе¹⁸¹. Ситуация на местах обсуждалась Исполкомом Московского Совета неоднократно. Представители районов сообщали, что у них введение 8-часового рабочего дня происходит стихийно, без санкции Советов. В Пресненском районе, например, так поступили к тому моменту уже на трети фабрик, а на остальных протестовавшие рабочие с трудом сдерживались членами Совета рабочих депутатов от каких-либо радикальных самостоятельных действий до принятия соответствующего решения централизованно. Представители других районов прямо заявляли: «При отрицательном решении Советом рабочих депутатов вопроса о восьмичасовом рабочем дне он будет введён явочным порядком»¹⁸².

Так и случилось. О том, как проходила борьба за сокращение количества часов, проводимых рабочими у станка, рассказывает рабочий завода Гужона Н. И. Егоров. Первоначально владделец не только отклонил требования завкома, но и вывесил объявление: работать 12 часов вместо десяти. «Тогда рабочие решили сами перейти на восьмичасовой рабочий день, – вспоминает Егоров, – так и сделали»¹⁸³. Среди других заводов, где 8-часовой рабочий день устанавливается уже вскоре после победы Февральской революции, были заводы Михельсона, Военно-артиллерийский, Густава Листа, Моска, Доброва и Набгольца, Пэлка, Хлебникова и многие другие предприятия Благуше-Лефортовского, Бутырского, Замоскворецкого, Пресненского районов. До 18 марта 8-часовой рабочий день функционировал уже на 300 предприятиях Москвы¹⁸⁴. Но это не означало окончательной победы органов рабочего представительства. Продолжалась борьба за меньшие нормы рабочего времени и позже: так на Первомайской демонстрации знамя заводского комитета завода бр. Бромлей украшал лозунг: «Мы требуем декрета о 8-часовом рабочем дне» – рабочие хотели не только фактического, но и юридического закрепления своих прав¹⁸⁵.

Задержка решения о 8-часовом рабочем дне со стороны Моссовета вызывала у рабочих чувство протеста и недоверия. В своей резолюции рабочие завода Михельсона, как и некоторых других предприятий, прямо говорили о том, что Совет отстаёт от революционного потока, требуя от «депутатов вынести резолюцию», а от Временного правительства «поставить своей штампель»¹⁸⁶.

Аналогичную позицию занимали не только отдельные фабзавкомы. Требование 8-часового рабочего дня прозвучало 4 марта на собрании 36-ти фабрик Замоскворечья¹⁸⁷. В одном из «большевистских» районов Москвы – Лефортовском, объединяющем до 30 000 рабочих, 17 марта была принята особая резолюция, в которой утверждалось, «что лозунг о 8-часовом рабочем дне является также политическим лозунгом», и что «только полное раскрепощение рабочего класса от тяжести изнурительной работы может дать возможность рабочему классу стоять на страже интересов своего народа». Резолюция, правда, не поясняла, почему рабочий класс не может «стоять на страже интересов» на своём рабочем месте, выдавая необходимую продукцию¹⁸⁸.

Активность трудящихся не могла больше не учитываться руководителями Моссовета, и 18 марта они вновь возвращаются к рассмотрению вопроса о сокращении рабочего дня. На пленуме Совета представители районов категорически утверждали, что если Моссовет не примет решение о 8-часовом рабочем дне, то с ним никто не будет считаться, и престиж Совета окажется подорванным. А представитель завода Густава Листа так и заявил, что «рабочие не могут простить Совету прекращение политической забастовки до введения 8-часового рабочего дня»¹⁸⁹. В результате Моссовет принимает решение о сокращении времени работы до 8 часов в сутки начиная с 21 марта 1917 года на всех предприятиях города, после которого фаб-

завкомы устанавливают 8-часовой рабочий день на Цинделевской мануфактуре, заводе Износкова, «Динамо», АМО и прочих предприятиях¹⁹⁰.

После принятия этого постановления Московского Совета можно было ждать, что переход на 8-часовой рабочий день в дальнейшем пройдёт без особых потрясений. Надежду вселяла и позиция магнатов торгово-промышленного Петрограда, заключивших с Петросоветом и профсоюзами соглашение о сокращении рабочего дня¹⁹¹. Меншевистская «Рабочая газета» по этому поводу писала: «Массовая политическая сила заставила представителей капитала сдать одну из своих экономических позиций»¹⁹². Однако петроградская буржуазия и сама полагала, что «введение 8-часового рабочего дня – лучшая гарантия дальнейшего духовного роста рабочего класса» и появившееся у них время пойдёт на самообразование и развитие профсоюзов, целью которых должно было стать «установление справедливых и упорядоченных отношений» между трудом и капиталом¹⁹³.

Но совсем по-иному повела себя буржуазия Центрально-промышленного района, и особенно Москвы, ставшая основным ядром сопротивления 8-часовому рабочему дню. Третьяков, например, позднее признавался, что ещё 3 марта на одном из совещаний у министра торговли и промышленности Коновалова он категорически заявлял, что 8-часовой рабочий день является, «по крайней мере с точки зрения Москвы, неприемлемым»¹⁹⁴.

Острые конфликты по поводу сокращения рабочего времени были на целом ряде московских предприятий: заводе «Мотор», фабрике Ганзена, заводе «Поставщик» и других¹⁹⁵.

Помимо увольнений и локаутов, в борьбе с сокращением рабочего дня московской буржуазией активно использовалась патриотическая пропаганда. Газеты «Русское слово» и «Русские ведомости», например, утверждали, будто некоторые воинские части против сокращения рабочего дня¹⁹⁶. Правление завода Гужона вывесило «Объявление», в котором говорилось, что принятие 8-часового рабочего дня «противоречит долгу всего народа напрячь свои силы», а также «долгу перед нашими доблестными союзниками» и «доблестной армией»¹⁹⁷. Московский торгово-промышленный комитет предупреждал о возможном сокращении товаров на внутреннем рынке и росте цен – и все это из-за 8-часового рабочего дня. Комитет промышленников выступал «в защиту общественных идеалов пролетариата», поскольку теперь пролетариату Запада придётся работать и за Россию при рабочем дне, значительно превышающем 8 часов¹⁹⁸. Иногда, правда, пропаганда была более продуманной и прагматичной. Например, свои «возвышенные» призывы к патриотизму в развешенном по всему заводу «Объявлении» правление товарищества мануфактур Савы Морозова не забыло подытожить: харчи по-прежнему будут отпускаться по пониженным, против существующих, расценкам, – дескать, хотите есть, будьте патриотами и забудьте о всяких нелепостях, типа 8-часового рабочего дня¹⁹⁹. Подобная тактика буржуазии, как правило, имела обратный результат. В протоколах Исполкома Моссовета сохранилось выступление офицера-фронтовика 34-го Севского пехотного полка, доходчиво и на примерах рассказавшего о недовольстве армии попыткой натравить её на рабочих²⁰⁰.

Борьба за 8-часовой рабочий день шла не только в Москве, но и в других городах ЦПР. Так, в Шуе введением 8-часового рабочего дня занимались фабзавкомы не только отдельных предприятий, но и Союз фабрично-заводских комитетов города, решив этот вопрос 15 апреля в пользу рабочих²⁰¹. За введение 8-часового рабочего дня и против клеветы об эгоизме рабочих выступил Совет старост Тульских меднопрокатных и патронных заводов. В обращении, подписанном членами президиума Совета И. Каптельцевым, А. Колыхановым и А. Котлером, однозначно поддерживались рабочие, выступавшие за немедленное сокращение рабочего времени²⁰².

Упорное сопротивление по вопросу о продолжительности рабочего дня встретили рабочие многих предприятий Иваново-Вознесенска – фабрики А. И. Бурляева-Курочкина и сыновья, фабрики т-ва Волжской мануфактуры, бумаготкацкой фабрики Ф. С. Пелевина, предприятия Е. Барановой²⁰³.

Как и в Москве, в остальных городах ЦПР важную роль в сокращении продолжительности рабочего дня сыграли Советы рабочих депутатов. Так, в Иваново-Вознесенске и примыкающих к нему мелких городках и посёлках выступления за 8-часовой рабочий день со стороны фабрично-заводских комитетов координировались местными Советами²⁰⁴. В Ярославле уже 23 марта на совместном заседании Совета рабочих депутатов и Совета Общества фабрикантов и заводчиков Ярославского района было решено ввести 8-часовой рабочий день начиная с 27 марта. Сами фабзавкомы Ярославля не смогли бы добиться положительного результата так оперативно²⁰⁵.

О том, какую роль сыграла борьба за 8-часовой рабочий день в укреплении фабрично-заводских комитетов, говорят и такие факты. В Иваново-Вознесенске, например, после его введения некоторые фабзавкомы добровольно взяли на себя обязанность следить за нормой выработки на своих предприятиях, как это произошло в случае фабзавкома ткацкой фабрики бумажных и льняных изделий т-ва Волжской мануфактуры П. Миндовского и И. Бакакина в Наволоках. Члены местного комитета этой фабрики завели специальный подробный журнал «Нормы выработки за 8-часовой рабочий день льняного товара» по отдельным участкам производства – рабочие стремились с фактами в руках доказать, что свободный труд более эффективен²⁰⁶. Другой пример привёл на митинге во Введенском народном доме один из членов завкома московского

Военно-промышленного т-ва, заявивший, что переход к 8-часовому рабочему дню на его предприятии позволил поднять производительность труда²⁰⁷.

Пожалуй, наибольший размах в первые недели получает деятельность фабзавкомов по устранению с предприятий представителей прежней администрации. По данным Главного Управления Милиции МВД России, обобщенных Флеером, до 83% всех выступлений рабочих в марте-апреле 1917 г. произошло именно на этой почве²⁰⁸. Причем особенно массовыми расправы над служащими были на казенных предприятиях и железных дорогах, администрация на которых назначалась непосредственно центральной властью и поэтому отождествлялись рабочими с царским правительством²⁰⁹.

Иногда члены администрации устраняются за некомпетентность, как это было на Московской телефонной фабрике, рабочие которой потребовали уволить двух инженеров из-за их слабой теоретической подготовки в высшем учебном заведении и незнании практической стороны дела²¹⁰. Но чаще выступления против представителей администрации носили политический характер, одним из самых ярких подтверждений чему может служить обстановка, сложившаяся в первые дни после революции на заводе бр. Бромлей²¹¹. Так, 10 марта 1917 г. рабочие кузнечной и насадочной мастерской потребовали увольнения заведующего мастерской Цинцадзе²¹². В обращении завкома к администрации с обоснованием необходимости этого шага подчеркивалось, что «в политическом отношении убеждения Цинцадзе таковы, что угрожают делу свободы»²¹³. Цинцадзе был монархистом и, в отличие от многих, даже членов императорской фамилии, не скрывал этого. Правление завода не поспешило удовлетворить притязания рабочих. Упорство администрации в этом и многих других вопросах подтолкнуло рабочих к принятию 4 марта 1917 г. решения «об увольнении директора от обязанностей»²¹⁴. За «неуважительное отношение к рабочим» и «контрреволюционность» был отстранён от должности управляющий рабочим общежитием костромской фабрики Кашина М. Смирнов. По сообщению местной рабочей прессы, «благодаря доносам М. Смирнова, как из сборной (общежития),

так и с фабрики, в своё время было уволено много рабочей молодёжи», а также «из экономии Смирнов переставил клозетные раковины к кранам, где рабочие брали воду для самоваров и приготовления кушанья»²¹⁵.

С другой стороны, там, где фабзавкомы упустили инициативу в отстранении наиболее одиозных представителей заводского начальства, дело подчас принимало драматический характер. Так случилось на том же заводе бр. Бромлей по отношению к конторщику Шайгаму, которого под свист и улюлюканье вывезли с завода на тачке²¹⁶. На Патронном заводе в Туле острые, носившие спонтанный и неорганизованный характер эксцессы и стычки рабочих с мастерами продолжались вплоть до августа 1917 г.²¹⁷.

Рабочие далеко не всегда были инициаторами и сторонниками подобных и ещё более радикальных действий. Иногда насилие было чуть ли не единственным способом выполнения требований рабочих, вне зависимости от того, были ли эти требования оправданными или нет. 23 мая 1917 г. рабочие фасонолитейного отделения завода Гужона заявили заведующему своего участка Маттиесу, «что они не желают иметь его своим начальником и считают его отстранённым от заведования отделением». Днём позже, 24 мая, такое же заявление было сделано рабочими болтового отделения их начальнику И. И. Дервье. Правление завода воспротивилось. Оно оперативно, уже 25 мая, распространило объявление, в котором говорилось: «не может быть допущено, чтобы рабочие, по собственному усмотрению, отстраняли служебный персонал завода». В ответ на это завком, оценивавший степень своего влияния реалистично, заявил, «что он не может гарантировать со стороны рабочих, что не будет произведено никакого насилия над служащими завода»²¹⁸. Похожий случай произошёл на Трехгорной мануфактуре. Защищая членов своей администрации – управляющего Протопопова, завхоза Бузникова и заведующего пожарной частью Юшина, – на общезаводском митинге выступил сам владелец предприятия Прохоров. В своём выступлении Прохоров заявил о том, что в душе он сам является социалистом-революционером и что все требования рабочих будут выполнены. Нужно лишь названных хозяйственников оставить в покое. Но угрозы не помогли. Под угрозой, что членов администрации подвергнут насилию и вывезут за ворота на тачке, 24 апреля Прохоров уступил²¹⁹. Такие, казалось бы, локальные победы имели весомый психологический эффект. Кроме этого, они, естественно, постепенно меняли соотношение сил в целом.

Словом, успехи рабочей самоорганизации уже весной 1917 г. были вполне ощутимы. Впрочем, это не делает их оценку менее противоречивой, поскольку сами эти успехи были более чем неоднозначны, что определялось уже самим содержанием борьбы, которую вели органы рабочего представительства на этом этапе их становления. В это время фабзавкомы боролись, по существу, за выполнение тех же требований, что волновали рабочих ещё с дореволюционных времён. Новизна если и была, то в основном сводилась к большей настойчивости в защите своих позиций, поскольку обнищание рабочих возрастало, что в ещё большей мере, чем политическая агитация, служило стимулом к проявлению активности²²⁰. Чувство голода резко контрастировало с чувством собственной силы и чувством победителей в революции, что и создавало тот специфический фон, на котором шло развитие рабочего движения в первые недели революции. Н. Бухарину принадлежит меткая оценка этого этапа послереволюционного рабочего движения. Катастрофическое падение самодержавия, писал он, застало врасплох сами борющиеся классы, эта быстрота «удивила не только тех, кто падал, но и тех, кто вызвал это падение»²²¹. И действительно – выдвигаемые фабзавкомами требования больше напоминали судорожные попытки выбраться из-под обломком рухнувшего строя, чем революционный натиск.

Как справедливо полагает З. Галили, рабочие в первые недели революции создавали организации по «обустройству своей жизни» в тех областях, которые не были непосредственно связаны с производством, а касались сугубо потребительской сферы. По её мнению, это было

оправданно из-за бедственного положения рабочих и отсутствия развитого, с налаженными внутренними связями рабочего движения. Другие исследователи пишут об этой стадии рабочего движения как о стадии представительства со стороны фабзавкомов интересов рабочих перед предпринимателями²²². Тем самым, несмотря на примитивизм и неразвитость, уже на первом этапе организационного развития фабзавкомы сумели продемонстрировать свою эффективность в качестве орудия борьбы за решение важнейших и самых злободневных для рабочих вопросов. *Без той школы, которую проходило рабочее представительство весной 1917 г., оно не было бы способно перейти к отстаиванию более глубоких интересов рабочего класса, не завоевало бы авторитет масс и, как следствие этого, не стало бы инструментом внутренней самоорганизации в последующие месяцы революции.*

5. Рабочий контроль как функция рабочего самоуправления

Постепенно функции фабрично-заводских комитетов расширяются и усложняются, идет процесс перехода от первичной самоорганизации к начальным формам самоуправления. Представляется, что самым серьёзным образом этому способствовал постепенный перенос центра тяжести в деятельности рабочих комитетов на фабриках и заводах с чисто защитных функций на функции, связанные с хозяйственной деятельностью предприятий и бытовой стороной жизни рабочих. Первым, что может считаться признаком этого перехода фабрично-заводских комитетов от первичной самоорганизации и вынужденной обороны к организации самоуправления и что может считаться *первой формой рабочего контроля*, были их усилия по налаживанию участия рабочих в управлении сферой найма и увольнения.

Для Запада подобные формы деятельности рабочих организаций являлись характерными для традиционных там профсоюзов, тред-юнионов. Но для России борьба рабочих за контроль над наймом и увольнением имела революционный характер и с такой остротой возникала впервые. Очевидно, столь высокую принципиальность проблеме контроля со стороны рабочих организаций за рынком труда придавала вызванная войной разруха. Другим катализатором обострения конфликта по этому поводу могло стать стремление рабочих очистить свои коллективы от пришлых и не адаптировавшихся элементов. Часто речь шла о менее квалифицированных работниках. В этом чувство самосохранения оказывалось самым тесным образом переплетённым с жившей в трудовых коллективах заботой о сохранении промышленности. Право контроля за наймом и увольнением было важно для рабочих ещё и по той причине, что традиционное общинное самоуправление, помимо всего прочего, включало также контроль со стороны мира за своими границами и за изменениями своего внутреннего состава²²³.

Конкретные механизмы перехода к этой первичной *форме рабочего контроля* на разных предприятиях ЦПР могли носить самый разнообразный характер. Например, на заводе бр. Бромлей для установления контроля над увольнением и приёмом на работу рабочих поводом послужило необоснованное решение граверной мастерской об увольнении одного из рабочих. Завком заступился за уволенного и предупредил администрацию, что теперь все проблемы, связанные с увольнением и приёмом новых рабочих, будут решаться лишь с ведома комитета. Кроме того, комитет обратил внимание администрации на то, что нецелесообразно принимать на завод новичков и нужно обходиться наличными силами, переводя рабочих из цехов с частыми простоями в цеха, хорошо обеспеченные работой. Это позволило бы сохранить рабочие кадры²²⁴. Такую же позицию занял завком завода Михельсона, обсуждая 14 июля 1917 г. вопрос об увольнении рабочих ремонтной мастерской из-за якобы наметившегося там сокращения производительности. Комитет доказал, что это произошло из-за нераспорядительности самой администрации, допускавшей простой целых бригад. Решено было требовать от директора наведения порядка и невмешательства в вопросы увольнения²²⁵. Остро стоял вопрос

найма и увольнения на Тульском патронном заводе²²⁶. Такая же ситуация складывалась и в других городах страны. Когда владелец Иваново-Вознесенской мануфактуры нанял на фабрику работницу Юзенкову, не запросив мнения фабзавкома, было постановлено работницу «удалить» и «поставить на вид предпринимателю, что он никакого не имеет на то права производить найм рабочих и служащих без ведома фабричного комитета»²²⁷. Требование не принимать «рабочих и служащих без ведома заводского комитета» значит и в решении завкома Симоновского механического завода²²⁸.

Еще более определённую позицию занимал активно действующий фабком фабрики т-ва Волжской мануфактуры в с. Наволоках Кинешемского уезда Костромской губернии. На заседании комитета 1 июля 1917 г. было постановлено, что «ни один рабочий, ни служащий не может быть ни нанят, ни рассчитан без решения фабрично-заводского комитета». На запрос администрации фабрики от 10 июля 1917 г. по поводу этого решения рабочие категорически отвечали: «Комитет является не только экономической организацией, но и политической, несущей ответственность за укрепление революции, и, таким образом, состав работающих на фабрике *не может быть для комитета безразличным*»²²⁹.

Важно заметить, что контроль «за составом рабочих на фабрике» в большинстве случаев не являлся для комитетов, что называется, самоцелью. В тех случаях, когда во имя сохранения производства предприниматели готовы были на уступки в этом вопросе, фабзавкомы не менее охотно шли на компромисс. Так случилось, например, на ткацкой и ситценабивной фабриках т-ва мануфактур Степана Посылина, где рабочие и администрация договорились создать общую комиссию, в задачу которой входила выработка приемлемых для обеих сторон условий найма и увольнения²³⁰. В случае же нехватки рабочих рук на предприятии фабзавкомы сами занимались их поиском, как это происходило на заводе Гужона. Там комитет командировал своего представителя Арапова за помощью к рабочим-путиловцам и рабочим других заводов северной столицы, и проблему удалось решить²³¹.

И хотя борьба за право контролировать рынок труда растянулась вплоть до Октября, это была одна из наиболее распространённых форм деятельности фабрично-заводских комитетов. По подсчётам А. Г. Егоровой, только в Замоскворечье фабзавкомы контролировали найм и увольнение на 51 из 77 предприятий, и такое положение не было исключением²³².

Переход рабочих от первичной, ещё стихийной самоорганизации к начальным элементам самоуправления выразился, разумеется, не только в попытках контроля над наймом и увольнением. Не менее существенным элементом самоуправления становится наружная охрана предприятий, устанавливаемая фабрично-заводскими комитетами, а также создаваемая при их деятельном участии заводская милиция. Результатом деятельности в этом направлении становится выявление многочисленных фактов тайного вывоза сырья, топлива, готовой продукции, что впоследствии натолкнуло рабочие комитеты на необходимость непосредственного вмешательства и во внутреннюю жизнь предприятий²³³.

В первые же дни революции возникают отряды рабочих на многих предприятиях Москвы. На заводе Гакенталя они появляются уже 11 марта 1917 г. и выполняют поручения по охране дисциплины²³⁴. Появляется охранная милиция на заводе «Поставщик», заводе Хлебникова, а на заводе Износкова существовала, кроме самой охраны, ещё и специальная охранная комиссия при заводском комитете. На Цинделевской мануфактуре готовые изделия можно было вывозить с фабрики только по пропускам с подписью администрации и фабзавкома²³⁵. Усилиями завкома налаживается охрана на заводе Гужона²³⁶ и на заводе бр. Бромлей²³⁷. Не только созданием, но и обучением милиции, налаживанием связей с ближайшими армейскими частями занимались, например, на заводе Михельсона²³⁸. Существовали милиционные отряды на заводе «Динамо», Военно-артиллерийском и многих других. «Милиция являлась нашим

глазом, – писал И. Г. Батышев, – она помогала завкомам **держаться под контролем** всю жизнь предприятия»²³⁹.

Те же задачи решала милиция и отряды охраны при фабзавкоммах и в остальных городах и рабочих посёлках ЦПР. Систематически обсуждали вопросы, связанные с деятельностью охраны предприятий и рабочей милицией, в частности, завкомы Канавина на таких заводах, как «Новая Этна», «Фельзер» и другие²⁴⁰. 10 июня решение о дежурстве по заводу принимает фабком фабрики т-ва бр. Овсянниковых и Ганшина с сыновьями в городе Владимире²⁴¹. Полным ходом организация охраны предприятий идет и в других городах²⁴². Подчас деятельность рабочих комитетов в этом направлении была столь успешна, что далеко выходила за рамки отдельных заводов и фабрик и становилась фактором политической жизни. Примером чему могут служить события в Канавине, заречной части Нижнего Новгорода. Почти на всех 16 заводах Канавина, на которых работало в общей сложности около 30 тыс. человек, была создана рабочая милиция, оплачиваемая владельцами заводов. Милиция в Канавине создавала решительный перевес в пользу пролетарских организаций и являлась фактическим органом власти²⁴³.

Среди прочих проблем, также волновавших фабрично-заводские комитеты на этом этапе их становления, можно назвать социальную опеку и общественное призрение. Раньше этими вопросами по большей части ведали дворянские и земские учреждения. Революция подтолкнула рабочих взяться за это дело самостоятельно и помочь «братьям по классу», как тогда говорили, «попавшим в беду». Например, фабзавком фабрики И. В. Нибурчилова с сыновьями не только вел борьбу за повышение зарплаты работающим на фабрике, но и на заседании в конце июня 1917 г. принимает решение о продовольственной помощи женщинам, чьи мужья ушли в армию с фабрики. Для этого было постановлено выдать им положенные по штату продовольственные книжки²⁴⁴. На Тульском патронном заводе завком взял на себя заботу о военнообязанных, ведя по этому поводу переговоры с местной властью²⁴⁵. Помогали фабрично-заводские комитеты и возвращавшимся с фронта, особенно инвалидам, примером чему может служить деятельность объединения заводских комитетов группы производств Ясунинских в с. Кохме²⁴⁶.

В центре внимания рабочих комитетов находились вопросы сохранности заводских помещений, пожарная защита предприятий. Так, завком московского Варшавского арматурного завода обращал владельцев на необходимость убрать бумагу и стружки в помещении плотницкой мастерской и вывесить табличку «Не курить». Эти меры должны были предотвратить пожар, который из-за захламленности мог вспыхнуть в любую минуту²⁴⁷. В других случаях администрация сама иногда призывала рабочие комитеты себе на помощь. Так, в своём письме от 16 августа 1917 г. Управление завода бр. Бромлей просило завком оказать содействие в защите Кузнечного завода от опасности возникновения пожара. Ранее комитет уже обращался к администрации с просьбой ликвидировать создавшуюся опасную ситуацию. Когда же администрация откликнулась и попыталась устранить её, рабочие-слесари затребовали слишком высокую оплату, и без вмешательства комитета дело грозило срывом. Тогда руководитель заводской администрации и обратился к завкому: «Так как замедление в установке муфт производится умышленно и угрожает противопожарной безопасности Кузнечного завода, считаю нужным выяснение Заводским Комитетом слесарям всей недопустимости вымогательства повышенной платы таким путём в ущерб интересам завода»²⁴⁸. Несколько дней спустя завком уведомил администрацию и о других неполадках на предприятии, в частности, 26 августа 1917 г. завкомом было принято заявление, «что в Кирочной мастерской, несмотря на надвигающуюся осень и надвигающиеся дожди, до сих пор не покрыта крыша и не

вставлены окна». Завком требовал устранить недостатки и «немедленно привести помещение в порядок»²⁴⁹.

Заводской комитет Тульского патронного завода рассматривал на своих заседаниях вопросы гигиены труда и меры по её повышению, 10 июля 1917 г., например, был заслушан вопрос о недостатках в деятельности заводской больничной кассы и было решено вернуться к вопросу ещё раз при участии её представителей²⁵⁰. Рабочий комитет т-ва Иваново-Вознесенской мануфактуры²⁵¹ в начале осени 1917 г. повел работу по предотвращению грозящей заводу вспышки заболевания оспой и обратился к коллективу мануфактуры с объявлением: «Ввиду усиленной эпидемии заболевания ОСПОЙ среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30-ти случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т.к. прививка за собой не несёт никакой особенной боли на руке»²⁵².

Рабочий комитет на фабрике т-ва Шуйской мануфактуры занимался вопросами быта рабочих. В конце августа общее собрание месткома постановило «открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки»²⁵³. В условиях приближающегося учебного года фабком этого предприятия 20 августа 1917 г. постановил: «Просить правление о расширении школы, ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики»²⁵⁴. На заводе Михельсона при завкоме существовала особая культурная комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. В компетенцию этой комиссии входили задачи культурно-просветительского и бытового характера²⁵⁵. Аналогичные структуры существовали на заводах Ярославля, Твери, Смоленска, Рязани, Костромы и других городов ЦПР.

Еще одним направлением деятельности фабзавкомов как органов рабочего самоуправления становится их вмешательство в прерогативы администрации по установлению и поддержанию внутрифабричного распорядка. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в поле деятельности ФЗК была не только проблема здоровья рабочих, посещения рабочими отхожих мест, их ухоженности и сохранности, освещённость рабочих мест и т. и., но проблема сохранности промышленного оборудования. Так, вопрос о чистке машин не раз поднимался на августовских и сентябрьских заседаниях фабрично-заводского комитета фабрики т-ва Шуйско-Тизенской мануфактуры²⁵⁶. Характерно, что вопросами внутреннего распорядка занимались фабзавкомы не только отдельных предприятий, но и их объединения, подтверждением чему служит работа Центрального бюро ФЗК Иваново-Вознесенска, неоднократно обсуждавшего и вопросы пожарной безопасности, и сохранности станков и медицинского обслуживания, и другие аналогичные вопросы²⁵⁷.

Таким образом, мы видим, что вслед за радикализацией характера требований рабочих, далеко выходящих теперь за рамки задач, решаемых прежде советами старост и забастовочными комитетами, изменениям подвергается и **качественный** уровень деятельности фабзавкомов. Как видим, теперь они занимаются не только защитой рабочих, но и вмешиваются в хозяйственную и административную деятельность заводууправлений. Тем самым, *фабрично-заводские комитеты из органов простой самоорганизации рабочих перерастают в органы низового рабочего самоуправления. И важнейшей функцией их как органов самоуправления становится рабочий контроль во всех возможных его проявлениях.*

Начинаются сдвиги и в психологии рабочего класса, в том числе переоценка ими роли фабзавкомов как органов самоуправления. В «Положении о комитете рабочих и служащих предприятия» рабочие Московского капсульного завода определяли своё понимание задач фабзавкомов следующим образом: фабзавкомы, по их мнению, должны стремиться к созданию таких условий работы, которые бы наилучшим образом обеспечили бы «как максимум произ-

водительности, так и качество изделий завода»²⁵⁸. Ещё более определённо звучала «Инструкция заводского комитета» мануфактуры «Циндель»: «Проводя в жизнь эти цели, заводской комитет обязательно должен согласовывать свои действия с **общепролетарскими** задачами и стоять исключительно на точке зрения классовой борьбы пролетариата»²⁵⁹.

6. Специфика фабзавкомов как органов производственного самоуправления

После перехода на рубеже весны – лета 1917 г. большинства фабрично-заводских комитетов от сугубо защитных функций к рабочему контролю их эволюция не прекращается: помимо *пассивных форм контроля*, таких, как организация охраны предприятий, надзор за заводскими складами, поддержание порядка на рабочих местах и т. п., рабочие комитеты постепенно начинали осуществлять и *прямое вмешательство* в обеспечение и осуществление производственно-технологических процессов.

Наверно, наиболее простой, наглядной и распространённой формой такого *активного контроля* становится участие фабзавкомов в обеспечении рабочих своего предприятия продовольствием.

Этот вид контроля был важен и для самих рабочих, поскольку напрямую диктовался необходимостью борьбы за выживание. Энергичнее всего рабочие комитеты осваивали снабженческие функции там, где ситуация с продовольствием была особенно нетерпимой. Так в Иваново-Вознесенске сложности с продовольствием стали хроническими ещё весной 1917 г. Уже 22 марта в городе вводится нормированная продажа ржаной муки и запрещение «выпечки и продажи печений из сладкого теста». В те же дни здесь вспыхивает одна из первых в ЦПР волна беспорядков с требованиями перехода власти к Советам, вызванная острым положением с продовольствием²⁶⁰. К сентябрю нехватка продовольствия в крае обострилась ещё больше. На некоторых фабриках, например на Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике, возникла угроза голодных бунтов. Фабзавком этой фабрики на своём заседании 21 сентября принял решение всеми силами «сдерживать массу на местах» и разъяснять ей верные решения продовольственного вопроса²⁶¹. В центре внимания продовольственный вопрос в этот период был на Куваевской мануфактуре²⁶². Неоднократно обсуждался вопрос снабжения продовольствием и справедливого раздела муки и на Иваново-Вознесенской фабрике И. Ф. Зубкова²⁶³.

В других губерниях положение с хлебом также обостряется, и рабочие комитеты оказываются в центре попыток его нормализации. Продовольственная комиссия возникает в начале июня на Тульском патронном заводе²⁶⁴. К августу практика этого завкома по снабжению предприятия продовольствием стала изучаться Тульским Советом для распространения опыта. Одним из мероприятий в этом ряду можно считать проведённое 2 августа 1917 г. Центральным заводским комитетом и цеховыми комитетами совместное заседание с членами Совета рабочих депутатов города. На нём были рассмотрены и одобрены шаги ЦЗК в решении продовольственной проблемы и особенно его практика реквизиций в продовольственных лавках «ввиду отсутствия муки в городе»²⁶⁵. При участии депутатов, на этот раз Моссовета, выбранных от завода «Динамо», обсуждалась проблема снабжения продовольствием заводским комитетом этого предприятия²⁶⁶. Что же касается реквизиций, то «ввиду обострения продовольственного кризиса» призывали провести обыски «для изъятия продовольственных запасов и излишков» также на фабрике Добровых и Набгольц²⁶⁷.

Другим направлением активности рабочих в укреплении своего представительства на производстве, имевшим ещё большее значение для освоения рабочими функций хозяйственного управления, было их участие в снабжении предприятий сырьём и топливом. Эта деятель-

ность фабзавкомов не всеми воспринималась однозначно. На I Всероссийской конференции фабзавкомов некоторые делегаты утверждали, что такая деятельность превращает фабзавкомы в подсобную силу капиталистов по обеспечению предприятий всем необходимым, способствуя тем самым эксплуатации рабочих. Против этих утверждений выступил Н. А. Скрыпник, подчеркнувший, что в действительности «путём вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определённой системой*, системой *экономического взрыва* революции²⁶⁸.

Подтверждением позиции тех, кто настаивал на признании революционизирующей роли контроля над снабжением предприятий могут служить события вокруг Ликинской мануфактуры²⁶⁹. Ещё летом её рабочие обратили внимание, что заготовка торфа по непонятным причинам не ведётся. Они предложили организовать её своими силами. Предложение рабочих было отклонено, а 2 сентября управление вывесило объявление о закрытии фабрики. Фабрика принадлежала представителю Временного правительства, государственному контролёру С. А. Смирнову. В прошлом он являлся председателем Московского Военно-промышленного комитета и одним из основателей Всероссийского союза торговли и промышленности, где стал председателем его политотдела. «Следует рассматривать как злой умысел и саботаж» – таково было решение комиссии Покровского Совета по обращению рабочих-ликинцев, просивших разобраться в причинах решения закрыть фабрику²⁷⁰. Ликинский конфликт сразу получает всероссийскую известность, действия Смирнова большевики изображают как живое подтверждение всеобщего саботажа во главе с министрами-капиталистами и их приспешниками²⁷¹.

Наиболее ранние случаи вмешательства рабочих в положение с топливом и сырьём известны ещё с апреля 1917 г., в частности, фабрично-заводской комитет фабрики Хлебникова обсуждал на своём заседании вопрос о командировке двух рабочих в Нижне-Днепровск за заказанным там, но пока не поступившим на фабрику железом уже 7 и 8 апреля²⁷², а на Симоновском механическом заводе вопросы контроля за расходом топлива и сырья стали появляться в повестке дня фабрично-заводского комитета уже 11 апреля 1917 г.²⁷³.

Из литературы хорошо известна деятельность фабрично-заводских комитетов заводов Гужона, Михельсона, Цинделевской, Даниловской, Прохоровской мануфактур по обеспечению их предприятий топливом, сырьём и комплектующими. Активны в этом отношении были заводские комитеты на АМО, Варшавском арматурном заводе и многих других промышленных заведениях Москвы. География городов, куда приходилось выезжать членам фабзавкомов тоже широка: от Нижнего Новгорода до Кривого Рога и Донбасса. М. Н. Симонян, исследующий снабженческую деятельность завкома «Динамо», и большинство других авторов видят в ней проявление зрелых форм рабочего контроля, готовивших рабочих к взятию власти. С такой точкой зрения можно согласиться, но следует при этом не ограничиваться пониманием власти как только государственной, а если государственной – то центральной²⁷⁴.

Вслед за Москвой разворачивали хозяйственно-снабженческую деятельность фабзавкомы Подольска, Тулы, Сормова, Рязани, Смоленска, Кулебак и остальных фабрично-заводских центров. Так, металлисты Подольска сорвали действия директора завода «Зингер», направленные на остановку производства якобы ввиду истощения запасов нефти. Как удалось выяснить рабочим, директор распорядился сбросить из баков 7 тыс. пудов нефти. Директор был арестован. Представители же Совета, профсоюза металлистов и завкома доставили сырьё из Нижнего Новгорода. Завод не остановился. Похожий случай произошёл и в другом подмосковном городе – Серпухове, где местные владельцы текстильных предприятий грозились их закрытием из-за недостатка топлива и сырья. Особенно непримиримую позицию занимал фабрикант Рябов. В ответ все фабрично-заводские комитеты Серпухова выделили из своего состава контрольные комиссии, позже объединённые в единую систему, руководимую Серпуховским Советом рабочих депутатов. В ходе деятельности комиссии выяснилось, что сырья

хватит ещё на многие месяцы вперёд. В результате фабриканты не осмелились выполнить свои угрозы, хотя кое-где, например на фабрике Рябова, уже были вывешены объявления о том, что из-за отсутствия сырья фабрика через две недели закрывается²⁷⁵. Считал своей обязанностью, как органа хозяйственной жизнедеятельности своего предприятия, контролировать распределения сырья завком Тульского патронного завода. 10 июля им было обсуждено положение с доставленными на завод кожами. Настойчиво звучавшие требования «взять на себя правильное распределение кожи» были с пониманием встречены членами завкома и подкреплены резолюцией завкома²⁷⁶. Серьёзно взялись за снабжение фабрик сырьём и топливом рабочие комитеты Иваново-Вознесенска, как это было, например, на фабрике Севрюгова²⁷⁷, на Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике и других предприятиях²⁷⁸.

Контроль над снабжением предприятий складывался не всегда успешно. Так обстояли дела, например, на Глуховской прядильно-ткацкой мануфактуре. Вскоре после произошедших в феврале революционных перемен напуганный их размахом владелец мануфактуры постарался свернуть своё дело якобы из-за отсутствия сырья. Усилиями рабочих сырьё найти удалось, а для расследования причин остановки предприятия была создана особая комиссия, показавшая виновность прежнего владельца. Успех ободрил рабочих. Но, когда впоследствии в начале сентября 1917 г. на фабрике заработала другая комиссия, на этот раз специально по снабжения фабрики сырьём и топливом, результат оказался прямо противоположным. Из-за отсутствия точных инструкций и достаточного опыта у рабочих её деятельность зашла в тупик²⁷⁹.

Неопытность рабочих, их неосведомлённость в хозяйственных вопросах могли оборачиваться курьёзами. К примеру, необоснованное стремление установить на предприятии свой сырьевой и топливный диктат проявилось в действиях фабкома т-ва мануфактур Гарелина с сыновьями. Выявив факт продаж со складов фабрики дров служащим предприятия, фабкомовцы 26 апреля 1917 г. обратились в правление товарищества с требованием «прекратить разбазаривание» дров. Правление же, не изменив своих действий, очень оперативно, уже 1 мая, в своём обращении отвечало: «Отпуск дров для служащих – старинный обычай фирмы. Отпуск нескольких сажень дров не может существенно повлиять на снабжение фабрики топливом»²⁸⁰.

В ряде случаев, встретив затруднения, органы рабочего контроля не боялись просить содействия у предпринимателей. Так в обращении Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Иваново-Вознесенска от 3 июня 1917 г. подчеркивалось, что «согласно отчета Московского районного управления по топливу... в настоящем году нашей отечественной промышленности придётся сократить производство, вследствие отсутствия достаточного количества топлива». Исполком, не имея, как отмечалось в документе, возможностей полностью взять на себя «работу подготовки к разрешению надвигающегося кризиса», предлагал «предпринимателям прийти на помощь фабрично-заводским комитетам», и просил владельцев об их отношении к проблеме «по возможности немедленно известить» Исполком²⁸¹. Собрание членов Общества фабрикантов и заводчиков 6 июня 1917 г. постановило «просить все местные предприятия оказать содействие начинаниям Совета», о чём и уведомлялось в разосланном по всем предприятиям области специальном циркуляре Бюро Общества²⁸².

Занимались фабзавкомы и поиском заказов для своих предприятий, контролем за их выполнением, как это практиковалось, например, на заводе Гакентала²⁸³. Для жизнедеятельности предприятий важно было также заниматься сбытом готовой продукции. На одном из собраний ФЗК т-ва Ясюнинских 4 октября 1917 г. среди прочих пунктов повестки дня разбирался как раз вопрос сбыта продукции. На собрание прибыли представители Севастопольского Совета, которые и предложили оформить сделку и отправлять готовую продукцию предприя-

тия в Крым. Чтобы избежать затоваривания и решить проблему, поставленную крымчанами, было решено делегировать в Таврическую губернию своих представителей²⁸⁴. Занималось вопросами сбыта продукции и Центральное бюро ФЗК Иваново-Вознесенска. Им была организована поставка готовой продукции предприятий области в другие регионы России, прежде всего в Москву, через налаживание прямых связей²⁸⁵.

Бесспорно, контроль над обеспечением предприятий необходимыми поставками, заказами, налаживание сбыта имели немалое значение для развития рабочего самоуправления. Все это означало непосредственное вмешательство в деятельность предприятий, поскольку подразумевало со стороны рабочих определённый уровень понимания технологических и административных вопросов, умение разбираться в сложной ситуации на рынках, выявлять все нити, связывающие их предприятие со смежниками, потребителями и поставщиками. Наконец, учитывать технологическую специфику всего заводского хозяйства, а также обладать определёнными

коммерческими навыками. Но всё же большее значение имело прямое участие рабочих в организации самого производства. Переход к нему тоже часто носил характер ответных мер на саботаж владельцев. Иногда к возникновению зрелых форм рабочего контроля приводили стачки с обычными **экономическими** требованиями, как это случилось на целом ряде предприятий Кинешемского района Костромской губернии в конце сентября 1917 г. Рабочий контроль над производством был установлен на Варшавском заводе, на заводе «Каучук», Михельсона и других московских заводах и фабриках²⁸⁶. В Туле на патронном заводе рабочий комитет регулярно принимал меры по обследованию всех сторон производства и решал вопросы внутреннего распределения работ и рабочих рук. Не менее твёрдую позицию Центральный заводской комитет занимал и по вопросу о простоях, также связанному с контролем над производством. На одном из своих заседаний ЦЗК ТПЗ принимает специальную инструкцию о простоях, в ходе обсуждения которой подчеркивалось, «что простои бывают в каждом промышленном предприятии, но следует выяснить – происходят ли они по вине администрации или рабочих»²⁸⁷. Велась борьба с вынужденными простоями с целью наладить производство и обеспечить работой квалифицированные кадры предприятия и комитетом фабрики т-ва Шуйско-Тезинской мануфактуры²⁸⁸. Подобные же подходы практиковались повсеместно, особенно там, где администрация ограничивала доступ фабзавкома в организацию производственного процесса, как это было на фабрике Севрюгова. При этом рабочие этой фабрики требовали ответственности, прежде всего материальной, именно со стороны администрации, естественно, если простои были вынужденными и не являлись результатом бездеятельности и неспособности самих рабочих²⁸⁹.

Одним из важнейших проявлений борьбы рабочих за рабочее самоуправление на производстве становится налаживание фабзавкомом трудовой самодисциплины²⁹⁰. Хищения, мелкие кражи, прогулы, опоздания, курение и матерная брань на рабочем месте не только осуждались фабрично-заводскими комитетами, но временами и сурово преследовались *как вредящие производству*.

Трудовая дисциплина была под контролем завкома Патронного завода Тулы. На заседании 18 августа 1917 г. им рассматривался случай, когда один из работников завода провёл на оборонное и, следовательно, закрытое предприятие постороннего. Решено было поставить виновному на вид недопустимость подобного, в случае же повторения, значилось в протоколе, к нему «будут применены самые **репрессивные** меры»²⁹¹. Заслушав и рассмотрев доклад сторожа А. П. Перевозчикова, заводской комитет Мышечского завода на своём заседании от 14 августа 1917 г. постановил за кражу больших воротных петель уволить с завода рабочего С. Коликова²⁹².

Серьёзная работа по укреплению самодисциплины развернулась в Иваново-Кинешемском крае, поскольку отсутствие привилегированных военных производств, нищета, голод толкали рабочих на воровство²⁹³. Показателен в этом отношении пример ситценабивной и красильной фабрики т-ва мануфактур Н. Ф. Зубкова, фабрично-заводской комитет которой рассматривал вопросы о расхищении имущества мануфактуры и мелких кражах в разделах повестки дня «разное» и «текущие дела», а членам комитета дано было право и вменялось в обязанность экспромтом назначать обыски – так здесь были распространены кражи²⁹⁴.

Контроль над дисциплиной мог принимать и другие оттенки. Например, на объединённом собрании фабрично-заводских комитетов Шуи было принято решение без ведома фабзавкомов не развешивать листовки на территории фабрики – своеобразный зачаток политической цензуры²⁹⁵.

Примечательный случай произошёл на фабрике т-ва Шуйско-Те-зинской мануфактуры, где фабричный комитет занимался налаживанием дисциплины труда в относительном контакте с администрацией. На своём заседании 1 июля фабзавком рассмотрел заявление администрации о том, можно ли читать книжки и дремать во время работы. Было постановлено вынести этот вопрос на объединённое собрание фабзавкомов города. Пока же фабзавком мануфактуры пришел к выводу, что «газеты читать можно, так как газеты освещают рабочему жизнь о современном быте, что необходимо знать рабочим, если только позволяет работа и не может наноситься никакого ущерба в работе. Что касается чтения книг, дремания и занятия рукоделием, комитет считает неблагоприятным»²⁹⁶.

Высокий эффект давали и меры морально-психологического осуждения. Как писал об этом впоследствии рабочий завода «Проводник» Т. Сапронов, виновные вынуждены были извиняться перед завкомом или даже общим собранием рабочих, а наиболее проштрафившимся вообще объявлялся бойкот²⁹⁷. Моральные меры поддержания дисциплины были характерны для российских традиций трудовой демократии. Наконец, меры, которыми фабзавкомы действовали в области поддержания дисциплины, могли носить не только экономический, но, что важно, и *административный* характер, как это было, например, на заводе подъемных сооружений в Москве²⁹⁸.

Тесно связан с проблемой дисциплины на рабочем месте был вопрос качества и производительности труда, тоже регулярно обсуждавшийся фабзавкомами, как это было в случае с фабричным комитетом Куваевской мануфактуры²⁹⁹. Другим примером борьбы органов рабочего самоуправления за производительность труда является деятельность завкома завода Пэлка. Когда его администрация обвинила рабочих в саботаже, 18 августа 1917 г. завком постановил выяснить причины сокращения производства. Оказалось, что вина в произошедшем лежала не на рабочих, а на владельцах, не сумевших должным образом наладить производство. В дальнейшем обвинения по поводу имевшего места инцидента в адрес трудового коллектива администрацией предприятия больше не выдвигались³⁰⁰. А вот Московский металлический завод, секвестрованный по настоянию рабочих, благодаря умелым действиям завкома резко повысил производительность³⁰¹.

В этот период отмечены также попытки рабочих перейти к контролю над финансами, без чего прочие виды контроля не были достаточно эффективны из-за связей между владельцами предприятий и банкирами³⁰². В Москве среди предприятий, где рабочие пытались развивать эту форму производственной демократии, можно назвать завод «Динамо», заводской комитет которого потребовал допуска рабочих к документам и книгам заказов с имеющимися в них отчетами и данными³⁰³. При завкоме, кроме того, была создана финансовая комиссия, такая же комиссия действовала и на заводе бр. Бромлей. Первые шаги в налаживании финансового контроля были предприняты фабзавкомом ситценабивной фабрики И. Нибурчилова в Ива-

ново-Вознесенске, который потребовал от администрации представить сведения за последние четыре года о заработках рабочих, о ценах на изготавливаемые фабрикой товары, на топливо и сырьё, потребляемые предприятием, а также о количестве рабочих и объёме производимой продукции в настоящее время³⁰⁴. Делаются попытки установить контроль и над самими банками.

В Орехово-Зуеве, местный Совет уже в июне установил свою стражу в отделении банка Рябушинского, стал контролировать его операции, особенно по выдаче ссуд, запретив одновременно выдавать более 1000 руб. в одни руки без специального разрешения. Подобные случаи происходят в разных промышленных центрах, косвенным подтверждением чему служит циркуляр от 7 июня Министерства внутренних дел губернским комиссарам с требованием решительно бороться против «незаконных действий» общественных организаций в отношении банков, не допускать установления вооруженной охраны банков, а также контроля над проводимыми ими операциями³⁰⁵.

Однако оптимизм Ленина, который, как известно, утверждал, что новейший государственный капитализм упростил дело контроля до некоторых бухгалтерских книг, в которых легко сможет разобраться любой рабочий, оказался ничем не оправданным. Подобные случаи финансового контроля в деятельности фабзавкомов были редки и малоэффективны. Попытки же установления прямого контроля со стороны органов рабочего самоуправления за деятельностью банков до сентября, по мнению отечественных исследователей, например В. И. Селицкого, были эпизодичны³⁰⁶.

Эпизодичность попыток проконтролировать финансовую деятельность своего предприятия объясняется прежде всего неподготовленностью рабочих. Известны случаи, когда хозяевам удавалось ввести членов фабзавкомов и контрольных комиссий в заблуждение, пользуясь их неосведомленностью в финансовой стороне производства и убедить их в убыточности производства и неизбежности локаута. В этих случаях некоторые фабзавкомы, как отмечала газета «Рабочий путь» в статье «Проделки локаутчиков», «вовлекались в позорное для рабочего класса дело» – превращались в «ходатаев капиталистов» перед вышестоящими учреждениями о выдаче субсидий для продолжения производства³⁰⁷.

В августе–сентябре участились случаи прямого захвата рабочими предприятий. Нередко эти акты связывались рабочими с переходом фабрик в собственность государства, но иногда хозяевами на предприятиях становились фабзавкомы. Так, ещё в конце мая 1917 г. рабочее акционерного общества «Коломна» с опорой на поддержку Коломенского Совета таким образом предотвратили закрытие завода³⁰⁸. Похожий случай произошёл на Ростокинской красильно-аппретурной фабрике. Когда её владелец отказался выполнять предъявленные ему экономические требования, рабочие приняли заведование фабрикой в свои руки. На общем собрании было постановлено: никаких особых выгод из самостоятельного заведования фабрикой не извлекать, а доход распределять следующим образом: во-первых, выплачивать зарплату служащим и рабочим согласно повышенным расценкам; во-вторых, возмещать расходы по покупке для производства материалов; в-третьих, весь оставшийся по покрытию предшествующих статей излишек дохода **должен** поступать в собственность **владельцев** предприятия. То есть рабочие, беря ведение хозяйство полностью на себя, не лишали хозяина его доли в получаемой прибыли, то есть сохраняли самый важный для него элемент экономического существования, и тем самым как бы ограждали себя от возможного саботажа со стороны отстраненного от дел владельца через предпринимательские структуры, что в первую очередь привело бы к падению выработки. Рабочие принимали на себя ответственность за целостность поступающих на фабрику для окраски и обработки вещей, то есть охраняли право собственности и своих партнёров. Административная же часть передавалась, по общему соглашению, в руки бухгалтеров предприятия, как наиболее сведущих в деле реального управления фабри-

кой, – рабочие не замыкались в узкоцеховой организации, а смело передоверяли господствующее положение компетентному персоналу³⁰⁹.

Арестом предпринимателя обернулось недовольство рабочих политикой по отношению к ним крупнейшего фабриканта Московского региона Второва, на предприятиях которого работало до 40 тысяч рабочих. Захват в этом случае привёл к падению производства, и по решению Моссовета Второв оказался на свободе³¹⁰. Не менее крупным провалом закончилась и попытка рабочих Михельсона взять в свои руки завод и создать своё заводоуправление. В тот же период на различные сроки и с разным успехом устанавливалась власть рабочих на заводе Гужона, Бари, АМО, Дангауэва и Кайзера³¹¹. По официальным данным фабричных инспекторов, в одном только сентябре 1917 г. было зарегистрировано 8 фактов захватов предприятий рабочими и 33 случая введения рабочего самоуправления, причём, есть основания полагать, что данные эти были несколько занижены, так как фабричные инспектора были не заинтересованы в излишней драматизации ситуации и могли не учитывать некоторые трудовые конфликты, которые удавалось пресечь на местном уровне³¹².

Несмотря на то, что захваты, как правило, оканчивались отступлением рабочих, и на то, что чаще всего это были спонтанные акции, вызванные бедственным положением в практически безальтернативной ситуации, захват предприятия вынуждал существенно активизировать все структуры рабочей самоорганизации, активизировал все функции рабочего контроля. Захваты предприятий прочно цементировали сотрудничество различных рабочих организаций, как это видно на примере Мытищинских событий начала лета 1917 г. Разворачивались они следующим образом – 2 июня 1917 г. в районный Мытищинский Совет рабочих депутатов во время шедшего заседания экстренно поступило сообщение о том, что фабрика искусственного шелка «Вискоза» закрывается³¹³. Из докладов членов заводского комитета рабочих и представителей от служащих фабрики выяснилось, что акции предприятия перешли в другие руки и директор знал о закрытии фабрики 2-3 недели тому назад³¹⁴. Ввиду нежелательности остановки предприятия, грозящей увеличением и без того опасного уровня безработицы, Совет, обсудив предварительно вопрос с представителями служащих, специалистов и взвесив все «за» и «против», постановил взять ведение работ на предприятии под свой контроль³¹⁵. К разрешению конфликта были привлечены все действовавшие на фабрике объединения рабочих.

Перечисленные выше факты позволяют сделать вывод, что на тех предприятиях, где рабочее самоуправление вмешивается в производственный процесс в доступных ему масштабах и на реальном для него уровне, оно начинает постепенно преобразовывать и отношения, господствовавшие прежде на производстве. Являясь продолжением коллективистских традиций, рабочее самоуправление способствовало созданию особого типа производственных отношений – коллективистских, по своей сути глубоко противоположных капиталистическим. У рядового русского рабочего, таким образом, не могло вызвать никакого неприятия то, что постепенно становилось фактом: формально собственность всё ещё принадлежала старым владельцам, но *фактически – через фабрично-заводские комитеты в сфере производства, через рабочую кооперацию в сфере обмена, через производственные союзы в сфере распределения – рабочее самоуправление все решительнее подготавливало почву для коллективистских форм собственности*³¹⁶. Так, по мнению В. Булдакова, нарастала ткань новых общественных отношений. Он ссылается на подтверждающее этот вывод заявление одного из фабрично-заводских комитетов: «Приучаясь к самоуправлению на отдельных предприятиях, – разъясняли завкомовцы свою позицию, – рабочие готовятся к тому времени, когда **частная** собственность на фабрики и заводы будет **уничтожена** и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса»³¹⁷.

Но не являлись ли все эти описанные выше сдвиги в характере деятельности фабзавкомов и их структуре единичными проявлениями рабочего активизма на каких-то изолированных предприятиях, о которых шёл разговор выше и пример которых достаточно ярок и убедителен? Насколько отмеченные нами закономерности применимы ко всему фабзавкомовскому движению?

Имеющиеся в распоряжении исследователей обобщающие данные позволяют утверждать, что рабочий контроль быстро становится **массовым явлением**. Так, в Москве к лету 1917 г. фабзавкомы существовали уже на 144 из 166 обследованных предприятий, а к осени они объединяли уже 400 тысяч рабочих и служащих Москвы и окрестностей. При этом эти данные, кочующие из исследования в исследование, очевидно, не полны. Они почерпнуты из сохранившихся материалов анкетирования, проводимого в середине 1917 г. пролетарскими организациями с целью уточнить свою силу и социальную базу. Но в материалах анкетирования подчёркивается, что мероприятием удалось охватить далеко не все предприятия. К примеру, в Замоскворецком районе на таком крупном предприятии, как Трамвайный парк Шрадера, опрос не проводился. Не удалось обследовать и ряд предприятий текстильной промышленности, близких к закрытию и охваченных сильными волнениями, на которых уже в силу этого могли действовать какие-либо рабочие организации³¹⁸.

О глубине этих перемен также можно составить представление по уже упомянутым материалам анкетирования предприятий Москвы. Общее количество учтённых им предприятий, к примеру, Симоновского района 19 (3 общественных и 16 частных). Большинство из них принадлежали металлообрабатывающей (7 предприятий) и кожевенной промышленности (5 предприятий). В основном это были средние предприятия. На одном предприятии рабочего комитета не было. Из тех предприятий, на которых комитеты имелись, большинство (12 предприятий) работало в нерабочее время, в рабочее же время комитеты собирались лишь на трети предприятиях. Основным источником финансирования были регулярные отчисления и пожертвования самих рабочих. Практически все фабзавкомы имели в своём составе комиссии по направлениям деятельности, причём наиболее часто организовывались культурно-просветительские комиссии, контрольные комиссии существовали на 2 предприятиях, комиссии по охране предприятия и финансовая – на 1 предприятии.

Можно проследить и деятельность рабочих комитетов района. Большинство из них (соответственно 13 и 11) никак не участвовали в организации у себя на заводе политических партий и кооперативов. Зато до 90% комитетов принимали активнейшее участие в образовании профсоюзов. На культурно-просветительскую деятельность делались расходы на 6 предприятиях, на взаимопомощь рабочим – на 2, на покрытие расходов по конфликтам с предпринимателями – 1, на прочие цели – на 30% предприятиях. Найм и увольнение были в центре внимания 60% фабричных комитетов района. Контроль за топливом был налажен лишь на 2 предприятиях, за снабжением – на 3, за заказами – на одном. Зато большинство фабзавкомов участвовали в административной деятельности и в разработке правил внутреннего распорядка³¹⁹.

Схожая, но с определёнными особенностями, ситуация складывается и в Замоскворецком районе. В подавляющем большинстве случаев деятельность завкомов здесь оплачивалась предпринимателями. Лишь на 7 предприятиях (как указывается в источнике – некрупных) – рабочими, а на 4 предприятиях фонд оплаты деятельности ФЗК финансируется рабочими и хозяевами на паритетных началах. На одном предприятии оплаты не производилось совсем. Как объяснялось в записке, причина тому, что фабзавком «ухитрялся» разбирать все проблемы в нерабочее время. Из этого замечания можно сделать вывод, что на большинстве остальных предприятий завкомы действовали и во время рабочего дня. Из 76 предприятий специализированные комиссии существовали на 43 заводах и фабриках. Чаще других образовывались исполнительная комиссия, культурно-просветительская, санитарная, производственная, финансовая, по оценке труда, по выработке внутреннего распорядка. На 51 из 77 обследован-

ных предприятий осуществлялся контроль за наймом и увольнением, а ещё на 5 – только за увольнением. Как говорилось в записке, на остальных предприятиях района завкомы пытались вмешиваться в регулирование рынка рабочей силы «частично» и «косвенно». Контроль за запасами сырья и топлива в тот период осуществлялся лишь на 5 предприятиях Замоскворечья. Добычей сырья занимались 14 фабзавкомов. Среди остальных форм рабочего вмешательства в деятельность предприятий эпизодично встречались попытки регулировать трудовую дисциплину, охрану предприятий, бороться с простоями. На одном предприятии рабочий был членом заводоуправления³²⁰.

Аналогичные процессы расширения сферы деятельности фабзавкомов, совершенствования их организационного строения, изменения отношения к ним рабочих происходили не только в ЦПР, но и в Петрограде, Баку, Харькове, Донбассе, на Урале, в Поволжье, Минске, Прибалтике. Существуют несколько важных источников, позволяющих судить о подлинном размахе этих процессов. Прежде всего речь идёт о результатах промышленной и профессиональной переписи 1918 года. Определённую информацию можно подцепнуть также из ряда материалов большевистской партии. Так, немалый интерес представляют данные, собранные Центральным и региональными комитетами большевистской партии. В частности, ЦК РСДРП (б) сразу после Апрельской конференции распространил в 218 парторганизациях специальный опросный лист, содержащий вопросы по рабочему контролю. Ответы, возвращённые в ЦК, существенно оживляют сухую, выборочную статистику переписи. Наконец, дополнительные сведения по проблеме распространения различных форм рабочего контроля содержатся в письмах местных организаций в ЦК и Московское областное бюро ЦК РСДРП (б), отчётах о поездках инструкторов центральных органов партии по местным организациям, материалах VI партсъезда, прежде всего в анкетах, заполняемых делегатами.

На основе этих материалов В. И. Селицкий пишет о 1566 достоверно известных случаях рабочего контроля на 373 предприятиях. По его данным, наиболее распространённым был контроль над условиями труда – 28,3% от общего числа известных случаев. За ним шли контроль над наймом и увольнением – 27,3% и производственно-технический контроль – 21,9%. Значительно реже встречался контроль над распределением предметов потребления (6,8%), хотя на крупных предприятиях этот показатель был несколько выше – 8,2%. Ещё менее распространена была охрана предприятий – всего 6,3% случаев. Причем наибольшее их количество зафиксировано на предприятиях металлургической и текстильной промышленности – 6,8%, а наименьшее в пищевой – 3%. Очень слабо обстояли дела с финансовым контролем. В среднем он занимал 7,8% случаев по всем, и 6,5% по крупным предприятиям. Наиболее активно и в этом отношении были металлисты (8,5%), текстильщики (7,2%) и горнодобытчики (3,2%). Ещё меньше в источниках фактов установления прямого рабочего управления – лишь 2,3%, причём по крупным предприятиям и того меньше – 0,4%. Наиболее активно шли на установление своего управления пищевики (6,2% случаев) и горнодобытчики (3,2%), тогда как у металлистов и текстильщиков те же показатели были совсем незначительны (1,7% и 1,0%). По отраслям промышленности наибольшее число фактов рабочего контроля на одно предприятие пришлось на металлургическую промышленность – 4,9 случая. Далее шли текстильщики (3,8) и горнорабочие (3,7). Наименьшая активность обнаруживалась у пищевиков – всего 2,7 случая рабочего контроля³²¹.

Но и эти данные нельзя считать полными. Так важные материалы по районированию фабзавкомовского строительства приводятся М. Л. Иткиным. Им обобщены сведения о 2094 случаях осуществления рабочего контроля на 573 предприятиях с количеством рабочих 1 428 000. По его подсчетам наибольшее распространение получил контроль за внутренним распорядком – 42,3%, материально-техническим снабжением (17,2%), распределением продуктов (11,4%), охрана предприятий (10,7%) и технико-производственный контроль (9,0%). М. Л. Иткин подтверждает выводы В. И. Селицкого о низком уровне финансово-коммерческого кон-

троля (5,1%) и прямого рабочего управления (4,3%). Контроль за внутренним распорядком наиболее сильно был развит на Кавказе (69,5%) и в Белоруссии (81,4%), за материально-техническим снабжением – в Северо-Западном районе и Петрограде (13,9% и 14,1%). В плане технико-производственного контроля особенно выделялась Средняя Азия и Казахстан. Здесь показатель был чрезвычайно высок и поднимался до 42,1%, что впрочем объясняется низким общим показателем количества случаев рабочего контроля в этом регионе – всего 19 зарегистрированных эпизодов. Финансовый контроль был наиболее развит на предприятиях Петрограда (7,1%) и Северо-Западного района (6,8%), а также в Сибири и на Дальнем Востоке, где этот показатель достигал уровня в 9,3%. А вот случаи прямого рабочего управления особенно часто встречались на предприятиях Урала – 13,1% всех известных там фактов рабочего контроля связаны с этим. Так же высоки эти показатели в Сибири, на Дальнем Востоке (12,3%), Украине (10,1%) и в Белоруссии (9,3%)³²². В то же время общее количество фактов рабочего контроля, по мнению историка, было самым высоким в ЦПР и составляло 776, или чуть меньше 40% из числа всех зафиксированных.

Таким образом, мы видим, что постепенно в деятельности фабзавкомов как органов самоуправления всё большее значение начинают приобретать различные формы рабочего контроля над производством. Вне зависимости от того, вёл ли рабочий контроль на тех или иных предприятиях к рабочему управлению или только к участию рабочих в управлении, все прочие функции рабочего представительства в деятельности фабзавкомов начинают отступать на второй план. Сила того или иного рабочего комитета и всего фабзавкомовского движения в целом определялась теперь тем, *насколько широким и значимым был рабочий контроль над производственной деятельностью*. Всё это и позволяет квалифицировать фабзавкомы лета – осени 1917 г. не просто как органы самоуправления, а как *органы производственного самоуправления*. Это определяло их *специфику* в качестве особой, *самостоятельной формы* рабочей самоорганизации.

Усложнение форм деятельности фабрично-заводских комитетов неизбежно влекло за собой и качественные перемены во *внутренней самоорганизации фабзавкомов*.

В трехтомном издании по истории фабзавкомов, подготовленном бывшими членами и сотрудниками Центрального совета ФЗК П. Н. Амосовым, Н. К. Антиповым, Н. А. Скрыпником, В. Я. Чубарём и др., приводится схема устройства фабзавкома³²³, которая складывается к концу организационного периода развития фабзавкомовского движения и которая была типичной для многих предприятий³²⁴.

Из приведенной в приложении схемы видно (см. схему на стр. 407), что вся работа комитета как бы подразделялась на две самостоятельные части: комиссию контроля (Б) и комиссию труда (В).

Координировалась их деятельность Президиумом комитета (А). Комиссии контроля являлись наиболее важной частью комитета. Они существовали не на всех предприятиях, но там, где они образовывались, в их состав, по свидетельству Батышева, старались выбирать наиболее квалифицированных рабочих. Например, руководитель контрольной комиссии Военно-артиллерийского завода И. К. Ливен впоследствии стал членом заводоуправления, а с января 1921 г. Московский союз металлистов, по предложению завкома, утвердил его директором завода.

Комиссия контроля (Б) распадалась на четыре части: комиссию административно-финансового контроля (IX), технико-производственного контроля (X), контроля по снабжению и расходованию сырья и полусырья (XI), контроля по приёмке и расходованию топлива и вторсырья (XII). Первые два звена объединяются в бюро производства (Г) и управляются членом комиссии контроля (V), а части (XI) и (XII) объединены в бюро снабжения (Д) под руководством члена комитета контроля (VI). Председатель комиссии контроля (II) выполнял

разнообразные функции и *вне* предприятия, представляя по должности на общегородских и производственных конференциях и в Советах.

Вторая комиссия фабрично-заводского комитета – комиссия труда (В) – разбивалась на четыре, а в некоторых случаях и более подразделений: расценок и норм выработки (XIII), приёма и увольнения рабочих и разрешения конфликтов (XIV), охраны труда (XV), культурно-просветительскую комиссию (XVI). Комиссия по установлению расценок и норм выработки и комиссия по контролю за наймом и увольнением объединялись в профессиональное бюро (Е), работой которого руководил член комиссии организации труда (VII), тогда как комиссии по охране труда и культурно-просветительской деятельности объединялись в бюро пролетарской культуры (Ж) под руководством другого представителя комиссии организации труда (VIII).

Деятельностью фабзавкома руководил его Председатель (I). Кроме этого в структуру комитета входил секретариат или секретарь (IV) и делопроизводитель или делопроизводительный отдел (З).

Понятно, что эта схема фабзавкома прижилась не везде, но в любом случае структура подавляющего большинства фабзавкомов приобретает вид, типичный для органов производственного самоуправления, включая в себя звенья, специально ориентированные на развитие контроля над производством.

Легко также провести аналогию между традиционной русской общинно-артельной организацией и сферой деятельности фабзавкомов. Наше утверждение, что рабочим в период революции не нужно было долго раздумывать, как организовать себя для самозащиты и выживания, находит ещё одно веское подтверждение: достаточно, в частности, сравнить формы и направления деятельности фабзавкомов с формами и направлениями деятельности сельских сходов, закреплённых ещё царским законодательством о крестьянской реформе, отменявшей крепостное право. Сход вершил всеми делами, принимал решения стратегического уровня, а именно: выбирал всех должностных лиц, выбирал своих представителей в вышестоящие органы самоуправления, «удалял из общества вредных и порочных членов», принимал новых, решал хозяйственные вопросы, в частности связанные с землепользованием, раскладывал по крестьянам налоги³²⁵. Параллель очевидна и, по всей вероятности, не случайна. В *то же время устройство и деятельность фабзавкомов мало напоминали западноевропейскую цеховую организацию, поскольку охватывали значительно более широкую сферу.*

Нельзя в этой связи не отметить ещё один факт, важность которого трудно переоценить. Из типовой схемы устройства фабзавкома (см. её модернизацию для большей наглядности на стр. 408) видно, что структура фабзавкомов как бы разделяется на два сектора. Один из них связан с регулированием труда и возглавляется непосредственно комиссией труда и её председателем. Другой сектор представляет собой, собственно говоря, контрольную комиссию и отвечает за налаживание самых разнообразных функций рабочего контроля, говоря современным языком, форм участия рабочих в управлении производством. Тем самым перед нами возникает ещё одно немаловажное обстоятельство, заставляющее говорить о двоякой роли фабзавкомов в революции 1917 г. С одной стороны, в их компетенцию входили вопросы контроля в области трудовых отношений, а с другой – в области хозяйствования. Таким образом, в зачаточном виде, но самым естественным образом они объединяли в себе как органы, по своему характеру близкие к профсоюзным, так и органы, по своему характеру близкие к функциям заводоуправлений. Это обстоятельство с особой наглядностью свидетельствует о формировании фабзавкомов в качестве принципиально новой формы самоуправления рабочих.

Имеется ещё одно существенное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, речь идёт о **материальной базе** фабзавкомовского строительства. По сути, реально о **самоуправлении можно говорить только тогда, когда существует материальная неза-**

висимость от вышестоящих органов. Как обстояло дело в этом смысле по отношению к фабзавкомам?

Более или менее подробно вопрос финансирования фабзавкомов затрагивается во всех работах о них. Правда, никто из исследователей не пытался проанализировать его с точки зрения закономерностей функционирования органов самоуправления. Тем не менее в исторической литературе собрано достаточно материала, чтобы можно было сделать нужные выводы. Представление о том, как обстояло дело с финансированием деятельности фабзавкомов в целом, может дать схема³²⁶, помещённая на стр. 406. Из этой схемы видно, что средства на содержание и деятельность фабзавкомов выделялись, как правило, из фондов самого предприятия, кто бы конкретно их не пополнял: рабочие или владельцы. Ни другие рабочие организации, ни государственные органы, ни банки участия в финансировании фабзавкомов не принимали. *Фабрично-заводские комитеты весной – летом 1917 г. были практически полностью материально независимы и осуществляли свои функции на основе самообеспечения.*

В отечественной историографии имеются важные сведения и относительно динамики возникновения фабзавкомов. По этим данным, в предоктябрьский период уверенно шло строительство органов рабочего самоуправления на мелких (до 50 человек) и средних (от 51 до 500 человек) предприятиях. На более крупных предприятиях темпы были ещё выше. На предприятиях от 501 до 1000 человек до октября 1917 г. возникло 194 ФЗК, или 85,5%, на предприятиях от 1001 до 5000 человек образовалось 184 ФЗК, то есть 84,8%. Что же касается 20 учтённых переписью предприятий, численность рабочих на которых превышала 5000, то 86,9% из них было охвачено движением за рабочее представительство. По отраслям наиболее действенно шло развитие фабзавкомов и специальных органов рабочего контроля на транспорте – здесь образовалось ещё до октября более 86% из действовавших к середине 1918 г. фабзавкомов. Затем шли текстильная промышленность (70,1%), стекольная промышленность (более 66%), металлургическая и топливная промышленность (60,7% и 61,2%). В региональном разрезе по темпам возникновения ФЗК впереди шла Московская губерния – 64,8% (или 826 ФЗК)³²⁷.

Вместе с этим приведённые выше расчеты показывают, что фабзавкомы существовали далеко не на всех предприятиях, и существующие на этот счёт в историографии завышенные оценки следует признать ошибочными. Так, Л. С. Гапоненко пишет о том, что к лету 1917 г. фабрично-заводские комитеты были организованы на подавляющем большинстве предприятий³²⁸. Гораздо более взвешенную позицию занимал П.В. Волобуев, который, ссылаясь на раздробленность и «кустарность» попыток рабочих вмешиваться в контроль над производством, призывал не «впадать в преувеличения размаха и общих результатов» фабзавкомовского движения на этом этапе³²⁹. Эту же точку зрения разделял и В. З. Дробижев. Согласно собранным им данным, из 4398 известных фабрично-заводских комитетов более 50% были образованы уже после Октября. В предоктябрьский период фабзавкомы действовали лишь на 2151 предприятии, охватывая не более 22,5% промышленности, при этом наибольшие темпы в возникновении фабзавкомов, по мнению исследователя, наблюдались непосредственно накануне социалистической революции. Что же касается специальных органов рабочего контроля, то до прихода большевиков к власти они действовали лишь на 306 фабриках и заводах, или на 12,9% из общего числа учтённых предприятий³³⁰. Всё это заставляет согласиться с историками, считающими, что в дооктябрьский период рабочий контроль так и не смог превратиться в систему мер, способную радикальным образом вмешаться в экономику страны и спасти её от надвигающихся потрясений³³¹.

В этом мы видим главное противоречие роли рабочего самоуправления в революции 1917 г. Сохранение существующей в стране общественно-политической ситуации для рабочих было неприемлемо. Участвуя в изменении отношений на производстве, фабзавкомы вносили существенный вклад в подготовку «пролетарского» этапа революции (как тогда восприни-

мали его многие). Но эти новые коллективистские отношения *не охватывали всех* предприятий и *всех* рабочих, они ещё *не стали преобладающими*, а там, где развитие фабзавкомов продвигалось более быстрыми темпами, часто это диктовалось *политической*, а не хозяйственной целесообразностью. В этих условиях любое изменение социальной и экономической ситуации могло разрушить ту среду, в которой шло развитие фабрично-заводских комитетов и существенно повлиять на их дальнейшую судьбу.

Примечания

¹ Спирин Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 84.

² Красный архив. 1927. Т. 2. С. 17.

³ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 23.

⁴ Революционное движение после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

⁵ Бюллетень революции. 1917. 1 марта.

⁶ Красный архив. 1927. Т. 2. С. 46.

⁷ История Москвы. Краткий очерк. М., 1978. С. 202.

⁸ Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 марта.

⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 133.

¹⁰ Булдаков В. Путь к Октябрю // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 34.

¹¹ Герасименко Г. А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 115.

¹² Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 31–32.

¹³ Емельянов Н. А. Местное самоуправление в дореволюционной России. Тула, 1997. С. 37.

¹⁴ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 336.

¹⁵ Сборник материалов Комитета московских общественных организаций. Вып. 1. Май 1917 года. М., 1917. С. 3.

¹⁶ Известия Московского военно-промышленного комитета. 1917. Апрель. № 34.

¹⁷ Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 марта.

¹⁸ Февральская революция 1917 года. С. 257.

¹⁹ См. сообщение об этом в: Известия Временного исполнительного комитета московских общественных организаций. 1917. 2 марта. Вероятно, для придания легитимности новому органу в сообщении о его создании особо оговаривалось, что он был образован «на совещании, созванном городским головой по настоянию явившихся к нему представителей промышленных кругов», тем самым как бы подчёркивалась связь с прежней властью и создавалась иллюзия её непрерывности.

²⁰ Известия Временного исполнительного комитета московских общественных организаций. 1917. 2 марта.

- ²¹ Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995. С. 160, 161, 164. и др.
- ²² Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. док. Иваново, 1947. С. 391.
- ²³ Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов. 1995. С. 83.
- ²⁴ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 198.
- ²⁵ Подробнее см.: Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России. М., 1992.
- ²⁶ Русское слово. 1917. 2 марта.
- ²⁷ Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 54. Таким образом, как видим, уже на ранней стадии развития революции выявилось одно из наиболее глубоких противоречий общественного развития той поры – противоречие между государством и широкой демократической инициативой низов. Причём центральная власть проявила свою настороженность и попечительские настроения не только по отношению к формально оппозиционным советам, но и к тем демократическим гражданским институтам, которые готовы были все свои усилия направить на укрепление авторитета новой центральной власти. Это противоречие с течением времени грозило превратиться в глубокий антагонизм.
- ²⁸ Архив русской революции. Т. 1-2. М., 1991. Т. 1. С. 26, 27.
- ²⁹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 479.
- ³⁰ См., напр.: правленую стенограмму его речи в Государственной думе 1 ноября 1916 г. в кн.: Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 45-61.
- ³¹ Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 48-52, 53.
- ³² Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 53-54.
- ³³ Там же. С. 33-48; Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 152-153; Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967. С. 39-40.
- ³⁴ Великий Октябрь. М., 1987. С. 34; История Гражданской войны в СССР. М., 1938. Т. 1. С. 72.
- ³⁵ Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Л., 1991. С. 13.
- ³⁶ См.: Ангарский Н. Москва в двух революциях. М. – Л., 1928. С. 10.
- ³⁷ Бюллетень Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.
- ³⁸ Лубков А. В. Война, революция и кооперация // Власть и общественные организации в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 107-109.
- ³⁹ Кильчевский В. Кооперация и революция. М., 1917. С. 13.
- ⁴⁰ Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 116-117 и др.
- ⁴¹ Объединение. 1917. № 2. С. 23.
- ⁴² Лубков А. В. Война, революция и кооперация // Власть и общественные организации в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 107-109.
- ⁴³ См.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С.218, 225-226 и др.
- ⁴⁴ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 289-311.
- ⁴⁵ См. об этом: Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 203,210-212.

⁴⁶ Это вытекает из довольно туманной фразы из обращения МК РСДРП (б), принятого на следующий день, в котором, в частности, говорилось: «Необходимо создать учреждение, которое возьмёт управление Москвой в свои руки. Надо немедленно избрать Совет рабочих депутатов» (См.: Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М., 1957. С. 10, 11).

⁴⁷ См. о точках зрения на природу революционных конфликтов в современной историографии: *Булдаков В. П.* Исторические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 187-195.

⁴⁸ За рубежом. 1992. № 18. С. 16.

⁴⁹ *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 262-264, 272.

⁵⁰ *Милиц И. И.* Образование Советов (февраль-март 1917 г.) // История СССР. 1967. № 1. С. 6.

⁵¹ История профсоюзов России. Этапы, события, люди. М., 1999. С. 66.

⁵² *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). CHALIDZE PUBLICATIONS. Ньютон, 1989. С. 13.

⁵³ История профсоюзов России... С. 66.

⁵⁴ *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. С. 286.

⁵⁵ *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции... С. 13.

⁵⁶ *Фин Я.* Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. Популярный очерк. М., 1928. С. 14.

⁵⁷ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 175.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 94. Л. 47.

⁵⁹ Социал-демократ. 1917. 12 марта.

⁶⁰ *Романов Ф.* Профсоюзы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции М., 1953. С. 24.

⁶¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Док. и материалы. М., 1957. С. 197.

⁶² Летопись героических дней. М., 1973. С. 55.

⁶³ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 19 марта. Летопись героических дней. С. 55.

⁶⁴ *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 25.

⁶⁵ История советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920 гг. М., 1984. Т. 1. С. 45.

⁶⁶ ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁶⁷ Известия Совета рабочих и военных депутатов (Кострома). 1917. 26 апреля.

⁶⁸ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957. С. 33-34.

⁶⁹ Москва. Октябрь. Революция. М., 1987. С. 26-27.

⁷⁰ Там же. С. 27-28, 29.

⁷¹ *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты... С. 24.

⁷² Шесть лет на революционном посту. М., 1923.

⁷³ Москва. Октябрь. Революция. С. 385-398.

⁷⁴ Панкратова А. М. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 68.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 65. Л. 186-187.

⁷⁶ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 187.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 98. Л. 54.

⁷⁸ «Динамо» на пути к Октябрю. М., 1961. С. 174-175; Октябрьские дни в Москве и районах. М., 1923. С. 100.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 22-26.

⁸⁰ Октябрь в Замоскворечье. М., 1957. С. 263.

⁸¹ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 82. Л. 187.

⁸² ЦМАМ. Ф. Р—100. Оп. 7. Д. 7. Л. 6-6 об.; Октябрьские дни в Москве и районах. С. 100; Из истории рабочего движения в Московской губернии в 1917 г. (март -апрель) // Исторический архив. 1957. № 1. С. 85 и др.

⁸³ Попова Е. Московская провинция в 1917 г. М., 1927. С. 172.

⁸⁴ Флагман станкостроения. Страницы истории завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова. М., 1986. С. 66.

⁸⁵ Октябрь и профсоюзы. М., 1967. С. 50.

⁸⁶ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 86-88.

⁸⁷ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 23. Л. 61 и др.

⁸⁸ Известия Совета рабочих и военных депутатов. 1917. 26 апреля.

⁸⁹ Подготовка и победа революции в Москве. С. 42.

⁹⁰ Москва. Октябрь. Революция. С. 27-29.

⁹¹ Там же. С. 26.

⁹² ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

⁹³ Там же. Д. 5. Л. 1, 22-24, 25-27.

⁹⁴ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

⁹⁶ Там же. Д. 28. Л. 29.

⁹⁷ Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁹⁸ Октябрьские дни в Москве и районах. С. 100 и др. Хотя и в дальнейшем известная пестрота в названиях низовых органов рабочего производственного самоуправления сохранялась, но в большинстве случаев за ними закрепилось название местных, рабочих, фабричных, заводских или собственно *фабрично-заводских комитетов*, что очень хорошо видно по перечню организаций, представленных на VI общегородской конференции фабзавкомов Петрограда, составленному японским историком Е. Цудзи (см. Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая Конференция ФЗК Петрограда 22-28.1. 1918. Протоколы и материалы / Составитель Е. Цудзи. СПб., 2002. С. 451^165).

⁹⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Д. 23. Л. 22-26.

¹⁰¹ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50. Там же. Д. 83. Л. 16,16 об.; ЦМАМ. Ф.Р-100. Оп. 7. Д. 7. Л. 6-6 об; Ситцевый поток. Страницы истории Первой Московской ситценабив-

ной фабрики. М., 1973. С. 92, 93; *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства. С. 67.

¹⁰² Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М.: Изд-во ВЦСПС. Ч. 1. М., 1927. С. 261.

¹⁰³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 30.

¹⁰⁴ Листовки Московской организации большевиков 1914-1925 гг. М., 1954. С. 30.

¹⁰⁵ Рабочая газета. 1917. 7 марта; Там же. 17 марта.

¹⁰⁶ Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 141.

¹⁰⁷ Вперёд. 1917. № 1.

¹⁰⁸ См., напр.: *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М., 1967. 134 с.; *Трукан Г.А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 72-73;

Белоусова М. Т. Борьба московских большевиков за рабочие массы в период мирного развития революции (март – июнь 1917 г.) // Московский историкоархивный институт. Труды. М., 1960. Т. 14. С. 59-87; *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март – октябрь 1917 года). М., 1960. С.227 и др.

¹⁰⁹ *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 62.

¹¹⁰ ЦАОДМ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹¹ Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. 1883 – ноябрь 1917. М., 1979. С. 371.

¹¹² *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного наследия. М., 1997. С. 85. Что же касается крестьянства, то по отношению к нему организационное воздействие имущих и образованных слоёв города распространялось также через органы местной государственной власти, а также через Советы, общественные комитеты, местные земства. Неуёмная организаторская активность представителей политических элит привела к тому, что к лету 1917 года органы самоуправления крестьянства во многом оказались подконтрольны представителям интеллигенции и государства. Но и здесь позиции партий и надпартийных структур оказались не абсолютными, и в последующие месяцы начался процесс их окрестьянивания. Полностью за пределами внешнего влияния оставалась сама община (*Герасименко Г. А.* Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 115-138; *Он же.* Опыт земского самоуправления // Государственное управление и самоуправление в России. М., 1995. 139-154; *Ржанухин А. В.* Интеллигенция и местные органы власти в 1917 г. // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Иваново, 1996. С. 306-309). А ведь именно община была базой «революции самоуправления» в деревне. Впрочем, и позже разные течения радикальной интеллигенции пытались «оседлать» крестьянское стремление к свободе, и делалось это с переменным успехом. Тем самым на протяжении 1917-1921 гг. можно выделить несколько этапов, когда самостоятельное крестьянское движение то набирало силу, то вновь попадало под внешнее влияние и контроль. То же, как можно предположить, будет верным и по отношению к динамике рабочего движения в эти годы.

¹¹³ За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской революции. М.: Московский рабочий, 1957. С. 65.

¹¹⁴ Октябрь и профсоюзы. М., 1967. С. 49.

¹¹⁵ Там же. С. 510-511.

¹¹⁶ См. об этом. *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда, или почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь уроки для сегодняшнего дня. М., 1994. С. 3, 8, 19-20.

¹¹⁷ По существу вопрос о влиянии партий, их идеологии и агитации на рабочих лежит в плоскости «болезненной» для России проблемы взаимоотношения интеллигенции и народа, поскольку практически все политические партии в стране контролировались интеллигенцией и её идеологами. Поэтому здесь применим подход, предложенный А. Эткингом, к изучению этих, более глобальных взаимодействий. Известно, что ещё в прошлом веке интеллигенция бросилась в «хождение в народ», полагая, что её собственная, «интеллигентская», культура, культура «господ» кардинально отличается от культуры «народа», тогда как на практике различия эти довольно относительны, и процесс формирования общенациональной культуры идёт отнюдь не только в результате усилий одной интеллигенции. Столь же далеко от истины было и представление некоторых представителей интеллигенции, согласно которому народ является носителем некой вневременной правды, чистоты и справедливости, и что интеллигенция должна учиться у народа этим высоким идеалам. На практике происходит процесс взаимопроникновения и взаимообогащения культур и мировосприятия различных социальных групп. (См.: Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 59-60.)

¹¹⁸ Селицкий В. И. Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 15-20; 23-27; 72-90; Иткин М. Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. С. 15-20; Панкратова А. М. Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику. С. 179; Иванов В. П. Фабзавкомы Москвы в борьбе за власть Советов в 1917 // Из истории борьбы трудящихся Москвы, Московской области за установление Советской власти и социалистическое строительство. Изд. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1977. С. 82; Октябрь в Москве. М., 1967. С. 45; Симонян М. Н. Московские большевики – организаторы и руководители фабзавкомов // Материалы по проблемам профессионального движения. Ташкент, 1964. С. 212; Шустова Е. И. Руководство московских большевиков борьбой рабочего класса за осуществление ленинского лозунга рабочего контроля (март-ноябрь 1917 г.) // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества) М.: Изд. МГУ, 1978. С. 80-99; Виноградов В. А. Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983. С. 9-19.

¹¹⁹ См., напр.: Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990. С. 73-79.

¹²⁰ Блинов А. С. Центральный совет фабзавкомов Петрограда. М., 1982. С. 12.

¹²¹ Третья Всероссийская конференция профсоюзов. Стенографический отчёт. М., 1928. С. 338.

¹²² Впрочем, некоторые, например зарубежные, историки аргументированно сближают две революции, объединяя их в единый неразрывный процесс (можно назвать такие известные имена, как Р. Пайпс и Т. Шанин). Подобная трактовка может быть ещё более убедительной, если говорить о русских революциях 1905 и 1917 г. как о единых звеньях нарастания в России сопротивления западническому варианту модернизации, осуществляемому на рубеже веков. И всё же, каким бы заманчивым ни казался такой подход, абсолютизировать опасно.

¹²³ Ферро М. Николай П. М., 1991. С. 239. Любопытный эпизод в этой связи приводит Герасименко. Он описывает, как в Хвалынском и Сердобском уездах Саратовской губернии крестьяне при выборах новых революционных органов использовали интересную технологию. Кандидаты, собравшись вместе, должны были перекричать друг друга, чтобы получить важные посты у себя в сёлах (Герасименко Г. А. Возникновение волостных общественных исполнительных комитетов в Нижнем Поволжье (март-май 1917 года) // Поволжский край. 1973. № 2. С. 55). Американский исследователь Д. Рейли называет такой способ утверждения прямой демократии неожиданным (Рейли Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 81, о позиции общины в революции см. также С. 37 и др.). На самом деле ничего неожиданного или уникального в случае, описанном Герасименко, нет. Перед нами типичные проявления архаичной демократической традиции, пусть и в искажённой форме, но воспроизводящей черты так называемой Новгородской вечевого системы, кото-

рая на самом деле была широко распространена до татарского нашествия по всей Руси. (См. по этому поводу: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Ч. 2. Л., 1980.)

¹²⁴ *Кирова К. Э.* Западная Европа в 1917 г. М., 1977. С. 4-7.

¹²⁵ Новый путь. 1917. № 3-4. С. 28.

¹²⁶ Там же. С. 21.

¹²⁷ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 311.

¹²⁸ *Сцелл Д.* Участие, контроль работников и самоуправление. М., 1994. С. 6, 14, 15.

¹²⁹ *Abendon W.* A Shot History of European Working Class. © NBL. 7 C. S. London, 1972. P.9-26

¹³⁰ *Addison Ch.* Four and Half Years. A Personal Dianry from June 1914 to January 1919/ Vol II. L. 1934; *Bünger S.* Die socialistische Antikriegsbewegung in Grossbritannien. 1914-1917. В. 1967. См. так же: *Карлинер М. М.* Рабочие движение в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1991.

¹³¹ *Wright A. W* Guild Socializm Revisited // Journal of Contemporary History. L / 1974. Vol 9. № 1. *Галкина Л. А.* Гильдейский социализм. Критический анализ. М.: Наука, 1988.

¹³² См.: *Чернов В.* Конструктивный социализм. М., 1997. С. 342, 362.

¹³³ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы в Германской революции (1918-1923 гг.). М., 1924. См. также. Массы за рабочий контроль // Новый путь. 1918. № 3; Контроль рабочих за железными дорогами // Там же; *Вайнберг Ю.* Контроль рабочих над производством в Англии // Там же.

¹³⁴ *Хаймсон Л.* К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 28-54 и др.

¹³⁵ *Shkliarevsky G.* Labor in the Russian Revolution/ Factory Committees and Trade Union 1917-1918. N. Y, 1993.

¹³⁶ См.: *Шубин А.* Анархо-синдикалисты в испанской гражданской войне 1936— 1939 гг. М., 1997. С. 23,30 и др.

¹³⁷ Следует добавить, что пример аграрной Испании нам кажется особенно показательным. Если взять другие аграрные уголки Европы, то ситуация окажется такой же. Так, во многих районах Германии крестьянство также играло весомую роль в формировании рабочего класса. Многие рабочие по своему положению оставались, как и в России, полукрестьянами, сохраняли прочные связи с семьями, остававшимися в деревне. Но, переходя в город, как показывает в своём исследовании Альф Людтке, они изначально несли с собой не опыт коллективного труда в общине, как это происходило в России, а опыт своей прежней обособленности «мелких хозяев» (См. Конец рабочей истории. М., 1996. С. 123-124).

¹³⁸ Противники признания самобытной культуры России указывают часто, что аналогичные принципы, отдающие приоритет коллективу, а не личности, были распространены и на Востоке. Достоверных данных о том, какие формы самоорганизации существовали на Востоке, не так много, как о демократическом развитии Запада. Но и то, что известно сегодня, *позволяет говорить о существенных различиях между формами самоорганизации в России и странах Востока.* Интерес в этом смысле представляет цеховая система ремесла в Османской империи. С течением времени она сложилась в жёсткую корпоративную структуру. Цеха определяли здесь не только цены или номенклатуру продукции, но и технологию её изготовления. Какие-либо новшества или усовершенствования орудий труда порицались. Цеха слу-

жили институтом социальной защиты и адаптации. В этом велика их схожесть с традиционными формами самоуправления в России. Но во внутренней своей жизни они строились по иерархическому принципу, что для России было совершенно не характерно. Одновременно с этим можно говорить о существенно большей замкнутости цехов по сравнению с общиной (См. подробнее: *Поликарпов В. С.* История нравов России. Восток или Запад? От Алексея Тишайшего до Николая Второго. Ростов-на-Дону, 1995. С. 537-543). Вероятно, это может быть связано и с тем, что на Востоке более распространена кровнородственная община, предполагавшая как раз иерархический принцип построения. В России же была распространена территориальная община, в которой внутреннее управление базировалось на солидарности равных субъектов власти (См.: *Кузмин А. Г.* Истоки русского национального характера // *Русский народ: историческая судьба в XX в.* М., 1990 и др.).

¹³⁹ См.: *Карьбиев Н. А.* Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб. 1897.

¹⁴⁰ См.: *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем 1872-1887. М., 1987.

¹⁴¹ См.: *Каблиц И. И.* Основы народничества. СПб., 1888.

¹⁴² *Ткачѳв П. Н.* Сочинения в 2-х томах. М., 1976. С. 164.

¹⁴³ См.: *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1-2. СПб., 1876.

¹⁴⁴ Цит. по: *Платонов О.* Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990. С. 87.

¹⁴⁵ *Маркс К, Энгельс Ф.* Избранные сочинения. В 9-ти томах. М., 1987. Т. 6. С. 58-78; 79-80.

¹⁴⁶ См.: *Платонов О.* Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990. С. 86-94.

¹⁴⁷ См. подробнее сб.: *Экономика русской цивилизации.* М., 1995.

¹⁴⁸ *Бухарцев В. М., Люкшин Д. И.* Российская смута начала XX в. как общинная революция // *Историческая наука в изменяющемся мире.* Вып. 2. Казань, 1994.

¹⁴⁹ *Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм: И. Бухарин, Е. Преображенский.* Азбука коммунизма; Г. Тараданов, В. Кибардин. Азбука фашизма. М., 1994. С. 19.

¹⁵⁰ См. подробнее: *Платонов О.* Русский труд. М., 1991. С. 78-79.

¹⁵¹ *Экономика русской цивилизации.* М., 1995. С. 145-147.

¹⁵² *Программы политических партий России. Конец XIX – XX вв.* М., 1995. С. 423, 435-436, 453 и др.

¹⁵³ *Игнатенко Т. А.* Ленин о рабочем контроле над производством // *Великий Октябрь.* История. Историография. Источниковедение. М., 1978.

¹⁵⁴ *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. М., 1925. С. 5.

¹⁵⁵ *Как организовать заводской (фабричный) рабочий комитет.* М., 1917. С. 6.

¹⁵⁶ См.: *Зимарина Н. П.* Роль Советов и профсоюзов. С. 29.

¹⁵⁷ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. Вопросы историографии рабочего класса СССР. М.: Мысль. 1970; Вопросы историографии рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970; *Кольчевский И.* Забастовочное движение в Москве с февраля по октябрь 1917 г. // *Пролетарская революция.* 1926. № 8; История ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Московского завода холодильного машиностроения «Компрессор». М.: Московский рабочий, 1977; *Лейберов И. П., Рудаченко Д. С.* Революция и хлеб. М., 1990; *Романов Ф.* Профсоюзы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1953; *Имени Владимира Ильича.* История ордена Ленина и Трудового Красного Знамени электромеханического завода им. В. И. Ленина. М.: Московский рабочий.

1970; Завод на Усачевке. История Московского ордена Трудового Красного Знамени завода «Каучук». М., 1970 и др.

¹⁵⁸ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 89.

¹⁵⁹ *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда // *Альтернативы*. 1995. №2. С. 116-117.

¹⁶⁰ *Металлист*. 1917. № 1-2. С. 5.

¹⁶¹ *Новая жизнь*. 1917. 26 октября.

¹⁶² *Волбуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. С. 91; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М., 1967. С. 205; История советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920 гг. М., 1984. Т. 1. С. 86 и др.

¹⁶³ *Гильберт*. К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот» // История пролетариата СССР. 1931. Сб. 7. С. 209-210.

¹⁶⁴ *Текстильный рабочий*. 1917. № 2. С. 6.

¹⁶⁵ *Социал-демократ*. 1917. 6 мая.

¹⁶⁶ ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

¹⁶⁷ Там же. Л. 7.

¹⁶⁸ Там же. Д. 70. Л. 1. 1 об.

¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

¹⁷⁰ *Милицы 77*. История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 208.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 119. Л. 2-9, 10.

¹⁷² Там же. Л. 11.

¹⁷³ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об.

¹⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 261. Ч. II. Л. 94.

¹⁷⁵ *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства. С. 74.

¹⁷⁶ ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

¹⁷⁷ *Волбуев П. В.* Рабочий класс и буржуазия России в 1917 г. С. 117-125; *Кукушкин С.* Московский Совет в 1917 году. М., 1957. С. 27-29; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. С. 75 и др.

¹⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 261. Л. 18.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 186. Оп. 1. Д. 29. Л. 2-3 об.

¹⁸⁰ Рабочее движение в 1917 году. С. 33.

¹⁸¹ Организация и строительство Советов рабочих депутатов. М., 1928. С. 25.

¹⁸² *Панкратова А. М.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.-Л., 1927. С. 32.

¹⁸³ См.: За власть Советов. М., 1957. С. 92-97.

¹⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 52. Л. 2; *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 35; *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март – октябрь 1917 года). М., 1960. С. 85-86; Завод на Лесной. М., 1971. С. 37 и др.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 100. Л. 74.

¹⁸⁶ Подготовка и проведение Октябрьской революции в Москве. М., 1957. С. 30-31; *Панкратова А. М.* Фабзавкомы и профсоюзы. С. 31-32.

- ¹⁸⁷ Флагман станкостроения. С. 65.
- ¹⁸⁸ Рабочее движение в 1917 году. С. 42-43.
- ¹⁸⁹ Подготовка и проведение Октябрьской революции в Москве. С. 30-31.
- ¹⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 16; История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966. С. 36; «Динамо на пути к Октябрю. М., 1961. С. 154— 155; *Курахатов В.* Первая ситценабивная. М., 1960 и др.
- ¹⁹¹ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 386; Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. С. 242-243 и др.
- ¹⁹² Рабочая газета. 1917. 12 марта.
- ¹⁹³ *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М.: Республика. 1993. С. 102.
- ¹⁹⁴ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. С. 115.
- ¹⁹⁵ Октябрь в Замоскворечье. М., 1956. С. 140; Из истории рабочего движения в Москве и Московской губернии. С. 93.
- ¹⁹⁶ Рабочее движение в 1917 г. С. 66.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 210. Л. 191
- ¹⁹⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М., 1957. С. 161.
- ¹⁹⁹ Рабочее движение в 1917 г. С. 69.
- ²⁰⁰ Там же. С. 66.
- ²⁰¹ ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ²⁰² Рабочее движение в 1917 году. С. 69.
- ²⁰³ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 8, 9, 12.
- ²⁰⁴ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
- ²⁰⁵ Правда. 1917. 28 марта.
- ²⁰⁶ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 33. Л. 18-27.
- ²⁰⁷ Социал-демократ. 1917. 19 марта.
- ²⁰⁸ *Флеер М.* К истории рабочего движения 1917 года // Красная летопись. 1925. № 2.
- ²⁰⁹ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 140; *Пушкарёв И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократической революции. М., 1975. С. 336-337.
- ²¹⁰ *Милиц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 223.
- ²¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 94. Л. 48.
- ²¹² Там же. Д. 100. Л. 72; Флагман станкостроения. С. 68-69.
- ²¹³ Там же. Д. 68. Л. 77-77 об.
- ²¹⁴ Там же. Д. 100. Л. 75.
- ²¹⁵ Известия Совета рабочих и военных депутатов. 1917. 26 апреля.
- ²¹⁶ Флагман станкостроения. С. 63.
- ²¹⁷ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 15об.
- ²¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- ²¹⁹ *Антошкин Д.* Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1917 году // История пролетариата. 1931. № 8.
- ²²⁰ См.: *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 77.

- ²²¹ *Бухарин Н.* От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 20.
- ²²² *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда // *Альтернативы*. 1995. №2. С. 119.
- ²²³ *Платонов О.* Русский труд. М., 1991. С. 37. Границы коллектива, в понимании рабочих, должны были контролироваться самим коллективом. Поэтому требование фабзавкомов учитывать их позицию при расчёте и оформлении на работу новых рабочих носило не только экономический характер. Оно диктовалось вполне определёнными особенностями национальной психологии русских рабочих и напрямую выводило на проблему традиционных функций самоорганизации в локальных трудовых коллективах.
- ²²⁴ *Флагман станкостроения*. С. 70.
- ²²⁵ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 36. Л. 35.
- ²²⁶ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
- ²²⁷ ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.
- ²²⁸ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.
- ²²⁹ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.
- ²³⁰ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.
- ²³¹ Шестнадцать заводов. Главы истории. М. Б. г. С. 381-382.
- ²³² *Егорова А. Г.* Профсоюзы России в 1917 г. М., 1977. С. 54.
- ²³³ *Фин Я.* Фабрично-заводские комитеты России. М., 1922. С. 12.
- ²³⁴ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 30. Л. 2об, 10, 10 об.
- ²³⁵ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 28; *Егорова А. Г.* Рабочий класс – авангард политической армии социалистической революции // *Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции*. М., 1967. С. 98; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 118-119; *Свет над заставой. Из истории завода «Серп и молот»*. М., 1959. С. 110.
- ²³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 255. Л. 12, 12а, 126, 12в.
- ²³⁷ Там же. Д. 95. Л. 64.
- ²³⁸ *Имени Владимира Ильича...* С. 83; *За власть Советов*. М., 1957. С. 66-78.
- ²³⁹ *Фрейдлин Б. М.* Очерки рабочего движения в России в 1917 году. С. 257-258; *От Февраля к Октябрю*. М., 1957. С. 47.
- ²⁴⁰ *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты. С. 31.
- ²⁴¹ *Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии*. Владимир, 1957. С. 54.
- ²⁴² *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты. С. 33.
- ²⁴³ Подробнее об этом см.: *Чураков Д. О.* Как это было: Красная гвардия в 1917-м // *Диалог*. 1998. № 4.
- ²⁴⁴ ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.
- ²⁴⁵ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ²⁴⁶ ГАИО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об.
- ²⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 261. Ч. 2. Л. 94.
- ²⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 71. Л. 91-92.
- ²⁴⁹ ГАРФ. Там же. Л. 93.
- ²⁵⁰ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

- 251 ГАИО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.
- 252 Там же. Д. 1. Л. 24.
- 253 Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
- 254 Там же.
- 255 ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 36. Л. 53.
- 256 Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.
- 257 Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.
- 258 ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50.
- 259 Ситцевый поток. Страницы истории Первой Московской ситценабивной фабрики. М., 1973. С. 92, 93.
- 260 Труд и профсоюзы. 1927. № 10. 10-11. С. 56.
- 261 ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 314. Л. 7.
- 262 Там же. Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-21.
- 263 Там же. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2. Л. 52 об, 54 об, 56, 57 и др.
- 264 ТАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- 265 Там же. Л. 15 об.
- 266 История советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920 гг. М., 1984. Т. 1. С. 60.
- 267 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 38. Л. 39.
- 268 См.: *Иткин М. Л.* Рабочий контроль над производством накануне Великого Октября. М., 1984. С. 110.
- 269 Рабочий путь. 1917. 14 октября.
- 270 ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 10-12.
- 271 *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия. С. 316.
- 272 ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 52. Л. 8 об., 9 об.
- 273 Там же. Д. 50. Л. 5 об, 6 об.
- 274 Свет над заставой. С. 110; За власть Советов. М., 1957. С. 27; Старая и Новая Даниловка. С. 19-20; История советского рабочего класса. Т. 1. С. 61; *Симонян М. Н.* «Динамо». На Пути к Октябрю. М., 1961. С. 161 и др.
- 275 *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты. С. 15, 62-63.
- 276 ТАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 3
- 277 ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.
- 278 Там же. Д. 34. Л. 7.
- 279 Там же. Д. 126. Л. 24.
- 280 Там же. Ф. 442. Оп. 2. Д. 4. Л. 3, 15.
- 281 Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- 282 Там же. Л. 5.
- 283 *Иванов В. П.* Фабзавкомы Москвы в борьбе за власть Советов в 1917 // Из истории борьбы трудящихся Москвы и Московской области за установление Советской власти и социалистическое строительство. Изд. МОПИ им. И. К. Крупской, 1977. С. 85.
- 284 ГАИО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
- 285 Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.

- ²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 36. Л. 10; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 40; Завод на Усачёвке. С. 21.
- ²⁸⁷ ТАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 22-24, 29, 30 и др.
- ²⁸⁸ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.
- ²⁸⁹ Там же. Д. 36. Л. 3 об.
- ²⁹⁰ *Галили З.* Лидеры меньшевиков. С. 220.
- ²⁹¹ ТАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
- ²⁹² Там же. Д. 7. Л. 52.
- ²⁹³ Впрочем, не следует забывать, что иногда экономические, а точнее, шкурнические интересы могли серьёзно препятствовать налаживанию трудовой дисциплины, не случайно слабее всего дело борьбы с нарушениями дисциплинарных норм было поставлено на предприятиях пищевой промышленности. (См.: *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 193-195; *Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. С. 114-115.)
- ²⁹⁴ ГАИО. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 об-17.
- ²⁹⁵ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 об.
- ²⁹⁶ Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- ²⁹⁷ Перед Октябрём (работа в Тушинско-Тучковском районе) // Власть Советов. 1924. №7.
- ²⁹⁸ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
- ²⁹⁹ ГАИО. Ф.703. Оп. 1. Д. 1 Л. 20-21.
- ³⁰⁰ ЦМММ. Ф. 2795. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
- ³⁰¹ Рабочее движение в 1917 г. С. 313.
- ³⁰² ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 16-16 об.; *ФинЯ.* Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922. С. 11.
- ³⁰³ *Симонян М. Н.* «Динамо» на пути к Октябрю. С. 161.
- ³⁰⁴ *Иткин М. Л.* Рабочий контроль над производством накануне Великого Октября. С. 92.
- ³⁰⁵ *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 125.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ Рабочий путь. 1917. 12 октября.
- ³⁰⁸ Красный архив. 1937. № 6.
- ³⁰⁹ Голос народа. 1917. 1 июня.
- ³¹⁰ *Панкратова А. М., Меллер В. Л.* Алексей Иванович Рыков (его жизнь и творчество). М., 1924. С. 38.
- ³¹¹ *Уваров А. К.* К Ленину за Советом // За власть Советов. М., 1957. С. 27.; *Имени Владимира Ильича.* С. 80; *История Московского завода им. Лихачева.* С. 41; *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты. С. 60-61; *Революционное движение в России после свержения самодержавия.* Ч. 1. С. 487; *Компрессор.* С. 66; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 135-139; *Октябрь в Замоскворечье.* С. 49.
- ³¹² Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1961. Т. IV. С. 268.
- ³¹³ Труд. 1917. 6 июня.
- ³¹⁴ Социал-демократ. 1917. 6 июня; Утро России. 1917. 9 июня.
- ³¹⁵ Пролетарий. 1917. 6 июня;

³¹⁶ См. подр.: *Чураков Д.* Традиции русского пролетариата: опыт 1917 года и современность // Россия. XXI. 1993. № 3. С. 93.

³¹⁷ Речь идёт о фабрично-заводском комитете крупнейшего в стране предприятия - Путиловского завода (См.: *Булдаков В.* Путь к Октябрю. С. 39).

³¹⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 24-27.

³¹⁹ Там же. Л. 3-7.

³²⁰ Там же. Л. 24-27.

³²¹ *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 193-195.

³²² *Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. С. 114-115.

³²³ Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М.: Изд-во ВЦСПС, 1927. Ч. 1. С. 45.

³²⁴ Можно назвать и другие подобные попытки как-то систематизировать, ввести в общее русло фабзавкомовское строительство на разных предприятиях. Так, летом 1917 г. был опубликован проект Мануйлова, посвящённый в основном финансовому контролю, а также контролю над заключением и выполнением заказов (Правда. 1917. 24 июня). В начале осени была обнародована схема ЦС ФЗК Петрограда создаваемых при фабзавкомах отдельных предприятий комиссий по рабочему контролю (Рабочий путь. 1917. 7 октября).

³²⁵ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Сборник законоположений о крестьянских и судебных учреждениях. Тула, 1899.

³²⁶ См. подробнее: *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы. С. 24.

³²⁷ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917-1932 гг.). М., 1966. С. 50.

³²⁸ *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. С. 375. Представляется, что причиной завышенной оценки темпов и результатов фабзавкомовского движения является неправомерная экстраполяция данных по Москве на другие промышленные центры страны.

³²⁹ *Волобуев В. 77.* Ленинская идея рабочего контроля и движение за рабочий контроль в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 55.

³³⁰ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917-1932 гг.). М., 1966. С. 46-50.

³³¹ История советского рабочего класса. Т. 1. С. 96.

«Строительные леса» новой государственности

Интеграция и противоречия в рабочей среде

1. Производственное самоуправление как база пролетарской самоорганизации

На рубеже весны-лета 1917 г. в фабзавкомовском движении происходит ещё одно, помимо перехода к рабочему контролю, важное качественное изменение: если весной 1917 г. рабочий контроль осуществлялся фабзавкомом в основном лишь в рамках отдельного взятых предприятий, то летом 1917 г. начинается рост взаимодействия между рабочими комитетами различных фабрик и заводов. *С этого времени можно говорить о начале складывания системы органов рабочего самоуправления.* Слабость фабзавкомов на отдельных предприятиях могла быть компенсирована этими интеграционными процессами.

Организационное оформление более или менее развитой сети фабзавкомов и их объединений в провинции может быть отнесено к лету 1917 г., когда в делах Центрального совета фабзавкомов Петрограда (ставшего позднее ядром Центрального совета ФЗК) начинают появляться запросы и обращения из уголков объятай революцией страны с просьбой выслать образцы пособий, методических и нормативных материалов для налаживания на местах процессов интеграции фабрично-заводских комитетов различных предприятий для совместной борьбы за установление рабочего контроля над производством¹.

Поскольку никакого практического опыта у рабочих не существовало, процесс объединения фабзавкомов начинался и протекал спонтанно. В большинстве случаев объединение диктовалось практическими соображениями и происходило в процессе совместной борьбы за какие-либо конкретные требования, как это видно на примере рабочих комитетов 6-ти московских предприятий: заводов Ефремова, Баврина, Гакенталья, Краснова, Дергачёва и мастерских при Высшем техническом училище, заключивших между собой своеобразный союз с целью добиться повышения зарплаты. Результатом интеграционной деятельности рабочих этих предприятий стало создание 4 мая 1917 г. объединённого стачечного комитета из представителей всех завкомов². Несколько иначе, но в целом по такому же сценарию события разворачивались на шести текстильных фабриках, среди которых такие известные, как Гюбнера, Мещерина, Прохорова, на которых был создан совместный рабочий комитет для решения общих задач рабочего контроля³.

Складывание единой структуры фабзавкомовского движения и его связей с другими ветвями рабочего самоуправления из-за своей стихийности в различных городах ЦПР шло неравномерно.

Сложно протекал этот процесс в Москве. П. В. Волобуев называет Москву среди городов, где консолидация фабзавкомовского движения протекала наиболее удачно⁴. Однако, сохранившиеся материалы заставляют большинство исследователей считать, что в Москве единый центр фабзавкомов так и не сложился. Объясняется это тем, что деятельность фабзавкомов здесь была тесно связана с большевизированным Центральным бюро профсоюзов города и особенно с районными Советами⁵. Однако, усилия ЦБ профсоюзов не могли заменить самостоятельного координирующего фабзавкомовского движения органа. Требование о создании такого общегородского центра неоднократно выдвигалось рабочими Москвы, так 3 июля 1917

г. это требование было выдвинуто расширенным заседанием Благуше-Лефортовского Совета совместно с представителями фабзавкомов предприятий района⁶. Звучали подобные пожелания и позже, в частности, на I Всероссийской конференции фабзавкомов представитель II Московской конференции фабрично-заводских комитетов сообщил, что в Москве поставлен наконец вопрос об образовании ЦС ФЗК⁷. Но до Октября для создания городского совета фабзавкомов Москвы так ничего сделано и не было.

В других городах региона объединение фабзавкомов шло успешнее. Например, в Туле уже осенью 1917 г. конституируется Губернский Совет фабрично-заводских комитетов⁸. Ещё раньше на некоторых заводах Тулы возникла идея особых фондов «из отчислений рабочих со своего заработка». Цели этих фондов выходили за рамки деятельности отдельных фабзавкомов и подразумевали борьбу с разрухой и безработицей в рамках всей губернии⁹. В Шуе действовал Союз фабрично-заводских комитетов¹⁰, а также соподчиненное с ним Объединенное бюро фабрично-заводских комитетов¹¹. Они координировали усилия низовых ячеек самоуправления по продовольственному и прочим злободневным вопросам. В Иваново-Вознесенске Центральное бюро фабрично-заводских комитетов было образовано 22 июня 1917 г. на городской конференции фабзавкомов¹². ЦБ ФЗК Иваново-Вознесенска занималось вопросами продовольственного снабжения, контактами с предпринимательскими объединениями¹³, координацией связей фабзавкомов города с пролетарскими организациями Петрограда, Одессы, Москвы¹⁴. Финансировалось же Центральное бюро в основном за счет перечислений непосредственно от низовых комитетов города. Центральный совет фабрично-заводских комитетов действовал и ещё в одном городе ЦПР – Твери¹⁵.

Руководящие и координирующие органы фабзавкомов на территории ЦПР имели разный статус и компетенцию. В некоторых городах кроме Центрального городского Совета ФЗК могли существовать параллельно или вместо него и более локальные объединения рабочих комитетов. Так, в Выске Нижегородской губернии действовал Объединённый завком выскунских заводов, в Костроме – Совет трех текстильных фабрик Костромы, в Московской губернии – Центральный ФЗК Подмосковского угольного бассейна, Объединённый фабричный комитет 11 фабрик Гжельского уезда, Совет ФЗК Орехово-Зуева для двух фабрик, Объединённый фабричный комитет предприятий гончарного производства Бронницкого уезда, в Ярославле наряду с ЦС ФЗК действовали Объединение фабзавкомов на предприятиях Ярославля (химическом заводе Поздизовкина, Волжской мануфактуре и Ярославской большой мануфактуре), а также Объединённый рабочий комитет махорочных и спичечных фабрик¹⁶. В Туле также одно время действовал Центральный заводской комитет Тулы¹⁷.

В целом по ЦПР и прилегающим к нему местностям действовало более 20 центров фабзавкомовского движения, среди них более 10 городских и губернских территориальных Советов, отраслевые и межфабричные объединения. Это позволяет, несмотря на отсутствие центра фабзавкомов в крупнейшем городе региона Москве, говорить о ЦПР как об одном из важнейших районов страны, где фабзавкомовское движение наиболее далеко продвинулось в своём организационном строительстве. В этом смысле интересно сравнить данные по ЦПР с общероссийскими показателями. По оценкам А. Г. Егоровой, существовало 42 центра ФЗК, Б. М. Фрейдлин пишет о 36 районных объединениях ФЗК, В. И. Селицкий – о 25 городских и районных советах ФЗК. Наиболее полные сведения содержались в многотомной истории КПСС, где говорилось о 50 районных, городских и губернских центрах фабзавкомов. Однако последняя цифра, уже в силу своей округлённости и отсутствия достаточной расшифровки, представляется не точной¹⁸. Подробно рассматривает вопрос об образовании и функционировании центров ФЗК в специально посвященной этому работе М. Л. Иткин, который по самым

разным источникам (материалы I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов, пресса, историческая литература, сборники документов по рабочему движению) сумел выявить данные о **94 объединённых центрах фабрично-заводских комитетов**, в том числе 75 городских, районных, уездных и губернских, 8 отраслевых и **11 производственных, действовавших в 65 промышленных центрах России**. Автор сумел в ряде случаев определить также и преобладающее партийное влияние в этих объединенных центрах ФЗК – из 75 территориальных объединений **65 руководились большевиками**¹⁹.

Большую роль в объединении органов рабочего самоуправления и повышении их общественного статуса сыграли многочисленные конференции фабзавкомов, проходившие на протяжении всего 1917 г. во многих городах ЦПР. Именно подобные конференции, как правило, становились первым шагом в создании регионального или отраслевого бюро или совета фабрично-заводских комитетов²⁰. Как правило, на них обсуждались наиболее большие и безотлагательные вопросы, а также возможности координации действий между фабзавкомом. Так, на состоявшейся 22 июня 1917 г. конференции фабзавкомов Иваново-Вознесенска, на которой присутствовали представители 21-го предприятия города, обсуждались вероятность остановки предприятий текстильной промышленности, трения в отношениях с профсоюзами и меры преодоления возникших трудностей. Одним словом, конференция показала, что фабзавкомы города начали осознавать свою ответственность не только за положение на своей фабрике, но и в стране, другое дело, что здесь возможностей влияния у рабочих комитетов было существенно меньше²¹. Важно, что повестка конференции была заранее распространена и обсуждалась рядом фабрично-заводских комитетов, которые в результате пришли к своему форуму с готовыми предложениями²². Под руководством местного Совета рабочих и солдатских депутатов прошла в начале октября 1917 г. конференция фабзавкомов Вышнего Волочка Тверской губернии. На ней обсуждалась необходимость выработать единую инструкцию для всех фабзавкомов города, а также ряд вопросов об улучшении экономической и политической ситуации в уезде и стране в целом²³.

Смелостью решений отличались конференции в рабочих пригородах Москвы. Так, в Подольске на проходившем 15 июня 1917 г. первом съезде фабрично-заводских комитетов города делегаты потребовали перехода всей полноты власти в руки органов рабочей демократии – Советов²⁴. Одним из наиболее ранних и масштабных мероприятий, проведённых активистами фабзавкомовского движения ЦПР, стал губернский съезд Советов и фабзавкомов Подмосковья, проходивший 8-9 апреля. На съезде был принят ряд важных резолюций: 1) об экономической борьбе в губернии; 2) об отношении рабочей организации к Исполнительному комитету и о тактике рабочей группы внутри него; 3) по вопросу о строительстве органов местного самоуправления. В решениях съезда многозначительно подчёркивалось, что «экономическая борьба должна вестись под руководством центральных рабочих организаций» и что для «большой успешности в борьбе необходимо укрепление и расширение заводских комитетов»²⁵.

По-боевому проходили районные конференции фабзавкомов и в самой Москве. К примеру, на конференции фабрично-заводских комитетов Рогожского района 15 сентября 1917 г. помимо текущих вопросов, таких, как создание районного Союза молодежи, ограничение женского труда, решение продовольственного кризиса и других бытовых проблем, было обсуждено политическое положение в стране и прозвучали призывы к немедленному установлению «диктатуры пролетариата»²⁶.

Более драматично, в сложной обстановке межпартийного соперничества, работали общегородские конференции московских фабзавкомов²⁷. Первая из этих конференций, работавшая с 23 по 28 июля 1917 г., обещала поначалу пройти конструктивно. Представленные на ней

делегаты²⁸ выражали готовность пойти на взаимные уступки. Были приняты согласованные резолюции по сотрудничеству фабзавкомов с профсоюзами и Советами, о недопущении локауты, об организации продовольственных поставок, была выработана единая оценка экономического положения в московской промышленности²⁹. Однако, когда большевики попытались принять на конференции некоторые политические резолюции, более трехсот депутатов покинули зал заседаний. И хотя конференция смогла закончить свою работу, наметившийся на ней конфликт внутри фабзавкомов Москвы какое-то время давал о себе знать. Прежде всего, и этот факт следует подчеркнуть, поскольку он не зафиксирован в литературе, наметившееся противостояние внутри фабзавкомовского движения Москвы оказало своё воздействие на срыв создания единого Бюро московских фабзавкомов, так как в большинстве случаев подобные конференции заканчивались именно выборами координирующих органов городского или даже регионального значения.

Одним из первых, с перерывом меньше месяца, с инициативой провести вторую «конференцию фабрично-заводских комитетов г. Москвы в самое ближайшее время» выступил фабзавком Московского телефонного завода³⁰. Аналогичные требования выдвинули рабочие Замоскворецкого трамвайного парка, подстёгиваемые к тому же корниловским выступлением³¹. Большевики, учтя опыт первой конференции, загодя готовились придать конференции острый политический, протестный подтекст³², но эта мера во многом была уже излишней. Не большевики, а сама обстановка подводила органы рабочей самоорганизации к более активным решениям³³. Теперь большевикам приходилось задумываться не о том, как увлечь своим радикализмом рабочих, а как бы не отстать от быстрого полевения их настроений. В определённом смысле ключевая резолюция конференции о рабочем контроле и борьбе с хозяйственной разрухой шла дальше, чем аналогичные решения VI съезда большевиков³⁴. Проходившая с 12 по 17 октября 1917 г. вторая конференция фабзавкомов Москвы задним числом осудила ненавистные рабочим скобелевские циркуляры³⁵ и возложила ответственность за разруху на имущие классы, выход же из сложившейся ситуации делегаты видели в «немедленной национализации» ряда отраслей, «принудительном синдицировании», а также промышленном и банковском контроле³⁶.

В целом по стране в период двоевластия состоялось около полусотни подобных форумов фабзавкомовского движения разных уровней. Из учтённых 49 конференций и съездов городского, районного или отраслевого масштаба, проходивших с 29 апреля по 5 июля 1917 г., по которым имеются данные, лишь 4³⁷ прошли при явным преобладании правых социалистов, на остальных доминировали большевики³⁸.

2. 1 Всероссийская конференция ФЗК

Координация усилий между различными фабзавкомами, а также их городские и региональные конференции – всё это составляет основу довольно стройной пирамиды фабзавкомовского движения. На первом этапе рабочее самоуправление ограничивалось рамками отдельных локальных коллективов цеха, участка или предприятия. На втором – складываются горизонтальные и вертикальные связи на уровне города или района. На третьем же этапе должно было произойти структурирование рабочего самоуправления во всероссийском масштабе³⁹. И о том, что такое развитие было вполне реальным, свидетельствует работавшая с 17 по 22 октября, то есть в самый канун большевистского переворота, I Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов⁴⁰.

Всероссийская конференция фабзавкомов даже моментом своего проведения как бы проводила определённую черту под целой эпохой рабочего самоуправления. Делегатов конференции от трудовых коллективов интересовали не только вопросы о власти, хотя тогда они интересовали, наверное, всех, но и механизмы налаживания взаимодействия между городом и деревней, финансовое положение, ситуация на транспорте, нехватка топлива и т.д. В этом отношении характерно, что специально посвященный состоявшемуся форуму выпуск журнала ЦС ФЗК сосредотачивался именно на подобных, будничных вопросах, не найдя места для публикации докладов «вождей пролетарской революции», которыми те пытались задать ход конференции. А если учесть, что журнал имел весьма ограниченный тираж и что в российскую глубинку попадали лишь отдельные номера, то на какой-нибудь фабрике в Рязанском или Владимирском крае могло сложиться впечатление, что никаких политических страстей на первой конференции ФЗК России и не бушевало⁴¹.

Ключевой темой конференции стала тема рабочего контроля. По итогам жаркой дискуссии вокруг доклада Ю. Ларина была принята специальная резолюция, в которой фабзавкомы выразили свои истинные претензии в экономической и организационной сферах. В ней, в частности, говорилось: «Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производственной деятельности»⁴². По поводу характера и роли рабочего контроля в общем революционном движении в документе говорилось, что «организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самодеятельности в области производства, как организация партийной деятельности – в области политики, организация профессиональных союзов – в области отношений найма, организация кооперативов – в области потребления»⁴³. *Резолюция тем самым как бы очерчивает контуры складывающейся системы рабочего представительства: от политики до экономики.* Вместе с тем эта резолюция вскрыла противоречия, которые к Октябрю 1917 г. выявились в рабочем движении достаточно полно. Противоречия эти являлись следствием не только усилившегося отставания темпов роста органов рабочего самоуправления от динамики политических изменений, но и неоднозначности положения, которое фабзавкомовское движение занимало в складывающейся структуре рабочих организаций в целом.

Материалы I Всероссийской конференции ФЗК подтверждают точку зрения о видной роли ЦПР в развёртывании фабзавкомовского движения. Так, делегация от Москвы, ЦПР и прилегающих к нему районов была самой мощной из провинциальных делегаций и состояла из 30 человек, избранных с правом решающего голоса, 8 присланных с совещательным голосом (троим из которых, Н.П. Обухову из Владимирской губ., представлявшему Центральный завком текстильщиков, Минакову, представлявшему Совет ФЗК Курска, и Подлитаеву из Костромы, был выдан решающий голос) и одного гостя (Н. Васильев от Брянского завода, представлявшего Орловскую губернию). Среди делегатов с правом решающего голоса на конференции присутствовали: П. Репьев из Иваново-Вознесенска, представлявший ЦБ ФЗК города, Е. Горячев с Костромской фабрики Коновалова, И. Воробьёв из Тверской губ., выбранный на Всероссийскую конференцию конференцией Вышневолоцкого рабочего фабрично-заводского комитета, В. Попов от конференции профсоюзов Ярославля, а также делегаты от Москвы Н. Лудаков, Д. Томкачевич, Гамкрелидзе, Шаменко, Желтов, Корзинкин и др. Каждый делегат указывал, какое количество рабочих и служащих он представляет. Если суммировать неповторяющиеся цифры, то получится, что в совокупности делегация от ЦПР представляла примерно 863 тыс. рабочих и служащих, втянутых в фабзавкомовское движение⁴⁴.

Всего же на конференции работали представители 49 промышленных центров России, из них 99 делегатов с решающим и 68 с совещательным голосом. Преобладали на конференции большевики – 86 участников, затем шли 22 эсера, 11 анархо-синдикалистов, 8 меньшевиков, 6

эсеро-максималистов, ещё 4 делегата затруднились определить свою партийную принадлежность⁴⁵.

Делегаты от Москвы и ЦПР проявили высокую активность в развернувшихся на конференции прениях. В их выступлениях содержится немало дополнительных сведений, рисующих картину фабзавкомовского движения в регионе. Так, рабочий из Иваново-Вознесенска Зарецкий рассказал о работе ЦБ ФЗК своего города, в котором было объединено около 40 предприятий, делегировавших в бюро по 15 представителей каждое. Зарецкий признал, что «ЦБ ставит своей целью и контроль над производством, но что-либо сделать в этом направлении не удалось»⁴⁶. Он объяснял это тем, что «все силы приходилось ухлопывать на доставку материалов и топлива, так что некоторые члены ЦБ превратились прямо-таки в подрядчиков»⁴⁷. Если Зарецкий в основном рассказывал о деятельности ЦБ ФЗК Иваново-Вознесенска, то Е. Горячев, делегированный на конференцию Вичугским районом Костромской области, напротив, подчёркивал, что в их крае «о создании Советов фабрично-заводских комитетов вопрос не обсуждался ни разу»⁴⁸. Делегат от Вышневолоцкого уезда Тверской губ. так охарактеризовал состояние фабзавкомовского движения в своей губернии: «Комитеты начали свою деятельность не одновременно, одни раньше, другие позже, но теперь комитеты все функционируют»⁴⁹. В качестве организующей силы в создании и формировании фабзавкомов он особо выделил

Советы, которые провели 8-9 октября 1917 г. губернскую конференцию ФЗК. «До означенного времени, – рассказывал Воробьёв, – комитеты руководствовались каждый своей инструкцией и поступали неодинаково»⁵⁰.

Первая Всероссийская конференция завершилась избранием всероссийского координирующего органа фабзавкомовского движения – Центрального Совета фабрично-заводских комитетов России. Из 9 членов этого важного органа 2 человека были избраны от Москвы – столько же, сколько от Петрограда (остальные пятеро из других регионов страны)⁵¹. Если же учесть, что ВЦС ФЗК был основан на базе ЦС ФЗК Петрограда, то равное представительство в нём от Москвы и северной столицы свидетельствует о признании высокого значения ЦПР в складывающейся системе всероссийского объединения фабрично-заводских комитетов.

3. На перекрёстке истории: фабзавкомы и Советы

Успешное развитие фабзавкомов шло не изолированно от роста других рабочих организаций. Место фабзавкомов в складывавшейся системе различных рабочих организаций определялось их связью с производством, а следовательно, с реальной материальной базой. Ровные, партнерские отношения складывались у фабзавкомов с рабочей кооперацией. Особенно важно было объединить усилия с городской и сельской кооперацией в деле финансового контроля⁵². В Москве на некоторых предприятиях, как обнаружилось по материалам анкетирования, проведённого районными Советами города, фабзавкомы содействовали организации кооперативов у себя на заводах и фабриках⁵³. Большую роль фабзавкомы сыграли в формировании рабочей милиции и Красной гвардии⁵⁴.

Активно поддерживали фабзавкомы ЦПР рабочую печать, прежде всего газету «Социал-демократ». Регулярные денежные отчисления в фонд этой газеты перечисляли органы рабочего самоуправления завода бр. Бромлей, журналисты в долгу не оставались и регулярно помещали информацию о рабочих-бромлеевцах на страницах своей газеты⁵⁵. Принимали решение о денежной помощи «Социал-демократу» рабочие Военно-химического завода, Иваново-Вознесенского т-ва механических изделий, т-ва н/п Химического производства и др.⁵⁶ На сотрудничество с рабочей печатью были нацелены не только отдельные фабзавкомы, но также их

координирующие органы. Так, ЦБ ФЗК Иваново-Вознесенска имело в своём арсенале такие формы поддержки оппозиционных изданий, как разовые принятия резолюций солидарности, перечисления средств, организация подписки (скажем, на такие газеты, как «Известия Московского Совета рабочих депутатов», «Социал-демократ» и др.)⁵⁷.

Особенно действенной поддержка со стороны фабзавкомов оказалась после июльских событий, когда тиражи левых газет резко упали⁵⁸. Поддержка эта была и политической. Так, московские металлисты, по определению И. Николаева, встали буквально грудью на защиту «Социал-демократа», когда военные власти намеревались закрыть его⁵⁹. «Если «Социал-демократ» закроют, - заявляли рабочие завода «Шеринг», - то вызовут этим нас на политическую забастовку; ни перед чем не останавливаясь, мы будем защищать кровью завоеванную свободу печати, слова, собраний, союзов»⁶⁰. Рабочие заводов Михельсона, «Мотор», Московского телефонного и других городских предприятий направили в Моссовет делегации с требованием предоставить им гарантии, что «Социал-демократ» закрыт не будет. В случае же невозможности легального его выхода, на некоторых фабриках и заводах собирались средства на покупку типографского оборудования⁶¹. Такое содружество газетчиков и органов рабочего самоуправления было выгодно обоюдно, – по крайней мере предпринимателям жить по принципу «не выносить сор из избы» не удавалось: беды рабочих одного предприятия сразу становились известны их товарищи на других предприятиях. Тем самым пресса напрямую содействовала формированию единой системы рабочих организаций.

Наиболее поступательно складывались отношения между фабзавкомом и Советами. Низовые районные Советы рабочих депутатов нередко выступали прямыми инициаторами создания фабзавкомов, правда, чаще всего на мелких предприятиях, как это было в Рогожском районе Москвы⁶². Уже 7 марта 1917 г. принимает решение об организации фабзавкомов на предприятиях города Иваново-Вознесенский Совет⁶³, а 6 апреля аналогичная резолюция принимается конференцией Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже всего Иваново-Кинешемского промышленного района⁶⁴. Случалось, что рабочие сами обращались в Советы за помощью наладить органы заводского самоуправления. Так приходилось поступать в тех случаях, когда сопротивление предпринимателей было особенно упорным, а положение рабочих особенно безрадостным, как случилось это, например, на лаковом заводе Тихонова. Администрация, пользуясь неорганизованностью рабочих, обрушила на них шквал увольнений, штрафов, оскорблений. Нажиму со стороны владельцев рабочие подвергались за малейшую провинность или даже попытку возмутиться. Это и побудило уже 11 марта 1917 г. депутата от этого завода С. Шарова обратиться за инструкцией по образованию органов рабочего представительства в Моссовет⁶⁵.

Часто фабзавкомы поначалу назывались рабочими Советами и, наоборот, районные Советы именовались фабрично-заводскими комитетами⁶⁶. Так было, например, на фабрике акционерного общества «Жако» в Замоскворецком районе, рабочие которого писали о событиях на своём заводе, что ими избраны делегаты в районный рабочий комитет, понимая под этим избрание в Замоскворецкий районный Совет рабочих депутатов. Похожее отношение к своим организациям сложилось и у рабочих завода «Перенум», которые называли Рогожский районный Совет районным заводским комитетом⁶⁷. А вот на заводе Износкова завком именовался Комитетом выборных депутатов. Комитетом заводских депутатов рабочих называли какое-то время свой фабзавком гужоновцы⁶⁸. Схожее название – Совет рабочих депутатов существовало на заводе Гакенталья⁶⁹. На фабрике Севрюгова⁷⁰ и Ликинской мануфактуре⁷¹ действовали заводские Советы рабочих депутатов, что говорит об устойчивом отождествлении рабочими своих заводских и фабричных комитетов с низовыми Советами и о тесном родстве

этих двух форм рабочего самоуправления. По крайней мере, параллелизм в их названиях не был простой случайностью, поскольку члены Советов часто одновременно были членами фабзавкомов, либо работали совместно с ними. Так было на Тульском патронном заводе, Цинделевской и Трёхгорной мануфактурах и других предприятиях. Почти полностью из членов или делегатов от фабзавкомов состоял Замоскворецкий районный Совет, заседания которого проводились регулярно с присутствием представителей фабрично-заводских комитетов⁷².

Еще один показательный факт – в разработанном отделе по организации районов города Московского Совета рабочих депутатов «Уставе районного Совета» так и указывалось, что ядро низовых Советов должны составлять фабзавкомы⁷³. Интересен и другой пример нормотворчества Моссовета тех дней. С целью использовать в интересах фабзавкомовского движения «вырванный» у Временного правительства закон от 23 апреля 1917 года отдел труда Моссовета оперативно распространил специальную брошюру с разъяснением механизма образования заводских и фабричных комитетов. Помимо текста самого закона, брошюра содержала также объяснительную записку к нему, а также примерный устав рабочего комитета⁷⁴. Характерно, что это издание было направлено не только в районы города, но и в другие промышленные центры ЦПР, в частности в Иваново-Вознесенск⁷⁵.

И. Скрыпник так писал о роли Советов в формировании фабзавкомовского движения: «Заводские комитеты, – отмечал он, – явились революционной организацией, возникшей в период революционного движения рабочего класса. Они вызваны к жизни Советами рабочих депутатов, а в некоторых местах они и называются Советами рабочих депутатов»⁷⁶. В этой оценке есть, конечно, свойственное революционному пафосу преувеличение роли Советов. И фабзавкомы, и Советы вызваны к жизни одним и тем же – организационной деятельностью рабочих, но сильное влияние Советов на фабрично-заводские комитеты Скрыпником подмечено верно. Важной причиной координации усилий фабрично-заводских комитетов с Советами, помимо всего прочего, было и то, что в единой схеме пролетарских организаций, рабочего самоуправления Советы изначально выступали в качестве предгосударственных образований. Чрезвычайно интересна в этом контексте фраза И. Смидовича, произнесённая им на Апрельской конференции большевиков, где он был делегатом от Москвы: «Власть не в его (Совета) руках, – сказал Смидович, – но он проникнут какой-то государственностью»⁷⁷.

Такое тесное взаимодействие двух форм самоорганизации пролетариата позволяет говорить об их своеобразном тандеме, серьёзно влиявшем на создание предпосылок социального этапа Российской революции – в сфере материального производства, так сказать на уровне материального базиса, действовали фабрично-заводские комитеты, тогда как уровень своеобразной политической надстройки был за Советами.

Именно в такой роли выступал, например, городской Совет Шуи, по сути возглавивший борьбу за 8-часовой рабочий день, а потом координирующий работу предприятий по самообеспечению сырьём, топливом, по наведению внутрицехового порядка⁷⁸.

Такую же функцию выполнял и Иваново-Вознесенский Совет, в своей деятельности напрямую опиравшийся на Центральное бюро фабрично-заводских комитетов и другие структуры рабочего самоуправления города, проводя частые совместные заседания с их представителями⁷⁹. Ещё большее значение для фабзавкомов и органов рабочего контроля приобрела деятельность Иваново-Вознесенского Совета в период забастовки конца октября 1917 г., когда он фактически координировал деятельность местных органов рабочего самоуправления во всем текстильном крае, прежде всего в их борьбе за рабочий контроль (но об этом подробнее разговор пойдёт ниже)⁸⁰.

Принимали требования об установлении развёрнутого рабочего контроля на своих заседаниях Пресненский, Басманный, Благуше-Лефортовский, Симоновский и Городской, а также

некоторые другие районные Советы Москвы⁸¹. Под давлением большевиков начинают выполнять функцию своеобразного координирующего органа фабзавкомовского движения Моссовет и Областное бюро Советов рабочих и солдатских депутатов. Так, 14 апреля Московское областное бюро Советов рассматривает вопрос о фабрично-заводских комитетах. Большинство голосов оно высказалось против предложения о ликвидации фабзавкомов как формы революционной активности рабочих, признав их *жизненно важной опорой* Советов. На основе этого решения сотрудничество между Областным бюро Советов и фабзавкомами района развивались и в дальнейшем в летние месяцы 1917 года⁸².

Со своей стороны, так же как и в случае с прессой, кооперацией или рабочей милицией, свою роль «базиса» фабричные и заводские комитеты выполняли через материальную поддержку Советов. В своём обращении о «своевременном поступлении» отчислений в распоряжение Советов Рогожский Совет так и заявлял: «Для достижения своих целей организации рабочих масс... Совету нужны деньги и много денег»⁸³. И фабзавкомы оказывали

Советам требуемую помощь. Так, фабрично-заводской комитет фабрики Коликова уже в марте отправил часть средств на счет Лефортовского районного комитета. В Рогожском районе завком общества «Русские кабельные и трубопрокатные заводы» на счет Совета рабочих депутатов перечислял немалые суммы в виде «штрафных денег»⁸⁴, то есть тех денег, которые предприниматели в прошлом изымали у рабочих в качестве штрафов за различного рода провинности. Шли в Советы и целевые поступления в размере около 1% дневного заработка⁸⁵. И такая практика, по данным анкетирования предприятий районными Советами Москвы, была распространена самым широким образом⁸⁶.

И не случайно, что переход рабочих к лозунгу «Вся власть Советам!» был самым тесным образом связан с лозунгом рабочего контроля и самоуправления⁸⁷. Такое развитие событий мы видим прежде всего на наиболее революционизированных предприятиях или с наиболее прочными и дееспособными органами рабочего самоуправления. Так, рабочие завода Михельсона высказались за переход власти к Советам уже в апреле 1917 года⁸⁸, а затем подтвердили своё требование 18 октября 1917 года⁸⁹. С призывом скорейшего установления Советской власти 1 июня 1917 г. выступили рабочие завода бр. Бромлей. В своей резолюции они прямо потребовали подкрепления власти Советов рабочим контролем над производством и распределением⁹⁰. Требовали перехода в руки Советов власти при установлении рабочего самоуправления рабочие Мытищ, Нарофоминска и другие⁹¹. Постоянным лейтмотивом стало стремление к установлению Советской власти на конференциях фабрично-заводских комитетов⁹², в частности, на II Московской конференции фабзавкомов в резолюции «О текущем моменте» указывалась необходимость срочного перехода власти к Советам, при этом это требование и требование рабочего контроля над производством в ней рассматривались как два взаимосвязанных ключевых момента всей деятельности рабочих организаций⁹³.

Имелись во взаимоотношениях фабзавкомов и Советов также некоторые трудности, преодолевать которые получалось не всегда сразу. Вопросы, связанные с налаживанием сотрудничества между низовыми рабочими комитетами и вышестоящими Советами, относятся, пожалуй, к наиболее изученным в историографии, но, к сожалению, в работах отечественных историков упускается из виду, что структура фабзавкомовского движения ещё сама находилась в процессе созревания и не могла являться достаточной опорой для Советов. Поэтому изначально, ещё до превращения Советов в органы государственной власти, взаимодействие между ними и фабзавкомами начинает приобретать черты частичной опеки, то есть частичного общественного патронажа, причём некоторые Советы поражает болезнь бюрократизма, происходит их временный отрыв от рабочей массы.

Подобной болезнью в весенние и летние месяцы 1917 г. оказался поражён и Московский Совет рабочих депутатов, что едва не обернулось для него потерей авторитета среди рабочих. Фабзавком фабрики Фаберже, например, потребовал от Моссовета быть ближе интересам трудовых коллективов, отказывая в противном случае в поддержке⁹⁴. С аналогичным обращением к Моссовету 4 июля выступили и рабочие Московского телефонного завода, завком которого занял однозначную позицию, осуждая отрыв руководства Совета от фабрично-заводских низов⁹⁵.

Особенно обострившийся к лету же 1917 г. разрыв между быстро радикализирующимися фабзавкомом и умеренным руководством Моссовета был снят только осенью в результате инициированной Московским комитетом РСДРП(б) тактики «большевизации Советов»⁹⁶.

Большевизация Советов временно отодвинула на второй план вчерашние трения между политическими и экономическими органами рабочего самоуправления и значительно усилила сотрудничество между Моссоветом и фабзавкомом.

Важное значение для фабзавкомов ЦПР, к примеру, имела резолюция Моссовета от 19 октября 1917 г., третий пункт которой провозглашал, что Советы «ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки, перед угрозой немедленного ареста». Решение это было принято Моссоветом большинством в 322 голоса против 207⁹⁷. Соответствующее предложение чуть ранее выносилось на обсуждение Исполкома Моссовета, но преобладавшие там меньшевики и эсеры провалили его⁹⁸. Позже Н.И. Бухарин признавал *пропагандистский* характер этой резолюции, вспоминая, как спонтанно родилась идея об аресте предпринимателей непосредственно на заседании Исполкома⁹⁹. Но, даже признав по сути провокационный характер резолюции,

Бухарин всё равно давал ей самую высокую оценку: «В Московском Совете мы проделали такой трюк, которым Москва может гордиться, – подчеркивал он, – ... поднялось большое возбуждение со стороны рабочих, которые необычайно экспансивно приветствовали такое предложение»¹⁰⁰. А уже на следующий день после принятия резолюции большевики попытались реализовать её применительно к начавшейся забастовке городских служащих¹⁰¹.

Резолюция от 19 октября 1917 г. была далеко не единственным проявлением радикализации Московского Совета и его сближения с позицией рабочих окраин. Именно большевизированный Моссовет принимает документ, о котором позже всё тот же Бухарин, один из его авторов, на встрече памяти с московскими рабочими говорил: «*Москва издала первый Советский декрет ещё до того, как осуществлена была в России Советская власть*»¹⁰². Речь шла о Декрете Московского Совета № 1 от 24 октября 1917 г., который юридически оформил целый ряд направлений деятельности фабзавкомов. Среди прочего закреплялось право рабочих комитетов вмешиваться в найм рабочей силы. По мнению Бухарина, уже одно это делало принятый москвичами документ гораздо более революционным, чем даже знаменитый Декрет № 1 Петроградского Совета, так как *придавал радикальным действиям органов рабочего самоуправления на производстве недостающую им прежде легитимность*. Несмотря на категоричность Бухарина, с его оценкой решения Моссовета как «первого советского декрета», принятого ещё «до установления Советской власти», отчасти можно согласиться. Само содержание документа: рабочий контроль, диктатура пролетариата, фабзавкомы и т.п. – обрисовывает те социальные звенья, на которые рассчитывали опереться Советы, принимающие на себя управление государством в качестве организаций рабочего класса. Поэтому, расширяя и укрепляя основу будущей рабочей власти, Декрет № 1 был «советским» по духу.

4. На перекрёстке истории: фабзавкомы и профсоюзы. природа конфликта

В чём же, помимо очевидной политической целесообразности, можно видеть причины, благодаря которым фабзавкомы взаимодействовали с Советами наиболее успешно по сравнению с прочими рабочими организациями? В прошлом историки не слишком стремились понять существовавшие здесь закономерности. Причиной пассивности исследователей была общая недооценка национальной специфики российского революционного движения. Сегодня, когда крайности прошлых лет в теоретическом осмыслении революции постепенно сходят на нет, ответ на поставленный вопрос открывается сам собой: наиболее тесными и продуктивными взаимоотношения у фабзавкомов существовали с теми рабочими организациями, которые подобно самим фабзавномам являлись проявлением в новых условиях прежних, традиционных для России форм самоорганизации. А именно к такого рода организациям и относились Советы, которые также выросли на почве общинно-артельных традиций трудовой демократии¹⁰³.

Именно это обстоятельство и предопределяло общий характер сотрудничества фабзавкомов и Советов, позволяло ему развиваться более поступательно и успешно. В свете сказанного интересно проследить некоторые другие линии во взаимоотношениях фабрично-заводских комитетов с прочими рабочими организациями, особенно с теми, в основе деятельности которых лежали иные культурные традиции, заимствованные из опыта революционной борьбы рабочих других стран. К числу таких организаций в первую очередь могут быть отнесены профсоюзы.

Взаимоотношения фабзавкомов с профессиональными союзами развивались значительно сложнее, чем с Советами, и прошли в 1917-1918 гг. целый ряд этапов¹⁰⁴. Часто фабзавкомы прямо противопоставляли «свои» Советы и «чужие» профсоюзы: «Фабрично-заводские комитеты считают себя звеном между предприятиями и Советом рабочих депутатов, – читаем мы в протоколе заседаний Московского совета профессиональных союзов, – и не хотят считаться и координировать свои действия с работой союза»¹⁰⁵. А иногда рабочие относились к профсоюзам просто с недоверием. Впрочем, настороженность возникала у рабочих даже в отношении Советов, которые в определённых случаях могли казаться рабочим чуть ли не «полубарскими» организациями¹⁰⁶, но применительно к профсоюзам это чувство оказалось куда более устойчивым. В рабочей среде были распространены мнения, что «профсоюзы обанкротились во всём мире. Там, где они существуют, они только удерживают нас от борьбы», или что «фабзавкомы – живая сила, а профсоюза мы держимся, как формы. Нельзя, однако, движение приносить в жертву форме... Фабзавкомы живее союза, их надо поддерживать». Рабочий Кульбакин заявлял, что «профсоюзы – это детище буржуазии», а рабочий Ширяев считал, что «завкомы – это детище революции. Это новая сила, с которой надо считаться. Завкомы должны создать свой центральный орган, не зависимый от профсоюзов, который ведал бы и профессиональной, и политической стороной движения»¹⁰⁷, а по высказыванию рабочего завода Гагенталя Любачева, при помощи фабрично-заводских комитетов рабочие только и могли отстаивать свои интересы¹⁰⁸.

Профсоюзы в России, так же как и на Западе, объединяли в своих рядах рабочих отдельных профессий: текстильщиков, металлистов, кожевников, хлебопеков. Иногда на одном и том же заводе могло существовать с десяток различных профсоюзов по три-четыре человека в каждом. В отличие от профсоюзов, организационную форму которых навязали российским рабочим социал-демократы, прежде всего меньшевики¹⁰⁹, фабзавкомы (иногда их ещё называли

напрямую – коллективы¹¹⁰, что в условиях России нам случайным не кажется) строились не по профессиональному, а по производственному признаку, объединяя всех рабочих фабрики. Характерно, что не только у нас, но и на Западе в литературе прочно закрепилось мнение, что в 1917 г. именно ФЗК изначально более адекватно отражали потребности и устремления пролетариата¹¹¹.

Возникновение в 1905 г. российских профессиональных союзов было, конечно, закономерным, – Россия вступила в стадию империализма и на её предприятиях должны были возникнуть новейшие формы самоорганизации и самозащиты рабочих. Профсоюзы представляли из себя элемент своеобразного «культурного обмена» с более продвинутыми в плане развития капиталистических отношений странами. Возникнув первоначально на Западе, профсоюзы уже в готовом виде были воспроизведены сперва правительством¹¹², а затем и русскими социалистами на отечественной почве, тем самым, как представляется, отчасти ускорив созревание отечественного рабочего движения. Но поскольку и тогда Россия сохранила свою специфику, рано или поздно должны были возникнуть рабочие организации, строящие свою работу именно на этой специфике. Как мы видели, такими органами и стали фабзавкомы. Сотрудничество ФЗК и профсоюзов могло бы стать вполне достаточным условием стабильности рабочего движения на протяжении всего революционного периода.

Но действительность оказалась сложнее. Хаотичность становления рабочих организаций начального периода Февральской революции, самостоятельность трудовых коллективов по отношению к внешнему влиянию, быстрота происходящих перемен заведомо ставили в выигршное положение «традиционалистские» фабзавкомы перед «заимствованными» профсоюзами. Профсоюзы оказались не в состоянии охватить всех рабочих, разбросанных по предприятиям, фабзавкомы же поначалу выполняли их функции – боролись за 8-часовой рабочий день или повышение зарплаты¹¹³.

Меньшевики сразу же отнеслись к фабзавномам резко отрицательно, как к органам патриархальным и «необременённым ответственностью»¹¹⁴. Борясь с «большевистским радикализмом», правые социалисты первоначально развернули борьбу внутри самих фабрично-заводских комитетов, достигнув в первые месяцы революции существенных успехов. Во-первых, целый ряд фабзавкомов контролировался ими непосредственно, среди них были комитеты таких известных предприятий, как заводы Гужона, бр. Бромлей, Военно-артиллерийского, «Поставщик», СВАРЗ, Прохоровской мануфактуры, Сокольнического трамвайного парка, фабрики «Богатырь» и целого ряда других¹¹⁵. При этом господство правых не было чем-то поверхностным. К примеру, неоднократно терпели провалы попытки большевиков навязать перевыборы право-социалистического комитета Прохоровской мануфактуры. Когда же эти перевыборы всё же состоялись, большевики вновь оказались в меньшинстве, хотя на этот раз им удалось провести в товарищи председателя комитета члена своей партии С. Малинкина. И лишь в сентябре руководство фабкомом Прохоровки наконец-то оказалось у большевиков¹¹⁶. Во-вторых, первоначально умеренные социалисты имели осязаемое влияние на руководящие структуры, а также всевозможные съезды и конференции органов рабочего представительства, свидетельством чего могут служить I городская конференция фабзавкомов Москвы и I городская конференция фабзавкомов Петрограда¹¹⁷. Но всё же в определённом смысле эти две конференции можно считать переломным моментом. На них надежды меньшевиков «европеизировать», то есть организовать рабочее движение в структуры наподобие тех, которые сложились в западноевропейских профсоюзах, потерпели крах¹¹⁸. Уже в июне – июле проявились признаки того, что организационные принципы, выработанные меньшевиками в совершенно других условиях, стали встречать со стороны фабзавкомов растущее сопротивление¹¹⁹. В этой

ситуации меньшевики с удвоенной энергией стали противопоставлять «передовые» и «организованные» профсоюзы «отсталым» и «заскорузлым» фабзавкомам.

Понятно, что последователи Ленина в нарождавшемся конфликте профсоюзов и фабзавкомов самой жизнью были поставлены на сторону вторых. Резолюции в поддержку рабочих комитетов и рабочего контроля над деятельностью заводоуправлений принимаются на самых разных большевистских мероприятиях, вплоть до VI съезда РСДРП (б), среди делегатов которого было 82 представителя органов рабочего самоуправления¹²⁰. Когда же к середине лета 1917 г. выявилось преобладающее большевистское влияние в фабзавкомах и преобладающее меньшевистское влияние на профсоюзы, выросла не только обособленность, но и враждебность этих форм рабочего движения, быстро приобретающая политический характер. Всё это давало повод уже тогда, да и впоследствии, рассматривать конфликт внутри российского рабочего движения через призму конфликта внутри российской социал-демократии. На наш взгляд, трактовки существующей проблемы не отражают всей сложности тогдашней революционной реальности и нуждаются в существенной корректировке.

Организационное соперничество фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов отражает, как представляется, один из моментов знакомого нам по российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество это как бы иллюстрирует противоборство двух ориентацией революции 1917 г. Стать ли России в результате этой революции «социалистическим» вариантом всё той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему тупику, или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из тех сумерек, в которых мир оказался в результате империалистической бойни¹²¹.

Разумеется, каждая из альтернатив далеко не сводилась к одной из враждующих фракций российской социал-демократии, тем более, что и среди большевиков вовсе не преобладали приверженцы «русской идеи» и те, кто видел будущее революции в рабочем самоуправлении, контроле и демократии. Из тогдашних лидеров большевизма, за исключением В. И. Ленина, вообще никто не обратил внимание на сходство фабзавкомов с традиционными российскими формами самоуправления. Ленину же на этот счёт принадлежит всего одна фраза, на которую исследователи прежде не обращали должного внимания. Говоря о самоуправляющемся рабочем Ленин отмечал: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне»¹²².

Из контекста, в котором это высказывание сделано, видно, что Ленин допускал правомерность подобного развития, но приветствовал ли он его или, наоборот, порицал, судить сложно.

Так или иначе, но, более живо реагируя на настроения масс, прежде всего на их стремление решать свои вопросы самостоятельно, большевики смогли сделать как бы «своим собственным» центральный лозунг фабзавкомовского движения «фабрики – рабочим». Поэтому глубинные противоречия и приобретали превращённую форму межпартийного соперничества, которое ещё более запутывало и усложняло противоречия между профсоюзами и фабзавкомами¹²³.

Как отмечают зарубежные исследователи, к концу июня проблема фабзавкомов становится центральной в борьбе меньшевиков с большевиками за преобладание в среде организованных рабочих, и критическое отношение меньшевиков по отношению к комитетам стало своего рода «принципом политики»¹²⁴.

Парадоксальным образом эта, казалось бы, чисто российская проблема повторится несколько лет спустя в условиях Германской революции 1923 года. В революционной Германии также с самого начала обозначится вопрос «фабзавкомы или профсоюзы?», в том смысле, что германские профсоюзы в отношении фабзавкомов с самого момента возникновения фаб-

завкомов будут преследовать по отношению к ним одну единственную цель – сделать фабзавкомы органами, подчинёнными профсоюзной бюрократии¹²⁵.

Подобные шаги по обузданию непредсказуемой инициативы масс настойчиво предпринимались и в России семнадцатого года. В нашей стране первая ощутимая попытка ввести фабзавкомы в русло профсоюзного строительства была предпринята на майской конференции фабзавкомов Петрограда путём «слияния» фабзавкомов с профсоюзами¹²⁶. Но тогда она закончилась практически ничем. В результате развернувшихся дебатов, в принятой на конференции резолюции говорилось лишь о «налаживании сотрудничества», но никак не о слиянии организаций – здоровые тенденции в низовых структурах профсоюзов и фабзавкомов были пока ещё сильнее навязываемых сверху решений. Кроме того, преобладание на конференции радикально настроенных делегатов заметно охладило организационные устремления меньшевиков.

Не находило понимания желание некоторых профлидеров подчинить фабзавкомы влиянию профсоюзов и в других городах России. Так, 22 апреля 1917 г. на заседании Союза фабрично-заводских комитетов Шуи с докладом выступил инструктор из центральных профсоюзных структур А. Ланнэ. Он убеждал собравшихся, что «фабрично-заводской комитет ведаёт узкими вопросами, чисто экономическими, своей фабрики». Исходя из этого более чем спорного утверждения, докладчик доказывал, что «Союз ... заводских комитетов, как таковой, существовать не может», так как «созданы в некоторых местах и будут созданы профессиональные союзы»... Как и следовало ожидать, его выступление было встречено крайне сдержанно. Совет фабрично-заводских комитетов, по итогам обсуждения, не самораспустился в ожидании будущего «профсоюзного процветания», а продолжал свою деятельность и в дальнейшем¹²⁷.

Определенный поворот в развитии ситуации происходит ко времени III Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся 21-28 июня 1917 г. К моменту начала конференции для профсоюзной верхушки ситуация выглядела не утешительно. Конференция вынуждена была признать, что профсоюзы имеют на фабзавкомы очень слабое влияние, что большинство членов фабзавкомов даже не являются членами профсоюзов¹²⁸. И тогда, пользуясь численным преобладанием своих депутатов, меньшевики провели резолюцию о взаимоотношении профсоюзов и фабзавкомов, написанную Астровым и Гарви. В принятой резолюции признавалось, в частности, что профсоюзы должны способствовать созданию и укреплению фабзавкомов, но фактически лишь затем, чтобы превратить их в свои форпосты на предприятиях. Роль рабочих комитетов сводилась к тому, чтобы наблюдать за ситуацией и докладывать «по начальству» о соблюдении на предприятии законов о труде и договоров, заключённых вышестоящими профсоюзными инстанциями. Хорошо понимая механизмы функционирования общих систем управления, бюрократы от профсоюзов настаивали на том, чтобы выборы в фабзавкомы проводились под контролем профсоюзов и по их спискам – то есть делалась попытка взять под контроль расстановку кадров на местах. Заводским же и фабричным комитетам принятая резолюция предписывала задачу агитировать за вступление рабочих в профессиональные союзы и повышать их авторитет. С этой целью 7-м пунктом резолюции предусматривалась передача фабзавкомами руководства возникающими на предприятии конфликтами профсоюзам, при этом, однако, «предоставляя весь свой аппарат в распоряжение союза для организованного ведения и ликвидации конфликта» (поскольку сами профсоюзы таким аппаратом просто не располагали). Таким образом, резолюция признавала неспособность профсоюзов самостоятельно решать трудовые споры, но общее руководство отводила именно им¹²⁹.

Всё это не вызывало особого доверия к меньшевикам у активистов-фабзавкомовцев, пожалуй, даже внушало обратный эффект. Кроме того, на практике меньшевики нередко сами тормозили слияние ФЗК и профсоюзов на некоторых предприятиях. Например, на заводе

Густава Листа, кроме профсоюзных ячеек, первоначально существовало целых три завкома, когда же необходимость работы поставила вопрос об активизации их взаимодействия с профсоюзами и о выборах общего координирующего органа, умеренные социалисты увидели в этом опасность своим позициям и попытались сорвать их¹³⁰. Позиция меньшевиков-профсоюзников в этом вопросе не может получить однозначную оценку. *Выступая относительно профсоюзов, кооперации и некоторых других форм рабочего движения за их самостоятельность, меньшевики отказывались признать самостоятельность за фабзавкомы.*

Следующий эпизод конфронтации между руководством фабзавкомов и профсоюзами произошёл на I Всероссийской конференции фабзавкомов. На ней также прозвучали обвинения фабзавкомов в местничестве, что было отвергнуто большинством делегатов. Выступавший в прениях по докладу В. П. Милютин представитель фабзавкомов Москвы Бекренев заявил, что основной целью рабочего самоуправления является рост производства и деловитости рабочих: «У буржуазии при организации производства целью является нажива одного человека, у нас, у пролетариата, – обогащение всего человечества, – подчеркивал он. – Капиталист, улучшая производство у себя на фабрике, старается подавить конкурента. Рабочие, наоборот, должны стремиться распространять улучшения возможно шире... Пролетариат... должен стремиться к тому, чтобы продукт вырабатывался везде, где возможно, и в возможно большем количестве»¹³¹.

С поддержкой товарища выступил другой делегат из Москвы Шукин. Он привёл пример своего предприятия. Пока регулирование находилось жестко в руках рабочих – дело спорилось. Но стоило появиться соглашательским настроениям, как в организацию управления вмешалась администрация, и дело стало¹³². Солидарны с москвичами были представители фабзавкомов прочих городов ЦПР. Так, с очень прагматичным докладом выступил делегат от Твери А. Иванов. В своём обращении к участникам и гостям конференции он настойчиво подчёркивал, что главная цель рабочего контроля – сохранение производства, и что ради этого возможно сотрудничество и со специалистами, и с предпринимателями. Другой делегат Зарецкий, представлявший рабочих Иваново-Вознесенска, дал короткое, но предельно ясное определение того, что сами рабочие понимали под рабочим контролем: «Контроль, – указывал он, – это наблюдение за производством и распределением продуктов. Но мы понимаем его шире – как вмешательство в производственную жизнь»¹³³.

В целом же конференция нашла верный, как нам представляется, выход из складывавшихся напряженных отношений между профсоюзами и фабзавкомы, сформулировав его в специальной резолюции – своего рода «договоре двух сторон». В ней фабзавкомы добровольно и сознательно суживали круг своих обязанностей и объём работы в пользу профсоюзов и признавали их верховенство¹³⁴.

Приблизился новый, как тогда казалось – пролетарский - этап Российской революции, и рабочие самым ходом событий находили общий язык, не очень-то обращая внимание на бюрократические препоны. Во многих низовых структурах единство профсоюзов и фабзавкомов было прочным.

Тесное сотрудничество между профсоюзами и фабзавкомы наладилось в Иваново-Кинешемском районе. Так, когда выяснилось, что повсюду в области профсоюзное строительство движется, а в Шуе топчется на месте, городским Союзом ФЗК 20 мая было решено: «поручить членам Бюро объединённых фабричных комитетов разработать устав профессионального общества» и форсировать его формирование¹³⁵. И позже вопрос о профессиональных союзах многократно включается в повестку дня Исполнительного бюро шуйских комитетов¹³⁶. С другой стороны, профсоюзы Иваново-Кинешемской промышленной области активно поддерживают фабзавкомы в период нападков на них со стороны властей и органов объединённой буржуазии. Для организации более эффективной защиты интересов рабочих и совершенство-

вания деятельности фабрично-заводских комитетов Иваново-Вознесенские профсоюзы обменивались опытом с Московским Советом¹³⁷. Не случайно в центральные органы Иваново-вознесенских профсоюзов текстильщиков, бумажников и т. д. шел поток заявлений и писем от фабрично-заводских рабочих и их комитетов о вступлении в профсоюз¹³⁸.

Сотрудничество налаживалось и непосредственно на предприятиях края. Обсуждался, в частности, вопрос координации действий двух родственных организаций для решения продовольственного вопроса на фабрике Ясюнинских¹³⁹. На предприятиях Кинешмы фабзавкомы и профсоюзы совместно решали проблему контроля над наймом и увольнением рабочих¹⁴⁰.

Другой формой взаимодействия, уже непосредственно приводившей к слиянию, был контроль над уплатой профсоюзных членских взносов со стороны фабзавкомов и их отчеты об этом в центральные органы союзов. Это практиковалось фабзавкомом ткацкой мануфактуры Куваева, докладывавшего 28 августа 1917 г. в Правление Иваново-Кинешемского областного профсоюза текстильщиков о своих успехах в этом мероприятии, ФЗК фабрики Торгового Дома бр. Борисовых, Иваново-Вознесенской мануфактуры и других предприятий. Сообщали фабрично-заводские комитеты и точное количество членов профсоюзов на своём предприятии, как это делали в своих справках Правлению того же профсоюза текстильщиков фабкомы фабрики А. В. Константинова, Шуйской суконной и шляпной фабрики, Долматовской мануфактуры. При этом дело было поставлено на высоком организационном уровне: сведения и знаки об уплате взносов поступали на типовых, специально изготовленных бланках, в которые фабзавкомы лишь вписывали необходимые данные по своему предприятию и отправляли в центр¹⁴¹.

Часто мирное срастание фабзавкомов и профсоюзов приводило к последствиям, прямо противоположным тем, к которым так упорно стремились меньшевики, а именно к тому, что профсоюзная организация просто полностью подчинялась ФЗК. О таком случае на своей фабрике рассказывала Разумова, член фабричного коллектива т-ва мануфактур И. Гарелина, выступая 3 сентября 1917 г. на общем собрании рабочих предприятия¹⁴².

Похожие случаи, что и в Иваново-Вознесенске, происходили и в других городах ЦПР. Так, активны в защите органов низового производственного самоуправления были профсоюзы Ярославля. К примеру, когда в губернии разразился крупный, продолжавшийся четыре месяца, конфликт на Гаврило-Ямской мануфактуре льняных изделий А. А. Локалова, на помощь заводскому комитету пришел Союз текстильщиков, без чего дело рабочих фабрики заведомо было обречено на поражение¹⁴³.

Аналогичные процессы сближения профсоюзов и фабзавкомов на базе активизации революционных выступлений рабочих разворачивались и в Москве. Московские профсоюзы нередко оказывались на острие борьбы за расширение прав фабрично-заводских комитетов, что хорошо отражено в литературе¹⁴⁴. На сторону фабзавкомов стала Московская областная конференция профсоюзов металлистов. В принятых на ней решениях говорилось о важной роли фабзавкомов в налаживании рабочего контроля над производством¹⁴⁵. Союзом металлистов была 6 июля 1917 г. объявлена всеобщая забастовка, и в ее проведении Союз всецело опирался на фабзавкомы¹⁴⁶. А 29 августа 1917 г. началась забастовка под руководством Союза кожевников в защиту прав фабзавкомов и против притеснений их со стороны Министерства труда¹⁴⁷.

При содействии профсоюзов борьба фабзавкомов становилась более организованной и целенаправленной. Например, общегородское делегатское собрание рабочих-металлистов Москвы постановило отчислять однодневный заработок на финансирование органов рабочего самоуправления и поддержку борьбы трудовых коллективов за свои права. Подобные отчисления уже давно практиковались на ряде предприятий Москвы и региона, среди которых сле-

дует назвать прежде все такие гиганты, как завод Гужона, Гакенталья, Военно-артиллерийский и другие¹⁴⁸, но решение собрания профсоюзников имело тот смысл, что, во-первых, так делалось не везде, и, во-вторых, вслед за резолюцией в первичные органы рабочего самоуправления последовала очень подробная и обстоятельная инструкция по использованию собираемых денег на забастовки, стачки, помощь членам союза и прочие надобности¹⁴⁹. В условиях острой нехватки опытных пропагандистов и организаторов и тем более специалистов в области финансов подобные разъяснения имели своё положительное значение.

В свою очередь фабзавкомы Москвы, так же как и фабзавкомы Иваново-Вознесенска, Смоленска, Ярославля, Рязани, Тулы и других городов ЦПР, вели активную агитацию за вступление рабочих в профсоюзы. С призывом вступить в профсоюз, например, обратился ещё 13 марта 1917 г. фабрично-заводской комитет Варшавского арматурного завода, дополнив призыв специальной разъяснительной запиской о необходимости создания профессиональных союзов. Этот вопрос комитетом завода обсуждался и в более поздний период¹⁵⁰. Немалую работу по созданию на предприятиях профсоюза проделал комитет пуговичной фабрики Ронталлера¹⁵¹. По обобщающим данным проведённого райсоветами Москвы обследования деятельности московских фабзавкомов, в некоторых районах города до 90% фабзавкомов содействовало возникновению у себя на предприятии профсоюзных ячеек¹⁵².

Однако позитивные тенденции расширения связей между органами производственного и профессионального самоуправления рабочих носили спорадический и неглубокий характер. Природа конфликта между фабзавкомами и профсоюзами была слишком сложна, чтобы окончательно преодолеть этот конфликт *за те несколько месяцев, когда рабочие организации имели возможность развиваться свободно, без вмешательства в их дела извне*, со стороны всеильного государства. Поэтому атмосфера конфронтации не была преодолена вплоть до октября 1917 г., многие проблемы во взаимоотношениях профсоюзов и фабзавкомов, как отмечают историки, встречаются и в период становления большевистского режима, о чём подробнее речь пойдёт ниже.

Аксиология гражданского разлома в судьбах рабочего самоуправления

5. Кризис механизмов социального партнёрства

В эволюции органов рабочего самоуправления ведущая роль закономерно принадлежала факторам внутреннего характера¹⁵³. И тем не менее, не должно сложиться впечатление, что рабочее движение в 1917 г. развивалось как нечто совершенно автономное, изолированное. На процессы, происходившие в нём, влияла вся ситуация в революционной России. Взаимодействие различного рода факторов формировало ту среду, в которой и происходило развитие рабочего движения. В этом ключе в первую очередь обращает на себя внимание проблема так называемого «социального партнёрства», на которой, в силу её слабой изученности применительно к событиям революции 1917 г., следует остановиться подробнее¹⁵⁴. Некоторые исследователи полагают, что в начале XX века у России были шансы прийти именно к такой форме межклассовых отношений. Насколько было вероятно, что этот шанс реализуется в период революции 1917 года? Проблема эта напрямую выводит на те механизмы, которые были призваны «замирить» общество, вздыбленное революцией. Понять, почему эти механизмы не работали, – и значит ответить на вопрос о причинах возникновения чрезвычайных органов, сочетающих в себе революционные функции с функциями общественной стабилизации, какими с течением времени становятся фабзавкомы.

Прежде в советской историографии проблема социального партнёрства изучалась недостаточно. Впрочем, так же как и проблема перехода от традиционного общества к гражданскому. Между тем в период однородного буржуазного и первого коалиционного правительств идея социального партнёрства занимает одно из ключевых мест в деятельности и прогрессистских и правосоциалистических деятелей. А поскольку именно они в тот момент определяли правительственный курс, то социальное партнёрство могло рассматриваться в качестве одной из реальных альтернатив развития отношений непосредственно на производстве.

Идея социального партнёрства бралась правящими кругами в двух аспектах. Во-первых, как один из вариантов нормализации отношений с пролетариатом и решения рабочего вопроса, острого для России. Во-вторых, в качестве доктринального рычага закрепления контроля над независимым рабочим движением. При этом должны были учитываться революционные настроения рабочих. Контроль над рабочими устанавливался как бы «на справедливых, приемлемых для них» условиях.

Но в традициях российской истории социальное партнёрство было укоренено слабо. В русском обществе существовали иные механизмы межклассовых связей. Всё дальнейшее развитие социального партнёрства после свержения самодержавия во многом предопределялось этими особенностями социальных отношений дореволюционной России. Особенно эти наиболее выпукло проявились как раз в методах решения самодержавием рабочего вопроса. Если сравнить законы, регулирующие отношения на производстве в России и европейских государствах, обнаружится интересная картина¹⁵⁵. В Европе фабричное законодательство своим появлением сходно с генезисом конституционного строя. Конституционный строй, по сути, стал следствием жёсткой борьбы между обществом и противостоящим ему маленьким человеком из толпы. Конституция ограничивала вмешательства общества в личную жизнь и давала маленькому человеку возможность оставаться один на один с собой. Фабричное законодательство также явилось следствием упорной, продолжавшейся не одно десятилетие борьбы между маленьким человеком (на этот раз пролетарием) и угнетавшей его средой. По аналогии с

конституционным правом, рабочее законодательство ограждало рабочего от произвола, гарантировало ему материальный минимум, позволяющий выполнять его гражданские функции.

В России классовая борьба была не менее острой и принципиальной. Но здесь рабочее законодательство не гарантировало рабочим уважения их гражданских прав в материальной сфере, поскольку гражданских прав в России, в европейском их понимании, не было вообще. Рабочее законодательство царской России, если использовать весьма популярную в наши времена аналогию с большой семьёй, было попыткой «отца» ограничить обиды, которые «старший сын» (буржуазия) чинил «младшему сыну» (рабочим).

Кроме того, если на Западе речь шла о прямом соглашении между предпринимателями и рабочими, а государство выступало как нейтральный арбитр, равная сторона, то в России не о каком равенстве государства как стороны не было и речи – оно доминировало и по отношению к наёмному работнику, и по отношению к торгово-промышленному классу. Существовавшее можно сформулировать и несколько иначе: в России в отношении между торгово-промышленным и рабочим классами вклинивалась **третья** сила – бюрократическая исполнительная машина. При этом бюрократическое государство редко выступало в качестве беспристрастного арбитра и в наибольшей степени защищало интересы предпринимателей.

Таким образом, до революции господствовавшим типом социальных отношений становятся не отношения сотрудничества или, как тогда принято было говорить, «*фабричной конституции*»¹⁵⁶, а отношения «*опеки*». Это характерное для России «опекунство» заявило о себе уже в первом юридическом упоминании рабочего вопроса в 1874 году, когда за участие в рабочих организациях грозило «заклучение в крепость на 8 месяцев или ссылка на житье в Сибирь»¹⁵⁷. Появившиеся позже законы (1882 года – о воспрещении труда детей до 12 лет, 1886 года – о фабричной инспекции и другие) слабо влияли на улучшение реального положения рабочих¹⁵⁸. Даже те из них, в которых содержались позитивные положения, очень быстро фактически выхолащивались подзаконными актами. Санкции за организацию классовой борьбы пролетариата предусматривались даже либеральным законодательством 1905-1906 годов¹⁵⁹. То есть зарождение парламентаризма радикально положение рабочих не улучшило¹⁶⁰. Закон же от 10 июня 1903 года «Об учреждении старост в промышленных предприятиях», давший начало Советам старост – фактическим предшественникам фабзавкомов, – в годы мировой войны был во многом сведён на нет¹⁶¹. Характерно, что само его появление было встречено без должного энтузиазма. Рабочие воспринимали его как попытку подорвать существующие в их среде формы самоорганизации, воспроизводящие в урбанистической среде общинную организацию. Закон о старостате поэтому виделся им как досадный шаг назад в деле становления их представительства¹⁶². И хотя американский президент У. Тафт и говорил о Николае II: «Ваш император создал такое рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может», эти слова не соответствовали действительности.

Не переломило положение к лучшему и законотворчество Временного правительства, в особенности его постановление 23 апреля 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных заведениях». Получилось почти то же, что потом и в Германии, когда возникшие там организации фабзавкомовского типа, носившие название производственных советов (*betriebsräte*), попытались приручить при помощи их юридического узаконения¹⁶³. Но если в Германии традиции партнёрства уже существовали, то в России дело шло к установлению особых межклассовых отношений – **патронажного партнёрства**, то есть модернизированного варианта всё той же опеки.

В этих условиях многое зависело от поведения сторон. Осознавая себя победителями в революции (насколько это восприятие было верным – другой вопрос), рабочие часто были

сговорчивы. Это чётко отразилось и на первоначальной позиции фабзавкомов. Уже тогда проявляя интерес к поддержанию производства, фабзавкомы призывали рабочих проявлять сдержанность, основанную на «достоинстве людей труда и чувстве ответственности»¹⁶⁴.

Проявления этой первичной «умеренности» рабочих были многоплановы: от приглашения администрации на заседание комитетов для совместного решения проблем производства, как это практиковалось на Тульском патронном заводе, до готовности притормозить ввод 8-часового рабочего дня¹⁶⁵. Как отмечалось в документах органов рабочего самоуправления Иваново-Вознесенска, целью проходивших тогда в городе конференций рабочих, компаний по заключению трудовых соглашений и всей самоорганизации пролетариата по май 1917 г. в целом было исключение из жизни случаев отдельных, разрозненных выступлений с той и с другой стороны, а также предотвращение сепаратных сговоров на отдельных предприятиях¹⁶⁶.

Схожие принципы лежали в основе деятельности Моссовета, старавшегося любой ценой сгладить все возникающие конфликты. Даже представитель большевиков в Исполкоме Моссовета А. Рыков подчас «признавал ошибки» рабочих, которые в «стихийной ненависти совершали анархические захваты фабрик и заводов», «арестовывали и побивали мастеров и владельцев». Он также лично участвовал в урегулировании некоторых трудовых конфликтов, например, орехово-зுவевского. Как результат – в Моссовет и низовые Советы массами обращались фабриканты и заводчики, «надеясь здесь найти управу над рабочими и защиту своих интересов»¹⁶⁷. Рогожско-Симоновский Совет, например, был буквально завален жалобами и ходатайствами со стороны владельцев предприятий. Обращалась в Совет за поддержкой и администрация завода Гужона, когда в конце мая существенно большевизированный завком начал более решительно выступать в защиту рабочих предприятия¹⁶⁸.

Интересны в этом отношении результаты исследования рабочего движения в Москве в 1917 г., полученные Д. Конкер. Она пришла к выводу, что в первый период революции рабочих волновала в первую очередь проблема единства революционных сил, прочее не казалось таким уж важным и представлялось решаемым¹⁶⁹. Вывод этот верен в том смысле, что рабочие понимали под революционными те силы, которые не противились вмешательству пролетариата в производство.

Но дело в том и обстояло, что буржуазия вовсе не была рада подобному вмешательству рабочих в её прерогативы. Особенно участились подтверждающие это инциденты в конце мая – начале июня 1917 г. Один наиболее яркий из них произошёл в Ростокине. По приглашению комитета фабрики Курзон туда прибыл организатор Сокольнического районного Совета Строганов. Он намеривался разобраться в конфликте, возникшем на предприятии. Как и в большинстве случаев, конфликт здесь возник из-за проблем с зарплатой. Явившись на фабрику, Строганов через члена рабочего комитета фабрики предложил владельцу начать переговоры. На это через своего заведующего хозяин фабрики заявил, что «не считает нужным вести переговоры с посредником от Совета». После такого обескураживающего начала Строганов направился для переговоров в рабком на его заседание. Но пускать Строганова на заводскую территорию как частное лицо заведующий отказался. А когда Строганов попытался сослаться на разрешение посреднической деятельности Советов Временным правительством, к нему была применена «физическая сила», «а затем прибежал хозяин, -рассказывается в жалобе Сокольнического райсовета в Моссовет от 13 июня 1917 г., – навёл на него револьвер и с револьвером в руке заставил уйти»¹⁷⁰.

Другой случай произошёл на Ликинской мануфактуре. В конце мая 1917 г. на этом предприятии в очередной раз вспыхнул конфликт из-за нежелания администрации увеличивать заработную плату. Дело передали в согласительную камеру. На её последнем заседании 17 мая 1917 г. попытку убедить предпринимателей в справедливости требований рабочих в качестве представителя Моссовета сделал сам Л. Хинчук – его председатель:

– Пора господам фабрикантам отречься от своих узкоклассовых интересов и пойти на уступки, которых добиваются рабочие, – говорил он, – ведь ни Совет рабочих депутатов с классовой точки зрения, ни нынешнее правительство с чисто государственной точки зрения не могут допустить, чтобы рабочие и их семьи жили впроголодь.

Заканчивая речь, он добавил:

– Не забывайте, что ваша тактика неуступчивости может продиктовать рабочим, а **следовательно, и Советам** более суровую тактику. Благоразумие требует от Вас заблаговременно пойти на уступки, иначе Вы можете оказаться в таком положении, когда Вы будете лишены не только самоличного управления своими фабриками, но в конце концов и права владения ими.

Это замечание вызвало противоположную сторону на такую же откровенность. Представитель из группы фабрикантов, инженер Ф. Г. Карпов, комментируя Хинчука, заявил, что фабрики, конечно, могут быть переданы властям в любой момент, но власти (а следовательно, и рабочие) не справятся с задачами управления и вскоре «ключи от этих фабрик будут возвращены обратно их владельцам, но сами фабрики окажутся в разрушенном состоянии». Карпов цинично предостерегал рабочих от «авантюризма», под конец своего выступления подчеркнул:

– Представители власти, а в особенности представители рабочего класса не должны забывать, что неуспех в захвате в свои руки фабрик больше и более всего отразится на самих рабочих, чем на фабрикантах.

Услуги Моссовета и его председателя с их тактикой социального партнёрства оказались отвергнутыми¹⁷¹.

Но, пожалуй, наиболее наглядно понимание буржуазией социального партнёрства как **патронажного** может быть показано на примере позиции, занятой управлением фабрики т-ва мануфактуры Руновых Московской губернии Богородского уезда. Недовольная твёрдой позицией фабкома, администрация настаивала на переизбрании комитета по новым, утвержденным согласно закону 23 апреля, правилам, демагогически заявляя: «Вести дела и переговоры с ныне действующим комитетом, избранным ещё до издания закона о рабочих комитетах, **мы совершенно не имеем права**»¹¹². А 29 мая администрация обратилась к рабочим с обращением, в котором в предельно откровенном стиле сформулировала своё кредо относительно системы социального партнёрства и своего положения в ней:

«Считаем своим долгом добавить, что все рабочие комитеты определённого района между собой находятся в объединении через посредничество местных Советов рабочих депутатов, которые стремятся к объединению всего трудящегося народа в сплочённые организации, называемые профессиональными рабочими союзами. А посему, если рабочие нашей фабрики ещё не объединились с Местным Советом рабочих депутатов и не вошли в него, и не послали в него своих представителей, то немедленно рабочие это должны сделать. В случае неподчинения рабочих всей фабрики и рабочего комитета старого состава вновь изданному закону о рабочих комитетах, мы вынуждены будем сообщить о сём Московскому Совету рабочих депутатов ... добавив, что совершенно слагаем с себя ответственность как за выработку, так и за порядки, а также и за могущие произойти несчастья, включительно до взрыва парового котла»¹⁷³.

Смысл обращения поразительно прозрачен. Угроза технологических диверсий в нём, может быть, и не звучит, но взаимоотношения с рабочими организациями владельцам мануфактуры Руновых виделись исключительно с позиции их плотной опеки со стороны администрации. Ещё до революции в некоторых предпринимательских кругах считалось, что организованных в союзы рабочих легче подчинить своему влиянию. Отголоски этого звучали в программных документах политических партий и выступлениях крупнейших российских либералов. Так, в июне 1916 г. с подобных позиций выступал один из лидеров московских цензовых элементов А. И. Коновалов¹⁷⁴. На примере европейского опыта он доказывал, что рабочие организации необходимы для усмирения тех же рабочих. Они могут и станут «аморти-

зировать» недовольство прежде неорганизованной толпы. Отсюда и его утверждения начального периода революции, что без создания профсоюзов по западноевропейскому образцу «экономическое выживание России» сомнительно¹⁷⁵. Такое отношение заведомо предопределяло ущербность возможных вариантов социального партнёрства и его известную тупиковость на тех предприятиях, на которых это «партнёрство», несмотря ни на что, всё же намечалось под влиянием революции 1917 года.

Чем дальше, тем меньше могли низовые органы рабочего самоуправления терпеть подобную ситуацию. И если раньше чувство победившего в революции класса заставляло рабочих налаживать взаимодействие с противоположной стороной, то теперь оно настоятельно требовало отойти от подобной тактики «гнилых компромиссов». Фабзавкомы всё критичнее отсились к соглашательской деятельности верхушки Советов. Уже 24 марта в протоколе заседания Моссовета появляется запись: «недовольство Советом рабочих растёт», и делается вывод – «необходимо совершенно отказаться от посредничества»¹⁷⁶. Радикализуются и сами фабзавкомы – проходят перевыборы прежде умеренных комитетов на предприятиях Прохорова, бр. Бромлей, Гужона, целом ряде других, упоминавшихся выше в качестве примера лояльных к февральскому режиму. Начинает сказываться и обратная сторона активности рабочих – чувство вседозволенности.

Что же касается постановления Временного правительства от 23 апреля, то, как показывают архивные материалы, к лету 1917, то есть спустя 3 месяца после его принятия, о содержании закона рабочие многих заводов ничего не знали, даже на предприятиях Москвы в полном неведении относительно существа закона находилось около половины рабочих¹⁷⁷. В других же случаях рабочими он попросту игнорировался. В результате не было, наверно, ни одного предприятия, ни одного города, где бы сами рабочие в «разъяснение» закона или просто в силу самостоятельного почина не сочинили бы собственные «Правила», «Положения» или «Инструкции», шедшие значительно дальше предусмотренных Временным правительством норм¹⁷⁸. Повторялась такая же ситуация, как и с положением 1903 г. о фабричном старостате. Вместо умиротворения, в рабочую среду проникали новые протестные настроения, диктовавшиеся нежеланием подчиняться диктату извне.

Особенно острый кризис межклассовых отношений приходится на середину лета – осень 1917 г., когда идеи социального партнёрства *окончательно теряют поддержку* в рабочей среде. Основной целью заводских и фабричных комитетов на этом этапе становится сохранение производства как основы существования рабочих¹⁷⁹. «Сам же пролетариат не столько шёл к этой цели, – писал по горячим следам событий И. Скворцов-Степанов, – сколько его вели обстоятельства и приходилось делать то, что в данной ситуации просто нельзя было не делать»¹⁸⁰.

Первое, что серьёзно влияло на поведение рабочих, была волна локаутов и остановок предприятий, которая пришлась как раз на летние месяцы 1917 г. По сводкам «Торгово-промышленной газеты», тогда во Владимирской губернии были закрыты или остановили работу 10 крупных предприятий и финансовых групп. В Костромской губернии за воротами предприятий оказалось 10 000 рабочих¹⁸¹. В промышленном поясе вокруг Москвы остановились фабрика Тимашева, Вознесенская и Покровская мануфактуры, другие предприятия. В результате закрытия одной только Богородско-Глуховской фабрики безработными сделались сразу 11 400 человек¹⁸². В самой Москве по причине отсутствия заказов было рассчитано около тысячи рабочих и служащих завода Износкова¹⁸³, получили извещение об увольнении рабочие Цинделевской мануфактуры, многих других предприятий. Как не без горького юмора заметил в те дни один рабочий-меньшевик на страницах центрального органа своей партии: если

падение производства продолжится теми же темпами, то и контролировать рабочим останется нечего¹⁸⁴.

Угроза остаться без стабильного заработка обострялась бедственным положением в сфере торговли и финансов¹⁸⁵. По подсчетам П. В. Волобуева в марте инфляция составила 6,4%, в апреле 13,4%, в мае – 18,4%, а в июне уже 28%¹⁸⁶. Цены на промышленную продукцию первой необходимости выросли в 10 раз¹⁸⁷. Быстро дорожало и продовольствие, особенно хлеб. В Москве цены на него повысились в июле на 21%, а в августе на 17% и ещё на 14% - в сентябре¹⁸⁸. Рабочие московских фабрик Гюбнера, Цинделя, Прохорова жаловались в середине сентября, что низкие заработки лишают их возможности приобретать необходимые продукты¹⁸⁹. У текстильщиков Шуи с начала войны по октябрь 1917 г оплата труда возросла с 17 до 58 рублей в месяц или на 350%, тогда как цены на сало, масло, яйца, мясо подскочили на 900-1221%. Как отмечали в своих документах городские органы рабочего контроля, дороговизна оставалась главным противоречием между рабочими и капиталистами, поскольку зарплата временами была столь низкой, что во многих случаях доходила до «голодного уровня», «в лучшем случае едва-едва покрывая самые минимальные потребности нашего скромного в своём домашнем обиходе рабочего»¹⁹⁰. По сообщению газеты «Голос народа», изнемогая от голода, рабочие при выходе с фабрик буквально падали с ног «и их под руки уводили домой»¹⁹¹. Драматизм ситуации чётко отразила в своей сводке Александровская продовольственная управа: «В скором будущем, – сообщала она, – толпы городских, фабричных и безземельных деревенских жителей, не получая хлеба из продовольственного комитета, пойдут по деревням и сёлам, как это происходит уже в Иваново-Вознесенском районе»¹⁹². Интересные сведения на этот счёт имеются также в работах И. Орлова и современного историка С. Павлюченкова¹⁹³. Как указывает последний, летние выпуски органа Министерства продовольствия «Продовольствие и снабжение» содержали большое количество сообщений о голоде, эпидемиях, спекуляции, избиениях и убийствах работников продовольственных органов. «Голод в Калужской губернии разрастается. В пищу употреблено всё, что можно было есть. От недостатка пищи падают коровы и лошади, если их не успели употребить в пищу. Дети умирают массами, умирают и взрослые. Голодные люди ринулись за хлебом в соседние губернии. Мужчины оставляют голодающие семьи в поисках хлеба, женщины бросают под присмотр посторонних лиц своих детей, чтобы идти за хлебом». Очень опасной становится в голодающих районах работа продовольственников – «идёт форменная осада продовольственных комитетов: где разгоняют, где убивают, избивают»; «три часа стоял перед угрожавшею смертью толпой»; «ведут топить к реке»; угрожают «выбросить весь состав в окно» – буквально кричали опубликованные телеграммы продовольственников¹⁹⁴. В целом, как итог этой ситуации, имеются данные, что смертность рабочих в 1917 г. возросла по сравнению с 1915 г. на 30 процентов¹⁹⁵. Фабзавкомам только с большим трудом удавалось сдерживать растущие на почве голодухи погромные настроения в рабочей среде¹⁹⁶.

Не способствовала умиротворению рабочих и политика официальных властей. На этот раз причиной особого недовольства в трудовых коллективах стали циркуляры министра-социалиста М. Скобелева, направленные против свобод, достигнутых фабрично-заводскими комитетами на первых этапах революции. Ещё до обнародования этих циркуляров Всероссийская конференция предпринимательских организаций важнейшей задачей определила «устранение вмешательства фабрично-заводских комитетов в компетенцию заводууправлений». Суть появившихся 23 и 28 августа 1917 г. министерских посланий как бы перекликалась с этими настроениями и сводилась к запрету комитетам вмешиваться в регулирование рабочей силы. Не разрешалось также собираться комитетам для своей деятельности в рабочее время¹⁹⁷.

Последняя мера вообще имела не хозяйственное, а пропагандистское значение. Понятно, что указы тут же были поддержаны Московским управлением Союза Объединённой промышленности¹⁹⁸, а также его провинциальными филиалами¹⁹⁹.

Рабочие же встретили скобелевские циркуляры в штыки. Особенно возмутило их то обстоятельство, что составленные из «патриотических фраз» обращения Скобелева появились в момент Корниловского мятежа, когда рабочие «грозно встали на защиту революции», не считаясь с тем, «проходит ли это в рабочее время или нерабочее»²⁰⁰. «Что это, – задавал вопрос центральный журнал фабзавкомов, – бестактность или вызов?»²⁰¹ С протестами против скобелевских циркуляров выступали многие предприятия²⁰², а рабочие московской Дедовской мануфактуры ещё и снабдили свой протест едким комментарием, – пусть «патриотические порыв министра» будет направлен не к рабочим, «а к капиталистам, которые закрывают фабрики, выбрасывая рабочих на улицу»²⁰³.

В сознании пролетариата росло убеждение, что буржуазия под прикрытием коалиционного министерства планомерно «дезорганизует собственное производство»²⁰⁴. Когда первоначально Ю. П. Гужон, а затем по его требованию и другие металлопромышленники Московского региона заявили о прекращении с 1 июля 1917 г. деятельности отрасли в целом, даже правые социалисты категорично произнесли – «саботаж»²⁰⁵. Зачинателями этой войны против «рабочего анархизма» с его «безумными социальными экспериментами» были московские цензовые элементы. На II торгово-промышленном съезде Рябушинский прямо призывал воспользоваться грядущей экономической катастрофой для «наведения порядка» и расправы над советскими и демократическими организациями: «К сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа...» – говорил Рябушинский в своих выступлениях. Это высказывание о «костлявой руке голода» уже тогда стало символом политики буржуазии по отношению к рабочим и их партиям²⁰⁶. Подобные настроения среди предпринимателей не были исключением. Дж. Рид приводит высказывание одного из кадетов о том, что «экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитации революции». А. И. Верховский, военный министр Временного правительства, также считал подобные меры возможными, если бы не война с Германией. В своих дневниках он ссылается на высказывание ещё одного члена Временного правительства, чье имя он не указывает, о том, что нужно «предоставить анархии восторжествовать», после чего «народ увидит, что из этого выйдет и сам образумится»²⁰⁷. На места хлынул поток инструкций и циркуляров, предписывающих растерявшимся и дезориентированным фабрикантам и заводчикам линию поведения²⁰⁸. Но и без них предприниматели готовы были ссылать непокорных на фронт или, наоборот, призывать на предприятия действующие воинские части, лишь бы совладать с рабочими комитетами. Особенно этот натиск усилился после июльских событий²⁰⁹.

В такой обстановке рост деструктивной протестной активности рабочих был естественен. Значительное число конфликтов в этот момент напрямую возникло из борьбы рабочих за права фабрично-заводских комитетов. Так, попытка реализовать на практике правительственные директивы вызвала волнения не только на отдельных предприятиях ЦПР, но и в ряде отраслей в целом. Ответ рабочих был предельно ясен: «Признать законным собрание членов комитетов в рабочее время... Все же подобные циркуляры, как циркуляры Скобелева по поводу фабричных комитетов, считать не действительными», – постановляли, например, фабзавкомы т-ва Ясунинских с. Кохмы на своём общем собрании 28 сентября²¹⁰.

Радикализмом отличались стачки печатников, рабочих деревообрабатывающей промышленности, пищевиков и ещё более кожевников региона. Важным этапом в развитии стачки стало делегатское собрание кожевенных предприятий Москвы с фабрично-заводскими комитетами, состоявшееся 16 октября 1917 г. На нём обсуждался доклад рабочей группы о ходе

переговоров с промышленниками. Не удовлетворённые упорством предпринимательской стороны, многие делегаты требовали «нажима» и высказывались за секвестр фабрик тех владельцев, кто был особенно ненавистен рабочим и не торопился идти на уступки. Видя размах рабочих выступлений и безнадёжность своего положения, многие предприниматели как на наиболее приемлемом останавливались на варианте сепаратных переговоров и соглашений. На этот шаг шли владельцы тех предприятий, которые работали не по казённым заказам, а на рынок и поэтому из-за забастовок несли убытки. Тем более, что и предпринимательские организации оказались не на высоте и не смогли хоть чем-то реальным помочь своим членам. От мощного и сплочённого до тех пор Союза предпринимателей кожевенной промышленности откололась сперва секция по выработке кож, а затем брезентовщики и обувщики. Во избежание распада Союз также шёл на всё большие уступки²¹¹. Забастовка кожевников оказалась такой мощной, что 20 августа в Москву пожаловал сам министр труда с уговорами к сторонам прекратить забастовку²¹².

По некоторым подсчётам, общее количество забастовщиков в эти недели достигало 2 млн человек. Вот на каком историческом фоне шло дальнейшее развитие рабочего самоуправления. В одной из недавно появившихся работ В. Булдаков приводит суждение американских исследователей, обративших внимание на тот факт, что в ходе своей борьбы рабочие *вышли за пределы обычного типа конфликтов*, характерного для западных стран, и *пришли к отрицанию всей системы ценностей буржуазного общества*²¹². По мнению В. И. Ленина, высказанному на этот счёт, классовая борьба в обстановке совершенно измученной, голодной, гибнущей страны «это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги переполнены, война выбила людей из колеи, машины изношены и прочее и так далее), а *за спасение от голода*»²¹⁴. В такой накалённой атмосфере лета-осени 1917 г. говорить о социальном сотрудничестве желающих находилось всё меньше и меньше, и призывы их звучали всё менее убедительно.

6. Роль стачек в развитии рабочего представительства

Тревожным симптомом сложившейся летом 1917 г. обстановки в стране, помимо роста протестной стачечной активности, стал и переход пролетариата от экономических к радикальным политическим требованиям. В Центрально-промышленном районе поворотным в этом отношении можно считать Московское государственное совещание и компанию по её бойкоту со стороны левых партий²¹⁵. До этого события в Москве как бы повторяли столичные, теперь же пролетариат Москвы выдвигался на передовую в борьбе за политическое переустройство России²¹⁶.

В этом контексте важное значение приобретает вопрос о роли стачечной борьбы этого времени в процессах формирования единой системы пролетарских организаций. Сегодня наметилась тенденция недооценивать роль волны забастовок в развитии революции, сводить её влияние до уровня демонстрации силы. Само по себе подобная демонстрация силы, впрочем, уже существенный фактор политики. Но этим дело вовсе не ограничивалось. Давно уже было отмечено, что стачки и образовавшиеся на их волне **стачками** послужили важной ступенью к возникновению в 1905 г. Советов, а в феврале-марте 1917 г. фабзавкомовского движения²¹⁷. Но подобным образом ситуация развивалась на последующих этапах революции.

Каким образом стачечная борьба рабочих воздействовала на институционные процессы в его среде, видно на материалах октябрьской стачки текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области, которая напрямую переросла в Октябрьскую революцию и её «триумфальное шествие» по российской глубинке. На волне этой стачки пролетарские организации

сумели выстроиться в достаточно стройную и организованную систему рабочего самоуправления²¹⁸.

Стачка текстильщиков носила уже не стихийный характер. Удивляет основательность и степенность, с которой шла подготовка к её началу, а после – распространение стачки по районам и предприятиям текстильного края. Точкой отсчёта в развёртывании стачки можно считать 11 октября 1917 г., когда на делегатском собрании края был избран Центральный стачечный комитет, а уже 14 октября начали поступать сообщения об образовании комитетов на местах. В тот же день требования рабочих были направлены в Москву в Союз объединенной промышленности²¹⁹.

В принятой 11 октября на делегатском собрании инструкции стачечного комитета, помимо чисто технических вопросов, рассматривались и вопросы общего организационного характера. В частности, согласно инструкции, начало стачки был правомочен отныне объявлять исключительно Центральный стачечный комитет. По его сигналу, стачка должна была начаться одновременно по всей Иваново-Кинешемской промышленной области. Одним из параграфов инструкции значилось: «Стачка должна протекать мирно, никакие насилия не допустимы. Рабочие в установленное стачечным комитетом время расходятся с фабрик и заводов спокойно и без шума». В то же время, по объявлению стачки, рабочие стачечные комитеты обязывались установить охрану и круглосуточное дежурство на предприятиях. Поскольку вплоть до 18 октября ответа от промышленников не последовало, на 21 октября была назначена стачка. Особой заботой органов стачки стала железная дорога, по которой из области могли вывозиться сырьё и товары (мануфактура), а в область переправляться верные Временному правительству ударные части. Для контроля над перевозками были мобилизованные имеющиеся в крае немногочисленные, но боеспособные отряды красногвардейцев. Специальным распоряжением был запрещён вывоз продукции с фабрик²²⁰.

В 10 часов вечера 20 октября началось ключевое собрание Центрального стачечного комитета, на котором были заслушаны сообщения с мест о том, как двигалась подготовка к стачке, а также отчёт Согласительной комиссии о позиции предпринимателей края. Вот краткая выдержка из стенограммы собрания, рисующая настроение, царившее на нём и в низовых рабочих организациях:

«Иваново-Вознесенск (Лебедев) – готов к выступлению. Стачечные комитеты стоят на местах и ждут приказаний. Пикеты в каждую минуту готовы приступить к выполнению своих задач. Настроение рабочих приподнятое. Приказ Центра о запрете вывоза мануфактуры приведен в исполнение. Деньги – сборы переданы в Центральную кассу.

Кохма (Белкин) – стачечные комитеты организованы. Пикеты на местах. Чувствуется недостаток в ораторах для митингов и собраний. Деньги, хотя и не так много, собраны и переведены в Центр.

Тейково (Батурина) – настроение рабочих бодрое, комитеты и пикеты организованы, отчисления в стачечный фонд произведены.

Шуя (Богданов) – настроение масс бодрое (есть выкрики о хлебе). Отчисления в стачечный фонд произведены. Уезды разделены на районы. В районах стачечные комитеты и пикеты имеются.

Тынцовский район (Корзинин) – настроение рабочих хорошее. Комитеты и пикеты на местах. Отчисления на стачку произведены.

Ковров (оглашается телеграмма) – «Районный стачечный комитет организован. Делегатское собрание. Власов».

Родники (Горбачёв) – рабочие бодрые. Всё организовано. Чувствуется недостаток в оружии. Отчисления производятся.

Середа (Шмаров) – стачечные комитеты организованы. Пикеты стоят у телефона и телеграфа. Настроение масс плохое, едва согласились на выступление. Деньги собраны и будут представлены.

Кинешма-Заволжье (Тулин) – настроение боевое. Необходимые приготовления произведены.

Вичуга (Полунов) – стачечные комитеты организованы. Пикеты несут дежурство. Настроение сносное. Деньги будут пересланы. Мануфактура не вывозится».

Таким образом, несмотря на то что рабочие ряда посёлков и городков из-за голода были слабо готовы к стачке, у большинства рабочих области настроение было решительное. Учитывая это, «Центростачкой» было постановлено: 21 октября в 10 часов утра начать всеобщую стачку, «спешно оповестить фабричные заводские стачечные комитеты. Стачка начинается митингом на фабриках, затем рабочие мирно расходятся домой»²²¹. Также были приняты и разосланы по району три специальных воззвания: к рабочим, к солдатам, а также ко всем гражданам области.

И тем не менее тот факт, что на следующий день стачка началась в целом так, как и задумывалось, являлся крупным достижением пролетарских организаций края. Неслучайно рабочие некоторых фабрик, например в Коврове, обратились с просьбами о присоединении к Союзу текстильщиков именно в дни стачки. И хотя в ряде мест наметились некоторые осложнения, в частности в Шуе возникли проблемы с участием в стачке служащих, в целом стачка носила слаженный характер. Атмосфера, царившая тогда в области, видна на примере Иваново-Вознесенска. Здесь, как и предусматривалось, ровно в 10 часов рабочие покинули свои цеха и с красными знамёнами и пением революционных песен стали стекаться на районные митинги. После митингов рабочие мирно расходились по домам. Поначалу испуганными выступлениями рабочих, обыватель быстро пришёл в себя, и «городская жизнь вошла в обычную колею»²²².

Тревожную картину замершего текстильного края рисовал на страницах местной печати рабочий поэт Н. Милонов:

Фабричные трубы давно не дымят,
Не слышно призывного гуда.
В Манчестере русском работы стоят,
Не видно рабочего люда²²³.

В те месяцы рабочая поэзия и рабочие песни вообще служили одним из средств борьбы наряду с более традиционными формами пропаганды. Так, например, по воспоминанию участника фабзавкомовского движения в крае Г. Горелкина, завком одного из предприятий обратился к входившему в него поэту-самоучке Митрию Плешакову с поручением писать для завкома революционные песни, одна из которых, «Песня рабочих», даже стала заводским и завкомовским гимном²²⁴. Но не менее красноречиво и наглядно о ситуации в крае говорили те требования, которые выдвигали рабочие-текстильщики Иваново-Кинешемской области. Вот как они были сформулированы и обобщены в обращении рабочих к остальным жителям края, распространяемом в дни стачки (в нём интерес представляют как характер самих требований, так и язык, которыми они изложены):

«Мы требуем того, что нам *необходимо, без чего человек не живёт*, а «бьётся как рыба об лёд».

Вот наш дневной прожиточный минимум:

... Из приведённой таблицы ясно видно, насколько скромны наши требования, особенно если принять во внимание состояние цен на предметы рабочего обихода, на полное отсутствие

на рынке хлеба и других продуктов, на покупку их у мародёров и спекулянтов, дерущих за всё в три дорога»²²⁵.

В целом заводчики и фабриканты Иваново-Кинешемской области встретили стачку дружным выездом в столичные города и за границу. Интересный факт приводит в книге «О времени и о себе» Б. Пророков: владелец одного из предприятий Иваново-Вознесенска, бежавший в Париж, прислал оттуда в фабричный комитет своего предприятия телеграмму. В ней он писал: «Всё забирайте, всё грабьте, всё разорайте, оставьте только конюшни, чтобы было где вас пороть, когда мы вернёмся»²²⁶. Другие пытались оказать стачечникам сопротивление. На некоторых фабриках начинают распространяться объявления о предстоящих массовых увольнениях и локаутах. Фабричные пикеты рабочих, согласно приказу № 2 «Центростачки», срывали их и отсылали в центр. Такие листовки распространялись, к примеру, на фабрике т-ва Д. Морокин, И. Тихомиров и К^о (за подписью Бюро Союза объединённой промышленности Центрального района), на фабрике т-ва мануфактур Александры Каретниковой с сыном (причём из подписи явствовало, что сами локаутчики, скорее всего, находились уже в Москве). Несмотря на это, стачка не утихала, а наоборот, разрасталась. 24 октября в её поддержку высказался Юрьев-Подольск, а 25 октября о своей солидарности заявил Костромской союз текстильщиков²²⁷.

26 октября 1917 г. рассмотрела вопрос о начавшихся в городе волнениях Городская дума Иваново-Вознесенска. По результатам обсуждения принимается решение, в котором Дума признавала, что «областная стачка текстильщиков являлась неизбежной»²²⁸. В этот день в Петрограде верховная государственная власть перешла в руки Временного революционного правительства, сформированного большинством Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

Донесения о демонстрациях, забастовках и прочей активности рабочих поступали практически из всех значимых населённых пунктов региона: Юрьева-Подольска, Кохломы, Тейкова, Шуи, Тынцовского района, Коврова, Родников, Середы, Кинешмы-Заволжья, Вичуги, Новой-Вичуги, с фабрик самого Иваново-Вознесенска. По оценкам местных наблюдателей, в движение было вовлечено не менее 300 000 рабочих²²⁹.

Непосредственной базой для органов, руководящих октябрьской стачкой текстильщиков, становятся все действовавшие на тот момент пролетарские организации Иваново-Кинешемской области. Но поскольку сеть этих организаций не перекрывала всех существовавших там предприятий, возникла необходимость в организации новых, специальных структур. Ими стала организуемая на всех уровнях рабочей самоорганизации система **стачечных комитетов**, которые создавались и действовали по типу первых фабзавкомов марта 1917. Это означало крайнюю узость их функций и организационной структуры. Поскольку вся в целом иерархия стачечных рабочих комитетов строилась по подобию и на основе уже имевшихся организаций, её конструирование шло жестко сверху и по единым стандартам (в этом смысле это была как бы «репетиция» всплеска фабзавкомовского строительства, инициированного законом о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г.).

В общих чертах созданная практически с нуля структура имела достаточно чёткий и организованный характер²³⁰. Как пишет С. К. Климохин, в то время секретарь Союза текстильщиков, «огромная, казалось, непосильная работа была выполнена, несмотря на короткий срок, блестяще». В дни стачки Центральный стачечный комитет становится сердцем всей этой организации. В его состав, согласно принятой на делегатском собрании инструкции, входило 9 человек, «избираемых на соединённом собрании делегатского собрания союза, представителей от районных собраний фабрично-заводских комитетов и представителей Совета рабочих депутатов. По телефону и нарочными «Центростачки» собиралась, концентрировалась, анализировалась и рассылалась вся информация о ходе стачки на отдельных фабриках и заводах.

Передача на места информации и распоряжений осуществлялась через районные стачечные комитеты, в которых для этого устанавливалось круглосуточное дежурство. Согласно нормам, принятым делегатским собранием, районные стачечные комитеты избирались в количестве 7 человек на соединенных собраниях, состоящих из уполномоченных коллективов профессионального союза и исполнительных комитетов Советов рабочих депутатов. Переход фабрик и заводов в руки рабочих облегчался бегством предпринимателей. Ни один аршин мануфактуры не мог быть вывезен за пределы предприятия без санкции фабричного стачечного комитета. Сами фабричные стачечные комитеты, опять-таки согласно инструкции, должны были избираться на общих собраниях, их количество не должно было превышать 5 человек, очевидно, для оперативности руководства. В довершение всего, вооружённые пикеты рабочих занимали помещения с телефонами, брали под охрану конторы, входы, имущество фабрик. По сообщениям с мест, в большинстве случаев стачка протекала мирно и без эксцессов, организованно и четко²³¹.

Октябрьская стачка текстильщиков Иваново-Вознесенска напрямую способствовала расширению фабзавкомовского движения, поскольку фабзавкомы в ряде случаев либо выполняли функции стачкомов, либо координировали их деятельность у себя на предприятиях, либо там, где фабзавкомов прежде не было, стачкомы плавно переросли в полноценные фабрично-заводские комитеты, так же как это было и в период февраля. Только теперь это явление имело более массовый и организованный характер, поскольку уже не было стихийным, а подчинялось конкретным положениям, зафиксированным в договоре от 14 ноября 1917 г. об условиях прекращения стачки²³². В ней в § 3 значилось: «В двухнедельный срок должны быть избраны рабочие (фабрично-заводские) комитеты согласно *закону от 23 апреля с. г.* на основе всеобщего прямого и тайного голосования. В телеграмме же союза стачкомам добавлялось: фабричные стачечные комитеты и пикеты распускаются. Все дела от них переходят фабричным рабочим комитетам²³³.

Итак, пройдя в своей эволюции несколько ступеней, забастовочная борьба русских рабочих, в конце концов, стала важным элементом в созревании второго, уже не политического, а более глубокого, социального этапа революции 1917 года. Переоценивать роль стачек в событиях тех месяцев, конечно, не стоит. Не перерастая в какие-либо новые, более высокие формы рабочего активизма, стачки не могли быть решающим средством борьбы за интересы рабочих. Однако, как мы видим, стачки, охватывая целые отрасли и промышленные центры, ставили в повестку дня институциональное оформление господствовавших среди рабочих настроений. Такой ход событий, неоднократно повторявшийся, не мог быть случайным: он отражал глубинные тенденции развития рабочего движения революционного времени²³⁴.

7. «Социальное партнёрство» в области государственного строительства и общественной саморегуляции

Говоря о надеждах создать в революционной России прочную систему социального партнёрства и невозможности их осуществления в 1917 г., не следует забывать, что существовала ещё одна сторона этого вопроса. В определённом смысле идея социального партнёрства в экономической сфере выступала как бы аналогом принципа поддержки Временного правительства, выраженного известным лозунгом «постольку – поскольку». И хотя эта тема соприкасается с проблематикой фабзавкомовского строительства лишь косвенно, её все же необходимо затронуть хотя бы коротко, чтобы пусть даже в общих чертах оттенить некоторые важные аспекты становления самостоятельного рабочего представительства.

Формула «постольку – поскольку» применительно к поддержке Временного правительства была найдена в начале марта меньшевистским большинством Петросовета. Позже она

была одобрена Всероссийским совещанием Советов, а также съездом крестьянских депутатов и стала базой сотрудничества между этими органами и официальной властью. Можно согласиться, что эта формула в чём-то повторяла известный принцип консервативных либералов «царю – власть, а народу – мнение». С другой стороны, ситуация напоминала разделение властей на исполнительную и представительную. Но фактически речь шла о политическом патронаже со стороны цензовых элементов над своими союзниками слева. Это, пожалуй, и предопределяло нежизненность попыток создания коалиции, как тогда говорили, «всех живых сил нации». Даже постепенное полевение правительства за счёт вхождения в него социалистов не изменяло отношения к нему со стороны низов: послереволюционная власть ими «рассматривалась как буржуазная»²³⁵. Для многих демонстрантов, шедших 18 июня в колоннах по Марсовому полю, лозунги, подобные лозунгу «Долой министров-капиталистов!», для очень и очень многих демонстрантов означали «Долой правительство!» – всё правительство, включая и «министров-социалистов».

Но это что касается попыток установления партнёрства на самом верху пирамиды власти. А что происходило на нижних её этажах? Поскольку в тот момент времени речь шла о выборе новой государственной модели и новой модели взаимосвязей государства и общества, возрастала роль тех институтов, которые должны были составить каркас этой новой революционной модели государственности. И вот здесь-то и поднимался вопрос о рабочем самоуправлении как об одном из элементов гражданского самоуправления вообще. Могло или не могло рабочее самоуправление стать основой или, по крайней мере, одним из звеньев новой демократической России? Эту же проблему можно сформулировать и несколько по-иному. Являясь проявлением революции самоуправления, фабзавкомы так или иначе должны были вступать в диалог с аналогичными представительными организациями других социальных групп. Какая судьба ждала идею партнёрства здесь, где на взаимоотношения различных социальных слоёв и групп идеологические ограничения сказывались совсем не с такой остротой, как в столице? Как складывались отношения фабзавкомов с думами, земствами, общественными комитетами и прочими органами, которые гордо именовали себя «демократическими»?

Тактика фабзавкомов по отношению к этим организациям определялась несколькими факторами. Во-первых, на развитие институтов гражданского общества и взаимосвязей между ними воздействовали постоянно обострявшиеся межклассовые конфликты. Во-вторых, рабочие вовсе не были заинтересованы в безудержном расшатывании общества и с целью его стабилизации готовы были к сотрудничеству со всеми демократическими организациями²³⁶. Об этих проблемах общереволюционного значения рассуждал, в частности, один из докладчиков по вопросу о выборах в органы городского и земского самоуправления на состоявшемся 21 августа 1917 г. общем собрании фабзавкомов Шуи. Обобщая ход дискуссии, он подчеркивал, «что рабочие тесно связаны» с городскими думами и прочими органами общегражданского самоуправления, и следует «отнестись к выборам... с должным вниманием, и напрячь все усилия» для их успешного проведения²³⁷.

На таких же позициях стояли органы рабочего самоуправления Москвы. Здесь фабзавкомы не только поддержали проведение выборов в прежние органы самоуправления, но и сделали всё от них зависящее, чтобы приспособить их под потребности самостоятельного рабочего движения. Так, фабзавкомы печатников, фабрики Хлебникова, заводов «Поставщик» и Гакенталья дружно выступили против попыток отправить рабочих в день выборов в оплачиваемые отпуска и тем самым уменьшить рабочий электорат, а фабзавкомы заводов подъёмных сооружений, «Динамо», Губанова, бр. Бромлей, фабрики Цинделя и др. не ограничились протестами и включились в предвыборную борьбу, выделяя средства и даже выставив собственных кандидатов²³⁸.

Активны в предвыборной кампании были и рабочие канавинских заводов «Фельзер», «Новая Этна», Молитовской фабрики. Они устроили 13 июня многотысячную демонстрацию с требованием включить жителей рабочих предместий в черту города, чтобы они своими головами могли повлиять на состав будущей Городской думы²³⁹.

Заинтересованность фабзавкомов в формировании органов местного самоуправления всегда давала результаты, и им удавалось провести своих кандидатов. Этим не раз пользовались левые партии, в особенности большевики, выставлявшие на выборах своих представителей, заручившись поддержкой какого-либо трудового коллектива и местных рабочих организаций²⁴⁰. Например, принявший решение поддержать большевиков завком завода Михельсона на выборах 24 июня сумел на своём выборном участке провести 34% депутатов от этой партии, тогда как в целом по Москве за список № 5 голосовало лишь 11%²⁴¹. Так же сложились итоги голосования и в Сушевско-Марьинском районе, где председателем районной Думы стал председатель завкома Военно-артиллерийского завода, член правления Союза металлистов большевик И. Г. Батышев²⁴². Аналогичными факторами можно объяснить и любопытную «личную унию», сложившуюся между рабочими и демократическими организациями в г. Шуе. Здесь М. В. Фрунзе, известный деятель революции 1917 г., занимал сразу несколько постов и должностей, он являлся: председателем Шуйского уездного комитета РСДРП (б), руководителем красногвардейских и солдатских революционных формирований города, председателем Шуйского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а наряду с этим ещё и председателем уездной земской управы и Городской думы²⁴³.

Теми же устремлениями иметь прочное, но считающееся с мнением трудовых коллективов, то есть демократическое государство, можно объяснить и поддержку рабочими до Октябрьской революции идеи Учредительного собрания. Это связано с тем, что политики того времени немало потрудились, чтобы создать в народе представление, что Учредительное собрание решит все стоящие перед Россией вопросы и положит конец гражданской смуте²⁴⁴. Не последнюю роль в создании у рабочих привлекательного образа Учредительного собрания сыграли и большевики. Агитационная машина большевиков нацелилась на разъяснение рабочим всех их демократических прав и свобод в связи с предстоящими выборами. Так, ещё 18 июня газета самарских большевиков «Приволжская правда» поместила статью, в которой говорилось, что «нужно довести до рабочего все тонкости избирательной техники, разъяснить смысл и цели партий», аналогичные призывы газета регулярно помещала и в последующие недели²⁴⁵.

И всё же, несмотря на все приведённые выше факты, поддержку со стороны **большинства** рабочих Учредительного собрания безусловной **не назовёшь**. В Учредительном собрании рабочие видели именно **«революционный Конвент»**. Рабочим оно рисовалось не как противовес органам пролетарского самоуправления, а как гарант сохранения целостности общества и самоопределения их представительных организаций. В противном случае, они отказывались поддерживать «Учредиловку», правда, особенно ярко это проявится уже после победы в октябре 1917 года²⁴⁶.

История сложилась так, что временами **отчётливо намечавшийся** союз различных органов самоуправления **не стал прочным каркасом будущей государственности**.

В последнее время часто утверждается, что причину раскола между рабочим самоуправлением и прочими демократическими организациями нужно искать в сепаратизме рабочих и их чрезмерно несговорчивых вождей. В основе этих утверждений лежит точка зрения ещё руководителей Февральской революции, оказавшихся не способными справиться с разбухенной ими же стихией²⁴⁷. Однако причины обособления рабочего самоуправления от общеграж-

данского крылись совсем в ином, а именно в **слабости** всей февральской системы, в её тупиковости.

Обречённость правящего класса и значительной части образованного общества определялась неспособностью плодотворно освоить духовно-нравственные ценности народной жизни и национальных демократических традиций. Поэтому для пролетариата правящая элита представлялась не только эксплуататорским классом, но и людьми другой, чуждой, среды. Революция со всей остротой поставила вопрос о возвращении к народным основам, традициям и идеалам как столбовой дорожке развития. Жизнь настоятельно требовала учёта исторически сложившейся национальной модели государственного устройства, ведения хозяйства и трудовой деятельности, организации демократических институтов и др.²⁴⁸ Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно – рождение нового глубочайшего социального конфликта, одного из самых острых и принципиальных за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать «под себя» традиционное российское общество.

Уже летом 1917 года жизнь успела продемонстрировать иллюзорность надежд на органы общегражданского самоуправления как каркас будущего государства. Это относилось и к прежним муниципальным органам (городским думам и земствам), и новым, рождённым революцией межклассовым институтам (общественным исполнительным комитетам, комитетам общественной безопасности, комитетам общественных организаций и т.д.). Все они спустя всего несколько месяцев после свержения самодержавия оказались в тяжелейшем всеохватывающем кризисе: финансовом, организационном, а также кризисе народного доверия. Февральский режим с его ориентацией на западную либеральную модель организации власти ставил крест на этих учреждениях, как и на всей государственной традиции России, хотя внешне и казалось, что ставка делается именно на них. Ссылаясь на признания А. Керенского, французский историк М. Ферро пишет об этом **уничтожении российской государственности** как об одном из **важнейших событий** тех дней²⁴⁹. По мнению же других западных историков, дальнейшие трудности страны как раз и проистекали из того, что, подорвав легитимную власть монарха, буржуазия и технократическая элита не смогли создать новую авторитетную власть, что, вероятно, и привело к двум попыткам в августе 1917 г. установить власть авторитарную²⁵⁰.

В итоге, будь то сфера экономических, чисто бытовых вопросов, или вопросов, касающихся сферы управления обществом, ни в первые недели после падения самодержавия, ни потом на протяжении всего революционного времени пролетариат и торгово-промышленный класс так и не смогли наладить социального диалога, не смогли достичь взаимопонимания и сотрудничества, не смогли урегулировать разделявшие их антагонизмы. Стало исчезать, «съедиваться» само историческое пространство, на котором можно было попытаться прийти к согласию. В этих условиях пролетариату оставалось искать **спасение в организации собственных сил**. *Не получив эффективных структур межклассового взаимодействия, рабочие поневоле ещё радикальней разворачивались в сторону автономного внутриклассового строительства.* Сохранение слегка подновлённой опеки означало **перенос в новую среду прежнего противостояния гражданского общества и государства**. Первоочередной задачей рабочих поэтому становилось упрочение своего автономного положения непосредственно на предприятиях²⁵¹. Не вносили успокоения и политические шаги Временного правительства, так как они шли вразрез с традиционалистским отношением масс к государству как к «большой семье».

Неудача попыток установить в революционной России подобие гражданского мира через развитие социального партнёрства в сфере производства, а также сфере низового и общегосударственного управления имела самые существенные последствия. Крах идей социального партнёрства predetermined неудачу широкого демократического фронта с привычными по западноевропейскому опыту элементами профсоюзной культуры и парламентаризма. А это, в свою очередь, способствовало образованию новых форм пролетарской самоорганизации, более приспособленных не к мирным, а к чрезвычайным внешним условиям²⁵².

Примечания

¹ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. М., 1927. С. 261.

² ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 30. Л. 17-25 об.

³ Ситцевый поток. М., 1973. С. 66.

⁴ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 62.

⁵ *Егорова А. Г.* Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970. С. 186; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М., 1967. С. 147; *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 21-35; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 105 и др.

⁶ Социал-демократ. 1917. 5 июля.

⁷ *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 24; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 105.

⁸ Новый путь. 1918. № 3. С. 13.

⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁰ ГАНУ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.

¹¹ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 3, 4, 8.

¹² Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 16, 23.

¹⁴ Там же. Д. 50. Л. 12-23, 29-31 об., 32.

¹⁵ *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 21-35.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 171.

¹⁸ *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март – октябрь 1917 года). М., 1960. С. 134, 193; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. С. 147; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 172; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 100.

¹⁹ *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 35.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ ГАНУ. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

²² Там же. Д. 34. Л. 3 об.

²³ ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 3. Л. 198.

²⁴ *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 45.

²⁵ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 15 апреля; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. М., 1927. С. 265-266.

²⁶ Социал-демократ. 1917. 23 сентября.

²⁷ См. подробнее об этом: *Зимарина Н. П.* Роль Советов и профсоюзов в становлении фабрично-заводских комитетов Москвы в 1917 г. // Советы и творчество масс. М., 1986.

²⁸ В общей сложности в конференции приняло участие 1042 представителя с мест, из которых 683 были с решающим, а остальные с совещательным голосом.

²⁹ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 25 июля; Там же. 29 июля; Социал-демократ. 1917. 28 июля.

³⁰ Москва. Октябрь. Революция. М., 1987. С. 113-114.

³¹ *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в период подготовки Октября. С. 244.

³² Социал-демократ. 1917. 11 октября.

³³ Для характеристики настроений московских рабочих в этот период показателен и сам партийный состав II городской конференции московских фабзавкомовцев. Из 699 делегатов 534 были большевиками, что примерно вдвое превышало численность их фракции на первой конференции (Социал-демократ. 1917. 13 октября).

³⁴ История советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920. Т. 1. М., 1984; Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957. С. 367.

³⁵ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 27 октября.

³⁶ Социал-демократ. 1917. 27 октября.

³⁷ В том числе собрание сахарных заводов Ямпольского уезда Подольской губернии.

³⁸ *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. С. 171-172.

³⁹ *Чураков Д.* Традиции русского пролетариата: опыт 1917 года и современность // Россия XXI. С. 93.

⁴⁰ *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 79.

⁴¹ Новый путь. 1917. № 3-4. С. 2, 3-13.

⁴² Цит по: *Лозовский А.* Рабочий контроль. Изд. «Социалист», 1918. С. 85-88.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 2. С. 250-263.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 3. Л. 169.

⁴⁶ Там же. Л. 105.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 198.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 г. С. 28.

⁵² *Булдаков В.* Путь к Октябрю // Октябрь 1917. Величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 39.

⁵³ См., напр.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3-7.

⁵⁴ См., напр.: Свет над заставой. Из истории завода «Серп и молот». М., 1959. С. 110; *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за

победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 31; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М.: Наука. 1967. С. 257; *Чураков Д. О.* Как это было: Красная гвардия в 1917-м // Диалог. 1998. № 4; ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 28; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 255. Л. 12-12в и др. Как отмечают исследователи, Красная гвардия возникает на базе формировавшейся при ведущем участии фабзавкомов рабочей милиции, а также отрядов по охране рабочими своих заводов. Продолжали фабзавкомы взаимодействовать с Красной гвардией и потом. Например, 2-я общегородская конференция фабзавкомов Москвы приняла по вопросу о создании Красной гвардии специальную резолюцию. Предельно ярко взаимоотношения между двумя ветвями рабочего движения успели проявиться в период мятежа Корнилова и, конечно, непосредственно в Октябрьских событиях (См. также: Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917-1919 гг. Т. 1. С. 29-29; Социал-демократ. 1917. 27 октября; Рабочий. 1917. 31 августа; Районные Советы Петрограда в 1917 году. М. – Л., 1966. Т. 3. С. 248-330; Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 298-299; *Лурье М.* Петроградская Красная гвардия. Л., 1938. С. 122, 123 и др.). Выдающуюся роль фабзавкомов в создании и последующем патронаже над Красной гвардией подчёркивали также и сами бывшие активисты-фабзавкомовцы, лидеры Центрального совета фабзавкомов П. Н. Амосов, Н. К. Дербышев, М. Н. Животов, Н. А. Скрыпник, С. Г. Уралов, В. Я. Чубарь и др. (См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. М., 1929).

ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 93. Л. 24-25; Социал-демократ. 1917. № 42, 70, 96, 134, 192 и др.

⁵⁶ Наша Звезда. 1917. 2 сентября.

⁵⁷ ГАНО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 29.

⁵⁸ ЦАОДМ. Ф. 3. Д. 3. Л. 34.

⁵⁹ *Николаев 77 А.* Рабочие-металлисты. С. 73.

⁶⁰ Социал-демократ. 1917. 9 августа.

⁶¹ *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты. С. 73.

⁶² *Коваленко Д. А., Ознобишин Д. В.* К вопросу о революционном творчестве масс после свержения самодержавия в России // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 41.

⁶³ Октябрь и профсоюзы. М., 1967. С. 11.

⁶⁴ Там же. С. 38.

⁶⁵ Рабочее движение в 1917 году. С. 87.

⁶⁶ *Зимарина Н. П.* Роль Советов и профсоюзов. С. 29.

⁶⁷ *Коваленко Д. А., Ознобишин Д. В.* К вопросу о революционном творчестве масс. С. 41; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в 1917 году. М., 1967. С. 134.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.

⁶⁹ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 28; *Егорова А. Г.* Профсоюзы и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957. С. 64.

⁷⁰ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 9.

⁷² ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 15 об.; *Антошкин Д.* Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1917 году // История пролетариата. 1938 № 8; Исторический архив 1957. № 1. С. 83; *Симомян М. Н.* Из истории борьбы Коммунистической партии за создание и руководство фабзавкомом в марте – апреле 1917 г. (по материалам Москвы и Московской губернии) // Ученые записки МОПИ. Т. 133. М., 1963. С. 523 и др.

- ⁷³ Грунт А. Я. Москва. 1917. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 103.
- ⁷⁴ Как организовать заводской (фабричный) рабочий комитет. М., 1917.
- ⁷⁵ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 50. Л. 12-23.
- ⁷⁶ См.: Фрейдлин Б. М. Революционное творчество пролетарских масс в марте -апреле 1917 // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 442.
- ⁷⁷ VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 136-137.
- ⁷⁸ ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 59. Л. 3-4, 5, 14.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р-730. Д. 30. Л. 18 об., 25, 27-28.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 16-14, см. также: Климохин С. И. Краткая история стачки текстильщиков. С. 2-10 и др.
- ⁸¹ Фрейдлин Б. М. Очерки по истории рабочего движения. С. 110.
- ⁸² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 60. Л. 2-8; Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959. С. 575; На баррикадах за власть Советов. Сб. док. и восп. М., 1934. С. 11-12; Протоколы пленарных собраний Московского областного бюро Советов рабочих и солдатских депутатов. Владимир, 1917. С. 14, 71.
- ⁸³ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 66. Оп. 3. Д. 297. Л. 98.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 186. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3-7, 8-11, 12, 13, 14 и др.
- ⁸⁷ Панкратова А. М. История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. С. 78.
- ⁸⁸ Социал-демократ. 1917. 29 апреля.
- ⁸⁹ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. С. 369.
- ⁹⁰ Социал-демократ. 1917. 1 июня.
- ⁹¹ Москва. Октябрь. Революция. М., 1987. С. 126-128, 177.
- ⁹² ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 8-14; Социал-демократ. 1917. 28 декабря; Новый путь. 1917. № 3-4. С. 21.
- ⁹³ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 19 октября.
- ⁹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 261. Л. 109, 109 об.
- ⁹⁵ Там же. Д. 80.
- ⁹⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.
- ⁹⁷ Бухарин Н. На подступах к Октябрю. М.-Л. 1926. С. 136-137.
- ⁹⁸ Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992. С. 72-73.
- ⁹⁹ Перед этим, как вспоминал Бухарин, верхушка московских большевиков целую ночь промучилась на квартире Ломова за «придумыванием» новых политических лозунгов (См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 316-322).
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 105-111.
- ¹⁰² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 316-322.
- ¹⁰³ См., например: Кукушкин Ю. Русская государственность от общины к Советам // Диалог. 1999. № 11 и др.

- ¹⁰⁴ Панкратова А. М. История развития фабрично-заводского представительства. С. 85.
- ¹⁰⁵ Московский совет профсоюзов в 1917 г. Протоколы. М., 1927. С. 37.
- ¹⁰⁶ См.: Кукушкин С. Московский Совет в 1917. М., 1957. С. 77.
- ¹⁰⁷ См.: Крейзель Ю. Б. Из истории профдвижения Харькова в 1917 г. Харьков, 1921.
- ¹⁰⁸ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 30. Л. 22 об.
- ¹⁰⁹ Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). CHALIDZE PUBLICATIONS. Ньютон, 1989. С. 7-9.
- ¹¹⁰ ГАИО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1-3.
- ¹¹¹ William B. Husband. Revolution in the Factory/ The Birth of Soviet Textile Industry. 1917-1920. New York – Oxford. Oxford University press, 1990. P. 53.
- ¹¹² Речь идёт о т.н. «зубатовщине», «полицейском социализме», отчасти воспроизводящем германские модели «укрощения» профсоюзов государством.
- ¹¹³ Фин Я. Фабрично-заводские комитеты России. М., 1922. С. 16-17; Панкратова А. М. История развития фабрично-заводского представительства. С. 81-82.
- ¹¹⁴ Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции. С. 14; Панкратова А. М. История развития фабрично-заводского представительства. С. 81-82.
- ¹¹⁵ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-6; Батыев И. За власть Советов // Советские профсоюзы. 1957. № 6. С. 63; Егоров Н. Рабочие за большевиков // За власть Советов. М., 1957; Белоусова М. I Борьба московских большевиков за рабочие массы в период мирного развития революции (март – июнь 1917 г.); Социал-демократ. 1917. 26 августа и др.
- ¹¹⁶ Антошкин Д. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1917 г. С. 57-58.
- ¹¹⁷ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 3 июля; Там же. 22 июля и др.
- ¹¹⁸ Панкратова А. М. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.-Л., 1927.
- ¹¹⁹ Галлили З. Лидеры меньшевиков. С. 306.
- ¹²⁰ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 294-300.
- ¹²¹ Конечно, такая постановка предельно заостряет вопрос. На практике варьировались различные промежуточные пути с большим или меньшим воздействием «западничества» или «традиционализма». Во всяком случае в революционном лагере у многих существовало понимание того, что социалистический выбор для России в условиях начала XX века означал попытку поиска вариантов развития. В чём-то альтернативных западным. Л. Д. Троцкий, который, без всяких сомнений, являлся сторонником культурного сближения России и Запада, по этому вопросу впоследствии писал: «История последних десятилетий особенно наглядно свидетельствует, что в условиях капиталистического упадка отсталые страны лишены возможности достигнуть того уровня, которого успели достигнуть старые метрополии капитала. Упершись сами в тупик, цивилизаторы преграждают дорогу цивилизуемым. Россия вступила на путь пролетарской революции не потому, что её хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дальше развиваться на капиталистических основах» {Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 7}.
- ¹²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 515.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Галлили З. Лидеры меньшевиков. С. 303.
- ¹²⁵ Панкратова А. М. Фабзавкомы в Германской революции (1918-1923). М., 1924. С. 6, 15, 17.
- ¹²⁶ Фин Я. Фабрично-заводские комитеты России. М., 1922. С. 17.

- ¹²⁷ ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
- ¹²⁸ *Фин Я.* Фабрично-заводские комитеты России. С. 17.
- ¹²⁹ *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация. С. 20-21; *Фин Я.* Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. М., 1928. С. 42-44.
- ¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 121. Л. 24-25.
- ¹³¹ Новый путь. 1917. № 3-4. С. 17.
- ¹³² Там же. С. 18.
- ¹³³ Там же. С. 19.
- ¹³⁴ *Фин Я.* Фабрично-заводские комитеты в России. С. 19-20; Отчет Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов за июль – декабрь 1917 г. Пг., 1918.
- ¹³⁵ ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 10 об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 22-23, 24, 30.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 и др.
- ¹³⁸ Там же. Д. 32. Л. 3-7, 22-23, 67 и др.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 41, 107, 112-113, 121, 151 и др.
- ¹⁴² Там же. Ф. Р-442, Оп. 1. Д. 1а, Л. 4.
- ¹⁴³ Текстильный рабочий. 1917. 2 октября.
- ¹⁴⁴ См.: *Зимарина Н. П.* Роль Советов и профсоюзов. С. 32.
- ¹⁴⁵ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 36. Л. 30.
- ¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 40. Л. 64.
- ¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 12. Д. 18. Л. 1.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 2-4.
- ¹⁵⁰ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 29. Л. 13, 29 и др.
- ¹⁵¹ *Камков И.* Революционное прошлое фабрики им. Балакирева. М., 1935. С. 127.
- ¹⁵² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 3-7 и др.
- ¹⁵³ Причём чем дальше, тем больше свою роль начинают играть факторы, отличающие органы самоуправления нового, индустриального, урбанизованного типа от прежних, традиционалистских, форм. Как мы видели, таким важнейшим фактором развития фабзавкомовского движения постепенно начинает становиться борьба рабочих фабричных и заводских комитетов за установление контроля над производством.
- ¹⁵⁴ Под социальным партнёрством в данном случае понимается система взаимодействующих институтов гражданского общества, целью которой является мирное, в рамках устоявшихся «норм» и «правил», урегулирование конфликтов, возникающих между различными общественными силами.
- ¹⁵⁵ Несмотря на некоторую предвзятость автора, немалый интерес здесь может иметь статья: *Звягин Ю. Ю.* Фабричное законодательство в конце XIX – начале XX века в России и Западной Европе: опыт сравнения // Россия и Запад. СПб., 1996.
- ¹⁵⁶ См. *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 325.

¹⁵⁷ Цит. по: *Фин Я.* Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. Популярный очерк. М., 1928. С. 8.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Сегодня трудно понять, чем была вызвана такая репрессивность царизма в отношении рабочих. Вероятно, царизм судил о позиции рабочих по тем требованиям и лозунгам, которые выдвигались от имени пролетариата различными революционными партиями. Вместе с тем рабочие существенным образом адаптировали их содержание под свои потребности и жизненный опыт, причём подчас в сторону снижения конфронтационности. В этом отношении показательно заключение съезда окружных и старших фабричных инспекторов, состоявшегося весной 1905 г. в Петербурге. В нём отмечалось, что в лексике рабочих собраний под свободой собраний подразумевается «право обсуждать свои нужды и изыскивать пути к улучшению своего положения»; под свободой слова – возможность «законными способами заявлять о своих нуждах»; под неприкосновенностью жилища и личности – «освобождение рабочего от постоянного страха ареста и насильственного вторжения в его жилище за одно только то, что он заявляет о своих нуждах и предъявляет требования об изменении условий найма» (См. в кн.: *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу. М., 1906. С. 258-259). Съезд инспекторов пришёл к важному выводу, что выдвигаемые рабочими требования, за редким исключением, против существовавшего строя направлены не были (См. подробнее об этом: *Кириянов Ю. И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 58.). Стоит обратить внимание на то, что съезд проходил и выносил своё заключение уже в условиях революции.

¹⁶⁰ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство эпохи буржуазнодемократических революций. М., 1994. Т. 9. С. 198.

¹⁶¹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 86-88; Устав о промышленном труде. Св. Зак. Т. XI. 4.2. 1913.

¹⁶² См. подробнее об отношении рабочих к положению о фабричном старостате и развивающих его законодательных актах: *Михайлов Н. В.* Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 153-158 и др.

¹⁶³ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы в Германской революции (1918-1923 гг.). М., 1924. С. 6-15.

¹⁶⁴ *Галлили З.* Лидеры меньшевиков. С. 107.

¹⁶⁵ ГАТО. Ф. 1012. Оп. Д. 5. Л. 2.

¹⁶⁶ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

¹⁶⁷ См.: *Панкратова А. М., Меллер В. Л.* Алексей Иванович Рыков (его жизнь и деятельность). М., 1924. С. 37, 38.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 191. Л. 1-2; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 48 и др.

¹⁶⁹ *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Pistoen, 1981. P. 107.

¹⁷⁰ Рабочее движение в 1917 году. М. – Л., 1926. С. 87.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 128. Л. 16-17.

¹⁷² Там же. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 82. Л. 186.

¹⁷³ Там же. Л. 186-187.

¹⁷⁴ *Галлили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. М.: Республика, 1993. С. 100-101.

- ¹⁷⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.
- ¹⁷⁶ *Кукушкин С.* Московский Совет в 1917 году. М., 1957. С. 77.
- ¹⁷⁷ См., напр.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 65. Л. 5-65.
- ¹⁷⁸ ЦМАМ. Ф. Р-100. Оп. 7. Д. 7. Л. 6-6 Об; ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 50; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 50. Л. 12-13; *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 68-69; Как организовать заводской (фабричный) рабочий комитет. М., 1917. С. 2-11 и др.
- ¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 122. Л. 7- 8; Рабочее движение в 1917 году. М. -Л., 1926. С. 312; *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. С. 220, 266, 267, 268.
- ¹⁸⁰ *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7.
- ¹⁸¹ Торгово-промышленная газета. 1917. 3 сентября.
- ¹⁸² Новая жизнь. 1917. 19 августа.
- ¹⁸³ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 80.
- ¹⁸⁴ Рабочая газета. 1917. 22 июля.
- ¹⁸⁵ Спартак. 1917. № 3. С. 1-6.
- ¹⁸⁶ *Волобуев В. П.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. С. 219.
- ¹⁸⁷ *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 254.
- ¹⁸⁸ Цены на продукты и заработная плата московских рабочих // Статистика труда. 1918. №1.
- ¹⁸⁹ История советского рабочего класса. Т. 1. С. 85.
- ¹⁹⁰ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
- ¹⁹¹ Голос народа. 1917. 14 октября.
- ¹⁹² См.: *Шаханов Н.* 1917-й год во Владимирской губернии: хроника событий. Владимир. 1927. С. 91.
- ¹⁹³ *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; *Орлов Н.* Девять месяцев продовольственной работы Советской власти. М., 1918. С. 11.
- ¹⁹⁴ Цит по: *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. С. 8-9.
- ¹⁹⁵ Статистика труда. 1919. № 8-10. С. 34-37.
- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 49. Л. 11; Журнал заседания Особого совещания по обороне государства. 1917. 23 сентября.
- ¹⁹⁷ *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 74-76; Рабочее движение в 1917 году. С. 114-115.
- ¹⁹⁸ ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 7. Л. 53-54.
- ¹⁹⁹ Там же. Д. 60. Л. 4.
- ²⁰⁰ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 205.
- ²⁰¹ Новый путь. 1917. № 1-2.
- ²⁰² Социал-демократ. 1917. 28 сентября.
- ²⁰³ Социал-демократ. 1917. 7 октября.
- ²⁰⁴ *Бухарин Н.* От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков. 1923. С. 50-54.

²⁰⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. С. 432-445; Рабочая газета. 1917. 27 июня.

²⁰⁶ Панкратова А. М. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.-Л., 1927. С. 35; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 4.1. С. 196-201.

²⁰⁷ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 31; Верховский А. И. Россия на Голгофе. Иг., 1918; Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. С. 303.

²⁰⁸ Рабочее движение в 1917 г. С. 103.

²⁰⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 6; Егорова А. Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября, (март – октябрь 1917 года). М., 1960. С. 72; Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 235; Панкратова А. М. Фабзавкомы России. С. 210; Шустова Е. И. Руководство московских большевиков борьбой рабочего класса за осуществление ленинского лозунга рабочего контроля (март-ноябрь 1917 г.) // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества). М.: Изд. МГУ, 1978. С. 93; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 83; ГАИО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 67 Л. 2, 10, и др.

²¹⁰ ГАИО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 3 об.

²¹¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 71, 73; Печатник. 1917. № 4. № 6. № 7 -8; Фин Я. Фабрично-заводские комитеты России. М., 1922. С. 9; Социал-демократ. 1917. 18 августа; Торгово-промышленная газета. 1917. 8 октября; Рабочее движение в 1917 г. С. 179-185; Печатное дело. 1917. № 7; Голос кожевника. 1917. № 2-3, № 4-5.

²¹² ГАРФ. Ф. Р.-7952. Оп. 3. Д. 40. Л. 104.

²¹³ Булдаков В. Путь к Октябрю // Октябрь 1917. Величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 40; Rosenberg W., Koenker D. The Limits of Formai Protest: Worker Activism and Social Polarization in Petrograd and Moscow, March to October, 1917 //The American Historical Review. Vol 92. # 2. 1987. April. P. 326.

²¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 395.

²¹⁵ См. перечень предприятий с указанием числа работавших на них рабочих, присоединившихся к стачке протеста против Государственного совещания в газете: Социал-демократ. 1917. 15 августа. Двумя днями позже газета вернулась к этой своей публикации.

²¹⁶ Грунт А. Я., Старцев В. И. Петроград – Москва. Июль – ноябрь. 1917. М., 1984. С. 27.

²¹⁷ Зимарина Н. П. Роль Советов и профсоюзов в становлении фабрично-заводских комитетов Москвы в 1917 г. // Советы и творчество масс. М., 1986. С. 19-20.

²¹⁸ Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении 1917— 1918 гг. Л., 1927. С. 98.

²¹⁹ ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²²⁰ Климохин С. К. Краткая история стачки текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области. Кинешма, 1918. С. 3-5; 9-14.

²²¹ Там же. С. 16-17.

²²² Там же. С. 24-25.

²²³ Русский Манчестер. 1917. 7 ноября.

²²⁴ Труд и профсоюзы. 1927. № 10-11. С. 60.

²²⁵ Климохин С. К. Краткая история стачки текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области. С. 21-22.

²²⁶ История советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920. М.: Наука. 1984. Т. 1. С. 193.

²²⁷ *Климохин С. К.* Краткая история стачки текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области. С. 30, 31, 33.

²²⁸ Там же. С. 33.

²²⁹ Русский Манчестер. 1917. 5 ноября.

²³⁰ Социал-демократ. 1917. 24 октября.

²³¹ ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; *Климохин С. К.* Краткая история текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области. С. 3-5, 16-32.

²³² Сообщений о принятии декрета о рабочем контроле к моменту подписания соглашения ещё не поступало, но договаривавшиеся стороны могли располагать информацией о его примерном содержании, однако Климохин никак не оговаривает влияние декрета на завершение стачки, не чувствуется оно и в самом тексте договора.

²³³ *Климохин С. К.* Краткая история стачки текстильщиков. С. 45.

²³⁴ Взаимосвязь протестной активности и организационной деятельности рабочих по обустройству ими своих органов самоуправления и представительства на протяжении 1917-1918 гг. может быть выражена следующей схемой: Периодизация и данные по строительству низовых органов рабочего самоуправления даны по материалам В. З. Дробижева (см.: *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917-1932. М., 1966. С. 48). Согласно им, наивысшие темпы строительства низовых органов рабочего самоуправления приходятся на месяцы, предшествующие Октябрьской революции. Несколько забега вперёд отметим, что с ноября 1917 г. по март наблюдается некоторый спад рабочей активности, а на время с апреля по август – новый подъём (более конкретно о темпах фабзавкомовского строительства см. соответствующие параграфы монографии).

Часть графика, отражающая картину протестных выступлений рабочих с февраля по октябрь 1917 г., основана на информации, собранной западными исследователями Д. Кёнкер и В. Розенбергом в их монографии «Стачки и революция в России в 1917 г.» (для русского читателя основные положения и выводы монографии были представлены в рецензии.: *Пушкарёва И.М., Степанова А. И.* D. Koenker, W. Rosenberg. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Press. 1989. 393 + XIX p.; *Д. Кёнкер, В. Розенберг.* Стачки и революция в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1991. № 11.

С. 222-224). Часть графика, посвящённая протестным выступлениям после прихода большевиков к власти, построена на данных из архивных фондов, публикаций прессы тех месяцев, опубликованных источников, исторических исследований. Примерно такая же картина складывается и при изучении протестных выступлений рабочих: наибольший их накал приходится на предоктябрьский период, а затем в ноябре-феврале протестный активизм рабочих резко падает с тем, чтобы несколько возрасти в марте-июне 1918 г. (Подробнее о протестных выступлениях рабочих после Октября 1917 г. см. *Чураков Д. О.* Протестное движение рабочих в период становления Советского государства // Альтернативы. 1999. № 2; *Он же.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004 и др.).

Отсутствие точных данных по отдельным месяцам 1917 г. не позволяет пока дать более детальную картину развития рабочего активизма этого времени, но имеющаяся в распоряжении исследователей информация позволяют схематически представить её следующим образом:

В целом, обе кривые, отражающие протестную активность рабочих за полтора революционных года, в основных своих моментах повторяют кривые, в которых отражена организационная деятельность рабочих по строительству органов своего самоуправления. Кривые, показывающие организационную деятельность рабочих, понятно, имеют более сглаженную амплитуду, поскольку протестные акции носят более спорадический характер, в силу этого они

более прямо и наглядно отражают перемены настроений в рабочей среде. Приводимая схема позволяет предположить, что и протестная деятельность рабочих, и деятельность, направленная на укрепление ими органов своего самоуправления, имеют общие истоки, природу, тесно между собой связаны. Обе формы рабочей активности являлись разными сторонами одних и тех же процессов, связанных с обострением общественного кризиса и усилиями различных социальных групп по его преодолению, процессов, уходящих корнями, как минимум, в февраль 1917 года.

²³⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. С. 10.

²³⁶ Прежде являвшиеся органами неполитической самоорганизации привилегированных групп населения, прежде всего дворянства и крупной буржуазии, земства и органы городского самоуправления в период революции подвергаются серьёзной демократизации, что и стало условием компромисса между традиционными и революционными формами самоуправления. Что же касается «увенчания» земской системы – Государственной думы, то она проявила стойкий иммунитет ко всякого рода демократическим новшествам. Отсюда и откровенно негативное отношение к ней рабочих. В этом плане характерна резолюция по текущему моменту от 28 июня Московской общегородской конференции фабрично-заводских комитетов. Принятая под воздействием большевиков, она, тем не менее отражала мнение большинства делегатов. В ней звучало категорическое требование о «ропуске Государственной думы», а заодно и другого порождения «российского парламентаризма» – Государственного совета, причём с формулировкой: «как очагов подымающей голову контрреволюции» (Социал-демократ. 1917. 29 июля). Что же касается судеб самих Государственной думы и Государственного совета, то постепенный отказ Февральской революции от своих первоначальных принципов, означал неминуемую гибель и этих институтов представительной власти. Незадолго до Октябрьской революции, а именно 6 октября 1917 г., Временное правительство, окончательно узурпировав законодательную власть, распустило Государственную думу и объявило об исчерпании полномочий выборных членов Государственного Совета, тем самым поставив точку в истории демократических общегражданских институтов в России (См.: Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 585, 592).

²³⁷ ГАИО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

²³⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Д. 95. Л. 66; Там же. Д. 94. Л. 3; История советского рабочего класса. Т.1. С. 68.

²³⁹ Николаев П. А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 45-46.

²⁴⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.; История советского рабочего класса... Т. 1. С. 68.

²⁴¹ Из истории рабочего движения в Московской губернии в 1917 году (март -апрель) // Исторический архив. 1957. № 1. С. 105-106.

²⁴² История советского рабочего класса. Т.1. С. 69.

²⁴³ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1984. С. 5, 22; Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. 1989. С. 740.

²⁴⁴ Учредительное собрание. Россия 1918. М., 1991.

²⁴⁵ См.: Наша Звезда. 1917. 12 октября; о колебаниях и поисках собственной позиции в большевистской среде в кн.: Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1990. С. 1001-110.; Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988. С. 14; Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 104 и др.

²⁴⁶ Показательна в этом отношении позиция рабочих фабрики Севрюгова Иваново-Кинешемского района. На общем собрании 31 декабря 1917 г. поддержку Учредительного собрания

они постановили «считать своим долгом». Но при этом в резолюции разъяснялось, что требуемая поддержка может быть оказана «только тогда, когда этот орган будет проводить в жизнь те декреты, которые изданы временными комиссарами и которые освобождают весь пролетариат и беднейшее крестьянство от тех бедствий, в которых мы находимся в настоящее время». Рабочие фабрики были абсолютно убеждены, что «если только Учредительное собрание будет отступать [от поддержки произошедшего в октябре переворота], то вся власть должна перейти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов» (ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 36. Л. 6-7 об.). Близкую позицию в те дни занимали рабочие завода И. Е. Семёнова. Они соглашались поддерживать Учредительное собрание лишь при условии, «если оно будет проводить реформы в интересах трудового народа» (Правда. 1917. 27 декабря).

Своеобразную консолидированную позицию фабрично-заводских комитетов по отношению к Учредительному собранию выразило проходившее 9 ноября частное совещание петроградских фабзавкомов. В принятой на нём по докладу И. А. Скрыпника резолюция (Правда. 1917. 12 ноября) констатировала, что вскоре в стране состоятся выборы в Учредительное собрание, которые пройдут в совершенно новой политической ситуации: 25 октября в России произошла **рабочая революция**. Она уничтожила государственную власть буржуазии, ответственность за судьбы страны взяли в свои руки рабочие и беднейшее крестьянство. Далее текст резолюции гласил:

«Нашим трудом, нашей борьбой, нашей волею построим мы своё будущее. Перестроить отношения, устранить все бастионы буржуазного господства - в этом задача текущей работы. Оформит и закрепит эту созидательную работу - Учредительное собрание.

Сейчас вся буржуазия, все партии, буржуазные или стоящие за соглашение с буржуазией, надеются ещё раз обмануть и одурачить широкие массы народные и провести в Учредительное собрание своих представителей, чтобы урезать завоевания рабочей революции.

Товарищи, все к выборам. Идите сами и призывайте участвовать в выборах всех рабочих, всех трудящихся, всех угнетённых властью капитала.

Ни одного голоса контрреволюционным партиям буржуазии. Ни одного голоса партиям, лживо называющим себя «социалистическими», а в действительности стоящим за соглашение с буржуазией и за защиту её интересов.

Все голоса рабочих и всех трудящихся для борьбы с буржуазным господством, для борьбы за освобождение от его гнёта, для борьбы за социализм». Заканчивалась резолюция призывом:

«Да здравствует единение рабочего класса и всего беднейшего крестьянства! Против буржуазии и лживых соглашателей! Да здравствует грядущий социализм!»

Резолюция была принята 86 голосами, против 2, при 5 воздержавшихся. Вскоре в пользу неё проголосовала V общегородская конференция петроградских фабзавкомов. Отрывок протокола, посвящённый вопросу о резолюции Скрыпника, столь интересен, что стоит привести его полностью:

«О выборах в Учредительное собрание.

Тов. Скрыпник делает внеочередное заявление о голосовании на выборах в Учредительное собрание. Образовалось две противоположных силы: № 4 — партия большевиков, № 2 — партия кадетов. От большевиков выдвинуты Ленин, Троцкий, Коллонтай, Зиновьев, Сталин.

Принимается резолюция тов. Скрыпника всеми, против 2, при 22 воздержавшихся.

Скрыпник говорит, что он не знал, что теперь, при победе рабочего класса, здесь будут воздержавшиеся, и что он не внес бы эту резолюцию, если бы это знал (апл[одисменты], шум, крики: «Позор»).

Воздержались анархисты.» (См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. Токио, 2001. С. 25-26; 43).

²⁴⁷ *Церетели И. Г.* Кризис власти. М., 1992. С. 223-227; *Волкогонов Д.* Ленин. М., 1994. С. 250-252 и др.

²⁴⁸ *Платонов О.* Русский труд. М., 1991. С. 182.

²⁴⁹ *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 238.

²⁵⁰ *Галили З.* Лидеры меньшевиков. С. 384.; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 118-154.

²⁵¹ *Галили З.* Лидеры меньшевиков. С. 106-107; *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России. С. 216.

²⁵² Но представителями политических элит это предупреждение осталось проигнорированным. Гражданская война, война ценностей установок и моральных ориентиров будущего развития государства стала свершившимся фактом.

Триумф или кризис?

Фабзавкомы в Октябрьских событиях

1. Миф о «штабах революции»

Тему участия фабзавкомов в Октябрьском перевороте неизученной не назовёшь. Но её освещение постепенно сужалось, пока не свелось к нескольким сюжетам – пусть и важным, но не охватывающим всего её многообразия¹. Во-первых, прежняя историография повышенное внимание уделяла процессу большевизации фабзавкомов. Во-вторых, в центре находилось отношение фабзавкомов к подготовке большевистской партией вооружённого восстания. При этом советские историки в качестве источников, по их мнению отражавших «боевой настрой» рабочих масс, преимущественно привлекали многочисленные резолюции конференций, региональных советов и производственных объединений фабрично-заводских комитетов, а также самих фабзавкомов, принимавшиеся непосредственно накануне Октября.

На определённом этапе развития исторической науки внимательный учёт отмеченных двух факторов был вполне достаточен. Но сегодня безусловность подходов прежних лет вызывает большие сомнения уже в силу того, что многие, «неудобные», проблемы, связанные с участием органов рабочего самоуправления в событиях Октября 1917 г., оказывались вне поля зрения историков. К их числу относился, например, сюжет, затрагиваемый в воспоминаниях Г. Орджоникидзе о его визите в Разлив к скрывавшемуся там вождю. В разговоре с ним Ленин якобы поделился своими соображениями по поводу обстановки, сложившейся в стране после июльского кризиса. Меньшевистские Советы, утверждал Ленин, дискредитировали себя, – они могли взять власть без особого труда, но не сделали этого. Теперь считать их органами власти невозможно: власть у них отнята. По его оценкам, власть теперь можно было взять только путём вооружённого восстания. «Восстание будет не позже сентября – октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы»², – так выглядела ленинская позиция в изложении Орджоникидзе³.

Эпизод, приводимый Орджоникидзе, конечно, с событиями октября 1917 г. напрямую не связан, – как известно, развитие революции уже в августе пошло по другому руслу. Но он, тем не менее, позволяет максимально заострить интересующую нас проблему: могли или нет, при известных условиях, большевики переориентироваться на фабзавкомы уже не как на метафорические, а как на реальные *штабы вооружённого восстания*? А это, в свою очередь, выводит нас на более широкую проблему зрелости рабочего производственного самоуправления и его политического веса в тот момент, когда вопрос о власти ещё не был закрыт и его решение зависело от того, какая из сторон располагала реальной силой.

Вопреки вроде бы очевидному, переориентация фабзавкомов в том плане, как об этом говорил Орджоникидзе, *свидетельствовала бы не о зрелости, а наоборот, о зачаточном состоянии рабочего представительства*. Как известно, к быстрому приспособлению к меняющимся условиям способны либо очень развитые, почти совершенные системы, либо, наоборот, наиболее примитивные. Говорить о совершенстве фабзавкомовского движения, когда оно в тот момент времени даже в самых элементарных своих проявлениях охватывало лишь четверть предприятий, понятно, не приходится. И если бы из органов борьбы за «рабочую конституцию» на отдельных предприятиях фабзавкомы бы вдруг превратились в органы борьбы, образно говоря, за уже настоящую политическую «конституцию» в общенациональном мас-

штабе, это свидетельствовало бы лишь о неразвитости, недифференцированности и примитивности системы рабочего самоуправления.

Чтобы по-новому оценить участие фабзавкомов в Октябрьских событиях в контексте этой более общей проблематики, прежних подходов, о которых шла речь выше, недостаточно. Вопрос о месте и роли рабочего представительства в этот переломный момент всей революции видится нам как последовательное решение комплекса более частных вопросов.

1) Прежде всего, представляется важным разобраться: учитывая доктрину большевиков и настроения в среде их сторонников, возможен ли был отказ от поддержки Советов и переориентация на фабзавкомы?

2) Далее, с точки зрения анализа органов рабочего представительства как системы, необходимо выяснить, насколько она была однородна, что стояло за процессом большевизации и протекали ли эти процессы синхронно на всех уровнях структуры?

3) Наконец, с точки зрения институционального анализа, представляется полезным посмотреть на фабзавкомы как на особые организации революционного времени и задаться вопросом, как их специфика могла проявиться в период борьбы за власть. После этого уже можно будет вести осмысленный разговор о конкретном участии фабзавкомов в перевороте и результатах для них этого участия, а также об институциональной зрелости фабзавкомовского движения.

Для ответа на первый из обозначенных нами подвопросов придётся несколько расширить круг источников, используемых для анализа большевистской доктрины. В частности, интересную информацию содержат документы, отражающие позицию левых коммунистов. Изучение творчества левых коммунистов в прошлом велось преимущественно по их официальным заявлениям, известным по открытым источникам⁴. Вместе с тем публичная позиция левых не всегда и не вполне совпадала с тем, за что ратовали они на самом деле, оставаясь в кругу своих единомышленников.

Так, лидер московских левых Н. Бухарин в партийных изданиях называл Советы такой формой диктатуры пролетариата, которая была единственно возможной и желательной для России, учитывая её особенности⁵. В партийных кругах он считался чуть ли не образцовым парламентарием, о чём говорил, в частности, член фракции большевиков в Моссовете Обух: «Со вступлением гг. Бухарина, Бубнова и Ломова фракция в смысле парламентском организована великолепно»⁶. С трибуны Моссовета Бухарин провозглашал желательность перехода власти к Советам⁷. Между тем противоречивость отношения левых к Советам видна из выступления Н. Бухарина на заседании МК РСДРП (б) 21 июня, проходившем сразу же после июньского кризиса, который Бухариным был воспринят столь же эмоционально, как и июльский кризис Лениным. Бухарин откровенно заявлял: «Если у нас есть шансы для вооружённого восстания, можно пойти против Советов, за которыми идёт большинство». Выступавшие после него Смидович, Ольминский и Усиевич не высказали ничего, что шло бы вразрез с этим заявлением Бухарина. Наоборот, они горячо рассуждали о необходимости революционности в действиях, тем самым поощряя радикализм своего вожака⁸. Подчеркнём, что это было за две недели до июльских событий и за месяц до возможных переговоров в Разливе Ленина и Орджоникидзе.

С другой стороны, встречные настроения усиливались и в рабочей среде. Комментируя «Уроки Октября» Троцкого, В. И. Старцев делится важными наблюдениями: сопоставив резолюции солдатских и рабочих митингов, видно, что солдаты поддерживали власть Советов, но не партии, тогда как рабочие, напротив, чаще в своих резолюциях настаивали на передаче власти большевикам, выражали полное доверие им⁹. Не лишним будет вспомнить и то, что уже в марте представители некоторых московских фабзавкомов готовы были отказать Моссовету в доверии из-за его тактики проволочек с введением 8-часового рабочего дня. Таким образом, в предоктябрьские дни партийный радикализм смыкался с радикализмом, нараставшим в рабочей среде¹⁰.

В этом смысле по-новому может восприниматься и проводившаяся с 17 по 22 октября, то есть в самый канун большевистского переворота, I Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов¹¹. Если принять во внимание тот факт, что возможные сроки начала восстания в планах большевистского руководства колебались с 20 по 26 октября и примерно в тех же числах планировался съезд Советов, а также чрезвычайный съезд большевистской партии, то можно предположить, что конференция могла стать как бы запасным вариантом для большевиков в случае неудачи на съезде Советов. В пользу допустимости такой версии говорит и тот тон, который звучал в докладах Л. Троцкого и Л. Каменева, от имени руководства партии излагавших позицию большевиков по текущему моменту¹².

Но не стоит забывать, что левые коммунисты составляли особую, в определённом смысле даже маргинальную группу внутри большевизма. Их потенциал мог реализоваться только в случае формирования определённых условий в обществе. Из политических же партий последовательно отстаивали необходимость переориентации революции с Советов на фабзавкомы даже после Октября только некоторые группы анархистов¹³, но и их можно назвать маргиналами в среде левых¹⁴.

Вместе с тем понятно, что сама по себе переориентация даже более широких групп «революционной демократии» с Советов на фабзавкомы ничего не давала, если к такой переориентации оказались не готовы сами фабзавкомы как органы рабочего самоуправления. Это и объясняет важность второго подвопроса, поставленного нами, и вытекающей из него задачи более детально проанализировать шедшие процессы внутри фабзавкомовского движения. И здесь картина оказывается иной, чем представляется это обычно.

В прежней историографии считалось правильным воспринимать органы рабочего представительства как некую единую, внутренне недифференцированную данность. Но это мало отражало действительное положение вещей – к октябрю 1917 г. фабзавкомовское движение уже прошло несколько этапов. В нём разворачивались важные организационные процессы, формировались свои «верхи» и свои «низы». Во всём ли их позиция совпадала?

Отвечая на этот вопрос, следует признать, что взгляды Старцева на доминирующие накануне Октября настроения в рабочем классе нуждаются в некоторой корректировке. Известные на сегодняшний день материалы конференций и других руководящих органов фабзавкомовского движения действительно свидетельствуют о значительной степени их политизации и большевизации накануне и во время переворота. Так, резолюция уже упомянутой I Всероссийской конференции фабзавкомов провозглашала, что «спасение революции» заключается «в переходе власти в руки Советов»¹⁵. Решение это отражало настроения большинства региональных центров фабзавкомовского движения в стране. Пробольшевистскую резолюцию принимает проходившая с 18 по 26 сентября 1917 г. конференция заводских и промышленных комиссий Баку¹⁶. II конференция фабзавкомов Москвы, состоявшаяся 12-17 октября, высказалась за переход власти в руки Советов, причём в такой формулировке, которая не оставляет сомнений в том, что большинство делегатов в этом видело возможность обеспечить чисто физическое выживание рабочих¹⁷. Такие же мотивы звучали и в резолюции от 15 октября текстильщиков Москвы¹⁸. Один из наиболее примечательных в плане изучения большевизации средних и верхних этажей фабзавкомовского движения документов был принят в начале сентября 1917 г. конференцией фабзавкомов промышленных предприятий Астрахани – в него был дословно включён текст резолюции VI съезда РСДРП (б) «Об экономическом положении» в той ее части, в которой шла речь о рабочем контроле¹⁹.

Представляется, что в конкретных условиях осени 1917 г., когда происходит обострение политической борьбы, усиление большевистского влияния на руководящие органы фабзавкомовского движения приобретало решающее значение. На их поддержку большевики могли опе-

реться в решающие часы борьбы за власть. Однако, если спуститься ниже, на уровень предприятий, ситуация окажется несколько иной. Бесспорно, симпатии к большевистской партии и надежды, связанные с лозунгом перехода всей полноты власти к Советам, были широко распространены и здесь. В частности, в своей резолюции рабочие Мастерских тяжёлой и осадной артиллерии, расположенных в Благущее-Лефортовском районе Москвы, не просто поддержали, а потребовали «от Советов, чтобы они уже теперь приступили к действию», и заявили, что поддержат Советы «всеми имеющимися» в их распоряжении силами²⁰. А в распоряжении Мастязарта находилось до 1000 вооружённых рабочих и около 60-ти отремонтированных орудий. Три дня спустя, 18 октября 1917 г., созвучное этому решению принимают рабочие завода Михельсона. На своём общезаводском собрании они заявили, что спасение «*полуразложившегося государства*» видят только в установлении *твёрдой власти* в лице Советов²¹. Или, уже в разгар событий, 25 октября, резолюцию с поддержкой питерских рабочих и с требованием перехода всей полноты власти в руки Советов принимают на заводском митинге 500 рабочих известной своей революционностью Рябовской мануфактуры²².

Но так было далеко не везде. В прежней историографии вопрос об окончательной победе большевиков в фабзавкомовском движении не был решен окончательно. Дискуссия, однако, велась о том (как это видно на примере работ, посвящённых фабзавкомам Московского промышленного региона и Москвы), какой из летних месяцев 1917 г. следует считать переломным в отношении окончательного перехода фабзавкомовского движения на сторону большевиков²³. Но о какой окончательной победе большевиков могла идти речь, если часть органов рабочего самоуправления даже на таких крупных предприятиях, как Прохоровская мануфактура, Трубочный завод, «Айваз», переходят под их контроль только осенью?

Обобщающих работ на этот предмет так и не появилось, но если суммировать имеющиеся данные, то получится, что даже в крупнейших центрах фабзавкомовского движения в конце октября оставались, что называется, солидные «резервы» для дальнейшей большевизации²⁴. На Украине, к примеру, около трети рабочих работало на предприятиях, где фабзавкомы не были большевизированы²⁵, 16% рабочих крупнейших петроградских заводов также не шло за большевиками²⁶, причём на мелких, особенно текстильных, предприятиях столицы ситуация была ещё более неприятной для большевиков²⁷. Даже на I Всероссийской конференции фабзавкомов, несмотря на то что её подготовка и ход контролировалась большевиками, около V делегатов оказались их оппонентами²⁸. Очевидно, новые массовые источники и методы их обработки могут дать и дадут ещё более красноречивые результаты. Особых сенсаций ждать, разумеется, не приходится: оценка большевистского влияния в рабочей среде как преобладающего вряд ли окажется поколебленной, но многие противоречия, которые вскоре после Октября проявятся в рабочем движении, зарождаются и существуют уже осенью 1917 г. Выявить их и распознать их природу – важная задача исторической науки ближайшего будущего.

Более того, уже сейчас можно предположить, в каком направлении могут идти эти уточнения. Как и в некоторых других случаях, в тот момент симптомы новых настроений проявятся, прежде всего, в психологии женщин-рабочих. О чём идёт речь? На состоявшемся 15 октября 1917 г. I Общегородском митинге работниц Москвы была принята во многом типичная для того времени резолюция с требованием перехода власти к Советам. Как сообщал в отчёте корреспондент большевистской газеты, «митинг закончился пением Интернационала»²⁹. Но что важно, несмотря на широкие пропагандистские мероприятия, предпринятые Комиссией по агитации и пропаганде среди работниц при МК РСДРП (б), в нём приняло участие немногим более 600 человек. И это было правилом. Петроградским большевикам пришлось даже выпустить специальную листовку, в которой отмечалось, что большая часть жен-

щин-работ-ниц на приглашение принять участие в митинге «только и знает отнекиваться: куда там митинг! Когда на уме покупка сахара, когда мыла вторую неделю не достать, когда на завтра обеда не из чего варить!»³⁰.

Очевидно, в предстоящих исследованиях уточнению подлежат позиции и других слоёв русского пролетариата: молодёжи, кадровых рабочих, представителей разных профессий (особый интерес вызывает позиция печатников и железнодорожников). В том числе важно рассмотреть влияние этих и прочих групп пролетариата на деятельность органов рабочего представительства. Что же касается отмеченной на примере женщин-работниц тенденции к «остыванию» революционных «страстей», то она к октябрю 1917 г. успела проявиться чуть ли не повсеместно, что было подмечено уже современниками и крайне тревожило, по понятным соображениям, лидеров большевизма. Ленину пришлось даже выступить с официальным разъяснением своей позиции по этому поводу. Он уверял, что в рабочей среде приходится иметь дело не с кризисом революции, а с кризисом доверия к мирным способам её обострения³¹. Возможно это и так, но неужели Ленин не понимал, что, возникнув, кризисные явления могут распространиться и на все стороны психологии масс, в том числе и на их готовность к массовым вооружённым выступлениям?

Словом, говорить о единообразии в созревании условий большевистской революции на разных уровнях иерархии органов производственного самоуправления не приходится. Наиболее быстро и полно процессы большевизации охватывали верхние и средние этажи фабзавкомовского движения. На конкретных предприятиях темпы и формы большевизации могли быть самими различными, а сама большевизация низовых органов производственного самоуправления могла приобретать самые разноплановые очертания. Такая «структурная рыхлость», впрочем, не позволяет говорить о неготовности производственного самоуправления к масштабным переменам в жизни страны, но очевидно, что для деятельного *руководства* предстоящим взятием власти было целесообразней опираться на более мобильные органы, органы, имеющие статус *не экономических, а политических объединений рабочего класса - то есть на Советы, как на практике повсеместно и происходило.*

Суммируя высказанные соображения по первым двум вопросам (о вероятности переориентации большевиков с Советов на фабзавкомы как на «штабы восстания», а также о готовности к подобного рода переориентации самих фабзавкомов) приходится признать несколько важных моментов. Процессы большевизации не были мифом, хотя протекали гораздо более неоднозначно, нежели пыталась это представить советская историография, но перенос в политической борьбе акцентов с Советов на заводские и фабричные комитеты означал бы неминуемую маргинализацию большевиков, постепенное разрушение их как партии, претендующей на государственную власть в силу своей общенациональной значимости. Сами фабзавкомы также не стремились сыграть чужую для них роль. На определение их позиции в Октябрьские дни решающее значение оказывали не столько процессы большевизации, крайне неравномерные и противоречивые, сколько процессы внутреннего развития, о которых подробно говорилось в предшествующих главах. Несмотря на то что развитие фабзавкомов было далеко до завершения, но специфика их как органов, связанных преимущественно с поддержанием и налаживанием производства, успела проявиться в полной мере: к осени 1917 г. фабрично-заводские комитеты уже сложились как низовые органы производственного самоуправления трудовых коллективов.

Тем самым любой, самый тщательный и беспристрастный анализ фабричных и заводских рабочих комитетов покажет, что никакими «штабами революции» они не были и не могли быть. Об этом свидетельствует как структура фабзавкомов, так и предшествующая их деятельность на различных этапах революции. В определённом смысле, признавая важную роль рабочего представительства в целом в 1917-1918 гг., можно согласиться с мнением руководителей ЦС ФЗК Петрограда, позже писавших, что «фабзавкомы и их объединения ... явля-

лись организующими и снабжающими центрами и базами» для передовых частей наступающей революционной армии. Единственным замечанием к сформулированной столь жёстко позиции будет то, что, вопреки убеждению лидеров фабзавкомовского движения, отнюдь не фабзавкомы занимались общей мобилизацией и организацией сил на левом фланге, а сама большевистская партия. А что касается «снабжающих центров» – то с этим не поспоришь, утверждение совершенно справедливое. Только вот подобные «центры» являются отнюдь не «штабами», а «интендантскими отрядами», в лучшем случае – «тыловыми гарнизонами»³². Фабзавкомы как особые органы рабочего самоуправления в большей мере тяготели к борьбе за интересы рабочих в области экономики. Политическую же сферу они готовы были уступить другим рабочим организациям.

2. Фабзавкомы и переход власти в руки Советов

Более подробно следует остановиться на третьем из поставленных выше подвопросов. Итак, если фабзавкомы не превратились и не стремились превратиться в своеобразные штабы восстания, в чём же в таком случае проявилось их реальное участие в установлении новой революционной власти в октябре 1917 года? Кампания по принятию деклараций, наказов и постановлений с требованием передачи власти Советам, о которой было сказано чуть выше, безусловно, сыграла свою пропагандистскую и мобилизующую роль: голос низовых комитетов и особенно их руководящих центров не мог не воздействовать на общий политический климат. Но слова остаются словами. Они влияют на изменения в настроение масс, но мало эффективны против штыков и государственных канцелярий. Несколько видных деятелей рабочего движения, в 1917 г. возглавлявших ЦС ФЗК, среди которых П. Н. Амосов, Н. К. Дербышев, М. Н. Животов, Н. А. Скрыпник, С. Г. Уралов, В. Я. Чубарь и др., в подготовленном ими после революции сборнике документов «Октябрьская революция и фабзавкомы» в силу отмеченного обстоятельства совершенно справедливо пытались сосредоточить своё внимание на практической стороне вопроса. Ключевой мыслью содержащихся в книге комментариев является утверждение, что в октябрьские дни 1917 г. фабзавкомы вовсе не ограничивались «только политическими резолюциями и посылкой своих представителей на всевозможные политические собрания», они последовательно и активно действовали³³.

Развивая свою концепцию фабзавкомов как «штабов революции», бывшие лидеры ЦС ФЗК в третьем томе подготовленного ими издания документов по истории фабзавкомовского движения доказывали, что одним из важнейших направлений деятельности рабочих комитетов в период Октябрьских событий становится организация и руководство деятельностью Красной гвардии³⁴. Роль фабзавкомов в создании и материальной поддержке рабочей милиции – Красной гвардии бесспорна и о ней уже упоминалось в нашем исследовании. На некоторых петроградских предприятиях непосредственно накануне вооружённого восстания фабзавкомы принимали решения активизировать запись рабочих в отряды

Красной гвардии, содействовать красногвардейским отрядам материально. Так, заводским комитетом «Арсенала Петра Великого» 24 октября 1917 г. была одобрена резолюция, в которой говорилось о решимости рабочих повысить боевую готовность заводской Красной гвардии. В резолюции звучал призыв записывать «в Красную гвардию ... более энергичных и не останавливающихся ни перед какой крайностью, более надёжных [рабочих], если даже и потребуется пустить в ход оружие». В другом протоколе заводского комитета за тот же день воля рабочих сформулирована не менее категорично: «Постановили: Красную гвардию поставить в боевую готовность. Организовать контрразведку. Телефоны городские разъединить, за исключением телефона заводского комитета»³⁵.

Всемерную поддержку Красной гвардии фабзавкомы, а также их руководящие органы оказывали и после перехода власти к большевистскому Совнаркому. В сборнике «Октябрьская революция и фабзавкомы» приводится очень любопытный случай, показывающий ту решимость, с которым ЦС ФЗК поддерживал усилия большевистской власти по организации отпора вооружённой контрреволюции. В период похода на революционный Петроград карательного корпуса Краснова-Керенского у нового руководства страны возникла потребность в организации работ по созданию линий укреплений на подступах к столице. Но на военных складах не оказалось нужного инструмента, прежде всего лопат, а может быть, в суматохе из-за недостатка опыта на склады просто забыли заглянуть. Обеспечение выступающих на фронт войск инвентарём было возложено на ЦС ФЗК. Лопаты были обнаружены на лопаточном заводе Шпингеля, но владелец отказался предоставить их отрядам Красной гвардии. И тогда ЦС ФЗК, со свойственной ему решимостью, совместно с местным заводским комитетом просто реквизировали всю имевшуюся на заводе готовую продукцию – у владельца было изъято несколько тысяч лопат³⁶.

Вместе с тем, подобно самим фабрично-заводским комитетам, Красная гвардия к октябрю 1917 г. успела проявить свою специфику, сложиться в качестве вполне самостоятельной ветви рабочего движения. Не только фабзавкомы, в некоторых случаях даже Советы, сама большевистская партия не могли контролировать и направлять отдельные красногвардейские формирования. Другое дело, что Красная гвардия развивалась по общим для всех рабочих организаций революционного времени законам, и вступавшие в неё рабочие были настроены бескомпромиссно на переход власти в руки Советов, это укрепляло сотрудничество и союзнические отношения между различными ветвями рабочего движения. Отказываясь от мифотворчества постреволюционного времени, приходится признать, что, вопреки позиции отдельных советских авторов, основная деятельность фабзавкомов в дни, когда вопрос о власти стоял особенно остро, не могла далеко выходить за рамки будничной практики органов, связанной с решением производственных задач. Именно эта сторона и является определяющей для понимания их роли в октябре 1917 г., именно она и должна находиться в центре внимания историков в первую очередь. Можно не сомневаться, что такой нетривиальный подход уже сам по себе позволит исследователю увидеть много нового и, на первый взгляд, необычного.

Так, если мы посмотрим на происходящее в столице не с точки зрения баталий в центре города, а с точки зрения продолжавшейся повседневной жизни в рабочих кварталах, то здесь в момент перехода власти к Советам, то есть во вторник 24 и в среду 25 октября, на фабриках и заводах, как правило, жизнь шла своим чередом. Образно говоря, царил почти полный «штиль», и только изредка набегавшая «рябь» выдавала бушующую совсем неподалёку «бурю». Работа на питерских заводах и фабриках не прекращалась (хотя вечером 24-го на целом ряде предприятий и состоялись организованные большевиками митинги), о чём в те дни и сообщала кадетская «Речь»³⁷. Соответственно вели себя и рабочие комитеты. Известные на сегодняшний день материалы позволяют говорить, что каких-либо важных корректив в исполняемых ими функциях или организационной структуре в эти дни не происходило. В частности, в протоколах фабзавкомов мы сталкиваемся со всё той же хозяйственной рутинной, которая лежала в основе деятельности органов производственного самоуправления рабочих и до, и после интересующих нас событий.

К примеру, на Адмиралтейском судостроительном заводе с 21 по 26 октября были рассмотрены следующие вопросы: о результатах общего собрания мастеровых и служащих завода, о помещении для центральной расценочной комиссии, об экстренных ремонтных работах на крейсере «Аврора», об открытии рабочего клуба и приглашении священника, о поездке за тканями и обувью, о доплатах через примирительную камеру, об отпуске автомобилей по требованию комиссаров заводской милиции, о ночном дежурстве членов комитета для связи с рабочими организациями, о вопросах внутренней дисциплины.

То же самое можно видеть на Сестрорецком оружейном заводе. Здесь на заседаниях завкома с 24 по 26 октября обсуждались вопросы: о выдаче аванса; о порядке выдачи средств в ствольной мастерской; о добавочных деньгах комитета кузнечной мастерской; о конференции завкомов Адмиралтейского ведомства; о заявлении некоторых товарищей о неправильном увольнении; о нормах противопожарной безопасности; о заявлении комиссара об уплате милиции до 1 ноября; о пенсии и сокращении производства, о поступлении на завод мастеровых и рабочих. Таким образом, непосредственно с борьбой за власть, развернувшейся в те дни в городе, были связаны только два вопроса, обсуждённых завкомом судостроительного завода: вопрос о ночном дежурстве и о разрешении милиции пользоваться транспортом. Но оба эти вопроса убедительно свидетельствуют, что непосредственно в вооружённом восстании низовые органы рабочего самоуправления завода сами по себе не участвовали³⁸.

Не менее примечателен протокол заседания комитета 1-й электрической станции ОЭО 1886 г. от 25 октября. От Военно-революционного комитета на станцию, как на объект повышенной важности, был откомандирован комиссар. После обсуждения комитет принял следующий текст обращения к рабочим: «В ночь на 25 октября Военно-революционный комитет назначил на электрическую станцию комиссара, которому поручили поддерживать непрерывную работу станции. Так как правильным ходом станции озабочен и сам заводской комитет, то мы призываем всех товарищей рабочих и служащих всемерно содействовать непрерывной работе станции и в случае попыток нарушить правильный ход работ противодействовать этому всеми силами». На этом же заседании был обсуждён вопрос о том, возложить ли комитету задачу охраны станции на себя в целом или избрать специальное лицо. Решено было «всему комитету быть ответственным за охрану станции»³⁹.

Перед нами типичная ситуация тех дней без идеологических напластований. Заводской комитет признаёт ВРК постольку, поскольку совпадают их цели, но не по установлению власти, а по сохранению производства. Что же касается вопроса об охране, то он тоже позволяет сделать интересные предположения: в силу стратегического значения станции, она могла быть вовлечена в вооружённую борьбу и без воли её коллектива. С целью минимизировать возможные результаты завком и принимает ряд мер, но не по организации восстания, а по организации самообороны.

С точки зрения необходимости отказа от прежних идеологических штампов, нуждаются в дополнительном анализе и широко известные, часто упоминаемые мероприятия, предпринятые 24-25 октября завкомом Патронного завода. Им на нужды ПВРК были переданы имеющиеся на заводе боеприпасы, за что в советской историографии завод был очень примечательно назван «подлинным революционным складом боеприпасов»⁴⁰. Но, во-первых, эти решения перемежались с обычной хозяйственной деятельностью, во-вторых, вряд ли именно передача завкомом 34 ящиков с патронами Военно-революционному комитету решила исход вооружённого восстания, в-третьих, снабжение революционных сил продукцией завода вполне вписывается в те усилия, которые фабзавкомы предпринимали для поиска новых заказчиков и потребителей. Вряд ли члены завкома Патронного завода совсем не думали о том, что, снабжая ВРК патронами, они закрепляют свой приоритет как поставщика Красной гвардии на тот случай, если столкновения примут затяжной характер, хотя вполне можно предположить, что конкретно в тот момент, 24 октября, этот мотив не был определяющим.

Помимо петроградского, в те дни разворачивались и другие сценарии перехода власти к Советам. Своей спецификой отличались события в Центральной части страны. В ЦПР развитие органов рабочего самоуправления в плане массовости опережало столичное, хотя в плане зрелости и уступало ему. Важной особенностью региона стали широкомасштабные забастовки (вне зависимости от того, сопровождались они или нет вооружёнными столкновениями). Наиболее отчётливо специфика региона в период Октябрьского переворота проявилась в Ива-

ново-Кинешемской промышленной области, где переход власти к Советам был логическим продолжением целой череды массовых стачек, будораживших район начиная с сентября 1917 г., и где рабочее движение развивалось на базе «не самых передовых», с точки зрения прежней историографии, групп рабочего класса. Переломной в плане борьбы за власть стала здесь октябрьская стачка текстильщиков – самой многочисленной группы промышленных рабочих края, хотя и началась, и развивалась она как преимущественно экономическая (об этом событии речь велась выше).

На течении стачки самым непосредственным образом отразились октябрьские события в Петрограде и Москве. Вечером 25 октября сообщения о них поступают в Иваново-Вознесенский Совет, проводивший в те минуты своё заседание. По решению депутатов Совета в городе немедленно был установлен вооружённый контроль над почтой и телеграфом, реквизированы средства передвижения. Попытка местного отделения Викжеля взять под сомнение происшедшее в столицах поддержки не получила. Уже 26 октября на базе рабочих организаций и стачечных комитетов в Шуе был образован ревком, во главе которого стал М. В. Фрунзе. Ревком Шуи не только контролировал ситуацию в городе, но и послал помощь рабочим Москвы⁴¹. Но в самом Иваново-Кинешемском крае крупных военных столкновений не наблюдалось.

Таким образом, несмотря на то что перед нами две принципиально различные формы перехода власти в руки Советов (условно назовём одну из них «петроградской», для неё характерно *массированное использование Красной гвардии* и другая – «иваново-вознесенская» – *мирная, ненасильственная, фактически легальная*), мы чётко можем проследить общее в участии фабзавкомов в перевороте. Прежде всего, сами они в большинстве случаев не являлись органами вооружённого восстания. Если дело и доходило до оружия, то в основном фабзавкомами оно использовалось для локальной, оборонительной деятельности. Фабрично-заводские комитеты и в дни переворота продолжали заниматься своими производственными и бытовыми вопросами, в проведении более глобальных мероприятий, связанных с общими направлениями борьбы, в том числе непосредственного участия в вооружённых столкновениях и общем стратегическом руководстве действиями по захвату власти они участия не принимали⁴².

Петроградская и иваново-вознесенская схемы перехода власти в руки рабочих организаций, конечно, не исчерпывают всего многообразия возможных действий сторон в тот переломный момент в других городах. Они представляют собой как бы два полюса по степени участия и влияния различных пролетарских организаций, между которыми условно можно расположить другие сценарии перехода власти в руки большевиков и их союзников. К примеру, события в Смоленске и Москве, хотя отличались затяжным характером и вооружённым противостоянием, но в целом имели немало общих черт не только с событиями в столице, но и с событиями в Иваново-Вознесенске.

Так, в Москве, несмотря на то что переход власти здесь был обеспечен Красной гвардией и солдатами гарнизона, свою роль также сыграла начатая по призыву Московского ВРК с утра 28 октября 1917 г. грандиозная стачка⁴³. Вместе с тем и в Москве, так же как и в Иваново-Вознесенске, стачка воспринималась как мера чрезвычайная. Существенный интерес в свете обсуждаемой нами проблемы представляет обсуждение ситуации в городе, состоявшееся на заседании Московского совета профессиональных союзов 26 октября 1917 г. Один из поднимавшихся на нём вопросов, как обозначено в протоколе, был посвящён «совместной приостановке экономических забастовок». Выступавший по этому вопросу представитель металлистов М. И. Томский отметил: «[Военно]-револ[юционный] комитет призвал к забастовке. Но ведь не все должны бастовать, так как тогда пройдёт страшная заминка жизни»⁴⁴. Предложение, сделанное Томским и одобренное остальными участниками заседания, наглядно иллюстрирует, чем же занимались рядовые организации рабочего контроля в период наиболее напряжённых столкновений во второй столице. *Это были прежде всего вопросы, связан-*

ные с продовольственным снабжением, а также с поддержанием общественно важных производств⁴⁵.

Современному читателю приводимые наблюдения могут показаться почти не различимыми на фоне глобального катаклизма, в тот момент переживаемого страной. Может возникнуть соблазн вообще отказать фабзавкомам в какой-либо значимой роли в развернувшейся в конце октября – начале ноября драме. Но такой вывод, если он вдруг у кого-то возникнет, окажется поверхностным. Состояние экономики в конечном счёте всегда является решающим фактором в развитии политической канвы событий. Тем более в условиях тяжелейшего кризиса, который переживала страна осенью 1917 г., вопросы поддержания производства становятся решающими. Рабочими, которые были втянуты в бешенный водоворот событий, могли двигать самые разные устремления от совершенно романтических до абсолютно эгоистических – в конечном итоге это нивелировалось. Главное, что важнейшим направлением деятельности фабзавкомов продолжала оставаться забота о поддержании работ на конкретных фабриках и заводах⁴⁶. Даже в Москве и в Иваново-Вознесенске, где, в отличие от Петрограда, на время приходилось останавливать заводы и фабрики, как мы видели, поддержание производства всё равно оставалось в центре внимания фабрично-заводских комитетов, и соответствующие шаги по возобновлению работ принимались незамедлительно по завершению всеобщих *политических* стачек.

В этом смысле вовсе неслучайной и очень показательной представляется та однозначная перемена позиции фабзавкомов (и всех пролетарских организаций вообще) к государственной власти и проведению забастовок, произошедшая сразу же после победы вооружённого восстания 25-26 октября 1917 г. и прихода к власти большевиков. Как отмечали в комментариях к третьему тому документального сборника «Октябрьская революция и фабзавкомы» его составители: «На другой же день после Октябрьской победы мы сразу замечаем *резкую* перемену в отношении фабзавкомов как к органам власти, так и к самому производству на заводах». Составители отмечали, что если прежде органы рабочего самоуправления пребывали в резкой оппозиции к Временному правительству, то теперь, после взятия власти Советами, фабзавкомы буквально «со следующего дня переходят почти повсюду, за редкими исключениями, на позицию *всякой поддержки и всякого содействия новому правительству*, с одной стороны, и, с другой, прилагают *максимальные усилия в деле восстановления производства* на каждом отдельном заводе и фабрике для того, чтобы обеспечить как город, так и деревню и демобилизующуюся армию всем необходимым, для того, чтобы найти скорейший выход из разрухи»⁴⁷.

Именно в этом духе было выдержано воззвание, подписанное уже 2 ноября 1917 г. ЦС ФЗК совместно с Петросоветом и Петроградским советом профессиональных союзов. В ней говорилось:

«Товарищи! Революция побеждает – революция победила. Вся власть перешла к нашим Советам. Первые недели – самые трудные. Надо раздавить до конца сломленную уже реакцию, надо обеспечить полное торжество нашим стремлениям. Рабочий класс должен, обязан проявить в эти дни величайшую выдержку и выносливость, чтобы облегчить новому народному правительству выполнение всех задач...

Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем встать на работу и производить её в полном порядке. Работы на заводах и во всех предприятиях нужны новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создает для нас новое затруднение, которых и без того довольно.

Все к своему месту!

Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни – исполнять своё дело»⁴⁸.

По мнению А. М. Панкратовой, позиция, занятая в эти дни ПСПС по вопросу об организации новой революционной власти, в силу авторитета Петроградского центра профсоюзов, стала как бы «общепрофессиональной платформой»⁴⁹. Учитывая господствовавшие настроения большинства рабочих Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и др. крупнейших промышленных центров, о чём говорилось выше, *позицию ЦС ФЗК также можно считать общепабзавкомовской*, и она была явно в пользу созданного Лениным Советского правительства.

3. Штрихи к портрету «Смутного времени»: фабзавкомы и первый кризис Советского правительства

Предшествующие параграфы этой главы вполне могли привести некоторых читателей к поспешным выводам. В частности, могло показаться, что автор полностью отрицает какую-либо политическую роль фабрично-заводских комитетов в событиях революции. Подобного рода обобщения были бы несправедливыми. Из сказанного выше следует другое – несмотря на всю весомость вклада рабочих организаций в победу большевистского выступления, концентрироваться на политической составляющей этой поддержки не следует: *каждая ветвь рабочего движения выполняла свою, свойственную только ей задачу, часто лежащую далеко вне сферы политики. Именно в этом, а вовсе не в степени охвата рабочих организованными формами протеста, и сказалась зрелость рабочего движения периода Октябрьской революции, в том числе зрелость органов производственного самоуправления.*

В истории бывают такие исключительные моменты, когда несколько дорог словно бы переплетаются в одной точке, и для выбора дальнейшего вектора развития достаточно малейшего импульса, который может стать решающим⁵⁰. Таким импульсом в преддверии Октября вполне обоснованно считать позицию, занятую фабзавкомы, прежде всего их региональными и центральными руководящими органами, по вопросу о передаче всей полноты власти в руки Советов. Если же брать роль рабочих организаций в этот критический момент в общем, то переоценить её невозможно. Даже меньшевики, эти догматики от марксизма, ненавидевшие большевиков и при помощи всех мыслимых и немыслимых схоластических ухищрений пытавшиеся отрицать социалистический, то есть пролетарский характер Октябрьской революции, самой жизнью были поставлены перед необходимостью делать очень показательные признания. Так, уже из эмигрантского далека в своей монографии о развитии русского революционного движения в 1917 г. П. Гарви вынужден был частично капитулировать и согласиться, что «роль рабочих организаций... в подготовке Октябрьского переворота» была «несомненной и существенной»⁵¹.

Пережив свой триумф в октябре 1917 г., рабочие организации постепенно начинают терять свою роль «вершителей судеб». Это и понятно – стабилизация государства, восстановление нарушенного равновесия между властью и обществом (в пользу последнего) означали неминуемое снижение веса гражданских институтов, которые теперь должны были возвращать государству его потерянные в условиях распада и хаоса властные прерогативы – обо всём этом подробный разговор предстоит ниже. Однако и после победы большевиков рабочие организации продолжали влиять на ситуацию в стране, на выбор путей её развития, причём в первые несколько недель после смены режима это влияние продолжало оставаться решающим. В литературе уже подробно писалось о роли рабочего класса и его классовых организаций в формировании слоя советских служащих, подавлении контрреволюционных элементов, выработке экономической политики нового государства, поднимались другие вопросы, раскрывающие роль рабочих в Октябрьской революции. Не возвращаясь к этим, уже подробно освещённым в историографии вопросам, сосредоточимся на одном принципиальном сюжете, показывающем

решающее значение рабочих организаций в становлении большевистского режима с несколько непривычной стороны.

В прошлом этот аспект политической позиции рабочих организаций в октябре-ноябре 1917 г. не получил должного отражения, а главное – осмысления ни в советской, ни в эмигрантской, ни в зарубежной историографии. Речь идёт о первом кризисе Советского правительства, связанным с борьбой вокруг лозунга однородного социалистического правительства. В своё время нам уже приходилось писать об участии в нём различных объединений рабочих в самом Петрограде и других городах страны⁵². Здесь же коротко коснёмся лишь точки зрения на однородное социалистическое правительство, которой в момент обострения кризиса придерживались фабрично-заводские комитеты, а также на институциональные последствия вмешательства пролетарских организаций в процесс формирования постреволюционной государственности.

Но прежде, чем перейти к самим событиям, связанным с попыткой рабочих организаций добиться компромисса между социалистическими партиями по вопросу об организации революционного правительства, коротко остановимся на том историческом фоне, на котором они разворачивались. Прежде всего приходится отмечать, что тактика Ленина, стремившегося провести вооружённый захват власти до начала работы II съезда Советов, оправдалась далеко не в полном объёме. Поставить противника перед свершившимся фактом и победить не удалось: часть делегатов, не согласных играть роль статистов в написанной им пьесе, не только покинула съезд, но и организовала альтернативный центр власти. Этим центром стал Комитет спасения Родины и революции. Как известно, помимо делегатов, покинувших съезд Советов, в него вошли представители ВЦИК первого состава, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Городской думы, Предпарламента, Центрофлота, кооперативных и профессиональных организаций. Широкий состав участников опровергает утверждения прежней историографии об узкой социальной базе антибольшевистского фронта.

Помимо Комитета спасения, существовали и другие претенденты на роль легитимного центра власти. Так продолжал действовать Малый Совет министров в составе товарищей министров. На его базе было создано подпольное Временное правительство. По мере разрастания чиновничьего саботажа позиции его усиливались. По свидетельству руководителя Малого Совета министров А. Демьянова, большевики знали о его деятельности, «но до поры до времени смотрели на это сквозь пальцы»⁵³. Об этом почему-то не принято писать, но подпольное Временное правительство было почти столь же реальным органом власти, как и сам Совнарком. Ему подчинялись, как писал другой участник событий С. Н. Прокопович, служащие всех министерств и Государственный банк. По его распоряжениям ходили поезда железных дорог, подвозился хлеб в столицы и на фронт, топливо на предприятия⁵⁴.

Обострилась и военная обстановка. Утром 26 октября отдаёт приказ о движении на столицу бежавший в штаб Северного фронта Керенский. Хотя к вечеру в его распоряжении было всего около 500 человек из 3-го казачьего корпуса Краснова с приданными им 16 орудиями и 8 пулемётами, вскоре численность его войск выросла до 5 тыс. 28 октября под их напором пало Царское Село. После срыва 31 октября переговоров между поддержавшим петроградских большевиков Московским ВРК и ориентирующимся вправо Московским губернским Советом крестьянских депутатов возобновилось кровопролитие в Москве. В самом Петрограде на 29 октября 1917 г. готовится антибольшевистское выступление юнкеров.

Наконец, проблемы обнаружились и в самой победившей партии. Часть большевиков проявила колебания и не поддержала радикализм своего вождя. Как мотивировал эту позицию Луначарский, «в настоящий момент мы должны завладеть аппаратом». А это, согласно его точке зрения, значило «действовать по линии наименьшего сопротивления»⁵⁵. Наиболее осторожных позиций придерживались Л. Каменев и поддержавший его Г. Зиновьев. В качестве

идеального постреволюционного устройства им виделся тип государства, в котором бы общедемократические институты дополнялись элементами демократии революционной. Похоже, что речь шла именно об особом типе государства, а не только центральной власти. Во всяком случае, в их совместном обращении заявлялось: «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идём»⁵⁶. Получалось, что новый государственный порядок должен был базироваться на сочетании Советов и Учредительного собрания.

Проект Каменева и Зиновьева вовсе не кажется таким капитулянтским, как его оценивал Ленин⁵⁷. С одной стороны, социалистические органы – Советы – действительно подчинялись буржуазному парламенту. Но с другой стороны, в революционной России, где так многое в 1917 г. решалось на местах, устройство муниципальных органов власти имело громадное значение. Таким образом, базис нового государства оставался социалистическим – его ядром оставались органы рабочего представительства. Лишь верхняя надстройка строилась бы на других принципах. Она призвана была смягчить противоречия, выработать механизм примирения противоборствующих сил. Одним словом, выполнить главную функцию всякого парламента. Вероятно, Каменев и Зиновьев надеялись, что постепенно растущее давление снизу, со стороны Советов и других социалистических организаций, рано или поздно «социализировало» бы и центральную власть. Благо, что революция находилась ещё в стадии своего подъёма и массы готовы были идти в своих требованиях как угодно далеко.

Представляется, что альтернативный каменевскому проект Троцкого также не выходил за рамки парламентаризма. Только роль парламента (пусть и революционного парламента) должен был сыграть высший советский орган – съезд. Не случайно на каком-то этапе подготовки переворота Троцкого поддержали не только такие прагматики, как И. В. Сталин, но и ЦК большевиков в целом⁵⁸.

Позиция Ленина в корне отличалась от обоих изложенных подходов именно своим максималистским характером. Ленин очень хорошо усвоил уроки Февраля. Революции – не решившей главного вопроса всякой уважающей себя революции: вопроса о власти. Ленину вовсе не хотелось наступить на те же грабли, что и Временное правительство. Ему в общем-то было достаточно всё равно, насколько «левым» будет новое правительство. Главное, чтобы оно было дееспособным, а не превратилось в очередную говорильню. Именно потому, что и план Каменева, и план Троцкого реально могли привести именно к очередной говорильне, Ленина они не устраивали ни под каким видом. Будет ли новое правительство опираться только на Советы или ещё на какие-то представительные органы – для Ленина было не столь важно. Революционность его позиции заключалась в том, что он настаивал на создании *работающего* правительства. Только такое правительство, по его убеждению, и могло решить задачи, стоявшие перед революцией, но которые оказались не по силам буржуазии. А поскольку такая позиция не встречала особого понимания, Ленин и настаивал на взятии власти партией, а не Советами, хотя после прихода к власти готов был пойти даже на созыв Учредительного собрания. В критический момент он хотел опираться исключительно на послушную ему когорту соратников, а не на рыхлую коалицию союзников.

Насколько был прав Ленин, покажет ближайшее развитие ситуации, когда рабочие начнут требовать от нового правительства немедленных действий по наведению порядка и по защите их интересов (прежде всего экономических). Но платформа, которую в дни кризиса выдвинули рабочие организации, далеко не во всём совпадала с ленинской или какой-либо иной из существовавших в партийном руководстве. В этой связи можно говорить о ещё одном, четвёртом, варианте постреволюционного развития государственной власти. В центре этого проекта находились сильные, самостоятельные пролетарские организации, а для их самостоятельности, как представлялось рабочим, необходимо было установить паритет между различ-

ными партиями социалистов. Отсюда, как представляется, и возникло требование коалиционного социалистического правительства, в которое вошли бы все партии, представленные в Советах.

Во главе движения в этот период становится Викжель – профсоюз железнодорожников. Его образование относится ещё к апрелю 1917 г. Один из наиболее крупных и рационально организованных, профсоюз железнодорожников был во многом уникален. В его состав входили как линейные рабочие, так и служащие. Это позволяло Викжелю реально претендовать на самостоятельное управление железными дорогами. Викжель не признавал в этом вопросе никаких других интересов, кроме интересов железнодорожников. В этом смысле он, как писал Э. Карр, *представлял собой как бы гигантский фабзавком, осуществляющий рабочий контроль на своём участке*⁵⁹. Позиция Викжеля была поддержана рабочими организациями Казани, Самары, Нижнего Новгорода, Астрахани, Пензы и некоторых других городов⁶⁰. Среди них были профсоюзы печатников, служащих, водников, где ключевые позиции находились в руках умеренных социалистов⁶¹.

Вместе с тем идею создания правительства на базе блока всех левых партий активно разделяли не только профсоюзы, настроенные по отношению к большевикам оппозиционно. С поддержкой коалиции 5 ноября 1917 г. выступил, к примеру, Союз петроградских металлистов, относившийся к числу наиболее большевизированных рабочих организаций. В принятой им резолюции так и звучало: «Единственным способом закрепления победы пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий»⁶². За создание власти, объединяющей все советские партии, высказались московские металлисты⁶³. Даже Петроградский совет профессиональных союзов 31 октября 1917 г. выступил за организацию однородной социалистической власти⁶⁴. Эта позиция, в силу авторитета Петроградского центра профсоюзов, стала, даже по определению советских историков, как бы «общепрофессиональной платформой»⁶⁵. П. Гарви писал о ней как о последней попытке профсоюзников спасти демократическую основу власти, хотя бы и в сильно урезанном виде. Ради поставленной цели Петроградский совет союзов, подчёркивал историк, не побоялся бросить на чашу весов всё своё влияние и авторитет⁶⁶. Наиболее неприятной для большевиков явилась, видимо, поддержка идеи коалиционного министерства со стороны самых массовых на тот момент рабочих организаций – фабзавкомов.

К примеру, телеграмма с поддержкой в адрес Викжеля поступила от Обуховского завода⁶⁷. «Меньшевистскую резолюцию» 9 ноября 1917 г. приняло рабочее собрание на заводе Бромлей. Первоначально оно было собрано для «обсуждения вопроса о создавшемся затруднительном положении в связи с задержкой уплаты жалованья рабочим»⁶⁸. Но накал событий был таков, что рабочие переключились на вопрос о политической ситуации. «Меньшевистской» же принятая ими резолюция была названа за то, что в ней рабочие поддержали выступившего на собрании меньшевика Гольде, который требовал «восстановления единого фронта демократии и создания общесоциалистической власти»⁶⁹, хотя, как известно, руководство меньшевиков в большей мере стремилось осудить «большевистскую авантюру», чем восстанавливать с ними «единый демократический фронт».

Не была чужда идея союза между социалистами многотысячному рабочему коллективу Путиловского завода. На его общем собрании, которое, по всей вероятности, состоялось 2 ноября, была принята резолюция, требовавшая создать коалицию между всеми социалистическими партиями, стоящими на советской платформе, то есть на платформе II съезда Советов. Собранием было постановлено направить во все рабочие организации и Центральные Комитеты социалистических партий специальные делегации для информирования о содержании принятого решения⁷⁰. Кроме того, было избрано 19 человек для участия в переговорах, орга-

низованных Викжелем⁷¹. Член завкома крупнейшего в стране металлургического предприятия Рудненко так разъяснял позицию, занятую путиловцами: «Приближающийся голод, – говорил он, – заставил рабочих Путиловского завода требовать единого социалистического правительства»⁷².

В начале ноября потребовал «немедленно организовать единую демократическую власть» (поскольку в противном случае межпартийные распри могли привести ни к чему иному, как к гражданской войне) Московский губернский совет фабзавкомов⁷³. С призывом о мире обратился к конфликтующим сторонам городской Совет фабрично-заводских комитетов столицы⁷⁴. Наконец, своё несогласие с линией ЦК РСДРП (б) по вопросу о союзе с другими социалистическими партиями выразил и ЦС ФЗК, в том числе его председатель, виднейший деятель фабзавкомовского движения Н. И. Дербышев. В обнародованной 31 октября 1917 г. специальной резолюции об организации власти ЦС ФЗК прямым текстом указывал на «необходимость создания однородной социалистической власти на основе советской программы». Резолюция требовала от сторон немедленного примирения. Партии, которые бы не пожелали принять участие в соглашении, в резолюции заранее объявлялись «изменниками и предателями революции и страны»⁷⁵.

Широта и синхронность возникновения лозунга «однородного социалистического правительства» заставляет предположить, что рабочие пришли к нему во многом самостоятельно, опираясь на свой собственный опыт. Не считаться с этим для Совнаркома было бы чистым самоубийством. Выбор, сделанный большевиками, был предсказуем. Когда договориться с представителями политической элиты на предмет будущего устройства власти им не удалось, большевики вновь, как не раз бывало в истории этой партии и прежде, предприняли обходной манёвр и попытались договориться непосредственно с рабочими массами за спиной лидеров других социалистических партий. Реализуя свою тактическую установку, Ленин 4 ноября 1917 г. выступил с докладом на заседании рабочей секции Петросвета. В ней содержалось немало лестных, явно завышенных оценок как самого пролетариата, так и его вклада в революцию. Но главное – Ленин со всей определённой поддержкой претензии рабочих в области управления, рабочего контроля и передела собственности. «Легко издать декрет об отмене частной собственности, но провести его в жизнь должны и могут только сами рабочие», – этих слов от Ленина ждали, и они были им произнесены⁷⁶.

Линия компромисса и возможной коалиции тем самым была очерчена предельно конкретно: рабочие поддерживают претензии большевиков на государственную власть, а большевики поддерживают притязания рабочих непосредственно на уровне предприятий. При этом большевики не переставали подчёркивать, что отныне пролетариат – господствующий класс, что должно было психологически склонить рабочих поддержать новое, «своё» правительство. Как признаёт П. Гарви, ленинский поворот дал свои результаты, и позиция рабочих, а также их организаций по вопросу о коалиционной власти начинает смягчаться. Особенно ярко, по его словам, перемена в политической ориентации профсоюзов зафиксирована в резолюции ПСПС от 9 ноября 1917 г., принятой по докладу Ленина. В ней о создании однородной социалистической власти не произносилось уже ни единого слова⁷⁷.

Претерпела существенные изменения и платформа, которой придерживались фабрично-заводские комитеты, о чём свидетельствует дискуссия по вопросу о текущем моменте, состоявшаяся на проходившей 15-16 ноября 1917 г. V городской конференции фабзавкомов Петрограда. Подробные разъяснения новой тактики по вопросу о коалиции содержались, например, в докладе члена ЦС ФЗК Н. А. Скрипника:

«Рабочий класс шаг за шагом, борясь, идет к своему идеалу, – начал он своё заявление по вопросу о коалиции. – Социализм не творится сразу, он создается постепенной перестройкой всей экономической и политической жизни. Мы вступили в первый период этой перестройки.

Нам придётся провести целый ряд мер, как, например, контроль над производством и распределением и др. Перед нами стоит целый ряд задач. Мы вступили в полосу массовой борьбы. Это не социализм, но это первый шаг, путь к социализму. Рабочий класс победил. И теперь нам говорят, что нужно согласиться, нужен единый фронт. Да, мы согласны. Но объединения нужны такие, которые способны работать. Но народные социалисты, социалисты] революционеры] оборонцы и с[оциал].-демократы] меньшевики -разве они отказались от коалиции с буржуазией? Нет, – мы согласимся с оборонцами⁷⁸, оборонцы с н[ародными] социалистами], а н[ародные] социалисты] с конституционными] демократами], которые являются врагами революции. Необходимо великодушие, но пусть оно не влечет к примирению с буржуазией. Единый социалистический фронт означает отказ от завоеваний революции. Когда нас со всех сторон оплетают соглашательством, мы должны стать твёрдо на непримиримую позицию. Никаких соглашений с буржуазией. Наша основа – вся власть в руках Советов рабочих и солдатских депутатов»⁷⁹.

Докладчика поддержали делегаты с мест. Вот как объяснял невозможность компромисса делегат Шатов: «Вопрос о текущем моменте никогда не стоял так серьезно. Много говорили о социализме. Быть на словах революционером легко, но лишь на деле, при проведении социализма в жизнь, мы видим настоящую физиономию революционера. Когда 25 октября народ восстал, образовалось два лагеря – лагерь контрреволюции и революции. По одной стороне, слева, оказались большевики и анархо-синдикалисты, а справа левые эсеры и другие». Понятно, что никакого компромисса с отступниками, по мнению рабочих, быть не могло. Другой участник конференции, представитель Московского (Московско-Заставского) района Осипов отмечал, что условиями соглашения с правыми социалистами могут стать три лозунга: мир, передача земли крестьянам, введение рабочего контроля. Он подчеркнул, что меньшевики и эсеры уже были у власти, и ничего из требований революционной улицы они не выполнили. Осипов настаивал, что дело установления Советской власти необходимо немедленно брать в свои руки, не сделать этого – «значит, поставить революцию в опасность». Отсюда следовала принципиальная невозможность компромисса с правыми социалистами, которые принципиально отказывались от самой мысли о необходимости провозглашения рабочего контроля в качестве официальной политики государства. Выступление Осипова проясняет очень важный аспект позиции, занятой рабочими организациями в период ожесточённой борьбы за власть в октябре-ноябре 1917 г. Весомо прозвучало на конференции и заявление левого эсера Котлова, требовавшего, «чтобы контроль не был [простой] проверкой бумаг, а действительным контролем снизу». Отдельные делегаты предлагали даже «вынести порицание вышедшим в отставку народным комиссарам и не давать им [впредь] ответственных должностей», и, хотя большинство участников конференции отказалось поддержать такой радикализм, обстановка в зале явственно накалялась⁸⁰. В заключительном слове Скрыпник обобщил состоявшийся обмен мнениями предельно конкретно: «Мы, – указал он, – признаём такую коалицию, которая создаётся снизу»⁸¹.

Оформление большевистско-левоэсеровского блока, а также умиротворение Викжеля и большинства остальных рабочих организаций окончательно ознаменовали завершение первого после Октября правительственного кризиса. Так же как и первый кризис Временного правительства, он привёл к созданию правящей коалиции и расширению социальной базы если и не революции, то, во всяком случае, революционного режима.

Значение и результаты первого кризиса Советской власти трудно переоценить. Большевики удержались у власти. Тем не менее они почувствовали необходимость корректировки курса. Уступки шли по линии отказа от крайнего политического радикализма. И пусть эти уступки на практике оказались не столь значительны, главные требования профсоюзов оказались выполнены: однопартийная диктатура в ноябре-декабре 1917 г. в России не возникла. Что

же касается самих рабочих организаций, то они фактически получали карт-бланш на расширение своего вмешательства в экономику как в центре, через государственные органы, так и у себя на предприятиях.

В этой связи существенный интерес представляет ещё один вопрос, в прошлом не попадавший в поле зрения историков. Благоприятный для большевиков исход первого кризиса их правительства был достигнут благодаря поддержке наиболее радикальных пролетарских организаций, таких, как, например, фабрично-заводские комитеты. По другую сторону оказались гражданские организации совсем иного типа. На непримиримой платформе продолжали стоять разного рода «демократические организации», кооперация, в том числе рабочая. Как звучало в листовке Воронежских кооперативов: «никаких соглашений с разрушителями страны – большевиками»⁸². Но что означал такой своеобразный расклад сил?

В лагерь революции вошли не просто наиболее максималистские организации. В их числе оказались *непримиримые антагонисты буржуазных отношений, среди которых, как мы видели в предшествующих главах, фабзавкомы занимали не последнее место*. Среди противников же Октября оказались организации, *порожденные развитием капитализма и сросшиеся с ним*. К примеру, лидеры кооперации так понимали её главную задачу: через рост личного благосостояния адаптировать рабочих к развитию капитализма. Руководители рабочей кооперации считали революцию 1917 г. буржуазной и всеми средствами боролись за укрепление буржуазно-демократического строя⁸³. А как известно – выбор союзников диктует и линию поведения. Поэтому, когда первый кризис Советского правительства миновал, а политические симпатии вполне определились, стало окончательно ясно, что основным вектором развития нового режима будет дрейф в сторону *радикальных, социалистических преобразований*.

Противоречия в развитии фабрично- заводского представительства

4. Социально-экономическое положение рабочих в первые месяцы революции

Факт произошедшей в октябре 1917 г. революции сказался на положении рабочих России самым непосредственным образом. Особенно ощутимо выиграли они в плане повышения своего социального статуса. Большевики провозгласили рабочих «классом-гегемоном», господствующим классом, со всеми вытекающими из этого последствиями в политической, экономической и социальной сферах. Из «эксплуатируемой массы» рабочие в одночасье «превратились» в «хозяев страны», «социальную базу» и «опору» нового режима. Советы, в прошлом «классовые организации рабочих», сделали теперь органами государственной власти. Профсоюзы, фабзавкомы, контрольные комиссии и другие рабочие организации на какое-то время получили административные права у себя на предприятиях. С победой революции перед рабочими открылись невиданные прежде перспективы социального роста, приобщения к высочайшим культурным и духовным ценностям, забрезжила надежда достойной и благополучной жизни. Однако от начертанных на знамёнах политических партий лозунгов до реальных свершений, от самых заманчивых возможностей до их практической реализации, как правило, лежит дистанция огромного размера, и послереволюционная действительность далеко не всегда соответствовала тем завышенным ожиданиям, которые возлагали на неё рабочие – рядовые участники и просто современники переломных событий тех месяцев.

Второй, октябрьский, этап русской революции, более радикальный и глубокий, вырос как своеобразное увенчание острейшего кризиса, охватившего летом-осенью 1917 г. все стороны жизни российского общества. Не в последнюю очередь негативные явления проявлялись в экономической сфере. Мировая война, совершенно не отвечавшая национальным и геополитическим интересам России, уже в 1915 г. привела к перенапряжению всего народного хозяйства страны. Но если при императорской власти худо-бедно удавалось сохранять экономику на плаву, невзирая на рост оппозиционного движения и поражения на фронте, то Временному правительству эта задача оказалась не по плечу. Как отмечает современный исследователь Р. А. Белоусов, если Временное правительство получило от царского режима деформированную, но в целом ещё жизнеспособную экономику, то новой большевистской власти после нескольких месяцев господства либералов досталось совсем иное наследство: А. Ф. Керенский умудрился в сжатые сроки расстроить важнейшие звенья российской экономики. Тем самым «стартовые экономические условия» второго этапа революции были ощутимо хуже, нежели в феврале⁸⁴.

В октябре 1917 г. хозяйственная жизнь страны окончательно оказалась в упадке. В промышленности сокращение производства по сравнению с уровнем предшествующего года составляло около 40%. Особенно ощутимые потери понесли важнейшие отрасли промышленности, связанные с обороной и в которых было сосредоточено наибольшее число рабочих. Выпуск железа и стали за рекордно короткое время упал с 246,5 млн пудов до 155,5 млн пудов, выплавка чугуна – с 282,9 млн пудов до 190,5 млн пудов, производственная мощность доменных печей в 1917 г. использовалась лишь на 54%. Стремясь сохранить прибыль, владельцы предприятий шли на их закрытие и массовые локауты, что вело к увеличению безработицы. В Петрограде к октябрю закрылось 50 заводов⁸⁵. По сводкам «Торгово-промышленной газеты», во Владимирской губернии были закрыты или остановили работу 10 крупных предприятий и финансовых групп. В Костромской губернии за воротами предприятий оказалось 10 000 рабо-

чих⁸⁶. В промышленном поясе вокруг Москвы остановились фабрика Тимашева, Вознесенская и Покровская мануфактуры, другие предприятия. В результате закрытия одной только Богородско-Глуховской фабрики безработными сделались сразу 11 400 человек⁸⁷. В самой Москве по причине отсутствия заказов было рассчитано около тысячи рабочих и служащих завода Износкова⁸⁸, получили извещение об увольнении рабочие Цинделевской мануфактуры, многих других предприятий.

К осени 1917 г. повсеместно нарастали неизбежные спутники хозяйственной разрухи – инфляция, дороговизна, голод, особенно больно бившие по рабочим⁸⁹. По подсчетам П. В. Волобуева в марте инфляция составила 6,4%, в апреле 13,4%, в мае – 18,4%, а в июне уже 28%⁹⁰. Цены на промышленную продукцию первой

необходимости (материя, обувь, дрова, мыло, керосин и пр.) увеличились на 1109%⁹¹. Быстро дорожало и продовольствие, особенно хлеб. В Москве цены на него повысились в июле на 21%, а в августе на 17% и ещё на 14% – в сентябре⁹². По данным журнала «Продовольствие и снабжение», за несколько месяцев с момента Февральской революции фунт чёрного хлеба подорожал с 3 % коп. до 14, селёдка с 3-6 коп. поднялась в цене до 50 коп., мясо с 19, в крайнем случае 22 коп. – почти до рубля⁹³.

В свете сказанного, трудно не согласиться с Р. А. Белоусовым, отмечавшим, что Октябрьская революция стала, в первую очередь, проявлением поражения бездарной политики самого Временного правительства, и уже на этом фоне – победой большевиков⁹⁴. Вполне естественно, что большевики не могли моментально превратить доставшуюся им разорённой, с разрушенной социально-экономической структурой Россию в процветающую, стабильную индустриальную державу. Не решалась в одночасье и проблема взаимоотношений власти и общества⁹⁵. Отчётливо проявившаяся уже в последние месяцы существования царизма и прогрессирующая весь период существования Временного правительства инерция разрушения сохранилась и даже усилилась, что не удивительно. Новому советскому руководству многое предстояло начинать буквально с нуля. Во-первых, если государственный аппарат, чиновничество встретили Февральскую революцию как свою собственную, активно поддержали её, то по отношению к большевистскому Октябрю их позиция была кардинально иной. Во-вторых, к Октябрю общество подошло уже расколотым, прежнего национального единения первых недель после свержения самодержавия не наблюдалось и в помине, что стало естественным результатом рассмотренных выше сложных социальных процессов, в частности разрушения и без того незрелых механизмов социального партнёрства. В силу постоянно растущей классовой неприязни большевикам надеяться на взаимопонимание с торгово-промышленными кругами не приходилось. Подобно государственным служащим и буржуазии враждебную к Октябрю позицию заняли и многие промежуточные общественные силы. Не приходилось рассчитывать, к примеру, большевикам на поддержку аппарата кооперации, а также продовольственных органов, где сильны были позиции умеренных социалистов⁹⁶.

После того как эйфория, вызванная обещаниями и заверениями победивших в октябре 1917 г. большевиков начала рассеиваться, стала открываться неприглядная картина дальнейшего падения производства и ухудшения снабжения городов хлебом. «Промышленность умирала, – описывает ситуацию в Петрограде рабочий Трубочного завода, видный профсоюзный деятель, правый меньшевик, впоследствии оказавшийся в эмиграции Г. Б. Струмилло. – Закрывался не только наш завод. Шёл расчёт и в ряде других заводов»⁹⁷. Похожая картина упадка наблюдалась и во всех остальных промышленных центрах страны. Разговор о последствиях экономического кризиса состоялся, например, на проходившей в июне 1918 г. Уфимской городской конференции фабзавкомов, контрольно-распределительных комиссий, профсоюзов и советов рабочего контроля. На ней делегаты с тревогой отмечали – всё

больше заводов, мастерских и прочих промышленных заведений края было вынуждено сворачивать свою деятельность или вовсе прекращать её⁹⁸. По данным фабзавкомов Москвы здесь также наблюдались кризисные явления. На многих предприятиях, изготовлявших важную для страны продукцию, выпуск продукции пошёл на спад. Немалая часть заводов и фабрик оказалась закрыта, другие готовились к закрытию⁹⁹.

Остановилось большое количество предприятий и в других городах страны, что очень чётко зафиксировала проводившаяся во второй половине 1918 г. промышленная и профессиональная перепись. Её сведения не всегда полны и достоверны вследствие трудностей учёта, возникших из-за начавшейся Гражданской войны, но картина в целом ими отображена достаточно объективно¹⁰⁰.

Таблица 1

Данные о действующих и закрытых предприятиях на 31 августа 1918 г. по главным отраслям промышленности

Отрасли промышленности	Число промышленных заведений	В том числе действующих	Число рабочих на них	Число заведений бездействующих
По всем группам производства	9 774	6 088	1175 549	3 686

В том числе:				
Каменноугольная	43	29	8 369	14
Нефтяная	9	8	982	1
Железорудная и железоделательная	53	31	20 453	22
Машиностроительная	574	476	198 201	98
Химическая	396	276	46 366	120
Хлопчатобумажная	463	335	456 603	128

Результат происшедшего был налицо. По подсчётам советских статистических органов, весьма неполным и приблизительным, как признавали сами работники ЦСУ, по отношению к 1917 г. основные показатели народного хозяйства страны в 1918 г. составили: продукция ценовой промышленности – 48%; транспортные перевозки – 33%; объём внешней торговли – 20%; посевные площади – 96%; заготовки хлеба -14%. В наибольшей мере падение производства сказывалось на тяжёлой промышленности, что видно из следующей диаграммы¹⁰¹:

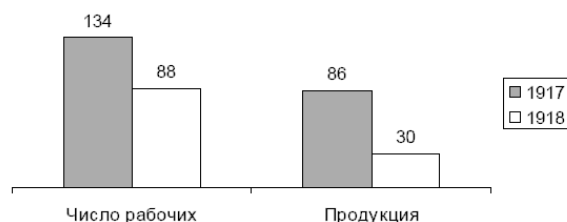

Диаграмма 1.

Изменение основных индикаторов тяжёлой промышленности. 1913 г. = 100%

Трудности в тяжёлой промышленности возникли преимущественно из-за необходимости перевода её на мирные рельсы после выхода России из мировой войны. Временный подъём во второй половине 1918 г. переживают только те предприятия, которые производили оружие, что

было мотивировано начавшейся Гражданской войной. Что же касается такого важного показателя, как производство чёрных металлов, то по сравнению с дооктябрьским периодом происходит его дальнейшее сокращение, которое может быть отражено в следующей таблице ¹⁰²:

Таблица 2
Производство чёрных металлов в 1917-1918 гг., тыс. т

	1917	1918
Чугун, всего	3022,6	515,5
в том числе Центр	147,9	52,9
Сталь, всего	3079,6	402,1
в том числе Центр	464,1	130,6
Прокат, всего	2443,6	357,3
в том числе Центр	340,7	118,5

Неблагополучие металлургии не в последнюю очередь вытекало из того упадка, которое переживали добывающие отрасли. В частности, происходит чувствительное сокращение добычи топлива, в том числе угля.

Продолжала ухудшаться экономическая конъюнктура и в лёгкой промышленности, но здесь ситуация складывалась менее драматично, её удельный вес в общем объёме промышленного производства в 1918 г. по сравнению с 1917 г. даже несколько повысился: по числу занятых с 41 до 49 %, а по выпускаемой продукции с 47 до 62 % ¹⁰³. Но отмеченный рост относительных показателей не должен вводить в заблуждение, так как он стал возможен только на удручающем фоне катастрофы в металлургии.

В целом, по данным ЦС ФЗК, общая динамика угасания промышленности в те месяцы выглядела следующим образом ¹⁰⁴:

Таблица 3
Основные показатели развития промышленности в 1917-1918 гг.

	1917	1918	1918 г., в % к 1917 г.
Число рабочих, в тыс.	2 596,4	2 011,1	77,5
Валовая продукция, в млн довоен. руб.	3 848,2	1 844,8	49,7
Валовая продукция на 1 раб. в год, в довоен. руб.	1 482,1	917,3	61,9
Валовая продукция			
Каменного угля и антрацита, в млн тонн	31,2	13,0	41,6
Нефти, в млн тонн	8,7	3,8	43,7
Железной руды, в млн тонн	4,9	0,8	16,3
Чугуна, в млн тонн	3,0	0,5	16,7
Плугов, в тыс. штук	9,9	12,8	25,7
Молотилок, в тыс. штук	15,2	0,1	0,7
Пиломатериалов, в млн кубометров	5,6	2,7	48,2
Спичек, в млн ящиков	2,3	1,0	43,5
Сахарного песка, в тыс. тонн	685,3	333,2	48,6
Махорки, в тыс. тонн	118,5	28,5	21,1
Кожаной обуви, в млн пар	7,2	4,5	62,5
Пряжи хлопчатобумажной, в тыс. тонн	210,7	117,6	55,8
Пряжи шерстяной, в тыс. тонн	32,4	24,9	76,9
Пряжи льняной, в тыс. тонн	52,0	27,9	53,7
Бумаги, в тыс. тонн	154,6	100,6	65,1

Разложение промышленности стимулировало процессы распада в самой рабочей среде. Прежде всего обращает на себя внимание стремительное сокращение занятых индустриальным трудом. Этот процесс начался ещё в период существования Временного правительства,

прервав наметившуюся в годы войны тенденцию на некоторое увеличение числа рабочих¹⁰⁵. Вместе с тем после октября 1917 г. процесс «депролетаризации» усугубился. Согласно подсчётам отечественных историков за год существования большевистского режима количество промышленных рабочих сократилось примерно на миллион, с 3,5 до 2,5 млн человек¹⁰⁶.

Особенно сильно пострадали крупные промышленные центры, прежде всего обслуживавшие потребности обороны. В Петрограде на 1 января 1918 г. было занято 379 227 рабочих, к 1 июля их численность составляла 40% от этого уровня, а к 1 июля – едва дотягивала до 30%. В октябре 1918 г. численность петроградских рабочих несколько стабилизировалась, составив 122 400 человек¹⁰⁷. Известный советский экономист, а в тот период руководитель отдела статистики Петроградского областного комиссариата труда С. Г. Струмилин следующим образом подводил итог произошедшего: «За полтора года в Петроградской губернии было выброшено на улицу круглым счётом не менее 300 тысяч фабрично-заводских рабочих»¹⁰⁸.

А вот как выглядит динамика обвала на уровне отдельных предприятий: на Путиловском заводе в начале 1918 г. трудилось 22 789 человек, в начале следующего года – уже 11 003; на Трубочном заводе за тот же период численность занятых упала с 18 383 до 1922 человек; на Обуховском заводе – с 11 084 до 3540 человек. Та же картина наблюдалась и в других промышленных центрах. Так, в Твери на вагоностроительном заводе в августе 1917 г. работало 3000 рабочих, а ровно через год – в августе 1918 г. их осталось всего 1643. На Ижевском заводе в сентябре 1917 г. было 34,6 тыс., а в мае 1918 г. – 26,7 тыс. рабочих, на Боткинском заводе в 1917 г. начитывалось около 7 тыс., а в 1918 уже немногим более 6 тыс. рабочих и т.д.¹⁰⁹.

Отметим, что падение численности занятых наёмных работников было характерно не только для крупных предприятий тяжёлой промышленности. В меньших масштабах, но столь же распространено это явления было на предприятиях всех отраслей, независимо от их размеров и форм собственности, как это видно по материалам Петрограда. Так, на текстильной Лебедевской мануфактуре в 1917 г. трудилось 998, а к апрелю 1918 г. – 860 рабочих; на Невской бумагопрядильной мануфактуре за тот же период число занятых сократилось с 2056 до 1707 человек; на шерстопрядильной фабрике Рихарда – с 152 до 11; на механической военно-обмундировочной мастерской «Гармсен» – с 108 до 34; на коробочной мастерской Ф. Година – с 71 до 19; на фабрике по выделке книг «Кирхнер Отто» – с 986 до 199; на картузной фабрике «Торнатор» – с 55 до 43; в типографии «Брокгауз и Ефрон» – с 131 до 59; в типографии Военного комиссариата – с 335 до 5 человек; в типографии «Новая Россия» – с 57 до 32; на Охтинском лесопильном заводе Э. Г. Бранта – со 158 до 124; на мебельно-строительной фабрике Волковысского – со 130 до 54; на Трувеллеровском лесопильном столярно-ящичном заводе «Громов и К^о» – с 289 до 226; на мебельно-столярной фабрике Мальцера – с 228 до 86; на фабрике роялей К. М. Шредера – с 225 до 30; на Государственном фарфоровом заводе – с 463 до 230; на кожевенном заводе Н. М. Брусницына – с 391 до 171; на обувной фабрике «Скорород» – с 4909 до 4820; в сапожной мастерской Л. А. Донского – с 40 до 20; на первой российской мануфактуре изделий из искусственной кожи «Трезор» – с 676 до 271; на конфетно-шоколадной фабрике «Блигкен и Робинсон» – с 352 до 265; на сахарно-рафинадном заводе Кенига – с 967 до 45; на петроградском маслобойном заводе «Астра» – с 158 до 85; на табачной фабрике «Богданов А. Н. и К^о» – с 1899 до 1669; на фабрике красок «Бергер и Вирт» – с 44 до 31; на Городском главном газовом заводе – с 550 до 512 человек и т.д.¹¹⁰.

За годы империалистической войны и революции изменения происходили не только в численности рабочего класса, но также и в его «качественных» характеристиках. Прирост рабочего класса в годы войны в основном осуществлялся не за счёт кадровых рабочих, а за счёт привлекаемых из деревни крестьян, представителей средних городских слоёв, многие из которых элементарно пытались спрятаться на оборонных заводах от призыва в действующую армию и отправки на фронт¹¹¹. «Со времени войны, – отмечал по этому поводу В. И. Ленин, – фаб-

рично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы»¹¹². То же самое явление отмечалось и Ю. О. Мартовым в его знаменитом эссе, своеобразном политическом завещании «Мировой большевизм»: «Рабочая масса качественно изменилась. Старые, наиболее классово воспитанные кадры её провели 4 года на фронте... – подчёркивал он. – В производство на их место в течение войны были введены миллионы новых рабочих из разорённых ремесленников и иных «маленьких людей», из сельских пролетариев, из женщин рабочего класса»¹¹³. Не менее пренебрежительно отзывался о пришедших во время войны на завод рабочих ещё один оппонент Ленина – Г. Б. Струмилло. Зная ситуацию в рабочей среде накануне революции не понаслышке, он авторитетно вспоминал: «На нашем языке эти рабочие назывались «военными трофеями». Кого только здесь не было! Мелкие торговцы, маклера, дворники, извозчики, ремесленники, крестьяне... Вся эта масса была загнана на завод войною. Конечно, завод был им не по нутру. Они только и мечтали вернуться к прерванным войной своим занятиям»¹¹⁴.

Как отмечают современные исследователи, общая деградация промышленности и транспорта, нестабильность пролетарских рядов, ликвидация или сокращение крупных производств, «разжижение» рабочего класса в значительной степени разрушали «те внутренние «пружины», которые и определяют лицо класса, его облик»¹¹⁵. Стремительно идут процессы разрушения трудовой этики, следствием чего становится стремительный рост иждивенчества. Отдельные проявления наметившихся сдвигов отмечались современниками ещё в период существования Временного правительства, не способного ни понять, ни преодолеть их. Но особый размах ничем не прикрытого потребительства происходит уже потом, при большевиках. Как отмечал в феврале 1918 г. председатель Уфимского Совета М. А. Плотников, советские органы были завалены жалобами не от частных владельцев, а от профсоюзов и фабзавкомов на халатное отношение «несознательных» рабочих к своей работе. «Эта тёмная масса ещё до сих пор, – подчёркивал он, – озабочена только одним, как можно больше получать жалование»¹¹⁶. О том же несколько позже писал выдающийся отечественный учёный-металлург В. Е. Грум-Гржимайло. Вспоминая события революции и послереволюционного времени, он отмечал: «Наша революция, как всякая революция, в своей сущности была пугачёвщиной: «грабь награбленное», «мы больше не рабы, чтобы работать». Вот два исходных положения революции, которым свято верил народ». «Крестьян одумался скорее всего... – подчёркивал учёный, – хуже дело идёт с заводским народом, пролетариатом, как говорят сейчас». По мнению Грум-Гржимайло, за время революции рабочие совершенно отвыкли трудиться. Рабочие «много говорят о труде», все заборы в Советской России разукрашены изречениями, что «труд победит всё», но фактически заводской люд больше старался не преуспеть в работе, а «лодырничать, изловчиться и получить средства к жизни не за работу, а за лодыричество»¹¹⁷.

Характерным проявлением начавшейся моральной деградации в рабочей среде могут считаться события на Трубочном заводе, воссозданные до мельчайших подробностей в записках Струмилло. Поощряя откровенно уравнилельные настроения среди рабочих завода, большевики ещё до своего прихода к власти подстрекали массу неквалифицированных рабочих, которых на Трубочном заводе насчитывалось примерно две трети, требовать такую же заработную плату, какую получали опытные мастера. Рабочие запомнили эти призывы и, когда большевики оказались во главе государства, предъявили это требование новым властям. Большевики вынуждены были выплатить колоссальную сумму денег. Причём пришлось не только сравнить размер текущей заработной платы, но и выдать всю разницу зарплат с мая по октябрь. Экономически такой шаг был ничем не мотивирован и наносил большой урон казне¹¹⁸. Ситуация, складывавшаяся на Трубочном заводе, в определённом смысле «образцово-показательна». Похожим образом действовала рабочая масса, к примеру, на Петроградском метал-

лическом заводе, где чернорабочие 2 декабря 1917 г также предъявили «явно рваческие», по определению советской историографии, требования немедленно уплатить им по 12 руб. в день в расчёте с 5 июля 1917 г. По утверждению советских историков, причиной такого поведения была деятельность среди невежественных слоёв рабочих, пришедших на заводы в годы войны, со стороны контрреволюционных, читай – меньшевистско-эсеровских элементов¹¹⁹. Однако в действительности, не отрицая отдельные случаи пропагандистских выступлений право-социалистической оппозиции, приходится признать, что большевики попались в ловушку, которую сами же готовили для своих предшественников. Скорее, при оценке имевшей место ситуации, права не прежняя историография, а современный историк С. В. Яров, полагающий, что большевикам в этот момент пришлось столкнуться не столько с контрреволюционными настроениями, сколько с проявлениями стихийного большевизма масс. Но если прежде большевикам удавалось использовать его в своих интересах, то теперь он оказался направлен остриём против них самих¹²⁰.

Негативные явления распада народных традиций совестливого отношения к труду находили своё непосредственное выражение в падении дисциплины труда. Эта проблема также досталась большевикам от Временного правительства, но после Октября проблема борьбы за трудовую дисциплину быстро становится одной из центральных для выживания нового режима¹²¹. По сравнению со временем после Февральской революции, в первые месяцы существования Советского государства негативные явления в этой сфере усилились. Обстановка тех дней хорошо передана в воспоминаниях Струмилло на примере Трубочного завода. Поразившая предприятие агония открывала взгляду удручающее зрелище. Покидавшие цеха люди, ещё вчера «сознательные рабочие», прихватывали всё, что «плохо лежало»: части станков, инструменты, материал, срезали части приводных ремней, – словом, любую мало-мальски пригодную в личном хозяйстве вещь. Часть мастеровых и рабочих, понимавших, что гибель завода – это также их гибель, поскольку они лишаются всех средств существования, пыталась как-то организовать сопротивление разгрому. Но слушать увещевания никто настроен не был¹²². Среди проявлений недисциплинированности рабочих лидирующее положение продолжали занимать прогулы. По данным, собранным ЦК профсоюза металлистов в начале 1918 г., они составляли: 31% в Сормове, 42% в Мытищах, 50% в Коломне, в то время как в 1916 г. тот же показатель составлял в среднем всего 8 процентов¹²³. В кожевенной, деревообрабатывающей, текстильной промышленности были широко распространены кражи¹²⁴. О серьёзных масштабах воровства на текстильных предприятиях вынуждена была писать даже центральная большевистская пресса¹²⁵. Неблагополучно в этом отношении складывалась ситуация также на предприятиях пищевой промышленности. Хищения были широко распространены также в табачной промышленности. Не редкостью кражи были и там, где, по убеждению большевиков и прочих социалистов, концентрировались наиболее сознательные пролетарии – на металлургических и оружейных заводах¹²⁶. Широко распространены были случаи захватов рабочими предприятий, распродажи ими заводского имущества и готовой продукции с целью перераспределения вырученных средств между собой¹²⁷. Как писал в те дни М. С. Ольминский, многие рабочие мыслили простыми категориями: «поскорей бы урвать побольше и куда-нибудь уйти»¹²⁸.

Подрывали трудовую дисциплину и явления несколько иного рода. Прежняя советская историография справедливо, но подчас преувеличенно выискивала позитивные перемены в массовой психологии и поведении рабочих, вызванные революцией¹²⁹. Но происходили трудно обратимые перемены и совсем иного рода. На протяжении нескольких месяцев от февраля к октябрю 1917 г. заводские цеха словно превратились в рабочие клубы, где шли нескончаемой чередой собрания, конференции, проводились митинги. Многие проблемы, в том числе связанные с повышением своего материального достатка, рабочие привыкали решать, не фор-

сируя трудовые усилия, а митинговым напором, настолько уверовав в естественность такого положения вещей, что когда министр труда Временного правительства М. И. Скобелев попытался ограничить хотя бы деятельность в рабочее время фабрично-заводских комитетов, как мы помним, это вызвало настоящий шквал протестов со стороны рабочих. Находясь в оппозиции, большевики всячески поощряли рост «политизации» рабочих (за которой не так редко скрывалось элементарное нежелание работать).

После Октября если что-то и меняется, то совсем не в сторону стабилизации. Официальная пропаганда внушала рабочим мысль об их «классовой исключительности», твердила им, что теперь они – «победители», «новые хозяева страны». И рабочие охотно верили официальной пропаганде, увлекаемые потоком советских декретов и «правденских передовиц»¹³⁰. Вместе с тем складывавшаяся ситуация таила в себе для нового революционного режима немало опасностей. Очевидцы пишут о весьма превратном «понимании» многими рабочими себя в качестве «хозяев» своих предприятий. Даже в советской историографии происходившее нашло определённое отражение, получив название «митинговщины». Н. К. Крупская вспоминала: «Революция сбросила десятников, подмастерьев, вечно понукавших рабочих, ругавших их, дававших зуботычины. И рад был рабочий, что никто его не понукает, что, когда он устал, может он посидеть, покурить. В первое время заводские организации очень легко отпускали рабочих с фабрики на разные собрания. Помню такой случай. Пришла ко мне раз в Наркомпрос работница за какими-то справками, разговорились. Я ее спрашиваю, в какой она смене работает. Думала, в ночной, потому и могла прийти в Наркомпрос днем. «У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех дел домашних много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева». Теперь, когда 18 лет спустя рассказываешь это товарищам, им этот факт кажется мало правдоподобным, не характерным. А между тем для начала 1918 г. этот факт был характерен»¹³¹. Ещё более впечатляющую картину, царившую в то время, рисовал Струмилло. На приютившем его Трубочном заводе, как и на многих предприятиях города, в цехах целыми днями шли митинги. С утра до вечера все говорили и слушали тех, кто говорит, аплодируя оратору, выступавшему в данную минуту, забыв о предыдущем ораторе и одинаково хлопая и одобряя всех, кто готов был подстраиваться под настроения толпы. А настроение толпы было «рви, где можно и что можно», – иронично пишет Струмилло и добавляет: «и это в головах рабочих казалось повальным». Администрация Трубочного уже давно устранилась от происходящего на заводе, технический персонал также ни во что не вмешивался, чувствуя себя растерянным и неспособным повлиять на массу. «Да и кто бы их послушался? – задаёт риторический вопрос Струмилло. – В лучшем случае не обратили бы внимания, а то и обругали бы корниловцем и контрреволюционером»¹³².

Тесно связан с проблемой дисциплины на рабочем месте был вопрос качества и производительности труда. Один из руководителей экономической политики большевиков А. Ломов признавал, что ноябрь–декабрь 1917 г., а также начало 1918 г. были отмечены «значительным падением производительности труда»¹³³. Так, ощутимо по сравнению с дореволюционным временем упало производство винтовок на Ижевском заводе, в то время как на Сестрорецком заводе оно и вовсе прекратилось¹³⁴. В отдельные периоды 1918 г. снижалась производительность труда в главных железнодорожных мастерских Николаевской железной дороги¹³⁵. Пережив краткий период подъёма, к марту 1918 г. производительность труда снизилась на Охтинских пороховых заводах¹³⁶. С горечью отмечали падение производительности труда на своём предприятии рабочие Семянни-ковского завода¹³⁷. Определённое падение производительности труда наблюдалось в летние месяцы 1918 г. на заводе Новый Лесснер, в июне-августе того же года уменьшается производство продукции в связи с падением производительности труда на Сампсониевской мануфактуре. Отмечались тенденции снижения производительности труда на

Ликинской мануфактуре. Приходится признать, что подобного рода явления носили не эпизодичный, а всеобщий характер. В целом по стране падение производительности труда началось ещё после Февральской революции, как и другие негативные моменты развития промышленности усилившихся после Октября. Так, в 1917 г. производительность труда в промышленности составляла 67% от уровня 1913 г., а в 1918 г – 34%. Валовая продукция на одного рабочего в год в 1917 г. равнялась 1482,1 довоенных рубля, а в 1918 г. – уже 917,3, что составляло 61,9% от уровня 1917 г. По отдельным отраслям производства к 1918 г. картина падения индивидуальной производительности рабочих может быть показана следующим образом¹³⁸:

Таблица 4
Выработка на одного рабочего в день (в рублях 1913 г.) за 1913-1918 гг.

	1916	1917	1918
Горная и горнозаводская промышленность	5,06	2,88	2,24
Машиностроение	8,69	5,88	3,57
Обработка хлопка	7,05	5,16	4,20

Характерно, что сами рабочие хорошо понимали, чем в конечном итоге для них может обернуться собственная расхлябанность и безответственность. Так, на конференции фабрично-заводских комитетов Москвы было признано, что падение производительности вызывает сокращение производства, а следовательно, следующим этапом будет закрытие предприятий¹³⁹. Получался замкнутый круг – всеобщее разложение народного хозяйства, кризис промышленности напрямую вели к разложению рабочего класса, снижению ответственности рабочих, а также ухудшению показателей их работы, в первую очередь – производительности труда. С другой стороны, процессы, протекавшие в рабочей среде, не позволяли ставить задачи восстановления промышленности, расширения производства. Временное правительство заблудилось в лабиринте этих проблем, так и не сумев подобрать ключи к их разрешению. Не просто приходилось и советским властям. К этим двум проблемам добавлялась ещё и третья – материальный уровень рабочих. Его падение также было неизбежным следствием всеобщей разрухи и деградации промышленности. Падала выработка, естественно, сокращались возможности владельцев предприятий и государства поддерживать рабочих. Вместе с тем, не имея материальной заинтересованности, только на голом «революционном энтузиазме» рабочие не могли решать серьёзные производственные задачи, сочувственно относиться к разговорам о трудовой самодисциплине¹⁴⁰. По мере развития кризисных явлений в народном хозяйстве вопрос о жизненном уровне рабочих становится политическим.

Поддержав в Октябре большевиков, рабочие ждали от них эффективных мер, способных закрыть все волновавшие простых людей вопросы, по возможности – немедленно. И, действительно, первое время после установления Советской власти происходит некоторое улучшение жизненного уровня рабочих, прежде всего за счёт экстренных мероприятий победившего революционного режима. Важным фактором, обеспечивавшим рост благосостояния рабочих в эти месяцы, выступали изменения в области оплаты труда. Так, по сообщению прессы, к весне 1918 г. средний заработок рабочих на некоторых предприятиях Урала достигал 300 рублей¹⁴¹, тогда как прожиточный минимум составлял здесь 200 рублей¹⁴². Поднимались заработки, а также социальные выплаты рабочим и в других промышленных центрах страны, что стало одним из направлений политики новых властей¹⁴³. Рост оплаты труда рабочих мог происходить и опосредованно, например, за счёт отмены отчисления с заработков на содержание местных Советов, как это произошло в случае Белорецкого Совета рабочих депутатов после перехода его под контроль большевиков: все расходы на его содержание были переложены на буржуазию, которая обкладывалась специальной контрибуцией¹⁴⁴. Отчисляли предприниматели средства

и на содержание других пролетарских организаций, в том числе органов рабочего контроля, как это осуществлялось, например, на Инзерских заводах¹⁴⁵.

И всё же сохранявшаяся динамика упадка не могла позволить государству, пусть даже самому «революционному» и «пролетарскому», предотвратить негативное воздействие кризиса на материальное положение наёмных работников, благополучие которых полностью зиждилось на состоянии отечественной промышленности и транспорта. В первую очередь сокращение производства, закрытие предприятий, так же как это наблюдалось при Временном правительстве, вело к росту безработицы. Советские власти прилагали немало усилий по её предотвращению или хотя бы смягчению возможных негативных последствий. Так, на Урале уже в январе 1918 г.

при рабочей секции Уфимского Совета была образована комиссия по борьбе с безработицей. Кроме этого создавался специальный фонд для помощи безработным, формировавшийся преимущественно за счёт обложения торговцев и домовладельцев, а также добровольных отчислений рабочих и служащих. В целях обеспечения большей занятости при снижении рабочего дня вводилась трёхсменка¹⁴⁶. Аналогичные меры принимались в Смоленске, Нижнем Новгороде, Москве. Много делалось для помощи безработным в Петрограде. Так, 12 апреля 1917 г. СНК ассигновал дополнительные 100 млн рублей для преодоления безработицы в прежней советской столице. Ещё 6 млн рублей изыскал Петросовет. Для оптимизации учёта безработных и помощи им в поисках работы увеличивалось количество бирж труда. Если при Временном правительстве летом 1917 г. в России действовало всего 2 биржи труда, то в ноябре – 32, в декабре – 45, в январе 1918 г. – 67, в марте – 89, а в мае – уже 110¹⁴⁷.

Однако масштабы разрушения промышленности были столь велики, а рост безработицы в связи с этим столь стремителен, что предпринимаемых мер было явно недостаточно. Точных данных на этот счёт не существует. Разные органы, занимавшиеся учётом безработных и борьбой с безработицей, называли разные цифры. Так, московские профсоюзы исчисляли количество потерявших работу в 20 тыс. человек, районный экономический комитет – в 30 тыс., а Московский комиссариат труда называл цифру в 40 тыс. Оппозиционная пресса в те дни писала: «Ясно одно, безработица грозит принять невиданные ещё размеры, превратиться в народное бедствие. Демобилизованная армия и возврат военнопленных вернули и вернут ещё стране миллионы свободных рук. А навстречу этой волне поднимается другая: десятки и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых с фабрик и заводов, прекращающих производство. Под двойным ударом Брестского мира и социалистических опытов большевистской власти промышленность наша умирает, а вместе с тем рабочий класс обречён на тяжёлую безысходную участь безработного»¹⁴⁸.

Несмотря на противоречивость имеющихся в распоряжении историков данных, можно представить общую картину возникшей перед страной проблемы. Наркомат труда, обобщив информацию, полученную от 73 бирж труда, определял количество безработных в первые несколько месяцев 1918 г. в 305 614 человек¹⁴⁹. По данным оппозиции, весной 1918 г. насчитывалось примерно 310 000–324 000 безработных¹⁵⁰. Понятно, что уровень безработицы зависел от множества различных причин и различался по регионам. Вот как выглядело распределение безработных по различным регионам, согласно данным меньшевистских изданий¹⁵¹:

Таблица 5

Количество безработных по регионам России в апреле 1918 г.

Регион	Количество безработных
Московский	100 000
Петроградский	50 000
Дано-Кавказский	50 000
Поволжский	50 000
Урал	18 000
Западная Сибирь	10 000
Восточная Сибирь	6 000
Туркестан	7 000
Дальний Восток	3 600
Закавказье	15 000
Итого	309 600

Уровень безработицы различался не только по отдельным районам, но и по отраслям производства, меняясь с течением времени в зависимости от состояния рынка труда, как это отражено в следующей таблице¹⁵²:

Таблица 6
Динамика рынка труда по различным профессиональным группам в 1918 г.

Группы профессий	На 100 безработных приходится мест								
	Янв.–апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
Обработка металлов	22,5	24,4	44,2	53,0	87,2	92,6	115,3	105,9	95,9
дерева	38,1	55,0	111,6	125,3	149,2	165,4	169,9	150,2	139,0
животн. продуктов	26,0	27,9	64,3	82,7	75,7	74,6	63,8	53,5	92,0
волокон. веществ	24,9	15,0	27,2	15,3	45,7	67,3	55,3	70,8	51,3
минерал. веществ		14,4	31,4	18,7	84,4	38,2	57,0	275,6	100,0
Бумажн. и полиграф. производ.	10,4	45,1	111,3	158,4	111,7	73,6	59,1	59,8	100,8
Производ. пиш. прод.	36,5	25,1	75,3	72,3	84,2	94,5	77,8	160,8	71,0
Химич. производ.	8,1	1,4	22,6	42,4	29,7	42,5	46,7	73,8	63,0
Строит. работы	23,3	55,3	118,3	165,4	248,9	161,6	196,2	156,5	107,0
Производ. одежды	19,7	31,4	32,1	35,8	106,3	39,3	54,5	36,1	62,9
Торговля	16,3	24,6	26,6	16,7	21,7	16,6	16,8	0,9	28,1
Транспорт	49,3	50,9	119,1	85,0	111,3	92,0	102,8	248,7	122,0
Личное услужение	33,7	53,0	49,7	65,0	82,3	73,7	59,7	59,1	69,0
Сельск. рабочие	33,8	29,5	155,4	144,8	125,8	75,41	43,4	91,9	36,4
Гигиена	19,4	27,6	88,9	73,8	60,4	53,9	39,0	62,9	96,0
Свободные профессии	13,2	12,6	30,7	25,9	26,7	37,7	41,1	60,4	68,5
Контторские служашие	15,2	6,9	19,3	23,6	34,5	29,8	38,7	49,2	63,0
Горнорабоч.	54,8	62,0	130,8	126,7	146,3	113,1	129,1	113,0	150,3
Прочие профессии	27,7	28,6	73,8	93,1	55,0	51,0	52,4	54,9	71,9
Всего по группам	33,3	36,8	62,6	73,4	86,7	71,6	75,9	77,5	89,6

Как можно предположить, наиболее остро стоял вопрос с поиском нового места работы вплоть до середины лета 1918 г., иными словами, до принятия декрета от 28 июня о развёрнутой национализации крупной промышленности. Потом начинается медленный процесс нормализации положения с безработицей. Но состояние экономики в эти и последующие месяцы было столь плачевным, что даже сохранение работы не гарантировало рабочим минимального

достатка. По свидетельствам, которые обобщил Д. Ю. Далии, заработная плата к середине 1918 г. «стояла довольно низко»¹⁵³. Для ЦПР ситуация усложнялась другим обстоятельством – расценки здесь разнились не только в зависимости от отрасли, но и города, в котором находилось конкретное предприятие, что в ряде случаев вызывало конкуренцию между самими рабочими. Выше всего расценки были, понятно, в Москве – более 15 рублей в день, а уже в Московской области средняя дневная оплата составляла всего 11 рублей 73 копейки. Наиболее плохо труд оплачивался в Калужской и Владимирской губерниях – соответственно 9 руб. 76 коп. и 9 руб. 59 коп. в день¹⁵⁴. Как отмечалось в циркулярном письме Союза металлистов Тулы, «ввиду непрекращающегося обесценивания денег и продолжающегося возрастания цен на предметы первой необходимости реальная заработная плата отстаёт от с каждым днём возрастающих цен»¹⁵⁵.

К весне 1918 г. становится всё более и более осязаемой угроза голода. Особенно болезненная ситуация складывалась в Питере. Дезорганизация транспорта и саботаж продовольственного аппарата привели к частым перебоям в снабжении продовольствием. Например, 31 октября в Петроград было доставлено только три вагона с продовольствием и фуражом, 1 ноября – шесть, тогда как для удовлетворения потребностей города ежедневно требовалось 28 вагонов. Вспоминая события тех дней, С. Г. Струмилин писал: «Картофельная шелуха, кофейная гуща и тому подобные «деликатесы» переделываются в лепёшки и идут в пищу; рыба, например селёдки, вобла и т.п., перемальывается с головой и костями и вся целиком идёт в дело. Вообще ни гнилая картошка, ни порченное мясо, ни протухшая колбаса не выбрасываются. Всё идёт в пищу». По его подсчётам, при дневной норме для работника физического труда в 3600 калорий, а при минимальной в 2700 калорий, к началу лета по продовольственным карточкам давали продуктов, содержание калорий в которых еле дотягивало до 740, то есть 26-27% от нормы¹⁵⁶. Продовольственный кризис усугублялся в силу того, что большинство питерских рабочих имели гораздо меньшую связь с землёй и не могли рассчитывать на переход в деревню. «Начался голод, – делится своими переживаниями тех дней ещё один очевидец. – Всё трудней и трудней становилось получать продукты, а на советскую восьмушку жить было невозможно. Да и что это был за хлеб? По остроумному определению одного товарища – съешь в полминуты, а потом дела на целый день – декреты из зубов таскать. Работу получить нельзя, а в деревню уехать некуда, ибо у многих никакой деревни и не было, а делать что-то нужно было... И потянулся наш брат по матушке-России. Куда только не забросила судьба питерского рабочего, этот некогда цвет и руководящий элемент рабочего движения»¹⁵⁷.

Но неблагоприятно с продовольствием дела обстояли и в других регионах страны. Хронически недополучала хлеба Москва. Наряды на заготовку и доставку хлеба в город выполнялись с большим напряжением усилий и на очень низком уровне. Вот цифры, которыми в середине 1918 г. оппозиция могла пользоваться как настоящим информационным оружием против бессильного снабдить продовольствием в достаточном объёме даже столицу большевистского режима:

Таблица 7

Погрузка хлебов для Московской области в % к наряду

1917	
Сентябрь	60,3
Октябрь	50,5
Ноябрь	28,7
Декабрь	8,8
1918	
Январь	10,2
Февраль (14–28)	21,6
Март	22,0

Как видно из приведённой таблицы, наиболее плохо выполнялись наряды по снабжению Москвы хлебом в декабре 1917 г., а также в январе 1918 г. В дальнейшем обстановка несколько нормализовалась, но оставалась критической, и это несмотря на то, что с прекращением войны общий план заготовок по стране сократился с 60–65 млн пудов в месяц до 30—35 млн пудов, и, следовательно, можно было бы ждать, что степень его выполнения существенно возрастет. Но этого так и не произошло¹⁵⁸.

Особенно обострилась в целом по стране ситуация с продовольствием весной 1918 г., когда продовольственные ресурсы центральных губерний иссякли, а богатые хлебом восточные и южные районы оказались под властью интервентов и контрреволюции. В докладе Наркомпрода 9 мая 1918 г. констатировалось, что большая часть запасов товарного хлеба урожая 1917 г. находилась за пределами Советской Республики, в центральных земледельческих районах находилось лишь 52 млн пудов, или 6% товарного хлеба. Немногим лучше обстояло дело с урожаем 1918 г.: в пяти производящих губерниях Советской России хлебных излишков насчитывалось около 113 млн, чего не могло хватить даже для полуголодного существования. Положение с продовольствием немедленно сказалось на жизни рабочих. В октябре и ноябре 1917 г. в Иваново-Вознесенском и Кинешемском районах выдавалось по 10 фунтов хлеба на едока, а в декабре – по четыре. В весенние месяцы отсюда по линии Наркомпрода сообщали, что выдача пайка производится из расчета два, максимум три фунта на едока в месяц, но даже при такой норме хлеб неделями не выдавался. Из текстильного края в Центр летели телеграммы, содержание которых было подобно приговору: «Хлеба нет. Население голодает»¹⁵⁹.

В среднем в марте-апреле 1918 г. в ЦПР потребление калорий в пище на одного взрослого члена рабочей семьи в дневном рационе было ниже на 1571 калорию, чем у рабочих производящих губерний¹⁶⁰, но даже на благополучном Урале поступь революции в продовольственном вопросе становится всё более и более отчётливой. Уже в конце 1917 г. Уфимский губпродкомитет сигнализировал, что в губернии ощущается недостаток хлеба и неравномерность его распределения¹⁶¹. Нехватка хлеба и других продуктов питания вызвала лавинообразный рост цен. Так, в Вятке после известия о падении Временного правительства фунт хлеба в вольной продаже ежедневно дорожал на 3–5 коп., достигнув цены 65–70 коп. Молоко подорожало на полтора рубля за четверть и стало недоступным для многих рабочих. Цена масла поднялась до 5,5 руб., десяток яиц стал стоить 2,2 руб., кочан капусты – около рубля. Весной 1918 г. фунт хлеба продавался уже по рублю, а то и по полтора, десяток яиц стоил 4,5 руб. Хлебный паёк снизился теперь до 0,5 фунта в день на человека, но для того, чтобы быть уверенным в его получении, приходилось вставать в очередь, знаменитые «хлебные хвосты» тех лет, затемно, за несколько часов до открытия лавок. Примерно также развивалась ситуация и в других городах Урала. Так, в Перми цены на ржаную муку летом 1917 г. составляли 9 руб. за пуд, а в декабре равнялись уже 17,5–19 руб., в Екатеринбурге в то же время пуд пшеничной муки стоил 21 руб. Государство уже не справлялось с регулированием и насыщением хлебного рынка, было бессильно снабдить население нужным количеством продуктов. Например, в Ирбите уже в декабре 1917 г. продовольственная управа выдавала вместо положенных 25 фунтов хлеба лишь 8 фунтов¹⁶². Кризис снабжения продовольствием был одной из центральных тем на 2-м областном съезде по управлению национализированными предприятиями Урала 14–22 мая 1918 г. Выступая на нём, делегат от Богословского горнозаводского округа следующим образом обрисовал сложившуюся у них ситуацию: «Мяса, крупы и картофеля в округе совершенно нет ... острота продовольственного кризиса дошла до того, что пришлось перемалывать на муку овес, обрекая таким образом на голодную смерть лошадей округа, и этим овсяным хлебом, похожим более на навоз, чем на хлеб, так как за неимением на местной мельнице специальных обдирочных машин мука получается перемешанной с остью и шелу-

хой, – население питалось в продолжение двух последних месяцев»¹⁶³. На некоторых заводах запасов хлеба к этому времени оставалось ровно столько, чтобы прокормить рабочих в течение двух недель¹⁶⁴. Заведующий отделом продовольствия городского и горнозаводского населения отдела снабжения при Уфимском губсовете в марте 1918 г. признавался: «Мы не сможем дать хлеба пролетарскому населению в достаточном количестве», и добавлял, что с «предстоящей распутицей необеспеченному населению угрожает голод»¹⁶⁵.

5. Деятельность фабзавкомов в новых условиях

Первые недели стали для послеоктябрьского режима временем наиболее полного проявления всех форм рабочего самоуправления и их поддержки со стороны большевистского государства. Особенно широкое развитие в первые месяцы после Октября получили фабрично-заводские комитеты, как наиболее приближенные к трудовым коллективам¹⁶⁶.

Прежде всего продолжается образование фабзавкомов на тех предприятиях, на которых до Октября они отсутствовали, как это происходит, в частности, на Крапивенском кожевенном заводе Тульской губернии, на Тульской сельхозфабрике бр. Головиных, а также на некоторых других предприятиях Тулы, Костромы, других городов¹⁶⁷. Весьма показательное сообщение Костромского совета рабочего контроля Совету народных комиссаров, показывающее заинтересованность в поддержке этих процессов со стороны местных органов революционной власти. В нём, в частности, говорилось: «Непосредственно по изданию декрета о рабочем контроле в Костроме совет профсоюзов с согласия Совета рабочих и крестьянских депутатов немедленно приступил к организации и практическому осуществлению контроля на местах. В течение 1-2 недель был создан центральный орган – Совет рабочего контроля и на местах в каждом торговом, кооперативном и промышленном предприятии, во всех фабриках и заводах организованы контрольные комиссии из рабочих и служащих... Со стороны предпринимателей сопротивление не предвидится»¹⁶⁸.

Наиболее распространённым направлением работы и для уже существовавших фабзавкомов, и для вновь возникающих оставалась снабженческая деятельность.

Проблема эта решалась, в частности, Центральным заводским комитетом Тульского патронного завода. На его заседании 18 марта 1918 г. обсуждались частые перебои с нефтью и углём. Отмечалось, что если с нефтью, несмотря на «расстройство транспорта», вопрос решить можно, то «что касается угля, то дело обстоит ещё хуже», так как «Гражданская война окончательно подорвала доставку угля». Ситуация усугубилась начавшейся на заводе конверсией¹⁶⁹. Те же вопросы стояли и перед рабочим комитетом другого тульского гиганта – Оружейного завода. На заседании 17 апреля 1918 г. Центральный заводской комитет завода рассматривает отчет своего представителя Осташева о его поездке в Саратов за нефтью. Посланная в Саратов прежняя делегация рабочих вернулась ни с чем – нефть, заготовленная для завода, оказалась реквизированной. Осташев настаивал на создании в Саратове специального представительства от завкома, чтобы контролировать снабжение нефтью, что и было постановлено сделать¹⁷⁰. Несколько позже, 1 июля 1918 г., ЦЗК ТОЗ обсуждалась проблема острой нехватки стали.

Было выяснено, что на Ижевском заводе имеется её излишек, после принятых мер угрозы остановки вновь удалось снять¹⁷¹.

Часто снабженческая деятельность становилась предметом сотрудничества между различными фабзавкомами. Так, фабзавком Шуйско-Тезинской мануфактуры 26 января 1918 г. постановил удовлетворить «запрос об отпуске пряжи комитету фабрики Л. П. Важнова»¹⁷². Следующим уровнем сотрудничества становится обсуждение вопросов снабжения городскими и районными конференциями фабзавкомов. Остро стоял вопрос о снабжении предприятий

топливом на II майской конференции органов рабочего самоуправления Костромы. На ней факты недостатка сырья и примеры успешного решения фабзавкомы топливно-сырьевой проблемы подвергались всестороннему анализу и обсуждению¹⁷³. В центре внимания снабженческая деятельность оказалась на VI делегатском собрании фабзавкомов Иваново-Кинешемской области. Оно проходило с 25 по 27 августа 1918 г. и собрало 367 человек с правом решающего и 7 с правом совещательного голоса. Центральным на совещании стал доклад председателя губсовнархоза С. К. Климохина о состоянии дел с основным для области видом сырья – хлопком. Положение было настолько тяжёлым, что докладчик предложил сконцентрировать усилия лишь на сохранении наиболее жизнеспособных предприятий, поскольку всё равно «спасти всю промышленность невозможно»¹⁷⁴.

Фабзавкомам приходилось брать на себя заботу не только о снабжении сырьём, но и о его качестве. Так, на совещании завкома Московского металлического завода в последних числах ноября 1917 г. в докладе о «состоянии материалов на заводе» указывалось, что «тульский ... чугун не соответствует ... назначениям». Было решено откомандировать в Тулу за качественным чугуном члена завкома Скачкова. Взял под свой контроль качество поступающего на фабрику сырья и фабком прядильного предприятия товарищества Ясунинских Иваново-Кинешемской области¹⁷⁵.

Под контролем рабочих комитетов оставалось также продовольственное снабжение. Рабочий комитет фабрики Севрюгова Иваново-Кинешемской области для обеспечения рабочих продуктами питания установил прямые контакты с крестьянством. Фабзавком Шуйско-Тезинской мануфактуры с той же целью принял решение об отпуске рабочих с предприятия на самостоятельную уборку хлебов. Решали продовольственный вопрос и фабзавкомы фабрик т-ва Полушина и других предприятий¹⁷⁶.

Контроль над снабжением предприятий служил важной школой для рабочих, позволял осваивать основы управленческой деятельности, приобретать навыки руководства предприятием в целом, поскольку нередко заставлял выходить на общие вопросы управления производством. Так, когда на заводе «Динамо» сложилась критическая ситуация и обеспечить завод топливом и сырьём в полном объёме уже не представлялось возможным, завком решился на радикальные меры. Учитывая позицию рабочих завода и по согласованию с государственными организациями, фабзавком приступил к проработке мер по проведению производственной реконструкции. Шаг этот был достаточно ответственным, поскольку речь могла пойти о сокращении и даже о полном прекращении производства¹⁷⁷.

Постепенное овладение навыками управления в условиях кризиса рыночных инфраструктур демонстрировал завком Московского металлического завода. Проверка, проведённая комиссией продажи, выявила на заводе излишек металла в 30 тыс. тонн. В то же время завод испытывал острый недостаток в финансах. 2 декабря 1917 г. этот вопрос пришлось выносить на общее собрание рабочих. После обсуждения было поручено завкому реализовать имеющиеся излишки, «с наказом продать только пролетарским организациям». Успехи в снабженческой деятельности уже 7 числа того же месяца позволили завкому завода Гужона обратиться в Военно-революционный комитет Москвы с просьбой назначить на предприятие новое правление, в котором бы половину мест получили рабочие. Подобные факты красноречиво говорят о важной роли этой формы деятельности для становления органов рабочего самоуправления и после Октября¹⁷⁸.

Ещё одним участком деятельности фабзавкомов оставалась борьба за поддержание производства и производительности труда, как это имело место на Куваевской мануфактуре, а также на фабрике Морокина, где фабком ведал вопросами ремонта оборудования и переходом на выпуск новых тканей на целом ряде других предприятий¹⁷⁹. С возмущением сохранить производство обратился к цеховым рабочим комитетам своего предприятия ЦЗК Тульского

оружейного завода. В нём говорилось: «В интересах цеховых комитетов, как рабочих организаций, первым по важности должен стоять вопрос оставить предприятие работающим и ни в коем случае не допускать то или иное предприятие к закрытию. К тому же в заводском комитете имеется телеграмма, в которой ясно указано, что если производительность на заводе поднята не будет, то Оружейный завод может быть закрыт»¹⁸⁰. Благодаря активной позиции фабзавкома, на фабрике Каретникова к январю 1918 г. удалось не только сохранить производство, но и добиться его расширения. Старался «всеми силами и средствами поддержать и поставить на должную высоту» работу своего предприятия фабзавком фабрики А. Каретникова, о чём не без гордости им сообщалось в одном из писем в правительственные органы. По признанию экспертов, деятельность фабзавкома фабрики действительно увеличила интенсивность труда и способствовала выживанию предприятия¹⁸¹.

Необходимость поддерживать производительность труда напрямую выводила фабзавкомы на проблему квалификации работающих на предприятии. На августовском делегатском собрании иваново-вознесенских фабзавкомов было принято решение «провести разгрузку фабрик от пришлых элементов и зажиточного крестьянства». Очистить предприятие от деревенских элементов, которые и так могут прокормиться на земле, было решено на Тульском патронном заводе. Под руководством Союза металлистов вёл работу по «разгрузке» завком Тульского оружейного завода. В декабре 1917 г. эти меры были закреплены в решениях Тульского совета ФЗК, предпринимавшего все возможные меры, чтобы не допустить чрезмерной безработицы и голода. В его рекомендациях предприятиям города было так и записано: «уволить крестьян, которые могут жить за счет земли», а заодно и «торговцев, поступивших на завод во время войны»¹⁸².

Бедственное состояние фабрик и заводов заставляло ФЗК налаживалась деятельность по поддержанию чистоты, порядка и гигиенических норм на рабочих местах. На Шуйской фабрике Посылина рабочие постоянно болели из-за разбитых окон. Им пришлось обратиться в фабком. Их ходатайство было рассмотрено 7 ноября 1917 года. Комитет постановил удовлетворить претензии рабочих и мастеровых и довести до администрации, «чтобы она постаралась распорядиться вставить окна в заводских рамах в кратчайший срок, иначе невозможно работать, ибо страшный холод и сквозняк». На Тульском оружейном заводе 6 августа 1918 г. разбиралась другая проблема, – рабочие одного из цехов жаловались, что пропало освещение, а электромонтер не исправляет провод, и работу приходится заканчивать преждевременно¹⁸³. Чуть раньше, 2 августа, ЦЗК ТОЗ пришлось решать вопросы противопожарной безопасности¹⁸⁴. Если пожары предотвратить не удавалось, фабзавкомы организовывали их тушение, как это случилось 5 августа на Пулеметном заводе Тулы¹⁸⁵.

В поле деятельности фабзавкомов оставалась не только производственная, но и бытовая сторона жизни рабочих. Среди причин, заставлявших органы рабочего самоуправления подключаться к решению чисто бытовых проблем, на первом месте сохранялось бедственное положение рабочих, ставившее перед ними необходимость сообща выстраивать коллективные стратегии выживания в условиях острого кризиса. Отвечая на запросы рабочих, на Тульском оружейном заводе, Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре, а также на некоторых других предприятиях региона на первом месте оставалось регулирование фабзавкомками заработной платы¹⁸⁶. На Судаковском заводе фабком добивался одинаковых со всеми рабочими прав оплаты труда для бондарей, а также замены должностей, временно занимаемых военнопленными, русскими рабочими для сокращения безработицы в металлопромышленном крае¹⁸⁷. Фабричные комитеты ряда тульских предприятий решали вопросы оплаты надомного труда. Те же вопросы рассматривали и руководящие структуры фабзавкомовского движения¹⁸⁸.

Среди прочих задач социально-бытового характера фабзавкомы продолжали заниматься больничным обеспечением рабочих, как это было на Оружейном тульском заводе. В их ведении находились социальное страхование и социальное призрение. Фабзавкомы обеспечивали рабочих жильём. Продолжали вмешиваться они и в регулирование рынка труда, что видно по активности в этой области рабочего комитета патронного завода Тулы, льноткацкой фабрики А. И. Сорокина в Иваново-Вознесенске и некоторых других предприятий¹⁸⁹.

Рассматривали фабзавкомы и вопросы культуры и досуга рабочих. Регулярно проблемы просвещения и досуга рабочих обсуждались фабзавкомом Судаковского завода. Первостепенное значение культурно-просветительской работе придавал завком завода Гужона. Курировал органы образования при предприятии рабочий комитет Тульского сахарорафинадного завода, обратившийся к Главсахару с ходатайством о покупке учебников за счет культурно-просветительской комиссии и ассигновании на эти цели 7000 рублей. Часто фабзавкомы организовывали курсы, лекции и другие подобные мероприятия собственными силами. Так, культурно-просветительская комиссия Судаковского завода обратилась к рабочим предприятия с просьбой оповестить всех «неграмотных рабочих» об открытии специальных курсов. На занятия могли ходить как работающие на заводе, так и члены их семей¹⁹⁰.

После Октября ЦС ФЗК разослал на места анкету, целью которой было выяснить направленность культурно-просветительской работы фабзавкомов. В конце февраля 1918 г. было получено несколько ответов. Удалось выяснить, что многие рабочие комитеты позаботились создать на своих предприятиях библиотеки для рабочих. Так, в библиотеке завода «Быстроход» имелось около 200 книг, в библиотеке на Петроградском вагоностроительном заводе имелось около 800 книг, а библиотеке Государственного фарфорового и стекольного завода – более 3 тыс. книг. Книги для заводских библиотек закупались на деньги рабочих комитетов или самих рабочих. На некоторых предприятиях вопросы культурно-просветительской работы решались комплексно. На Петроградском вагоностроительном заводе, к примеру, помимо библиотеки существовал любительский театр с режиссёром-профессионалом. Любительские рабочие театры были и на некоторых других заводах, таких, как завод «Скороход». Культурно-просветительская деятельность находилась в центре внимания не только на крупных, но даже на сравнительно небольших предприятиях. Так, на заводе Растеряева, на котором работало всего 43 человека, действовала культурно-просветительская комиссия, был организован клуб, занимавший отдельную комнату, и библиотека, располагавшая 100 экземплярами книг¹⁹¹.

*То внимание, которое фабзавкомы отводили культурно-просветительской деятельности, свидетельствует, что рабочие вовсе не были классом, не способным к самобытной и самостоятельной культурной деятельности*¹⁹².

Несколько слов следует уделить также такому направлению культурной деятельности фабзавкомов, как взаимоотношение с церковью. Учитывая настроения рабочих, тактика фабзавкомов здесь разительно отличалась от воинственной позиции революционной власти в Москве. В этом смысле показательна уравнищенность, с которой подошёл к этому вопросу завком Оружейного завода Тулы. Им была заслушана письменная просьба протоиерея Кутепова собрать процентные отчисления на нужды собора. Так как, по утверждению протоиерея, большинство молящихся в соборе составляли рабочие завода, он видел целесообразным прямое финансирование собора со стороны рабочих организаций и дирекции.

Обсудив ходатайство, завком постановил: «Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания принтов и храмов на коллективы прихожан на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор».

Некоторое время спустя, когда вопрос о причте обсуждался в связи с приказом о расформировании военного духовенства, дело приняло иной оборот. Отметив, что «церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины», а также то, что причт работает не только в самой церкви, «но и непосредственно в мастерских», решено было «выделить ему оплату как всякому служащему»¹⁹³.

Как мы видели выше, одной из наиболее важных особенностей дооктябрьского фабзавкомовского движения была сильная объединительная тенденция внутри него. Процессы интеграции продолжались и после революции, хотя и подпали под массивное воздействие со стороны государства. В это время продолжали действовать старые и возникать новые структуры, укреплявшие единую общенациональную систему органов рабочего представительства.

Прежде всего это относится к региональным центрам фабзавкомовского движения. Их значение в системе органов рабочего производственного самоуправления может быть показано на примере Губернского Совета ФЗК Тулы. При ТГС ФЗК было образовано три отдела: статистический, контрольный и по демобилизации. В частности, статистическим отделом было подготовлено подробное анкетирование предприятий губернии по 41 вопросу¹⁹⁴. ТГС ФЗК занимался очень широким кругом проблем. Так, на одном из общих собраний Совета, проходившем совместно с представителями от земства и Союза крестьянских товариществ, рассматривался вопрос регуляции рынка сельхозмашин. Выступавший на собрании с докладом по этому вопросу Лебединский подробно проанализировал спрос и цены на подобного рода продукцию, их динамику и причины колебаний рыночной конъюнктуры. Занимался Совет фабзавкомов вопросами предотвращения безработицы, улучшения социально-бытового положения рабочих, культурно-просветительской деятельностью¹⁹⁵. О действенности принимаемых ТГС ФЗК мер можно судить на основе доклада члена Совета ФЗК Кислякова, который на совместном заседании ТГС ФЗК от 31 декабря 1917 г. сообщал о ликвидации кризиса на Тульском железопрокатном заводе. Из-за отказа заказчиков выкупать продукцию завода, на нём скопились огромные залежи кровельного железа. В то же время на скобяных фабриках города, наоборот, из-за нехватки металла возникла реальная угроза закрытия. В результате посредничества ТГС ФЗК ситуация и на Тульском железопрокатном заводе, и на скобяных фабриках была урегулирована¹⁹⁶.

Аналогичной деятельностью занимались центральные советы ФЗК Иваново-Вознесенска и Объединенное бюро ФЗК Шуи. В частности, ОБ ФЗК Шуи организовывало снабжение предприятий продуктами питания, причём не отказываясь от сотрудничества по этому вопросу с Шуйским Обществом фабрикантов и заводчиков, о чём сохранились документы в фондах последнего¹⁹⁷.

Важную роль в развитии фабзавкомовского движения выполняла центральная фабзавкомовская печать. Прежде всего, это касается журналов «Новый путь» и «Рабочий контроль», подробно освещавших вопросы рабочего самоуправления.

На страницах журналов публиковалась полезная для активистов-фабзавкомовцев информация: постановления правительства, Советов народного хозяйства, декреты, образцы уставов. Значительное место на их страницах занимали материалы Ю. Ларина, Е. Рубина, Б. Фрумкина, И. Кана, Г. Торчинского и др. Главное, что объединяло все эти материалы, это адресат, которому они предназначались, - низовые органы рабочего самоуправления, *фабзавкомы*. В одном из номеров «Нового пути» по этому поводу так и говорилось: «Каждый фабрично-заводской комитет и каждый районный Совет должен быть подписчиком своего журнала». Кроме того, рабочие корреспонденты были желанными гостями на страницах журналов, которые напрямую обращались к своим читателям и потенциальным авторам: «Каждый рабочий, борющийся за рабочий контроль, должен сотрудничать в «Новом пути», – читаем на страницах одного из них. – Пишите, товарищи, не стесняйтесь формой и изложением». Редакции журналов были

также тем местом, куда каждый рабочий, каждый член фабзавкома мог обратиться со своими заботами и получить методическую литературу и помощь специалистов. Объявления об этом печатались на страницах журналов¹⁹⁸.

Свою роль на рубеже 1917-1918 гг. сыграл и образованный в самый канун Октябрьской революции на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов Центральный совет ФЗК. Так, большая заслуга принадлежит ЦС ФЗК в подготовке целого ряда декретов и постановлений Советской власти, в частности Декрета ВЦИК и СНК об учреждении ВСНХ. Активно сотрудничал Центральный совет фабзавкомов с различными советскими органами власти при организации снабжения продовольствием, разгрузки крупных городов от избытка рабочей силы, национализации и других важных общегосударственных начинаниях. Однако основной задачей ЦС ФЗК становится распространение рабочего контроля и поддержка рабочих комитетов там, где они возникают. ЦС ФЗК разрабатывал различные правила, пособия, а также инструкции, важнейшей из которых становится декабрьская инструкция о рабочем контроле – один из наиболее ярких документов своего времени. Даже на фоне общего радикализма эпохи инструкция о рабочем контроле ЦС ФЗК отличается своей революционностью и безусловной верой в социалистический потенциал русского рабочего. Занимался ЦС ФЗК и решением многочисленных текущих задач, то и дело возникавших перед недостаточно опытными активистами фабзавкомовского движения на местах. Во многих случаях ЦС ФЗК приходилось непосредственно вмешиваться в возникавшие конфликты либо ходатайствовать перед государственными органами о национализации (секвестре) предприятий, где складывалась особенно тревожная ситуация.

6. Основные тенденции развития фабзавкомовского движения после Октября

Знакомясь с многочисленными и выразительными свидетельствами деятельности органов рабочего самоуправления после Октябрьской революции, исследователь неизбежно сталкивается с непростым вопросом: насколько наиболее значимые факты рабочего контроля характерны для всех предприятий отрасли, региона страны? Ответ на этот вопрос во многом зависел и до сих пор зависит от мировоззренческой позиции того или иного автора, что далеко не всегда способствует выявлению истины. Постараемся посмотреть на развитие фабрично-заводских комитетов в послеоктябрьский период без ставших уже привычными идеологических штампов и напластований. Какие же закономерности определяли лицо фабзавкомовского движения на новом этапе его развития?

Первое, на что обращалось внимание в предшествующей историографии, это существование двух этапов в развитии органов рабочего контроля после установления Советской власти, о чём вскользь было упомянуто выше. Первый период охватывал довольно спокойные в плане развития рабочего движения ноябрь 1917 г. – март 1918 г. Следующий этап приходится на апрель-август 1918 г. Эти месяцы становятся тяжёлым испытанием прочности «стратегического партнёрства» между большевиками и классом, объявленным ими своей социальной базой, то есть рабочими. С апреля 1918 г. в стране вновь возрастает протестная активность, растёт число стачек, прочих трудовых конфликтов и массовых выступлений рабочих, что сказывается на характере всего рабочего движения, в том числе на процессах развития фабзавкомовского движения.

Первый этап послеоктябрьского развития фабзавкомов с ноября 1917 г. по март 1918 г. характеризовался целенаправленным обоюдным стремлением наладить взаимодействие между новым революционным государством и органами рабочего самоуправления. В целом темпы фабзавкомовского строительства этого времени нашли отражение в материалах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Общий спад рабочего активизма, что было вызвано

удовлетворённостью рабочих результатами Октябрьской революции, привёл к замедлению темпов фабзавкомовского строительства: если до октября в среднем в месяц образовывалось 239 комитетов, то в этот период этот показатель снижается до 222 (227). Позже, на втором этапе с апреля по август 1918 г. темпы фабзавкомовского строительства снова несколько возрастут – в эти месяцы возникло до 227 фабрично-заводских комитетов в месяц¹⁹⁹.

Из отраслей производства в первые месяцы после Октября наиболее быстро органы рабочего самоуправления развивались в кожевенной промышленности. В ноябре 1917 г. – марте 1918 г. у кожевников возникло 207 фабзавкомов, в то время как на предприятиях металлургической и машиностроительной отраслей – только 167. С марта 1918 г. по август 1918 г. наибольшие темпы фабзавкомовского строительства наблюдались в пищевой промышленности. Здесь за этот период был создан 381 фабрично-заводской комитет. Высокие темпы фабзавкомовского строительства наблюдались в меховой, обувной, лесной, химической и некоторых других отраслях промышленности. В региональном плане наиболее быстрое развитие фабзавкомов наблюдается на Севере России, в Центрально-Чернозёмном и Вятском районах. Но в абсолютном выражении наибольшее количество вновь созданных фабзавкомов приходится на ЦПР: в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. здесь их возникает 556, а с марта по август 1918 г. – 401²⁰⁰.

Если же говорить об общих итогах развития органов рабочего представительства в первые месяцы после Октября, то его характеризуют следующие показатели: в Московской области уже к 1 марта 1918 г. из 326 обследованных предприятий только 7% не были охвачены органами рабочего самоуправления и контроля. В целом по России фабзавкомы функционировали на 84,6% обследованных фабрик и заводов с числом работающих от 200 до 500 человек, а контрольно-хозяйственные комиссии – на 62,4%. На предприятиях с числом работающих от 500 до 1000 соответствующие показатели составили 88,3% и 75,8%; на предприятиях с количеством рабочих от 1000 до 5000 – соответственно 92,3% и 83,4%. Что же касается промышленных гигантов, где число рабочих превышало 5 тысяч, фабрично-заводские комитеты существовали везде. Наибольшее количество органов рабочего самоуправления действовало в текстильной промышленности – 843; пищевой промышленности – 735; машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности – 662; кожевенной, меховой и обувной промышленности – 542; деревообрабатывающей – 422. На момент начала развернутой национализации в стране действовало 4398 фабрично-заводских комитетов и 2371 контрольно-хозяйственная комиссия. Из них 2412 фабзавкомов и 1604 комиссии действовали в Московском промышленном районе²⁰¹.

Постепенно, однако, под воздействием внешних условий, начинает меняться и лицо фабзавкомовского движения. Характерной особенностью фабзавкомовского строительства после революционного времени, важность которой трудно переоценить, было смещение основного вектора развития фабзавкомовского движения: если прежде оно развивалось среди наиболее передовых групп пролетариата, то теперь фабзавкомы возникают в основном *на мелких* предприятиях с числом рабочих до 50 человек. С ноября 1917 г. по март 1918 г. на них возник 521 фабрично-заводской комитет, или 31,9%. В последующий же период их количество увеличилось ещё на 674 фабзавкома, или на 41,3%. Такими же темпами на мелких предприятиях шло образование специальных органов рабочего контроля. Из общего количества фабзавкомов, известных по переписи 1918г., треть действовало именно на предприятиях с числом работающих до 50 человек.

На крупных предприятиях картина была прямо противоположной. Здесь темпы образования новых фабзавкомов резко падают. Так, согласно опять же промышленной переписи 1918 г., на индустриальных гигантах с числом рабочих свыше 5000 человек к окончанию первого года «диктатуры пролетариата» действовало 23 фабзавкома и 22 контрольные комиссии. В пер-

вые месяцы после Октября из этого числа было образовано только 3 новых фабрично-заводских комитета и 13 контрольных комиссий. После же марта на крупных предприятиях фабзавкомы вообще больше не образовывались, а контрольных комиссий возникает всего две. Таким образом, хотя перепись *не охватила всех* заводов и фабрик Европейской России, очевидно, что *количественный ресурс органов рабочего самоуправления на предприятиях этого типа был исчерпан*.

На заводах с числом рабочих от 1001 до 5000 до стопроцентного охвата органами рабочего самоуправления было ещё далеко, но и там темпы фабзавкомовского строительства после Октября начинают падать. В ноябре 1917 г. – марте 1918 г. на них возникло только 23 фабзавкома (10,6% от общего количества), а с марта по август -10(4,6%).

Более высокие, чем на промышленных гигантах, но по сравнению с мелкими промышленными заведениями также весьма незначительные темпы образования органов рабочего самоуправления установились на средних предприятиях с числом рабочих от 201 до 500 человек. В ноябре 1917 г. – марте 1918 г. на них организовано 78 фабзавкомов, или 15,3%, а по август 1918 г. всего 62 фабзавкома (12,1%). Аналогично дело обстояло на предприятиях, где численность рабочих колебалась от 500 до 1000 человек. Здесь из 227 существовавших на них фабзавкомов с ноября 1917 г. по март 1918 г. было создано всего 19 комитетов (8,4%) и ещё меньше – 14 комитетов (6,1%) с марта по август 1918 г.²⁰².

Само по себе это, конечно, ещё не говорило о том, что фабзавкомовское движение исчерпало себя. Общий его рост продолжался, а весной-летом 1918 г., как было уже отмечено, даже увеличился по сравнению с периодом с ноября 1917 г. по март 1918 г. А если посмотреть на развитие ФЗК не только с количественной точки зрения, но и с точки зрения изменений организационной структуры и овладения новыми формами деятельности, то противоречивость развития фабзавкомовского строительства после Октября станет ещё очевидней.

Об этой стороне развития фабзавкомовского движения можно судить по ряду дополняющих друг друга источников.

Во-первых, это факты осуществления в послеоктябрьский период рабочего самоуправления на конкретных предприятиях. Помимо приведённых выше, нами было проанализировано ещё около 80 фактов, упоминаемых в литературе, и около 340 по архивным источникам. Эти данные охватывают примерно 110 заводов и фабрик ЦПР, или около 2% от общего количества находящихся в нем предприятий, исследованных во время переписи 1918 г., и около 5% от тех из них, на которых к концу изучаемого периода действовали фабзавкомы. Репрезентативно выборка также соответствует общим показателям по промышленным заведениям ЦПР: около 50% рассматриваемых фактов рабочего самоуправления и контроля приходятся на мелкие предприятия, около четверти - на предприятия с количеством рабочих до 500 человек. Ряд случаев рабочего вмешательства в управление производством отмечено в этом период для таких гигантов, как «Динамо», Московский металлический завод, Ликинская мануфактура и др. В основном речь идет о заводах и фабриках, расположенных в Москве, Иваново-Вознесенске, Туле, Шуе, Кинешме, а также Нижнем Новгороде, Сормове, Рязани, Ярославле, Смоленске, Владимире, Покрове, Кулебаках, Вичуге, Костроме, Юрьеве-Подольске, Тейкове, Коврове, Тынцове, Калуге, Коломне, Выске, Кохме, Подольске, Богородске, Рыбинске, Серпухове, Твери, Орехово-Зуеве, Раменском, на станциях Химки, Икша и др.

Анализ этого материала показывает, что наиболее частыми, до 45%, были случаи рабочего самоуправления, связанные со снабжением предприятий, затем шла культурно-просветительская деятельность – 15% случаев, участие в найме и увольнении может быть отмечено в 6%, а в контроле над финансами предприятия – в 3% случаев. Эпизодов переориентации производства, осуществлённого фабзавкомами, в архивах удалось найти вообще не более 2% от общего числа проявлений производственного самоуправления рабочих. Около 90% фактов рабочего контроля приходится на частные предприятия, 2% – на предприятия с невыявлен-

ной формой собственности, на государственные – 8%. В 80% управленческие и хозяйственные решения принимались без взаимодействия с государственными органами. Из них около четверти – фабзавкомы совместно с профсоюзами и другими рабочими организациями.

Важным источником обобщающего плана, позволяющим судить не только о количественной, но также и о качественной стороне фабзавкомовского строительства в послеоктябрьский период, является доклад профсоюзного деятеля Леймана о положении промышленности Москвы, прочитанный им на Московской конференции фабзавкомов и опубликованный журналом «Рабочий путь»²⁰³. Базой для доклада было проведённое отделом районов СР и СД очередное анкетирование московских промышленных заведений и учреждений. Материалы анкетирования не были полными, но их можно считать достаточно представительными, так как охвачены были все районы. Ответы были даны на 600 предприятиях с общим количеством работающих 150 тыс. человек. Наиболее полная информация была собрана по Городскому, Сокольническому, Бутырскому и Пресненскому районам. Наиболее неорганизованно анкетирование прошло в Замоскворечье.

На вопрос анкеты «Существует ли заводской комитет?» в 88% случаев ответ был положительный, в 12% – отрицательный. Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что эти данные в целом должны были изначально оказаться завышенными, так как реально обследование могло проводиться только на там, где существовали сильные рабочие организации. В этом смысле показательно, что наиболее высокое развитие фабзавкомов было зафиксировано в Рогожском, Симоновском и Лефортовском районах. В то же время в таких пролетарских районах города, как в Пресненском и Городском, показатели были значительно ниже. Понятно, что это объясняется не отставанием там темпов фабзавкомовского строительства, а более полной, следовательно, более объективной информацией.

Доклад Леймана подтверждает и сделанный выше вывод, что теперь фабзавкомовское движение развивалось в основном за счет мелких предприятий: прачечных, хлебопекарен, обувных мастерских и пр., так как на многих из них фабзавкомов прежде не существовало.

В период со времени предшествующего анкетирования в развитии фабзавкомов наметилась тенденция разрыва между рабочими и служащими при образовании органов заводского самоуправления, а также в характере выдвигаемых ими требований. Доля объединённых комитетов сократилась с 45% до 29%. Комитеты служащих всё откровенней отказывались от сотрудничества с рабочими комитетами по вопросу о контроле. *«Они признают государственный контроль и не работают над широким кругом задач, выдвинутых заводскими комитетами»*, – подчёркивалось в докладе. Кроме того, *«только 28% из них разделяют борьбу рабочего класса за полный отказ от собственности»*, то есть в отличие от рабочих, выступающих за переход к социалистическим формам хозяйствования на базе трудовой демократии, служащие выступали за частную собственность в области экономики и за государственное вмешательство в жизнедеятельность предприятий в сфере управления.

Материалы анкетирования позволяют также судить и о формах рабочего контроля в послеоктябрьский период. Они, в частности, рисуют следующую картину функциональной направленности деятельности фабзавкомов и соответствующую им организационную структуру. Различного рода специализированные комиссии существовали на 60% предприятий. В основном это продовольственные, культурно-просветительские и религиозные, реже – конфликтные, расценочные, технические, театральные, столовые комиссии. В докладе подчеркивалось, что при правительстве Керенского деятельность комиссий носила более поверхностный и несамостоятельный характер, выборы в них часто были пустой формальностью. Однако на вопрос о существовании контрольно-хозяйственных комиссий положительный ответ дали лишь на предприятиях – 48%, что примерно соответствует данным, полученным нами в результате анализа фактов рабочего самоуправления на предприятиях других городов ЦПР.

По данным анкеты, рабочий контроль реально осуществлялся лишь в 73% предприятий, причём без учёта его глубины, направленности и эффективности. 27% фабзавкомов для установления рабочего контроля вообще ничего не предпринимали.

В докладе отмечалось, что там, где рабочий контроль всё же существовал, больше всего фабзавкомы было сделано в плане учёта и снабжения сырьём и топливом: анкета отмечает факты контроля над положением дел с сырьём на 32% обследованных предприятиях и ещё на 27% факты контроля над положением дел с топливом. При этом в 30% предприятий фабзавкомы не только контролировали, но и участвовали в снабженческой деятельности, что почти полностью совпадает с результатами, полученными нами. На 23% московских предприятий ФЗК принимали участие в контроле за заключением заказов.

Из-за «недостатка сведущих лиц», в докладе отмечалось слабое развитие финансового контроля. Предпринятые же попытки привлечь банковских служащих («товарищей из банков») к рабочему контролю на предприятиях пока, по свидетельству докладчика, реального результата не давали. Тем не менее, им был назван очень, на наш взгляд, высокий процент предприятий, на котором финансовый контроль получил развитие – 18%, что, по нашему мнению, объясняется расширенным толкованием понятия «финансовый контроль». В частности, в докладе никак не отражена такая хорошо известная по другим источникам форма деятельности фабзавкомов, как контроль над уровнем зарплаты, выплатой отпускных, пособий и т. п., что позволяет предполагать, что эти, а вероятно, и некоторые иные формы деятельности фабзавкомов учитывали по статье «финансового контроля». Но даже если это не так, то названная в докладе планка развития финансового контроля позволила самому Лейману утверждать, что финансовый контроль развит *«слабее всего»*.

И ещё один характерный штрих – на вопрос, приступали ли органы рабочего контроля к изменениям в ходе производства предприятий, получен ответ: приступали в 9%, не приступали в 91%. Всё это предопределило и общие результаты деятельности фабзавкомов. Несмотря на такое широкое распространение фабричных и заводских комитетов, контрольных комиссий и других органов рабочего самоуправления, им так и не удалось приостановить надвигающийся экономический кризис. По данным анкеты, производство сократилось на 51% обследованных предприятий, и сокращение это продолжалось. Если до Октября объём сокращения производства колебался вокруг цифры в 45%, то теперь эта цифра увеличилась почти на 10%. На ряде предприятий сокращение производства достигало 27%, а то и 40%.

И тем не менее трудно не согласиться с основным выводом Леймана, что **основными органами рабочего самоуправления** непосредственно на предприятиях, несмотря ни на что, **оставались именно фабзавкомы**. Так, на вопрос об участии в работе контрольных органов представителей от профсоюзов получен следующий ответ: в 93% представители не присланы, участвуют лишь в 7% предприятий. «Профессиональные союзы не провели достаточно быстро организационную связь с комитетами заводов», – отмечалось на Конференции фабзавкомов по этому вопросу²⁰⁴.

Сведения по Москве переключаются с аналогичными данными по другим губерниям ЦПР. Так, большинство фабзавкомов текстильной промышленности Ярославля, если судить по их отчётам на I районной конференции в августе 1918 г., в основном занимались проблемой сырья, затем шли организация ремонта оборудования, участие в найме и увольнении рабочих и т. и.²⁰⁵. Такая же ситуация прослеживалась в деятельности фабзавкомов и на предприятиях других отраслей промышленности этой губернии²⁰⁶.

Наконец, важное значение имеют обобщающие материалы промышленной и профессиональной переписи 1918 года. По её данным, даже там, где фабзавкомы существовали, они далеко не всегда участвовали в управлении производством, ограничиваясь, как и в первые месяцы после февраля, пассивным контролем. На предприятиях с числом рабочих до 50 чело-

век этот показатель составлял примерно 60% для фабзавкомов и около 55% для контрольных органов. На предприятиях с числом рабочих до 1000 человек этот показатель колебался от 62% до 76,6% для ФЗК и от 57% до 74% для специальных контрольных комиссий. Только лишь на крупных предприятиях эти показатели были близки или составляли 100%²⁰⁷.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на количественный рост органов рабочего самоуправления на производстве, налицо усиление стагнационных явлений внутри движения за рабочее представительство. Проявилось это не только в том, что содержание этого движения начинают определять периферийные, социально мало мобильные отряды рабочего класса, приступившие к самоорганизации только в условиях, когда на утверждение рабочего контроля работала вся мощь нового государства. Происходит также консервация форм деятельности фабзавкомов. С одной стороны, вроде бы придание органам рабочего самоуправления официального статуса требовало от них перехода к более сложным формам организации производства. Но, с другой стороны, инерция прошлых месяцев и вновь возникающие трудности не давали возможности фабзавкомам перейти на новую, более высокую ступень организации рабочего представительства.

В этом смысле принципиально важно назвать доминирующую тенденцию развития фабзавкомов: *в послеоктябрьские месяцы продолжалась их эволюция как органов производственного самоуправления, глубоко экономических, общественных объединений, никаких внутренних предпосылок для превращения фабзавкомов в органы низового административного аппарата управления не существовало. Фабзавкомы всё прочнее осваивали свою роль хозяйственных организаций рабочего класса, что резко контрастировало с попытками придать им статус звеньев государственного управления.*

Значение этого фундаментального противоречия будет разобрано дальше, здесь же отметим лишь то, что наметившиеся противоречия в характере развития фабзавкомовского движения чем дальше, тем ощутимее начинают тормозить и процесс организационной перестройки органов рабочего самоуправления. Структурно фабзавкомы остаются на уровне предоктябрьского развития. Некоторый же рост в их структуре числа контрольно-хозяйственных, культурно-просветительских, социально-бытовых и прочих комиссий был вызван не столько экономической целесообразностью, сколько привнесёнными факторами, среди которых важнейший – влияние нормотворческой деятельности центральных органов рабочего самоуправления, директивно пытавшихся распространить передовой опыт на *все* фабзавкомы. В частности, контрольные комиссии в качестве *единственных* органов, *которым разрешалось осуществление функций рабочего контроля*, провозглашались в специальной инструкции экономического отдела Моссовета от 25 ноября 1917 г., призывы к их созданию звучали в «Руководстве по рабочему контролю» от 6 января 1918 г. ЦС ФЗК, Циркулярном письме «Всем фабрично-заводским комитетам металлообрабатывающей промышленности в г. Москве и окрестностях» контрольно-производственной Комиссии профсоюза металлистов²⁰⁸ и др.

Наконец, мы видели, что фабзавкомы, помимо того, что они были органами самоуправления, носили на себе элементы революционных организаций. После Октября потребность в этой их функции в значительной мере отпадает. Снижается и степень чрезвычайности ситуации, явившейся в прошлом одним из компонентов, способствовавших фабзавкомовскому строительству. Хотя и после Октября остаётся потребность отстаивать свои права перед предпринимателями, теперь эта функция всё больше переходит от фабзавкомов к государству.

Что же касается интеграционных процессов, то здесь мы также не видим каких-либо масштабных положительных достижений. Наоборот, хотя объединительные тенденции сохранялись, теперь они существенно ослабевали в связи с появлением совнархозов и других экономических органов нового государства²⁰⁹. Показательна в этом плане роль и судьба Центрального совета фабзавкомов. Его руководящая и координирующая деятельность, несмотря на все

старания целой плеяды замечательных представителей фабзавкомовского движения, настоящих энтузиастов своего дела, по сути, так и не стала решающим фактором становления органов рабочего самоуправления после революции. Даже решение о своём расформировании ЦС ФЗК встретил совершенно безропотно, просто часть его аппарата переходит в Северный совнархоз, часть в московские ведомства, часть расплывается по низовым структурам фабзавкомов, совнархозов, Советов и профсоюзов. В 1918 г. после консультаций и предварительного совместного обсуждения, на котором присутствовали представители ВЦСПС, ЦС ФЗК и президиума VI Петроградской конференции ФЗК, было разослано Циркулярное письмо ВЦСПС, в котором отмечалось, что «согласно намеченным принципам» все функции, выполняемые Центральным советом ФЗК, передаются соответствующим производственным объединениям, центром же фабзавкомов, согласно этому циркуляру, становился сам ВЦСПС – фактически это решение ставило точку на попытках создать стройную общероссийскую систему органов рабочего производственного самоуправления²¹⁰.

Понятно, что сами по себе отмеченные выше противоречия не несли прямой угрозы самостоятельности органов производственной демократии, каковыми являлись фабзавкомы. Но они могли сказаться самым пагубным образом на способности фабзавкомов к сопротивлению неблагоприятным внешним воздействиям, в случае их неожиданного нарастания.

7. Фабзавкомы и конверсия

Основные тенденции развития рабочего представительства, его взаимоотношения с властью, формы рабочего контроля и другие аспекты становления системы самоуправления рабочих после Октября могут быть глубже поняты в контексте участия фабзавкомов в демобилизации промышленности, развернувшейся на рубеже 1917-1918 гг. Выход из войны к моменту прихода большевиков к власти оставался единственным шансом самосохранения России. Вопросы войны и мира экстренно пришлось бы решать любому общенациональному правительству, заинтересованному в выживании государства. Выход же из войны был невыносим без перевода экономики на мирный путь развития. Поэтому конверсия стала первым независимым от идеологии общегосударственным проектом, лёгшим на плечи большевиков. Отметим, что вопросы конверсии в современных обществах, как правило, решаются на общенациональном уровне, при помощи жёстких централизованных программ. В России же ни до, ни тем более после Октября правительство не располагало аппаратом для проведения демобилизационных мер в масштабах всей страны²¹¹. Единственным рычагом, на который новые власти в тот момент могли рассчитывать, была молодая система рабочего контроля. В этих экстремальных условиях участие в демобилизации для фабзавкомов и прочих органов самоуправления становилось экзаменом на жизнестойкость.

Первоочередные меры по переводу промышленности на мирные рельсы уже 25 ноября 1917 г. были намечены Наркоматом труда, выполнявшим до января 1918 г. хозяйственные функции, перешедшие позже к ВСНХ²¹². Предполагалось силами фабзавкомов и профсоюзов на оборонных предприятиях в ближайшее время провести опись имеющегося сырья, топлива, полуфабрикатов, уточнить перечень изготавливаемых изделий. Предусматривалось также, что органы рабочего самоуправления самостоятельно определяют предметы мирного обихода, которые сможет выпускать их предприятие²¹³. Некоторое время спустя, 9 декабря, Совнарком выступает с воззванием ко всем рабочим России. В нём ставилась задача прекращения работ на военные нужды и перехода к производству мирной продукции²¹⁴. Наконец, специальным постановлением Народного комиссара труда от 20 декабря вся текущая работа по демобилизации *возлагалась на органы рабочего самоуправления*.

Несмотря на очевидную сложность задачи, органы рабочего самоуправления включились в её решение. Так, уже в знаменитом проекте Инструкции о рабочем контроле ЦС ФЗК Петрограда предусматривалось включить в структуру фабзавкомов (советов старост) наряду с комиссиями по организации производства, по снабжению сырьём и топливом специальную комиссию по демобилизации²¹⁵. Те же решения обсуждались и на декабрьской конференции Совета профсоюза металлистов и завкомов металлообрабатывающей промышленности²¹⁶. Официально задачи демобилизационных комиссий были закреплены особым постановлением Наркомтруда от 24 декабря. Предусматривалось, что именно они будут заниматься учётом рабочей силы, топлива и сырья, а также определять, какую гражданскую продукцию может выпускать предприятие²¹⁷. В случае национализации предприятий, как показывает пример Обуховского завода, функции демобилизационных комиссий передавались демобилизационным отделам новых заводоуправлений²¹⁸.

Демобилизация промышленности стала делом, объединившим все ветви рабочего движения. Возросла роль руководящих и координирующих органов самоуправления рабочих. В частности, как и в решении других проблем, в проведении конверсии с фабзавкомом тесно сотрудничали низовые Советы. Активно повёл себя, к примеру, экономический отдел Выборгского Совета рабочих депутатов. В декабре 1917 г. им было разослано обращение о демобилизации. В нём рабочие призывались определить номенклатуру и объём продукции, которую предприятия района могут производить в мирное время. Обращение ориентировало опираться сугубо на местные ресурсы²¹⁹.

Координацию деятельности фабзавкомов металлургических предприятий фактически взял на себя временный ЦК Союза металлистов. В ноябре 1917 г. своим циркуляром он призвал нижестоящие рабочие организации подготовить специальные демобилизационные планы. Задумывалось, что в них основное внимание будет уделено производству предприятиями отрасли предметов домашнего обихода и транспортных средств. Особо следовало позаботиться о производстве продукции для крестьян²²⁰. Последнее могло восприниматься в русле смычки города и деревни, без которой выживание революции выглядело проблематичным. Ещё большее значение имел циркуляр заводским комитетам предприятий металлообрабатывающей промышленности «о их функциях в связи с демобилизацией промышленности» от 28 декабря. В письме особо выделялось положение, согласно которому *вся низовая работа по конверсии возлагалась на фабзавкомы, которые сохраняли свои полномочия на весь срок приостановки заводов*²²¹.

Важные координирующие и руководящие функции в деле перевода промышленности на мирные рельсы выполнял ЦС ФЗК. На места им рассылались специальные инструкции и анкеты, целью которых было придать конверсионным мероприятиям единообразный и скоординированный характер. При ЦС ФЗК проводились специальные совещания по вопросам демобилизации. Одно из таких совещаний состоялось 4 января 1918 г. На нём присутствовали представители всех заводских комитетов предприятий Петрограда, работающих на оборону, а также представители железнодорожного комитета Николаевской железной дороги. На совещании шла речь о переориентации заводов города с военного производства на производство продукции, необходимой для вывода из кризисного состояния отечественного железнодорожного транспорта. Основной заботой ЦС ФЗК при проведении конверсии на отдельных предприятиях становится сохранение рабочей силы и предотвращение обвального роста безработицы. С целью координации деятельности фабзавкомов и демобилизационных комиссий на отдельных предприятиях при районных советах фабрично-заводских комитетов и самом ЦС ФЗК создаётся специальная сеть демобилизационных комиссий, возникает институт инструкторов

по демобилизации Центрального совета фабрично-заводских комитетов, выезжавших на места для решения тех или иных возникавших вопросов²²².

Подробно обсуждались вопросы конверсии на VI городской конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, проходившей с 22 по 27 января 1918 г. В дискуссии приняли участие рабочие не только петроградских заводов и фабрик, но и представители других регионов страны, в частности Урала, где проблема конверсии так же являлась одной из наиболее болезненных. По итогам состоявшегося обмена мнениями были приняты сразу две резолюции, что говорит о заинтересованности активистов фабзавкомовского движения в успешном ходе демобилизации. Первая резолюция касалась централизации органов, руководящих от имени Советской власти конверсионными мероприятиями. Вторая резолюция содержала развёрнутое понимание проблем демобилизации, как они виделись делегатам и гостям конференции, то есть самим рабочим оборонных предприятий. Некоторые аспекты этой резолюции представляют существенный интерес для понимания психологии того времени. В резолюции отмечалось, что демобилизация промышленности должна обязательно иметь *общенациональный характер, проводиться централизованно и планомерно*. Её результатом должно стать *полное переустройство всей промышленности*, поскольку до революции в России не существовало «организованного и правильного хозяйства». Резолюция подчёркивала, что демобилизация возможна только при активном участии в ней рабочего класса, который единственно заинтересован в строительстве новой экономики на здоровых, плановых началах. Тем самым демобилизация виделась делегатам конференции как ещё один, вслед за рабочим контролем, шаг к «полной социализации» промышленности. Решить поставленные демобилизацией задачи, отмечалось в резолюции, российский пролетариат сможет «лишь путём объединения всех своих классовых, экономических организаций в стройное здание»²²³.

Указания по налаживанию перевода производства на продукцию мирного времени, шедшие на места, вскоре начали выполняться. Уже 13 декабря 1917 г., то есть меньше, чем через неделю после обращения СНК к рабочим, соответствующее Отношение было принято заводским комитетом Путиловского завода. В нём сообщалась, что в связи с вопросом демобилизации завода была рассмотрена возможная программа деятельности мастерских Путиловского завода в условиях мирного времени. Было решено, что завод должен возобновить производство предметов, выпускавшихся до войны. Из военного же производства предполагалось оставить лишь то, что составляло специфику завода и не могло производиться где-либо ещё. Дальнейшая проработка планов демобилизации отдавалась на усмотрение цехов²²⁴.

В созданную при ЦС ФЗК комиссию по демобилизации с мест начали поступать отчёты и с других предприятий. На примере завода «Пете» станции Икша Северной железной дороги Московской губернии и других предприятий видно, что в основном эти отчёты касались учтенных запасов сырья, топлива, а также выработки возможных хозяйственных мер²²⁵.

К выработке планов конверсионных мероприятий фабзавкомы подходили расчётливо. Так, при их обосновании на Обуховском заводе делалась ссылка на отражённый в специальной литературе опыт Североамериканских Соединённых Штатов. При этом высказывалось сожаление по поводу условий на самом Обуховском заводе, где возможность быстрой переориентации производства предусмотрена фактически не была. В то же время ситуация, сложившаяся к тому моменту в городе, делала конверсию неизбежной. Предлагалось организовать на заводе работу по следующим направлениям: 1) производство тракторов; 2) ремонт паровозов и вагонов; 3) производство новых паровозов; 4) ремонт орудий. Основное же военное производство предлагалось перенести в глубь страны – Царицын или Пермь, а также в Саратов. Попутно планировалось наладить мелкое производство: выделку кос, лопат, частей для сельскохозяйственных машин и проч.²²⁶

При упоминании демобилизации промышленности в литературе говорится, как правило, о металлистах. Отчасти это оправдано. Но фактически демобилизационные мероприятия в той или иной мере охватили также предприятия текстильной, деревообрабатывающей, кожевенной и некоторых других отраслей. Показателен в этом отношении пример рабочего комитета фабрики Акционерного общества воздухоплавания В. А. Лебедева. В прошлом фабрика выпускала мебель, а с 1916 г. была переведена на производство комплектующих к аэропланам. В феврале 1918 г. рабочий комитет фабрики направил письмо в отдел хозяйственной политики ВСНХ. В нём сообщалось о предпринятых на предприятии шагах по демобилизации. Конверсия заставила вспомнить о прежнем профиле фабрики. В частности, в письме сообщалось, что «фабрика уже получила первый заказ от частных лиц на 120 дюжин венгерских гнутых стульев и приступила уже к их изготовлению». Далее сообщалось, что «фабрика оборудована таким образом, что почти без всякого дополнительного оборудования может немедленно приступить к изготовлению: всевозможной мебели, четырёхколёсных ходов и колёс различных типов, столь необходимых в настоящей момент для сельского хозяйства, складных домов и всевозможных столярных изделий». Сообщалось также, что «фабрика располагает кадром хороших рабочих, специалистов и мастеров». Хватало на фабрике и сырья. Более того, завком выражал уверенность, что ресурсы фабрики вполне позволят обеспечить работой какое-то количество новых рабочих и довести их количество до 700 человек²²⁷.

Но функциональные возможности рабочего самоуправления в деле демобилизации промышленности были далеко небезграничны. Выполнив какую-то часть задач на локальном уровне, фабзавкомы в проведении дальнейших шагов нуждались в поддержке государства. В центр направлялись многочисленные просьбы о помощи. Так, в докладной записке заводского комитета снарядного завода Нижегородского биржевого общества и членов Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов в Нижегородский совнархоз сообщалось, что на заводе было занято до 2 тыс. рабочих и служащих. Из них около 30% были высококвалифицированными специалистами. На заводе трудилось около 400 женщин. Завком просил оказать ему необходимую помощь в проведении демобилизации и предотвращении безработицы и голода, так как все местные возможности оказались исчерпаны²²⁸. Уже упоминавшийся завком фабрики Авиационного общества воздухоплавания В. А. Лебедева также обращался к государству за содействием. Как было показано выше, фабком проделал всю необходимую работу по демобилизации у себя на предприятии. От государства же он просил лишь обеспечить его мирными заказами, взамен прежних военных заказов²²⁹. Без этого резкий переход к самостоятельности был не возможен. Особенно если вспомнить, что война практически свела на нет все прежние рыночные механизмы, и значительная часть предприятий работала на госзаказ.

Своевременное компетентное участие в демобилизации предприятий со стороны государства могло не только предотвратить сокращение производства, но и способствовать его расширению. Так, с целью повышения плановости демобилизационных мероприятий и улучшения дел в области ремонта автопарка Собрание по демобилизации ВСНХ 26 февраля 1918 г. приняло специальное постановление, подписанное Ю. Лариным²³⁰. В ответ на него 2 апреля 1918 г. Нижегородский завод Общества металлургической и металлообрабатывающей промышленности направил письмо. В нём говорилось о необходимости расширения имевшейся на заводе ремонтной базы из-за устойчивого спроса на ремонтные работы²³¹. Тем самым решения центра, оказавшись они подкреплены экономически, могли бы способствовать увеличению производства и сокращению безработицы в ряде отраслей.

Однако дело как раз в том и заключалось, что возможности самого государства были сильно ограничены. Не только в первые недели после революции, но и позже большевики рассчитывали только на самодеятельность низов. Настроения, царившие в центре, и общая ситуация в стране были красноречиво отражены в резолюции Совнаркома от 23 января 1918 г. В ней

значилось: «Выражая крайнее сожаление, что *соответствующие комиссариаты крайне замедлили практический приступ к переводу металлических заводов на полезные работы*, Совет Народных Комиссаров просит *Петроградский Союз металлистов*, при содействии Комиссариата труда, Петроградского Совета и ВСНХ, начать немедленно перевод металлических заводов на работы ремонта и усиления железнодорожных материалов, а равно и на производство продуктов, годных в обмен на хлеб и т. д. Военные заказы все прекратить».

Подчас в этой ситуации содействие государства ограничивалось сугубо административными мерами. Так, постановлением секции по металлу СНК Северного района и Представительства металлургического отдела ВСНХ от 23 марта 1918 г. Обуховский завод был переведён из Морского ведомства в распоряжение ВСНХ²³². Этот шаг логично вытекал из предпринятых на заводе демобилизационных мероприятий, но существенной помощи заводу за собой не повлёк. В результате на заводе складывалась напряжённая ситуация. Рабочие Обуховского завода оказались на переднем плане рабочего протеста. Конфликт серьёзно осложнял демобилизационную политику. В него втягивались многие рабочие завода и рабочие организации. Попытка преодолеть кризис на заседании членов заводского и цеховых комитетов, а также демобилизационной комиссии 8 марта 1918 г. результатов не принесла²³³. Конфликтная ситуация на заводе продолжала обостряться. Аналогичным образом ситуация складывалась и на многих других предприятиях, не способных самостоятельно решить обрушившиеся на них проблемы, но не дождавшихся поддержки из центра.

В целом результаты деятельности фабзавкомов по демобилизации однозначно оценить сложно. Как можно видеть на примере приведённых выше фактов, наиболее успешно фабзавкомы справлялись с теми задачами, которые можно было решить с помощью *привычных, знакомых с дооктябрьских времён форм рабочего контроля*. Здесь прежде всего следует назвать контроль над рынком труда и снабженческую деятельность. Хорошо был поставлен рабочими комитетами учёт имевшихся в распоряжении предприятий сырья, топлива, заказов. Сложнее обстояло дело, когда приходилось решать вопросы организации производства новой продукции. Не случайно поэтому журнал «Рабочий контроль», подводивший итоги развития фабзавкомовского движения, на примере Москвы отмечал, что реально переход к новому производству планировался лишь на 11% предприятий. В то же время в Москве 30% предприятий работало на оборону полностью и ещё примерно столько же частично²³⁴.

Эти и другие подобные факты породили устойчивые негативные оценки рабочего самоуправления как со стороны современников революции, так и некоторых нынешних исследователей. Часто именно на рабочий контроль списывают падение производства после Октября. С этих позиций выступал, к примеру, лидер правых эсеров В. М. Чернов. Он настаивал на трактовке, согласно которой большевики вместо работы по переводу промышленности на мирные рельсы бросились в авантюру с установлением рабочего самоуправления. Чернов признавал, что конверсия нигде не обходится «гладко, без замешательства и хаоса». Но применительно к России главную причину бедствий он видел не в милитаризме прежних властей, а именно в самоуправлении рабочих²³⁵.

С выводами Чернова можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы в тот момент существовала реальная сила, способная провести конверсию с меньшим ущербом для страны. Такой силой мог стать торгово-промышленный класс и технико-управленческая интеллигенция, на что весной-летом 1918 г. последовательно указывала социалистическая оппозиция, действовавшая в рабочих организациях²³⁶. Здесь будет уместно вспомнить, что из этих кругов, действительно, последовала конкретная, хорошо проработанная программа демобилизации. Программа эта была изложена 3 декабря 1917 г. на совещании в ВСНХ А. П. Мещерским. Она подразумевала огромные капиталовложения, которые были не мыслимы в тех условиях. Но и при этом Мещерский не скрывал, что конверсия вызовет всплеск безработицы и депрессию²³⁷.

Программа Мещерского была нацелена, тем самым, не столько на общегосударственные интересы, сколько на сохранение частного сектора и гарантированной прибыли в нём. *Вариант демобилизации через демократизацию производства, выбранный большевиками, оказывался, может быть, не столь эффективным с экономической точки зрения, но зато более щадящим в социальной сфере.*

Говорить в этих условиях о пагубном влиянии рабочего самоуправления на экономику, как делает это Чернов, – значит не понимать всей сложности ситуации, в которой оказалась в тот момент Россия, или заниматься слабо замаскированным политиканством²³⁸. Гораздо более ответственным следует признать вывод журналистов «Рабочего пути», называвших главной причиной экономического спада чрезмерную заикленность экономики на войну, что существенно сужало возможности манёвра в проведении демобилизации²³⁹. И всё же следует признать, что в силу различных причин фабзавкомы, как и другие органы рабочего самоуправления, не смогли *самостоятельно* решить стоявшую перед страной проблему перевода промышленности на мирные рельсы. Участие фабзавкомов в конверсии и результаты этого участия со всей наглядностью показали успехи и пределы роста органов рабочего самоуправления в условиях русской революции 1917 г. Со своей стороны те колоссальные перегрузки, которые стали следствием участия органов производственного представительства в демобилизации, ещё больше подрывали их и без того скромные силы, способствовали их стагнации и обострению внутренних противоречий.

8. Взаимоотношения фабзавкомов и профсоюзов на новом этапе: на пути к свёртыванию рабочего самоуправления

Одним из важнейших обстоятельств, продолжавших и после Октября влиять на ситуацию внутри системы рабочего представительства, оставались взаимоотношения между производственным и профессиональным самоуправлением – между фабзавкомом и профсоюзом. Принятая на I Всероссийской конференции фабзавкомов резолюция о разграничении компетенции между ними сделала отношения двух ветвей рабочей самоорганизации более равными²⁴⁰. Фабзавкомы продолжали вовлекать рабочих в профсоюзы, как это делалось на Тульском патронном заводе²⁴¹. Об этом же шел разговор на III общегородской конференции ФЗК Москвы, состоявшейся в феврале 1918 г. С докладом по этому поводу выступил М. Томский. Заранее обсуждённые МК РСДРП(б) и опубликованные тезисы его выступления предусматривали вступление всех членов фабрично-заводских комитетов в профессиональные союзы, активную агитацию через аппарат фабзавкомов за вступление в профсоюзы всех рабочих на любом предприятии. В принятой же по докладу Томского резолюции предусматривалось превращение комитетов в низовые звенья профсоюзов, тогда как высшим органом соответствующего союза отныне должна была являться конференция фабзавкомов, входящих в его состав, что подавалось как взаимовыгодный и для профсоюзов, и для фабзавкомов компромисс²⁴².

Целью сотрудничества профсоюзов и фабзавкомов сами рабочие считали усиление начал трудовой демократии и рабочего контроля. Вот какую резолюцию по этому вопросу принял завком Московского металлического завода на своём заседании 27 ноября 1917 г.: «Ввиду того что контроль должен исходить от профессионального союза, но фактически должно осуществлять его на местах, т.е. заводской комитет, который обязан контролировать как покупку, так и продажу товаров»²⁴³. Интересным в этой резолюции является то, что она ярко иллюстрирует стойкое отношение к профсоюзам как к верхушечным, а к фабзавкомам как к своим местным организациям. Это, по мнению гужоновцев и рабочих других предприятий ЦПР, и должно было стать основой взаимовыгодного сотрудничества между двумя пролетарскими организациями, вплоть до их полного слияния.

Об этом писал, в частности, в своей статье «О слиянии профессиональных союзов с заводскими комитетами» один из авторов «Нового пути» В. Иванов²⁴⁴. Уже сам заголовок публикации журнала Центрального совета фабзавкомов показывал, какие организации должны были, по его мнению, стать базой возможного слияния – фабзавкомы. Отметив, что уже создаются высшие органы государственного регулирования экономики, Иванов продолжал: «Необходимо создать одну рабочую экономическую организацию... Профессиональные союзы, организованные по производствам, обладают ценным аппаратом, с определённым навыком в области регулирования труда. Фабрично-заводские комитеты и их объединения обладают аппаратом, приспособленным к организации самого производства в целом, и имеют богатый опыт в этой области. Слияние этих двух организаций даёт новую мощную организацию»²⁴⁵.

Речь, по существу, шла о слиянии двух управленческих механизмов в один. Трудно предположить, что могло бы произойти в случае такого развития событий, если бы естественный, «посте-пенровский» процесс разворачивался и дальше. Но вскоре он был грубо прерван насаждаемой сверху политикой «осоюзивания» фабрично-заводских комитетов, то есть их механического переподчинения профсоюзам.

Поворотным в этом отношении становится I Всероссийский съезд профессиональных союзов. На нём было принято пагубно сказавшееся на дальнейшей судьбе всего рабочего самоуправления решение о ликвидации хозяйственной и организационной независимости фабзавкомов и взят курс на их искусственное встраивание в профсоюзную иерархию в качестве самого нижнего этажа²⁴⁶.

Основным докладчиком по этому вопросу на съезде выступал Д. Рязанов. Оценивая взгляды Рязанова, Э. Карр называет его «смертельным врагом фабрично-заводских комитетов»²⁴⁷. Так ли это было или не так, но позиция Рязанова по отношению к фабзавномам отличалась очевидной необъективностью, он, в частности, утверждал, что фабзавкомы за пределами Петрограда не играли никакой роли, да и в самом Петрограде смогли укрепиться исключительно в металлургической промышленности»²⁴⁸. Утверждение Рязанова, как можно судить по приведённым выше многочисленным фактам рабочей инициативы на местах, не соответствует действительности, так как в ЦПР фабзавкомы были гораздо более массовым явлением и распространялись не только в металлообрабатывающей, но и в текстильной, кожевенной, пищевой и других отраслях.

В своём выступлении на съезде профсоюзов Рязанов постарался убедить собравшихся в необходимости самых жёстких решений по отношению к фабзавномам, ссылаясь на непоследовательность и претенциозность фабзавкомовского руководства: «Фабрично-заводские комитеты, которые на Всероссийской конференции только после упорной борьбы и сопротивления согласились на смертный приговор, согласились окончательно уступить профессиональным союзам всю область руководства в борьбе за улучшение положения рабочего класса, эти комитеты после этого на практике отказались от компромисса и вернулись к своей старой точке зрения. На первом и, надо сказать, единственном пока заседании верховного органа рабочего контроля представитель фабрично-заводских комитетов, теперешний председатель, заявил, что эта резолюция является исторической и окончательно отменена новым поворотом в политико-экономической жизни России»²⁴⁹.

Основные положения доклада Рязанова нашли на съезде широкую поддержку. С одобрением рязановской позиции выступил, в частности, делегат Энгель, ссылаясь на опыт работы в Центроткани (между прочим, по отзывам некоторых современников – одной из самых забюрократизированных и враждебных местной инициативе организаций²⁵⁰), также считал, «что

предоставить рабочий контроль только органам фабрично-заводским было бы крайне вредно для дела»²⁵¹. Аналогичные взгляды развивали и некоторые другие делегаты²⁵².

Однако некоторые выступавшие, наоборот, пытались возражать основному докладчику. Так, анархист Максимов настаивал, «что фабзавкомы есть формы, безусловно являющиеся самыми наилучшими формами рабочей организации, которые когда-либо имел какой-либо класс, что фабрично-заводские комитеты являются настоящими органами народовластия или, вернее, народоправия, или, вернее, органами безвластия, потому что, являясь непосредственно сидящими на месте, как крепь в земле, на фабриках и заводах, они ведут всё дело фабрики или предприятия под непосредственным контролем самих рабочих»²⁵³.

Принятая по итогам обсуждения резолюция была выдержана в более сдержанном, чем доклад Рязанова, тоне, но это мало меняло её суть. Видимо, с целью смягчить пилюлю, приготовленную фабзавкомам, в первых её положениях в их адрес делался откровенный реверанс: «Великая Российская революция, – значилось в резолюции, – вызвавшая к жизни все творческие силы рабочего класса, создала с самых первых своих дней на фабриках и заводах органы рабочего представительства, взявшие на себя защиту интересов рабочих данного предприятия». Но тут же разъяснялось, что «таким образом, фабрично-заводские комитеты брали на себя задачи, обычно выполняемые союзами», и далее шла конкретизация: «С развитием и укреплением производственных профессиональных союзов эти фабрично-заводские комитеты должны стать органом соответствующих профессиональных союзов на местах». В заключение шли положения, организационно оформлявшие окончательный переход рабочих комитетов фабрик и заводов под управление профсоюзов. Таким образом, на словах заслуги фабзавкомов признавались, но тут же выдвигался ряд тезисов, расставлявших акценты совсем по-иному. Во-первых, резолюция исходила из того, что рабочее представительство призвано выполнять только защитные функции, – позиция, в 1917 г. неоднократно критиковавшаяся большевиками за оппортунизм, теперь принималась в качестве бесспорной. Во-вторых, резолюция в несколько смягчённой форме повторяла обвинения фабзавкомов в «местничестве». Наконец, в-третьих, в ней проводилась мысль, что фабзавкомы играли роль временных заместителей профсоюзов, роль своеобразного каркаса для укрепления профсоюзов, и теперь, когда профсоюзы окрепли, леса можно было убрать²⁵⁴.

В кругах руководства фабзавкомовским движением результаты съезда профсоюзов были восприняты негативно. Примечательно, например, что, посвятив спаренный выпуск подробному отчету о Всероссийской конференции фабзавкомов, орган ЦК ФЗК «Новый путь» ограничился лишь краткой редакционной статьей о прошедшем съезде профсоюзов. Сославшись на отсутствие «подробных отчетов», члены редакции тем не менее заявили, что «всё-таки должны отметить некоторые теневые стороны в его деятельности». Под «теневыми» сторонами редакция понимала ту характеристику, «какую дал фабрично-заводским комитетам докладчик по вопросу о взаимоотношениях между ними и профсоюзами т. Рязанов, а также той роли, какую он им отводит в деле организации и регулирования производства»²⁵⁵. Но по сути это была критика не только докладчика, но и самого съезда.

Анонимные авторы статьи ставят, на наш взгляд, верный диагноз съезду профсоюзов – с самого начала бросается в глаза несоответствие между словесной революционностью съезда и тем, в лучшем случае, консерватизмом, который сквозит в процитированных выше его резолюциях. Консерватизм этот, как справедливо усматривала передовица фабзавкомовского журнала, крылся в нежелании и неумении перестроить прежний бюрократический аппарат профсоюзов согласно новым задачам. Ошибочность же хода съезда виделась авторам «Нового пути» в «непримиримой тактике съезда», навязанной ему Рязановым и другими ораторами, подчинения себе фабзавкомов, «невзирая на то, сможет ли неизменный и неорганизованный аппарат профессиональных союзов» выполнить хоть одну из задач, прежде вполне успешно реша-

емых фабзавкомы. Вместо последовательного развития по существу правильного вопроса, продолжали они, равноправного слияния обеих рабочих организаций в одну, мы слышим лишь избитые обвинения фабзавкомов в местном патриотизме. В заключение в статье подчеркивалось, что «своими решениями, своей нетерпимостью съезд сильно тормозит назревший уже на низах процесс слияния обеих организаций на равных началах», и что своим консерватизмом съезд отталкивает от профессиональных союзов широкие рабочие массы и подвергает союзы действительной опасности разложения²⁵⁶.

Однако революционная эпоха стремительно ускоряла свою поступь, и никто не собирался обращать внимание на жалобы и претензии обиженных идеалистов. В кровь входила привычка решать по принципу «лес рубят – щепки летят». Революционное нетерпение и административный нажим никоим образом не могли поспособствовать преодолению застарелого конфликта профсоюзов и фабзавкомов, а его сохранение, в свою очередь, серьёзно обостряло противоречия в развитии системы рабочего самоуправления. Неспособность окончательно достичь конструктивного единства в рядах органов рабочего представительства в скором будущем могла серьёзно ограничить их потенциал и самостоятельность в решении не только политических, но и чисто экономических проблем.

9. Последний бой – он трудный самый...

Разговор о взаимоотношениях профсоюзов и фабзавкомов был продолжен на VI конференции ФЗК Петрограда. Эта конференция была самой продолжительной в истории фабзавкомовского движения. В объявлении об её открытии говорилось, что конференция начнёт работу 22 января 1918 г. в 10 часов в помещении Михайловского артиллерийского училища, а завершила она свою работу только 27 января. Подготовка конференции шла в очень непростых условиях почти полного коллапса петроградской промышленности и рабочего класса Петрограда – самого передового отряда «русского пролетариата», как говорили тогда. Значение VI городской конференции петроградских фабзавкомов выходило далеко за пределы обсуждения взаимоотношений между конкурирующими структурами рабочего представительства. На ней поднимались и другие острейшие вопросы, с которыми ежедневно сталкивались представители фабрик и заводов, избранные на конференцию рабочими своих предприятий. Среди них важнейшим являлся вопрос о роли фабрично-заводских комитетов в революции, их вкладе в экономику страны. Кроме того, обсуждались вопросы о характере рабочего контроля, демобилизации промышленности, национализации, а также некоторые другие. Тем самым был продолжен заинтересованный обмен мнениями, начатый ещё на предшествующей V петроградской городской конференции фабзавкомов, проходившей 15-16 ноября 1917 г. Но теперь разговор носил более острый и принципиальный характер. Романтизм прошлых месяцев сменился трезвым осознанием той реальности, в которой приходилось развиваться органам рабочего самоуправления.

Разнообразие поднимавшихся на конференции вопросов, сам тон их обсуждения и принятые решения позволяют говорить о ней как о финальном аккорде развития фабзавкомовского движения, как о конференции, подводившей итоги почти года борьбы фабрично-заводских комитетов России за производственную демократию. Японский специалист по истории русских рабочих периода революции 1917 г. Е. Цудзи называет январскую конференцию петроградских фабзавкомов последней, проникнутой духом подлинной свободы. Впоследствии конференции делегатов от фабрик и заводов, отмечает историк, стали собраниями «послушных» большевистской верхушке профсоюзных функционеров, не всегда понимающих интересы тех рабочих, которых они вроде бы призваны были представлять. «Можно с уверенностью сказать, – пишет японский исследователь, – что в русской истории нет эпизода, который ярче и живее передавал бы атмосферу искренней веры в социализм, когда рабочие чувствовали себя

полновластными хозяевами своего цеха, своей мастерской, надеялись на нормальную жизнь, не боялись увольнений, не ощущали авторитарного давления свыше»²⁵⁷.

С отчётным докладом о деятельности Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда выступил его председатель М. Н. Животов. Он отметил, что путь, проделанный фабзавкомками после Октября, не должны умалять ни имеющиеся недостатки, ни имевшие место в прошлом ошибки. Подробно остановившись на деятельности ЦС ФЗК Петрограда, докладчик не стал скрывать собственных упущений, но подчеркнул, что они являлись следствием сложности и новизны решаемых задач. Многие из того, чем приходилось заниматься Центральному совету, низовые фабзавкомы в идеале должны были обеспечивать самостоятельно, без вмешательства сверху. В качестве примера Животов привёл титанические усилия ЦС ФЗК по предотвращению в Петрограде топливного кризиса, причиной которого оратор назвал саботаж и незаинтересованность в снабжении города сырьём со стороны буржуазии, поэтому основным методом борьбы за топливо стали методы пролетарской диктатуры. Слова Животова были встречены аудиторией благожелательно, и он сошёл с трибуны под громкие рукоплескания. Выступавшие после этого участники прений – представитель Петроградского металлического завода А. Никитин, рабочий Русского общества беспроволочного телеграфа В. Д. Алексеев и другие – поддержали своего лидера. Немногочисленные критические отзывы не были направлены против проводимой ЦС ФЗК работы, а преследовали цель улучшить её, помочь в реализации стоявших перед ним и всем фабзавкомовским движением задач²⁵⁸.

Впрочем, идиллия первых заседаний конференции длилась недолго. Как только разговор перешёл в практическую плоскость, сразу выявились резкие различия в подходах буквально по всем поднимавшимся на конференции вопросам. Первым из них обсуждался вопрос о рабочем контроле: его задачах, содержании, дальнейшей судьбе в условиях победившей «пролетарской революции», а в том, что победила именно пролетарская и никакая иная революция, большинство участников конференции были едины. Делавший основной доклад о подготовке инструкции Центрального совета ФЗК к принятому Совнаркомом 14 ноября 1917 г. декрету А. М. Кактынь начал своё выступление с резкой политической декларации, местами доходившей до прямых оскорблений в адрес оппонентов:

«Позвольте, товарищи, прежде чем перейти к самому докладу о контроле и регулировании, – обратился докладчик к внимательно слушавшей его аудитории, – отметить одно очень для нас важное положение, которое наблюдается собственно в самой жизни и которое для нас важно, потому что является основным фактором, который мы выдвигаем против всей саботирующей нас интеллигенции, против всего правого крыла нашей социал-демократии, которое, особенно вопросы рабочего контроля и регулирования, всеми силами старается затормозить». Кактынь обрушился на правую часть конференции, некоторых журналистов из умеренного лагеря и руководящих работников ВСНХ с критикой за неправильную оценку роли рабочего класса. «Сам ход революции, – патетически восклицал он, – ... с полной очевидностью доказал, что рабочий класс, как таковой, уже не тот ребёнок, которому нужны пелёнки ... не тот дикарь, которым он представляется в не совсем нормальном воображении». По убеждению оратора, российский пролетариат за несколько революционных месяцев «проявил столько сознательности и самостоятельности, что он вполне оправдывает то доверие, которое ему оказывается в деле рабочего контроля, в деле урегулирования, организации рабочего производства». «Рабочий класс, – подчёркивал Кактынь, – совершил столь громадное дело, что провёл Октябрьскую революцию, первую социалистическую революцию, и дал нам толчок к величайшей мировой революции».

В пояснении своего основного тезиса о зрелости рабочего класса и его готовности осуществлять рабочий контроль Кактынь напомнил тот огромный путь, который проделали органы производственного самоуправления за 10-11 коротких месяцев, прошедших со времени февральского переворота. На первой городской конференции фабзавкомов Петрограда

в мае 1917 г., напомнил он собравшимся, рабочие только приступали к выработке концепции рабочего контроля. Многие делегаты от предприятий говорили о нём «с некоторой неопределённостью, с некоторым смущением», так как им «тогда не совсем ясно было то содержание, которое вкладывается в это понятие». «Мы тогда боялись даже слова "контроль"», – вспоминал Кактынь. Но уже на последующих конференциях, третьей, особенно четвёртой, о рабочем контроле приходилось говорить как о свершившемся факте, приходилось защищать его завоевания от «нападок наших капиталистов и нашей мещанской соглашательской коалиционной клики (то есть коалиционного Временного правительства, в которое входили министры-капиталисты и министры-социалисты. – *Д. Ч*), которая вместе со Скобелевым старалась всеми силами затормозить это явление и втиснуть его в рамки демократического государственного контроля, который в конце концов был не что иное, как бюрократический контроль, такой же, как в Германии, [где] тот же самый государственный социализм». Наконец, пятая петроградская конференция фабзавкомов, проходившая уже в условиях победившей большевистской революции, закрепила понимание рабочего контроля как активного, наступательного, хотя после этого фабзавкомы «и получили целый ряд нападок, целый ряд грязных обвинений в каком-то анархизме, сепаратизме, в военно-заводском патриотизме и всех прочих измах со стороны нашей буржуазной печати, всех подонков, прихвостней и подхалимов капиталистической буржуазии». «Если мы дальше перейдём к нашей пятой конференции, – разъяснял Кактынь своё понимание имевшихся разногласий, – то там уже после октябрьских побед нам пришлось декларировать контроль, как наше право объявлять себя основными ячейками государственного контроля и предъявлять его в более широком, более глубоком смысле, не в смысле пассивного наблюдения и каких-нибудь глупых собеседований с капиталистами и хозяевами о том, что нужно сделать такую-то работу или такую-то. Вместо этих собеседований наш рабочий контроль обращает своё активное вмешательство в хозяйственную жизнь». Кактынь призвал собравшихся последовательно развивать взятый на предыдущей конференции курс, подчеркнув, что «цель рабочего контроля – это цель регулировать [и] организовывать народное хозяйство», то есть поставил знак равенства между рабочим контролем и рабочим управлением как в рамках отдельных фабрик и заводов, так и в масштабах всей национальной экономики²⁵⁹.

Предложенное докладчиком понимание рабочего контроля и его функций нашло понимание большинства делегатов конференции и было закреплено сразу в нескольких обсуждавшихся на ней документах: «Уставе фабрично-заводского комитета», «Инструкции к положению СНК о рабочем контроле [от 14 ноября 1917 г.]», «Положении о районных (областных) и местных Советах народного хозяйства» и др.

Так, в одобренной конференцией резолюции о рабочем контроле основным органом, призванным осуществлять контрольные функции непосредственно на предприятиях, провозглашались фабрично-заводские комитеты. Фабзавкомы должны были формироваться на самой широкой демократической основе всеми работниками предприятия в ходе всеобщих, прямых и т.д. выборов. В трактовке делегатов VI конференции петроградских фабзавкомов рабочий контроль, действительно, больше напоминал систему управления предприятием, чем систему надзора над хозяйственной деятельностью частных владельцев. Фабзавкомам предоставлялось право (можно даже сказать *вменялось в обязанность*):

- 1) устанавливать схему организации предприятия;
- 2) производить обследование технического оборудования и его использования;
- 3) определять себестоимость выпускаемой продукции;
- 4) выяснять имеющиеся заказы и распределять их по мастерским;
- 5) выявлять по финансовым книгам актив и пассив баланса, а также свободную наличность предприятия;
- 6) следить за правильностью расходования средств, за правильностью ведения финансовых книг и соответствующей корреспонденцией;

- 7) выявлять условия заключаемых договоров и поставок и, в случае их несоответствия интересам предприятия, приостанавливать их;
- 8) производить количественный и, по возможности, качественный учёт сырья и топлива;
- 9) разрабатывать правила внутреннего распорядка на предприятиях;
- 10) производить приём и увольнение рабочих и служащих;
- 11) отводить тех лиц администрации, которые не могут обеспечить нормальных отношений с рабочими;
- 12) производить нормировку рабочего времени и т.д.

Говорилось в резолюции и о системе рабочего самоуправления в целом. Специальным пунктом инструкции предусматривалось формирование региональных и всероссийских органов рабочего контроля. Управляющие и координирующие органы должны были создавать на началах «демократического централизма из представителей низших органов рабочего контроля путём выборов на конференциях и съездах»²⁶⁰. Более подробно структура и функции высших органов рабочего контроля раскрывались в «Проекте положения о районном Совете народного хозяйства» и других документах конференции, закреплявших представление о рабочем контроле как об активном вмешательстве рабочих в производство.

Непросто шло на VI конференции петроградских фабзавкомов обсуждение и других проблем, в частности порождённых конверсией, в тот момент набиравшей обороты по всей Советской Республике. Как уже отмечалось, фабзавкомы добровольно взяли на себя выработку и выполнение планов демобилизации промышленности²⁶¹. Свой весомый вклад в переориентацию промышленности на выпуск мирной продукции сыграл и Центральный совет ФЗК, о чём также уже было упомянуто. Поэтому не удивительно, что демобилизация оказалась в центре внимания участников и гостей конференции. К обсуждению хода демобилизации подталкивала и ситуация, сложившаяся в городе. По мнению многих наблюдателей, петроградская промышленность находилась фактически на грани остановки. Не хватало ни хлеба, ни угля, ни электроэнергии. В цехах шли массовые расчёты. В не последнюю очередь бедственная ситуация складывалась как раз в силу проводимых конверсионных мероприятий, должным образом не подготовленных ни организационно, ни экономически, о чём речь шла в соответствующих разделах монографии. В связи с аннулированием военных заказов 20 декабря возглавляемый А.Г. Шляпниковым Народный комиссариат труда принял распоряжение, согласно которому все фабрики и заводы, выпускавшие военную продукцию, подлежали немедленному закрытию до конца января, то есть на месяц. Но, поскольку большинство продолжавших работу предприятий были связаны с закрывавшимися самым непосредственным образом, инициатива Народного комиссариата труда ударяла и по ним. Тревога рабочих о будущем промышленности Петрограда и своём собственном будущем не могла не выплеснуться на заседаниях конференции. А поскольку похожая ситуация складывалась и в других промышленных центрах страны, в дискуссии приняли участие рабочие не только петроградских заводов и фабрик, но и гости из других регионов страны, в частности с Урала, где проблема конверсии также являлась одной из наиболее болезненных. Во многих выступлениях звучала критика и центральных государственных учреждений, и руководящих органов рабочих организаций за непродуманность шагов по демобилизации, постоянные метания, плохую организацию. Однако большинство делегатов с мест признавало, что никто, кроме самих рабочих, не сможет сдвинуть дело с мёртвой точки.

По итогам состоявшегося обмена мнениями было принято сразу две резолюции, что говорит о заинтересованности активистов фабзавкомовского движения в успешном ходе демобилизации. Первая резолюция касалась централизации органов, руководящих от имени Советской власти конверсионными мероприятиями. Вторая резолюция содержала развёрнутое понимание проблем демобилизации, как они виделись делегатам и гостям конференции, то есть самим рабочим оборонных предприятий. Некоторые аспекты этой резолюции представляют существенный интерес для понимания психологии того времени. В резолюции отме-

чалось, что демобилизация промышленности должна обязательно иметь *общенациональный характер, проводиться централизованно и планомерно*. Её результатом должно стать *полное переустройство всей промышленности*, поскольку до революции в России не существовало «организованного и правильного хозяйства». Резолюция подчёркивала, что демобилизация возможна только при активном участии в ней рабочего класса, который единственно заинтересован в строительстве новой экономики на здоровых, плановых началах. Тем самым демобилизация виделась делегатам конференции как ещё один, вслед за рабочим контролем, шаг к «полному обобществлению» промышленности. Решить поставленные демобилизацией задачи, отмечалось в резолюции, российский пролетариат сможет «лишь путём объединения всех своих классовых экономических организаций в стройное здание»²⁶².

Национализация промышленности стала следующим вопросом, обсуждавшийся на конференции. В современной литературе часто можно встретить утверждения, что национализация явилась результатом злой воли большевиков. Именно большевикам приписывается инициатива в деле перевода основных мощностей промышленности из частных рук в собственность государства. Но, как замечает японский исследователь Е. Цудзи, большевики отнюдь не склонны были форсировать национализацию. Страна переживала острый кризис, связанный сперва с участием в войне, а затем и с переходом от войны к миру. Конверсия неизбежно должна была вылиться и, как было сказано выше, действительно вылилась в сокращение производства, обвальное падение безработицы и т.п. Советское правительство не решалось в этих условиях брать на себя всю ответственность за грозившую отечественной экономике разруху, готово было на любые возможные альянсы, в том числе с крупными магнатами того времени. Отметим, что тезис, сформулированный Е. Цудзи, можно и даже следует усилить – большевики не только не стремились к развёрнутой национализации на практике, но и не планировали её в теории. VI конференция пришлась на тот период, когда руководство страны ещё надеялось найти взаимоприемлемый компромисс с торгово-промышленными кругами. В подтверждение этого можно сослаться, например, на исследования, проведённые Р. Пайпсом, которого никоим образом нельзя заподозрить хотя бы в малейшей симпатии к большевикам. Он, в частности, анализирует план экономического развития, предложенный в номере «Известий» за 18 ноября 1918 г. Ю. Лариным. Этот план, в некоторых его параметрах одобренный В.И. Лениным и даже частично осуществлявшийся на практике, не предусматривал национализации. Государственное воздействие на экономику должно было ограничиваться принудительным синдицированием добывающих отраслей промышленности, производства потребительских товаров, транспорта и банков, отчасти жилья и розничной торговли²⁶³. Частная собственность и оборот акций сохранялись, хотя и появлялся новый важный элемент экономического развития – планирование²⁶⁴.

Такова была позиция властей. Но сами рабочие относились к национализации совершенно иначе. Для них национализация предприятий означала, во-первых, продолжение борьбы за «фабричную конституцию», во-вторых, воспринималась как восстановление естественных для русского человека патерналистских связей между обществом и государством, «отеческого» отношения власти к рядовым гражданам²⁶⁵. Тем самым многим рабочим национализация виделась как единственная реальная альтернатива разрухе и физическому вымиранию, как необходимое дополнение политики мира и начавшейся демобилизации промышленности. В силу этого рабочие так настойчиво добивались от большевиков немедленно начать национализацию, и, не найдя на первых порах их поддержки, сами, в обход центральных учреждений, снизу начинали процесс массовой национализации. И не стоит обвинять рабочих в наивности – другого выхода, другого пути выжить у них в тех условиях часто, действительно, не имелось (первые случаи национализации зафиксированы, как правило, на тех предприятиях,

владельцы которых осознанно вели дело к их разорению и закрытию, этот факт в той или иной форме неоднократно упоминался и делегатами конференции).

С докладом от ЦС ФЗК по вопросу о национализации выступил М. Н. Животов. Дополнительно, для прояснения финансовых и общехозяйственных условий в республике, был заслушан содоклад от руководства Народного банка, который, по поручению Г. Л. Пятакова, сделал Каневский. В своём выступлении Животов отметил, что сам по себе переход предприятия в руки государства означает факт плохого управления им его прежними владельцами. «Таким образом, – подчёркивал он, – самым декретом или распоряжением выражается недоверие этому управлению». В то же время Животов не скрывал, что национализация имеет не только экономический, но и политический смысл. «Мы, рабочий класс, являемся теперь силой, политическая власть теперь в наших руках, но экономическая власть до сего времени в руках буржуазии», – подчёркивал он и призывал, – ... на место экономической власти буржуазии посадить власть рабочего класса». В то же время, признавал докладчик, многие частные предприятия обходятся без государственных субсидий, «тем самым облегчают государственную казну». «Вот и получается, что не вся промышленность должна быть национализирована, не все предприятия, а некоторая часть должна находиться ещё в руках частных предпринимателей, для того чтобы выкачать из карманов капиталистов деньги», – подводил итог он. Будучи опытным активистом рабочего движения, Животов понимал, что даже в случае неизбежной национализации рабочий класс и его молодое государство столкнётся с определёнными трудностями организационного плана. Поэтому основной задачей дня он назвал не столько саму национализацию, сколько скорейшее формирование технического и управленческого аппарата, который смог бы прекратить анархию и внести порядок и централизацию в работу промышленности²⁶⁶.

Выступавшие в дискуссии по докладу Животова, как правило, не выказывали и малейших сомнений в необходимости передачи управления промышленностью в руки рабочего класса, разногласия имелись по чисто техническим вопросам, к примеру, о формах обобществления производства: национализация или социализация. Большинство рабочих попросту не видели разницы между национализацией, муниципализацией, социализацией и т.п. Для них разглагольствования на эту тему казались пустой демагогией, игрой в слова – главное, чтобы руководство промышленностью перешло от капиталистов к органам рабочего самоуправления. Если кого-то и занимали вопросы теории, то это были анархисты. Так, неоднократно выступавший на конференции Блейхман не обошёл вниманием и вопрос о национализации: «... Идея национализации ничего общего с рабочими не имеет! – разгоряченно уверял он. – Запомните это раз навсегда. Идея национализации – это чисто контрреволюционная, буржуазная идея, она проводится, чтобы больше ещё закрепить рабочих, больше укрепить трудовое крестьянство – вот для чего создаётся идея национализации. Для нас – рабочих, товарищи, безразлично, кто будет над нами властвовать, кто будет приказывать: столько-то работай. Вы слышали, что фабрично-заводским комитетам решающего голоса [в управлении национализированными предприятиями] дать нельзя. Вот -создавай, работай, живи для паразитов, которые сидят в канцелярии. ... Для нас безразлично: кто будет собственник – государство или частное лицо. Будет та же клика чиновников, которые будут там распоряжаться»²⁶⁷. И хотя страстная речь Блейхмана неоднократно прерывалась рукоплесканиями, никто из выступавших после него представителей петроградских предприятий не разделил его озабоченности. Наоборот, многие порицали его за излишнюю категоричность и абстрактность суждений, оторванность от реальной жизни трудовых коллективов.

Гораздо больше времени делегаты конференции посвятили другому вопросу, который при определённых условиях из технического мог стать главным – вопросу о темпах и масштабах предстоящей национализации. Выявились два подхода. Часть записавшихся в прения полагала, что затягивать с национализацией очень не следует, но

и проявлять торопливость тоже не стоит. Так, один из участников конференции Розенштейн призвал не спешить с национализацией. «... Когда проводим в жизнь наши планы, мы спотыкаемся. Надо признаться, что у нас, рабочих, нет ни инженеров, ни бухгалтеров опытных, на которых могла бы стоять промышленность, – рассуждал он, – ... национализировать заводы, фабрики, мастерские и т.п. всё сразу не будет уместно, да и невозможно». Розенштейн поддержал член заводского комитета Сестрорецкого оружейного завода М. Седин: «Я скажу маленький пример, – обратился он к залу, – если мы выносить будем декреты сверху, отсюда резолюции, постановления, то они будут в соотношении с тем, как когда Иисус Христос кормил 5 хлебами 5000 человек. Я соглашусь, что был Иисус Христос, я поверю, что он кормил 5000 5 хлебами, но я не смогу согласиться с тем, чтобы эти 5000 человек были сыты»²⁶⁸.

«Пессимистам» ответил член рабочего комитета Ижорского завода Цезарь Мосевич. Он подчеркнул, что вопрос национализации уже решён самой жизнью. Национализация стала ответом на беспомощность и саботаж со стороны прежних владельцев фабрик и заводов, которые чуть что – шли на закрытие предприятий. Он верил, что только рабочие смогут наладить производство, «ибо это в их интересах». «Я бы предложил со своей стороны, – поддержал Мосевича член заводского комитета завода акционерного общества «Вестингауз» Б. Юсис, – обязательно, и не отлагая, национализировать заводы». Свою решительность он объяснил тем, что пока завод находится в руках «предпринимателя, то этим подрываются интересы не только рабочих этого завода, а во всём масштабе», в масштабе всей Советской республики. «Тут задавали другой вопрос, – продолжал он свою напористую речь, – нужно ли частично национализировать, – я бы сказал, что с моей точки зрения, если по частям национализировать, это будет хуже». Другой участник прений Вишняк также заявил, что «нам брать заводы и фабрики ... нет никакой опасности». Но при этом он сделал весьма примечательную оговорку: «Брать их надо, безусловно, с тем чтобы самим нам, рабочим, поставить строгую дисциплину труда. Это на первом плане. Если у нас самосознание и дисциплина труда будут строго определены, тогда, вне всякого сомнения, что ни в одном предприятии убытка не будет, потому что у нас все будут работать и никаких трутней, так называемых, как в пчелином улье, не будет». С ним согласился ещё один делегат конференции Алексин: «Взявши промышленность в руки, нельзя же только то [и делать], что сидеть и получать деньги. Надо работать, товарищи, создавая промышленность, надо, значит, усилить производительность. И тогда благо нам будет, товарищи, тогда всё будет в наших руках»²⁶⁹.

Ответы на многие из волновавших участников состоявшихся прений вопросов были даны в резолюции, принятой конференцией 22 января 1918 г. Она неизбежно имела компромиссный характер. Начиналась резолюция с многозначительной декларации, повторявшей один из ключевых тезисов доклада Животова: «Полагая, что политическая власть пролетариата, – подчёркивалось в ней, – является действительной властью лишь при условии его экономического господства, что только при переходе производительных сил России в руки организованного пролетариата [будет] обеспечено дальнейшее экономическое развитие страны в интересах пролетариата и всего общества, 6-я конференция фабрично-заводских комитетов [Петрограда] постановляет: [...] признать необходимым переход всех орудий производства, фабрик, заводов, рудников в руки государства». Голосовавшие за резолюцию рабочие не отрицали, что процесс обобществления производства не может быть осуществлён немедленно, без специального технического аппарата, поэтому в качестве такового на первых порах предлагали использовать создаваемые фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами демобилизационные бюро по отдельным отраслям промышленности, «цель которых - демобилизовать промышленность, подготовить национализацию и провести её». Делегаты конференции настаивали на обобществлении в первую очередь предприятий, наиболее приспособленных к мирному производству и устойчивых в финансовом отношении. «Республика, – пояснялось в связи с этим в резолюции, – не только берёт из рук хищников разрушенное хозяйство, которое ложится бременем на народ-

ную казну, но и те предприятия, которые могут интенсивно работать, давая народу предметы хозяйства и тем самым помогая оздоровлению народного достояния». Кроме того, документ поддерживал карательную направленность конфискации отдельных производств: «В переживаемый момент борьбы, саботажа, неподчинения буржуазии власти пролетариата, – отмечалось в нём, – конференция требует беспощадной с ними борьбы: все фабрики, заводы, рудники, владельцы которых не признают рабочего контроля, явно и скрыто саботируют, не желают продолжать работу в предприятиях и не заботятся обеспечить условия работы в предприятиях, должны быть немедленно переданы в собственность пролетарской Республики»²⁷⁰. Оценивая характер принятой резолюции, Е. Цудзи подчёркивал, что среди важнейших её особенностей было ответственное отношение рабочих к своим действиям, окончательное решение они принимали не спонтанно, а «как настоящие хозяева фабрик и заводов».

Возвращаясь к тому, с чего мы начали наш разговор о VI петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, то есть к вопросу о взаимоотношениях фабзавкомов и профсоюзов, мы можем констатировать, что его появление в повестке дня конференции не было случайным, в той или иной степени он постоянно присутствовал при обсуждении практически всех прочих вопросов: о рабочем контроле, о планах демобилизации, о национализации и т.д. Тем самым отдельное обсуждение проблем консолидации сил производственного и профессионального самоуправления вполне вписывалось в контекст конференции. Так же как и прежде, в дни проведения I Всероссийской конференции фабзавкомов в октябре 1917 г. и I Всероссийского профессионального съезда, тремя неделями ранее в начале января 1918 г., дилемма формулировалась так: сотрудничество или подчинение? Далеко не все активисты-фабзавкомовцы были в восторге от грядущего поглощения низовых рабочих комитетов и установления над ними диктата профсоюзной бюрократии. Некоторые делегаты конференции вообще выразили недоумение по поводу торопливости, с которой им навязывалось непопулярное в рабочих массах решение. «Я скажу, – заметил один из них, – что мы на конференцию пришли и вопроса [этого прежде] не обсуждали. Мы на местах ничего о предполагающемся слиянии не знали». А посему предполагавшуюся реорганизацию он потребовал предварительно «обсудить на местах»²⁷¹. Даже официальный докладчик от ЦС ФЗК рабочий завода «Сименс и Шуккерт» И. Иванов отметил, что профсоюзы, как форма пролетарской самоорганизации, возникли ещё при капитализме. Поэтому они решали задачи, не выводящие рабочих за пределы буржуазного строя: выступали за повышение зарплаты, за дисциплину труда и т.д. Фабзавкомы же возникли в совершенно иных условиях, когда рабочий класс начал борьбу за социализм, за установление рабочего контроля над производством.

Докладчик подчёркивал, что свою весомую лепту в эту борьбу вносили и руководящие органы фабзавкомовского движения: «... наши центральные фабрично-заводские комитеты расширяются, – говорил он, – принимают всё более обширные формы и во время революции принимают форму не только классово-организации, но и диктаторской власти по отношению к имущим классам». И хотя Иванов в целом поддержал оформление единого блока профсоюзов и фабзавкомов, а заодно и постепенную ликвидацию центральных органов фабзавкомовского движения, косвенно он продолжал проводить прежнюю линию ЦС ФЗК на то, чтобы центром объединения могли оказаться именно фабзавкомы²⁷².

Большинство выступавших в прениях в той или иной форме поддержали основного докладчика. Некоторые из них были настроены даже ещё более решительно в пользу объединения, чем он. Наиболее близкую к официальной позицию занимали василеостровские рабочие и члены Союза металлистов, то есть кто уже успел в большей или меньшей степени поучаствовать в объединительных процессах на локальном уровне. Так, представитель Союза металлистов Алексеев заявил: «Я приветствую, что мы наконец наметили пути ... к слиянию наших "генералов"»²⁷³. А рабочий Петроградского арматурно-электрического акционерного обще-

ства, член действовавшего на нём совета старост А. Муштаков прокомментировал свою поддержку интеграции следующим образом: «Товарищи! из речей многих товарищей выяснилось, что во многих местах это уже произошло, например, в Василеостровском районе произошло слияние профессиональных союзов с фабрично-заводскими комитетами, у нас в некоторых заводах представители, входящие в профессиональные союзы, сливаются с представителями, входящими в фабрично-заводской комитет, так что мы здесь собрались только для того, чтобы оформить это слияние официально»²⁷⁴.

Однако и противники уничтожения фабзавкомов в качестве самостоятельной ветви рабочего движения высказывали свою критику отнюдь не с точки зрения «заводского сепаратизма», а с точки зрения «перспектив развития революции» и общегосударственных интересов. Так, Г. Максимов, представлявший Петроградский союз анархо-синдикалистской пропаганды, настаивал на приоритете в рабочем движении исключительно фабзавкомов, организаций, которые рабочий класс создавал «непосредственно в капиталистической цитадели», на производстве, лишив тем самым своих противников возможности нанести рабочим удар в спину скрытым экономическим саботажем, локаутами и т.д. Против подчинения рабочих комитетов профсоюзам он выступал исключительно по причине неверия в революционную роль профсоюзов. Соглашаясь на объединение двух пролетарских организаций, он подчёркивал ведущую роль в этом процессе фабзавкомов. По его убеждению, как таковые, «профессиональные союзы должны умереть, и они умирают», единственный для них шанс выжить – влиться в здоровую ткань фабзавкомовского движения. Эти его слова были встречены рукоплесканиями. «Единственная возможная форма организации, - доказывал Максимов, – фабрично-заводские комитеты, а профессиональные союзы должны раствориться в этих фабрично-заводских комитетах и должны оставить для себя только функции призрения, организацию питания, организацию страхования. Вот их дело, но не их дело вмешиваться в организацию производства». И вновь аудитория взорвалась бурными овациями, провожая докладчика с трибуны²⁷⁵. Сходные мотивы прозвучали в выступлении Петрова, заявившего, что профсоюзы «не могут быть диктаторами», а потому должны подстроиться под фабзавкомы, «иначе они умрут той медленной смертью, которой они уже умирают». Подводя итоги сказанного, Петров сформулировал своё понимание будущего развития российской экономики: «Только тогда может быть плодотворная работа, – отметил он, – когда руководящими органами, инициаторскими органами являются заводские комитеты на местах. Каждый комитет в курсе дел своего завода, в курсе своего хозяйственного и финансового положения. Каждый комитет может обрисовать то хозяйственное положение, если не во всей стране, то, по крайней мере, в своём заводе, в том масштабе, в котором он существует. Обрисовывая это положение не на одном заводском собрании, а на конференции, мы вынесем общую картину нашего хозяйственного положения в государстве. Тогда только мы можем творить ту плодотворную работу, к которой мы так стремимся»²⁷⁶.

Словом, делегаты конференции своей работой демонстрировали смелый государственный подход, готовность самостоятельно решать стоявшие перед обществом задачи, не боялись свободы мнений, твёрдо отстаивали свои взгляды. Почему же тогда некоторые историки, в том числе А. М. Панкратова, писали о VI конференции ФЗК северной столицы как о форуме, «похоронившем» рабочий контроль?²⁷⁷ Такая оценка конференции во многом связана именно с тем, как на ней был решён вопрос о слиянии фабзавкомов и профсоюзов. Результатом состоявшихся горячих дебатов по этому вопросу стала резолюция «О слиянии фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов». Несмотря на некоторое фрондирование со стороны официального докладчика и особенно некоторых рядовых участников конференции, резолюция оказалась полностью в русле решений I съезда профессиональных союзов. В ней говорилось:

«VI конференция фабрично-заводских комитетов, принимая во внимание, что выдвинутые Октябрьской революцией перед рабочим классом огромные задачи урегулирования и организации народного хозяйства требуют концентрации всех его сил и теснейшего сотрудничества и слияния в общем деле всех его экономических организаций, находит, что наблюдающиеся сплошь и рядом трения и столкновения между профессиональными союзами и их объединениями, с одной стороны, и фабрично-заводскими комитетами и их объединениями, с другой, крайне вредят и мешают этому делу и приводят к полной дезорганизации и к напрасной затрате сил обеих организаций на одну и ту же работу; признавая далее практику и опыт профессиональных союзов в вопросах защиты и урегулирования труда, как основного фактора производства, и фабрично-заводских комитетов в области организации и урегулирования производства, конференция считает необходимым полное слияние обеих этих организаций в единую производственную рабочую организацию»²⁷⁸.

Но оптимального лечения застарелой болезни на VI петроградской конференции фабзавкомов найти не удалось. В результате, как отмечают некоторые современные авторы, после её завершения кризисные моменты в развитии рабочего движения только усилились²⁷⁹. Это и не удивительно. Соперничество, которое прежде существовало между ФЗК и профсоюзами, различия в их природе, формах, методах и направлениях деятельности с принятием очередной резолюции никуда не исчезали. Наоборот, профсоюзные верхи поторопились воспользоваться полученным преимуществом и установить свою монополию в отечественном рабочем движении²⁸⁰. Тем более, что достигнутый компромисс вовсе не был одинаково выгодным для обеих сторон – преимущество в явной форме отдавалось профсоюзной бюрократии. В этом смысле ключевым являлся 5-й параграф резолюции, в котором предусматривался фактический роспуск ЦС ФЗК с последующим распределением его властных полномочий между различными подразделениями профсоюзной верхушки: «С реорганизацией союзов, согласно намеченным принципам, все функции, выполняемые Центральным советом фабрично-заводских комитетов, передаются соответствующим производственным объединениям», – однозначно предписывалось в нём²⁸¹. Значимость § 5 и всей резолюции не возможно переоценить. Поскольку городские конференции фабзавкомов северной столицы фактически имели характер общероссийских, поддержав курс I съезда профессиональных союзов, VI конференция ФЗК Петрограда вступила на путь, который являлся самоубийственным не только для петроградского, но и для всего фабзавкомовского движения. Допустив близорукость и добровольно возложив голову на плаху, ЦС ФЗК лишился возможности дальнейшего сопротивления, если бы такое вдруг было оказано. Тем самым в истории фабзавкомов как самостоятельной ветви рабочего движения была поставлена точка. В дальнейшем фабричными, заводскими, рабочими, местными и пр. комитетами называли низовые ячейки профессиональных союзов, но при этом им приходилось играть совершенно иную роль в жизни предприятий и всей страны, нежели фабзавкомам времён Октября 1917 года.

Чтобы окончательно охладить пыл наиболее упрямых поборников рабочего контроля в его фабзавкомовской редакции, в развитие решений I съезда профсоюзов и VI конференции петроградских фабзавкомов позже принимаются ряд резолюций и инструкций ВЦСПС и других руководящих хозяйственных органов Республики. Одним из наиболее важных документов такого рода можно считать широко известное «Положение о фабрично-заводских комитетах» от 12 августа 1918 г.²⁸². Согласно содержащимся в нём предписаниям, фабзавкомы обязывались проводить в жизнь любые решения всех вышестоящих профсоюзных инстанций, во всех областях своей деятельности руководствуясь решениями профсоюзных конференций, правлений профсоюзов, ВЦСПС, Высшего и местных Советов народного хозяйства, комиссариатов труда и т.д. Права, оставляемые фабзавкомам, сводились к функции, поскольку реально за фабзавкомами закреплялись лишь две прерогативы: наблюдать за деятельностью бирж труда (в

которую им вмешиваться не позволялось), а также «проводить в исполнение решения товарищеского суда и налагаемые им взыскания» «для поддержания дисциплины» на предприятии²⁸³. Важно отметить, что Положение принималось в условиях уже осуществленного переподчинения фабзавкомов профсоюзному руководству, в силу чего, ограничивая их компетенцию по сравнению с предшествующим периодом, руководство ВЦСПС, по существу, ограничивало уже свои собственные права, права низовых звеньев профсоюзного движения.

Примечания

¹ См., напр.: История советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920. М.: Наука, 1984. Т. 1.; *Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. М.: Высшая школа, 1984 и др.

² *Орджоникидзе Г. К.* Ильич в июльские дни // Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 525.

³ Ситуация, в которой Орджоникидзе поделился своими воспоминаниями, косвенно говорит об их вероятной достоверности. Впервые эпизод встречи с Лениным Орджоникидзе упомянул в 1924 году (См. Правда. 1924. 28 марта). Вскоре после этого его свидетельством воспользовался в «Уроках Октября» Л. Троцкий, ни на минуту не усомнившись в том, что мемуарист всё произошедшее с ним передал без искажений (*Троцкий Л. Д.* Уроки Октября (вместо введения) // Сочинения. Т. 3. Ч. 1. От февраля до октября. М.-Л., 1925. С. LVII–LVIII). А вскоре и сами «Уроки Октября» стали предметом прицельной критики, причём среди оппонентов Троцкого не последнюю роль играл и Г. Зиновьев, летом 1917 г. вместе с Лениным скрывавшийся в Разливе. Но ни тогда, ни позже, когда Зиновьев перешел в оппозицию Сталину и, следовательно, оказался по другую линию баррикад, нежели Орджоникидзе, он не оспорил ни слов Орджоникидзе, ни выводов, которые на их основе делал Троцкий (См. о перипетиях «полемики» тех лет в кн.: *Соколов В. Ю.* История и политика. Томск, 1990. С. 78-97).

⁴ См., напр.: *Козн С.* Бухарин. Политическая биография: 1888-1938 гг. М.: Прогресс, 1988; *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М.: Республика, 1992.

⁵ *Спартак.* 1917. № 1.

⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.

⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 90. Л. 8-9.

⁸ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.

⁹ Приводится по: *Троцкий Л. Д.* Уроки Октября. Л. 1991. С. 345.

¹⁰ В свете этого оценки А. А. Богданова и некоторых вождей меньшевизма Октябрьских событий как революции прежде всего солдатской, а уж только потом пролетарской нуждаются, по меньшей мере, в серьёзном уточнении.

¹¹ *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 79.

¹² Материалы конференции были помещены: *Новый путь.* 1917. № 3—4.

¹³ См., напр.: Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7-14 января 1918 г. Стенографический отчет с предисловием М. Томского. М.: ВЦСПС, 1918. С. 101.

¹⁴ Кроме того, заслуживает внимания следующее обстоятельство: когда анархистам удалось-таки на более или менее продолжительное время закрепить свою власть в «махновской» республике, они легко отказались от поддержки фабзавкомов и предпочли опираться на штыки своих военных формирований и карательных органов (См. подробнее: *Шубин А. В.* Махно и

махновское движение. М., 1998. С. 110-121. Собранные в книге факты говорят сами за себя, хотя автор даёт им свою трактовку в духе защиты исторической практики анархизма).

¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции, 5 июля – 5 ноября 1917 г.: Сб. док. М., 1957. С. 151.

¹⁶ Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общенациональный кризис. М., 1961. С. 272-273.

¹⁷ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957. С. 367.

¹⁸ Социал-демократ. 1917. 19 октября.

¹⁹ *Виноградов В. А.* Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983. С. 72-73.

²⁰ Деревенская правда. 1917. 18 октября.

²¹ Москва. Октябрь. Революция: Документы и воспоминания. М., 1987. С. 173.

²² Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 27 октября.

²³ См., напр., такие исследования, как: *Белоусова М. I* Борьба московских большевиков за рабочие массы в период мирного развития революции (март – июнь 1917 г.)// Московский историко-архивный институт. Труды. М., 1960. Т. 14. С. 84; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М.: Наука, 1967. С. 127-128, 134; *Милиц И. И.* История Великого Октября. М., 1978. Т. 1. С. 361.

²⁴ В этом смысле, с точки зрения выяснения ряда методологических аспектов, интересно остановиться на дискуссии, развернувшейся вокруг трудов А. М. Панкратовой. Как она утверждала в одной из своих работ, фабзавкомы, «явились той организацией, которая помогла большевистской партии быстро завоевать снизу меньшевистские профсоюзы и восстановить единство революционного профдвижения» (См.: *Панкратова А. М.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.-Л., 1927. С. 7). Возражая ей, современный историк Л. А. Сидорова отмечала, что большевизация профсоюзов – это не столько заслуга фабзавкомов, сколько следствие вытеснения всех прочих партий из политической жизни страны, происходившего уже после Октября. В подтверждение исследователь приводит следующие важные в свете дальнейшей судьбы самостоятельного рабочего представительства факты. Удельный вес коммунистов в центральных, губернских и уездных профорганах в 1918-1920 гг. составлял 50-60%, а начиная с 1922 г. – уже 80-90 процентов. В то же самое время доля членов партии в фабзавкоммах была существенно меньшей и колебалась от примерно 30% в 1920 г. до 50% в 1924 г. (См. об этом подробнее: *Сидорова Л. А.* Анна Михайловна Панкратова // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 423-424; *Она же.* Время становления. М., 1990. С. 127).

²⁵ *Грищенко А. П.* Рабшшчий клас Укра'ши у Жовтневш Революцп. Кшв, 1975. С. 122.

²⁶ *Астрахан Х М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 376.

²⁷ *Перазич В.* Текстили Ленинграда в 1917 г. Л., 1927. С. 91-92.

²⁸ ГАРФ. Ф. 472. Он. 1. Д. 3. Л. 169.

²⁹ Социал-демократ. 1917. 19 октября.

³⁰ Листовки петроградских большевиков. Т. 3. 1917-1920. Л. 1957. С. 99.

³¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 34. С. 387.

³² Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 11-12.

³³ Там же. Ч. III. С. 9.

³⁴ Там же. Ч. III. С. 11, 14-16 и др.

³⁵ Цит. по: *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс в 1917 году. М., 1970. С. 499.

³⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 12.

³⁷ Речь. 1919. 25 октября.

³⁸ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. С. 99-100, 603-606.

³⁹ Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917-1919 гг. Т. 1. С.228-229.

⁴⁰ Ситуация на патронном заводе анализируется, в частности, в таких широко известных работах, как: *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. С. 499; Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 454 и др.

⁴¹ *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1984. С. 22; Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. (832 с.). С. 740.

⁴² Представляется, что само по себе наличие такой достаточно развитой и успешно функционировавшей в самые сложные, переломные часы системы рабочих организаций *говорит об относительной зрелости рабочего движения, в целом, и фабрично-заводских комитетов как их составного звена, в частности.*

⁴³ Практической пользы в плане усиления вооружённых формирований Московского Военно-революционного комитета общегородская стачка, по утверждению советских историков, скорее всего не имела, поскольку вооружение рабочих активно велось по линии МВРК и до неё, но что касается политической стороны дела, то позитивное значение Московской стачки для революционного лагеря несомненно (*Грунт А.Я., Старцев В. И.* Петроград – Москва. Июль – ноябрь. 1917. М., 1984. С. 202).

⁴⁴ Цит по: *Михаил Томский:* Воспоминания. Статьи. Документы. М., 2001. С. 50).

⁴⁵ Разумеется, не обошли участники совещания и вопросов организации вооружённой борьбы. Так, первым в повестке дня значился вопрос об оказании помощи Московскому Военно-революционному комитету. По предложению представителя Союза текстильщиков М. В. Рыкунова было решено организовать постоянное дежурство силами профсоюзов и фабзавкомов, в том числе непосредственно на предприятиях, а также установить постоянную связь между всеми профсоюзными организациями города. Очевидно, Рыкунов мог использовать опыт Иваново-Вознесенского отделения своего профсоюза, действовавшего, как мы видели, примерно в том же ключе (Московский совет профессиональных союзов в 1917 году (Протоколы). М., 1927. С. 120-121).

⁴⁶ В этом смысле прежняя формулировка, что рабочие стремились не допустить падения производства сугубо из государственных интересов (См., напр.: *Виноградов В. А.* Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983. С. 73-74), кажется несколько наивной. Забота о сохранении своего предприятия (а не производства вообще) показывает, что рабочими, как и в феврале, продолжали руководить чувство самосохранения и забота о выживании – своем и своих семей, что, конечно, вовсе не исключает наличия прослойки сознательных рабочих, действительно переживающих за судьбу всей страны и революции. Но их задача облегчалась именно наличием у значительных масс рабочих стремления не оказаться на улице без средств существования в случае полного развала промышленности.

⁴⁷ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 17-18. Подчас позиция рабочих организаций высказывалась более остро. В частности, в принятой в ноябре 1917 г. Московским советом профсоюзов резолюции заявлялось, что при Советской власти «стачка является саботажем, против которого следует бороться самым решительным образом» (ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 167 а. Л. 4). По мере возникновения и разрастания масштабов протестных выступлений против политики советских властей жёсткость заявлений профсоюзного руководства усиливалась. Решительней становились меры, предпринимаемые по отношению к «отступникам». Характер риторики официальных профсоюзных органов спустя несколько месяцев после описываемых событий можно увидеть на при-

мере позиции, занятой в начале лета 1918 г. Нижегородским губернским советом профсоюзов, который объявил забастовки формой протеста, ведущей «к гибели рабочего класса» (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 33. Л. 10). В принятой им 25 июня резолюции давалась следующая оценка произошедшим в городе неделю назад беспорядкам: «Политическая забастовка, имевшая место в Нижнем [Новгороде] 18-го с [его] июня, должна рассматриваться как определённое контрреволюционное выступление».

При этом секретариат Совета союзов Нижегородской губернии в разворачивавшемся в те дни конфликте занял ещё более однозначную позицию. Проект резолюции, вынесенный им на заседание 25 июня, был выдержан в значительно более непримиримом духе. В первом пункте проекта утверждалось: «В момент чрезвычайного обострения классовой борьбы, в момент, когда пролетариат, ведя непрерывную борьбу с контрреволюцией, едва успевает отражать её удары, в момент, когда пролетариат, встав у власти, строит новую жизнь и ведёт огромную работу по улучшению экономического состояния страны, в такой момент всякая мысль о возможности и допустимости забастовок должна быть отброшена, т.к. путь забастовок в данное время есть путь гибели рабочего класса». В проекте резолюции, предложенной секретариатом, профсоюзные верхи без всяких колебаний становились на точку зрения местных властей. В пунктах 3 и 4 проекта они полностью поддерживали те репрессивные меры, которые были предприняты против стачечников, при этом места и должности уволенных за участие в забастовке 18 июня предлагалось занять через биржу труда безработным. А в 5 пункте выносимой на голосование резолюции предлагалось «всем сознательным членам профессиональных союзов, всем рабочим и служащим, продолжающим таковую, прекратить и немедленно встать на работу» без каких-либо предварительных условий (См.: Трудовые конфликты в Советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 261- 262).

⁴⁹ Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении. Л., 1927. С.111.

⁵⁰ Речь идёт о так называемом «эффекте бабочки». Сегодня о нём много говорят и пишут. Изучением подобных неустойчивых состояний в наши дни занимается новое синтетическое направление научной мысли – синергетика. Несмотря на неуместные претензии на роль единого общенаучного междисциплинарного метода, синергетика совершенно справедливо обращает внимание на некоторые явления, мимо которых в прошлом исследователи просто проходили. Подобные октябрьской ситуации переплетения альтернатив синергетики называют «точками бифуркации», малейшие динамические возмущения или «флуктуации», согласно представлениям синергетиков, способны привести всю систему в принципиально новое состояние, открывают путь к устойчивости на новой системной основе («аттрактору»). Если преодолеть волюнтаризм синергетики и скорректировать свойственное этому направлению мысли преувеличенное внимание бессознательному и случайному в ущерб сознательному и закономерному (детерминированному), то роль фабзавкомов в кризисные дни конца октября – начале ноября 1917 г., когда страна всё стремительней скатывалась к хаосу, предстанет более наглядно и осязаемо.

⁵¹ Гарви, правда, отрицал, что эта роль рабочих организаций в перевороте подходила под определение решающей, преобладающей либо направляющей, но собранный им в книге материал показывает, что в действительности, вопреки скепсису автора, во многих эпизодах именно рабочие через свои объединения направляли ход революционных событий, именно позиция рабочих организаций оказывалась преобладающей, в силу чего её правильнее всего считать «решающей». (Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции. С. 23).

⁵² См.: Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998; *Он же*. Три кризиса Советского правительства: к вопросу о формировании советской государственности // Россия XXI. 1998. № 3-4; *Он же*. Рабочий класс и рабочее государство: анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917-1918 годах. М., 2000; *Он*

же. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004.

⁵³ Архив русской революции. Кн. 4. Т. 7. М., 1991. С. 35.

⁵⁴ Русский экономический сборник. Кн. 5. Прага, 1925.

⁵⁵ РГА СПИ. Ф 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 235-242. Мотивировка выступления «правых большевиков» ещё не вполне изучена. Вероятно, многие вопросы будут решены после вовлечения в научный оборот новых документов. Среди них можно назвать стенограмму заседания ЦК РСДРП (б) 1 ноября 1917 года. Прежде она была известна в основном по публикации в книге Л. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» (*Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций*. М., 1990). После всплеска интереса к Троцкому эта публикация стала хрестоматийной. Дошло до курьёзов: в одном учебном издании (к слову, дважды переизданном) поместили отрывок из неё, при этом дав ссылку на архив. Подлинник, хранящийся в архиве, отличается от публикации Троцкого. И существенно. Однако главная мысль в обоих документах отражена однозначно – эта та глубина раскола, которая вдруг возникла между большевиками.

⁵⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). М., 1958. С. 88.

⁵⁷ Кроме того, он не являлся таким уж нереалистичным, как может показаться на первый взгляд. О его сравнительной практической пригодности свидетельствует, в частности, опыт различного рода коалиций, существовавших между Советами и прежними демократическими органами власти в различных российских губерниях. Случалось, что создание таких коалиций было направлено на предотвращение Гражданской войны (См. о постановке этого вопроса: *Шагин Э. М. Коалиции Советов с земствами и городскими думами в конце 1917 – начале 1918 г. и их освещение в современной советской литературе по истории Великого Октября // Великий Октябрь и непролетарские партии*. М., 1992. С. 3-11.

⁵⁸ На этот счёт см.: письмо М. П. Жакова к С. Ф. Васильченко // *Пролетарская революция*. 1922. № 10. С. 88-92.

⁵⁹ *Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923*. Кн. 1. Т. 1; Т. 2. М.: Прогресс, 1990. С. 709.

⁶⁰ *Киселёв. А. Ф. Российские профсоюзы: от независимости к огосударствлению // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия*. М., 1993. С. 23.

⁶¹ См., например: *Тихонов А. Всероссийский союз рабочих полиграфического производства*. М., 1921; *Городетский Е. Н. Рождение Советского государства*. М., 1965; *Спиридонов М. В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917-1920 гг.)*. Петрозаводск, 1965; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 132. Л. 3 а и др.

⁶² См.: *Металлист*. 1917. 30 ноября.

⁶³ *Профессиональный вестник*. 1917. № 7. С. 10.

⁶⁴ *Известия ЦИК и ПСРСД*. 1917. 2 ноября; *Ткач*. 1917. 9 ноября; *Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. Протоколы и материалы / Составитель Э. Цудзи*. СПб., 1997. С. 95, 162-163.

⁶⁵ *Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении*. Л., 1927. С. 111.

⁶⁶ *Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции*. С. 29.

⁶⁷ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 273.

⁶⁸ *Вперёд*. 1917. 11 ноября.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 100. Л. 81.

⁷⁰ *Меньшевики в 1917 году. Т. 3. От Корниловского мятежа до конца декабря. Часть II. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М., 1997. С. 622-624.*

⁷¹ Живое, красочное описание эпизода, связанного с попыткой рабочих-путловцев вмешаться в ход устроенных Викжелем переговоров, передающее весь колорит настроений в рабочих кругах Красного Питера, содержится в записках Анского (С. А. Раппопорта). Когда одно из заседаний, затянувшееся глубоко за полночь, близилось к концу, в помещении, где шли переговоры, появился швейцар и доложил о прибытии делегации путловских рабочих. Поначалу переговорщики решили её не пускать, сославшись при этом на важность дебатлируемых вопросов – очень характерный штрих, позволяющий глубже оценить истинное отношение многих представителей партийной интеллигенции к «серой пролетарской массе», которую следовало вести в светлое революционное завтра. Но рабочие, как вскоре выяснилось, имели собственное представление о происходящих событиях, проявили настойчивость и добились, чтобы их выслушали. В случае отказа в «аудиенции», они грозили просто-напросто ворваться силой. Этот аргумент подействовал безотказно, и вожди революционной демократии делегацию рабочих принять в конце концов согласились.

«В комнату вошло человек пятнадцать рабочих, стариков и молодых, – описывает Анский делегацию рабочих окраин Красного Питера. – Лица их были серьёзные, напряжённые». Без всяких дипломатических политесов один из вошедших, выступив вперёд, резко заявил:

– Довольно! Вы уже два дня заседаете, обсуждая вопрос о соглашении, но похоже на то, что вы вовсе не торопитесь. Мы не можем допустить дальнейшего продолжения гражданской войны. К черту Ленина и Чернова! Повесить их обоих!.. Мы говорим вам: положите конец разрухе. Иначе мы с вами считаемся сами!» (*Анский С. После переворота 25-го октября 1917 // Архив Русской революции. Т. VIII. М., 1991. С. 49.*)

⁷² Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. Токио, 2001. С. 37.

⁷³ Социал-демократ. 1917. 14 ноября.

⁷⁴ История профсоюзов России: Этапы, события, люди. М., 1999. С. 78.

⁷⁵ Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. С. 94.

⁷⁶ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 146-147.

⁷⁷ *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции. С. 31.

⁷⁸ В данном случае имеются в виду партии правых эсеров и меньшевиков.

⁷⁹ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 36.

⁸⁰ Критический подход к поступку ушедших со своих постов правых большевиков был вообще характерен для активистов различных рабочих организаций, считавших случившееся проявлением предательства и малодушия. В этом смысле показательным поведением в дни кризиса наркома труда А. Г. Шляпникова –единственный «рабочий от станка» в большевистском Совнарком. Как и его товарищи-металлисты, он выступал за «однородное социалистическое правительство». В этой связи, когда разразилась «эпидемия отставок», оппозиция поспешила сообщить, что в знак протеста против неконструктивности Ленина покинул свой министерский пост и Шляпников. В ответ на это, в «Правде» появилось подписанное Шляпниковым заявление, которое заканчивалось словами: «Прошу считать все слухи о моём уходе ложными» (Правда. 1917. 7 ноября). В основе взглядов Шляпникова на проблему формирования правительства в те дни лежал принцип его личной ответственности перед рабочими, чьи интересы Шляпников брался представлять, соглашаясь принять министерский портфель. Возлагаемая Шляпниковым на себя ответственность не позволяла ему идти на необдуманные, популистские шаги. Именно поэтому он сперва поддержал создание коалиции, поскольку это

соответствовало его взглядам на будущее революции, а потом отказался покинуть уже действующий однопартийный кабинет, чтобы ещё больше не усугублять тяжёлую политическую ситуацию в стране и сохранить за рабочими их представительство в правительстве (Подробнее см.: *Беленкин Б. И.* Народный комиссар труда А. Г. Шляпников // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1991. С. 93-94).

⁸¹ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 37-38.

⁸² Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.). М., 1996. С. 144.

⁸³ *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. М., 1925. С. 265.

⁸⁴ *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 81-82.

⁸⁵ *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 450.

⁸⁶ Торгово-промышленная газета. 1917. 3 сентября.

⁸⁷ Новая жизнь. 1917. 19 августа.

⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 32. Л. 80.

⁸⁹ Спартак. 1917. № 3. С. 1-6.

⁹⁰ *Волобуев В. П.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. С. 219.

⁹¹ *Бухарин Г. И.* На подступах к Октябрю. М.-Л., 1926.

⁹² Цены на продукты и заработная плата московских рабочих // Статистика труда. 1918.

№ 1.

⁹³ Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 373.

⁹⁴ *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. С. 82.

⁹⁵ *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004. С. 351.

⁹⁶ *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. С. 81.

⁹⁷ Г. Б. Струмилло с горечью пишет о том состоянии, в котором в конце 1917 г. находился его родной Трубочный завод, который, по его словам, «уже не походил на завод». Завод для автора записок – это не просто бездушное промышленное учреждение, а, как для всякого рабочего-интеллигента, втянутого в дело революции, некое сакральное место. Для него завод – это прообраз будущего человечества, где обычные вещи наполняются особым смыслом, где каждое орудие труда имело своё место, а каждый человек «делал своё дело и чувствовал себя частью целого». Теперь же Трубочный, по словам Струмилло, походил на «большой табор случайно собранных людей, не связанных общей целью и общими задачами». Завод-гигант стоял, его 20-тысячный трудовой коллектив постепенно деградировал. Можно было пройти все мастерские – и лишь изредка встретить работающий агрегат. Часть рабочих, по словам Струмилло, являлась на завод просто «по из года в год заведённой привычке», другие «просто убить время, узнать новости и поделиться своими политическими соображениями, чтобы после уйти ещё с большим сумбуром в голове, чем пришли» (Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж, 1982. С. 27 и др.).

⁹⁸ См.: Вперёд! 1918. 6 июня.

⁹⁹ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 15.

¹⁰⁰ Таблица приводится по: *Лященко Г. Г.* История народного хозяйства СССР. Т. III. Социализм. М., 1956. С. 38.

¹⁰¹ По материалам: *Белоусов Р.* Экономическая история России. С. 127.

¹⁰² Приводится по: *Белоусов Р.* Экономическая история России. С. 139.

- ¹⁰³ Белоусов Р. Экономическая история России. С. 128.
- ¹⁰⁴ Таблица приводится по: Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов / Под ред. Е. Цудзи. Ч. III. Токио, 2001. С. 78-79.
- ¹⁰⁵ Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. С. 67-68.
- ¹⁰⁶ Вдовин А.И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917-1940. М., 1976. С. 68, 80 и др.
- ¹⁰⁷ Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж, 1981. С. 137; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Экономические конфликты и политический протест. Сб. док. СПб, 2000. С. 11.
- ¹⁰⁸ Материалы по статистике труда Северной области. Пг., 1918. Вып. I. С. 18-19. Надо признать, что Струмилин несколько сгущает краски.
- ¹⁰⁹ Ильюхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда (1917-1922 гг.). Смоленск, 1998. С. 59; Дмитриев П.Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 11 и др.
- ¹¹⁰ Надо сказать, что на некоторых предприятиях численность рабочих в эти месяцы даже несколько увеличилась (Алекса́ндро-Невской мануфактуре Паля, Сампсониевской мануфактуре, Голодаевской писчебумажной фабрике, 1-й Государственной типографии, Невском кожевенном заводе Гофмана, фабрике по производству обуви «Быстроход», пивоваренном заводе «Бавария» и др.), но увеличение это было незначительным и не влияло на общую динамику рынка рабочей силы. Характерно, что ни на одном металлургическом предприятии Петрограда от самого мощного завода-гиганта до самой мелкой мастерской никаких фактов роста числа рабочих не наблюдалось, везде шло сокращение, стабильность удалось сохранить только на трёх предприятиях: механическом и напильном заводе С. П. Глазунова, где работало 13 человек, слесарно-сборочной и электротехнической мастерской «Эрихсон», численность занятых на которой была 12 человек, и, наконец, мастерской механических сеток «Киммель», которую обслуживали также 12 рабочих (данные приведены по: Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 года. Пг., 1918). Близкие к отмеченным явления наблюдались и на Урале. Так, по сообщению газеты «Вперёд», на Нижне-Троицкой суконной фабрике в конце 1917 г. было занято около 600 рабочих, а по другим данным весной 1918 г. на ней трудилось уже 700 человек (См.: Октябрь в Башкирии. Уфа, 1987. С. 210; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 – июнь 1918 г.). Сб. док. и мат. Уфа, 1957. С. 370.
- ¹¹¹ Возник даже особый термин для определения тех рабочих, кто поступил на завод в период войны, – «оборонцы». «Оборонцев» было немало. Только в Петрограде их насчитывалось до 170 тыс., из которых 150 тыс. работало на предприятиях тяжёлой промышленности. Среди металлистов Саратова «оборонцев» было около 15%, немало их насчитывалось в Москве, на предприятиях Урала и т.д. (Ильюхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда. С. 105).
- ¹¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 19.
- ¹¹³ Мартов Ю. О. Избранное. М., 2000. С. 396-397.
- ¹¹⁴ Урал и Прикамье. С. 25.
- ¹¹⁵ Ильюхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда. С. 58.
- ¹¹⁶ Вперёд! 1918. 26 февраля.
- ¹¹⁷ Минувшее: Исторический альманах. Т. 2. М., 1992. С. 294.
- ¹¹⁸ Урал и Прикамье. С. 23, 25, 27.

¹¹⁹ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. 1917-1921 гг. М., 1974. С. 268-269.

¹²⁰ *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 22, 28.

¹²¹ См., например: История советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920. М., 1984. Т. 1. С. 199-201.

¹²² Урал и Прикамье. С. 23, 25, 27.

¹²³ *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда. С. 153.

¹²⁴ Текстильный рабочий. 1917. № 6. С. 11.

¹²⁵ Правда. 1918. 30 октября.

¹²⁶ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 30. Л. 16; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 43, 73, 81 и др.

¹²⁷ *Гухман Б. А.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М., 1925. С. 143; *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство (дискуссии 1917-1920 гг.). М., 1991. С. 131 и др.

¹²⁸ Известия ВЦИК. 1918. 3 апреля.

¹²⁹ Формирование политического сознания, сознательности, революционности – всё это, безусловно, заслуживает пристального внимания. Современные подходы к проблеме хорошо и разносторонне показаны в трудах историка из Санкт-Петербурга С. В. Ярова, см., например: *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999 и др. Работы Ярова выигрывают по сравнению с прежними работами отечественных историков отсутствием излишней пафосности и, естественно, политизации. Отсутствие политической и иной предвзятости выигрышно отличают исследования Ярова и от некоторых западных авторов, унаследовавших многие подходы, характерные для эмигрантской эсеро-меньшевистской историографии.

¹³⁰ Видный активист рабочего движения, меньшевик, один из создателей и лидеров движения уполномоченных Ю. П. Денике иронизировал по этому поводу: «Роковую роль сыграла слепая вера во власть, – писал он, – т.е. вера в то, что обладание властью необходимо и достаточно для того, чтобы рабочий класс стал действительным хозяином жизни и мог устроить жизнь, как это ему нужно. Почему до Октябрьского переворота не всё шло хорошо? Потому что – был ответ, которому рабочие верили, – существует власть не рабочая и не крестьянская, власть «соглашательская», предающая «буржуям» интересы трудового народа. Вот эта «не наша власть» и мешает» (Новая Заря. 1918. 1 мая. С. 19). Теперь же, после Октябрьской революции, заверяли большевистские вожди, власть стала «своей», и эта «своя власть» поможет рабочим. Однако действительность оказывалась гораздо сложнее пропагандистских штампов.

¹³¹ См.: *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 373.

¹³² Урал и Прикамье. С. 23, 25, 27.

¹³³ Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 87.

¹³⁴ См. данные, приводимые в кн.: Урал и Прикамье. С. 359; *Дмитриев П.Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. С. 8 и др.

¹³⁵ Петроградская правда. 1919. 31 января.

¹³⁶ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. 1918. № 1-2. С. 4.

¹³⁷ Протоколы пленарного заседания Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда / Сост. *Е. Цудзи.* Токио, 2002. С. 71.

¹³⁸ Приводится по кн.: *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. 284.

¹³⁹ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 15 и др.

¹⁴⁰ В этой связи большой интерес представляют попытки большевистского руководства внедрить на некоторых предприятиях сдельную оплату труда. Там, где это удавалось, производительность шла вверх. Так, после перехода на сдельную оплату в эти месяцы резко повысилась производительность на целом ряде петроградских предприятий: на заводе «Вестингауз» – на 27%, на заводе Нобель – на 38%, на Невском заводе – на 52% и т.д. Но внедрение сдельщины продвигалось тяжело из-за противодействия (по определению советской историографии – «злостного противодействия») некоторых рабочих организаций и, в особенности, партий социалистической оппозиции (См.: *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 281). Сторонников сдельщины «обвиняли» в «тейлоризме», а сам тейлоризм объявлялся чуть ли не синонимом капиталистической эксплуатации, как таковой, «новым ярмом на шее рабочих» (См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 128. Л. 27-29а, 25-26 и др.). Тем не менее экономическая выгода от перехода к сдельщине была столь высока и очевидна, что количество трудовых коллективов, перешедших на неё, постепенно возрастало. Так, по данным статистического отдела Петроградского областного комиссариата труда, в июле 1918 г. на сдельной оплате труда работало 21,4% рабочих Петрограда, а в сентябре – уже 30,8% (Экономическая жизнь. 1919. 13 февраля).

¹⁴¹ Правда. 1918. 19 марта.

¹⁴² *Исхаков С. М.* Динамика жизненного уровня и перестройка сознания промышленных рабочих Башкирии в годы Гражданской войны (лето 1918-1920 гг.) // Реформы второй половины XVII-XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 130.

¹⁴³ *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917-1922 гг.). Смоленск, 1998. С. 74, 75 и др.

¹⁴⁴ *Козлов П.* Октябрь в Белорецке // Пройденный путь: К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. 1. Уфа, 1927. С. 56.

¹⁴⁵ *Исхаков С. М.* Об экономическом положении рабочих Башкирии в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Из истории экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988. С. 38.

¹⁴⁶ *Ваганова Л. А.* Ликвидация безработицы как одно из социальных завоеваний Великого Октября (на материалах Башкирской АССР) // Из истории экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988.

¹⁴⁷ *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда. С. 102-103, 104 и др.

¹⁴⁸ Новая Заря. 1918. 22 апреля. С. 21.

¹⁴⁹ Бюллетень Народного комиссариата труда. 1919. № 1-2. С. 54.

¹⁵⁰ Редкий случай, когда официальная большевистская печать называла гораздо более существенные масштабы обозначившейся проблемы – 600 тыс. безработных (Правда. 1918. 24 мая)

¹⁵¹ Приводится по: Новая Заря. 1918. 10 июня. С. 31.

¹⁵² *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда. С. 227.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 126. Л. 3.

¹⁵⁴ Там же. Л. Ъ-4. \ Печатник. 1918. № 1.

¹⁵⁵ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.

¹⁵⁶ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб., 2000. С. 66-67.

¹⁵⁷ См.: Урал и Прикамье. С. 27. Следует отметить, что Советская власть всё же, как могла, стремилась контролировать, а то и направлять процесс оттока рабочих. В Петрограде, в частности, с летних месяцев 1917 г. стояла проблема «разгрузки» города, т.е. переброски некоторых, прежде всего военных, производств в глубь страны. Большевики из политических соображений мешали Временному правительству осуществлять «разгрузку», обвиняя его в стремлении «задушить революцию», «сдать революционную столицу немцам» и т.д. После Октябрьской революции большевикам приходилось расплачиваться за свой популизм прошлых месяцев, самым осуществляя переброску предприятий на Восток страны. О масштабах этой работы свидетельствуют следующие данные, показывающие количество рабочих, воспользовавшихся бесплатным проездом в новые места проживания (см.: Новая Заря. 1918. 10 июня. С. 32):

Таблица А
Эвакуация рабочих из Петрограда

	Количество эвакуированных	Число членов семей эвакуированных	Всего
1917			
Декабрь	1 335	578	1 913
1918			
Январь	4 441	3 248	7 684
Февраль	6 498	6 680	13 178
Март	6 546	7 208	13 754
Апрель (по 19 IV)	10 564	10 740	21 304
Итого	29 384	28 449	57 833

Эвакуация шла с большими трудностями, лишь ко второй половине 1918 г. её удалось наладить более или менее удовлетворительно. Но предпринимаемых мер только в этом направлении было недостаточно, поэтому приходилось изыскивать и другие возможности. Так, уже к началу марта 1918 г. 22 тыс. рабочих Петрограда ушли в Красную армию. Такая же ситуация складывалась и в других городах, к примеру, московские рабочие почти не отставали от своих питерских товарищей, дав РККА 20 тыс. человек. Большое количество рабочих было задействовано в продотрядах. В 1918 г. в них было направлено не менее 60 тыс. пролетариев Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Тулы и других городов (*Вдовин А. И., Дробизhev В. З. Рост рабочего класса СССР. С. 75-76*).

Однако значительное количество рабочих, не желая обрекать себя на голодную смерть, решали вопрос разгрузки городов «своими силами». За счёт покидавших города рабочих значительно возросло количество крестьянских хозяйств. Так, в Тверской губернии в 1917 г. насчитывалось 9255 пришлых хозяйств, а годом спустя их было уже 11 923 или на 11,2% больше. Характерно, что количество мужчин при этом возросло на 31,4%, а женщин – только на 9,9%, что явно свидетельствует об экономической подоплёке оттока населения в деревню: мужчины отправлялись искать новые источники заработка и пропитания (*Илюхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда. С. 64*). В целом по 10 губерниям ЦПР за 1918 г. число рабочих, имеющих земельный участок или ведущих своё хозяйство при помощи членов семьи, выросло на 10,1% в сравнении с 1913 годом. Вспоминая события этого времени, Ленин позже напишет: «Неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими» (*Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 42*). Социал-демократическая оппозиция с горечью отмечала процесс разрыва рабочих с промышленностью. По данным меньшевистской печати, с 16 марта по 15 апреля потоки миграции из Петрограда выглядели следующим образом: в губернские города выехало 1937 (15%), в уездные города – 3931 (29%)

и непосредственно в сельскую местность – 7643 (56%) рабочих. По мнению обозревателя «Новой зари», переход от промышленного труда к крестьянскому ждал не только перебравшихся непосредственно в деревню. Не менее половины уехавших в уездные города, полагал он, со временем также вынуждены будут заняться сельским хозяйством и порвать с прежней пролетарской профессией (см.: Новая заря. 1918. 10 июня. С. 32).

¹⁵⁸ Новая заря. 1918. 10 июня. С. 26.

¹⁵⁹ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 103.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 6864. Он. 1. Д. 126. Л. 3-4.; Печатник. 1918. № 1; ГАТО. Ф. 7. Он. 1. Д. 3. Л. 89; *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. (1917-1921 гг.) М., 1974. С. 213.

¹⁶¹ Вперёд! 1918. 29 декабря.

¹⁶² *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 206-210.

¹⁶³ Колчаковщина на Урале (1918-1919 гг.). Документы и материалы. Свердловск, 1929. С. 11 и др.

¹⁶⁴ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. С. 211.

¹⁶⁵ *Исхаков С. М.* Об экономическом положении рабочих Башкирии в первые месяцы Советской власти. С. 40. Неслучайно именно в эти месяцы мешочничество превращается в явление общенационального масштаба, вовлекая в орбиту альтернативного снабжения не менее половины населения во всех ключевых регионах страны, в том числе рабочих, но эта проблема является самостоятельной, и в данном исследовании не рассматривается. (С современных позиций она частично раскрывается в интересном, богатом информацией исследовании А. Ю. Давыдов: см.: *Давыдов А. Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 80-82 и др.)

¹⁶⁶ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство (дискуссии 1917-1920гг.) М., 1991. С. 28.

¹⁶⁷ ГАТО. Ф. 105. Он. 1. Д. 2. Л. 148; Ф. 1012. Он. 1. Д. 20. Л. 11; Ф. 98. Он. 1. Д. 28. Л. 1 и др.

¹⁶⁸ Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Кострома. 1957. С. 366.

¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 1012. Он. 1. Д. 5. Л. 153. 153 об., 154.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 220. Он. 1. Д. 5. Л. 291.

¹⁷¹ Там же. Л. 391.

¹⁷² ГАНО. Ф. Р-730. Он. 1. Д. 35. Л. 3 об.

¹⁷³ Северный рабочий. 1918. 29 мая.

¹⁷⁴ Протоколы делегатского собрания. Вязничих, 1918. С. 3, 9-10.

¹⁷⁵ ГАРФ. Р-7952. Он. 3. Д. 215. Л. 2-3; ГАНО. Ф. 506. Он. 1. Д. 2. Л. 32.

¹⁷⁶ ГАНО. Ф. Р-730. Он. 1. Д. 36. Л. 15, 16-13 об.; Д. 35. Л. 5 об.; Рабочий край. 1918. 20 марта.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 7952. Он. 3. Д. 35. Л. 17.

¹⁷⁸ Там же. Д. 215. Л. 10, 12.

¹⁷⁹ Материалы по истории СССР. Т. 3. С. 163; ГАРФ. Ф. 382. Он. 6. Д. 24. Л. 18 об.; ГАНО. Ф. Р-730. Он. 1. Д. 95. Л. 7-15.

¹⁸⁰ ГАТО. Ф. 1012. Он. 1. Д. 39. Л. 129.

¹⁸¹ Национализация промышленности в СССР. С. 376-377.

¹⁸² Протоколы делегатского собрания. С. 3, 9-10; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 129—130; Д. 39. Л. 147, 147 об.; ГАРФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 313. Л. 6.; История Советского рабочего класса. Т. 1. С. 185.

¹⁸³ ГАИО. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 48.

¹⁸⁴ Там же. Л. 43.

¹⁸⁵ Там же. Л. 45-46.

¹⁸⁶ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 131-133; ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 34. Л. 7-9 и др.

¹⁸⁷ Надо признать, что военнопленные действительно составляли серьёзную конкуренцию русским рабочим в силу их широкого применения в отечественной промышленности со времени 1-й мировой войны. К примеру, в сентябре 1917 г. в каменноугольной промышленности Юга России из общего числа рабочих в 147 737 человек 32 563 являлись военнопленными, а в железорудной промышленности Екатеринославского и Таврического округов военнопленные составляли примерно половину: 12 336 из 24 362 рабочих. Работали военнопленные на заводах Урала, предприятиях других регионов страны (*Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. С. 68; Дмитриев П.Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. С. 11 и др.*).

¹⁸⁸ ГАИО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2а. Л. 65, 93; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 138; Ф. 641. Оп. 1. Д. 60. Л. 16-23; Новый путь. 1918. № 3.

¹⁸⁹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 56, 57, 59; Д. 5. Л. 148, 148 об.; Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 48; ГАИО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

¹⁹⁰ ГАТО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 50; Ф. 207. Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 85; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 215. Л. 9-11; Ф. 7. Оп. 7-1. Д. 4. Л. 17.

¹⁹¹ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. С. 331-332.

¹⁹² В третьем томе документального сборника по истории фабзавкомовского движения по этому поводу отмечалось: «Небывалая хозяйственная разруха, голод и напряжённая борьба с остатками старого строя требовали невероятных усилий и громадной энергии. Но, невзирая на всё это, ФЗК значительную долю своего внимания устремляют на творчество новой жизни не только в экономической области, но и в области новой пролетарской культуры, нового уклада жизни» (См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. С. 330). Деятельность фабзавкомов в области расширения культурного уровня рабочих невольно подсказывает исследователям идею обратиться к творческому наследию видного русского мыслителя начала XX в. А. А. Богданова, выстроившего стройную теорию так называемой пролетарской культуры. Вместе с тем, и это следует выделить особо, понимание пролетарской культуры лидерами фабзавкомовского движения часто расходилось с пониманием пролетарской культуры А. А. Богдановым и его последователями. Для лидеров фабзавкомовского движения пролетарская культура и культурничество не были чем-то изолированным от культуры прежних эпох. Один из авторов «Нового пути» П. Миссии в февральском выпуске журнала писал: «Рабочий класс с первых же дней революции понял всю тяжесть нравственного гнёта старого строя и сильнее, чем когда-либо, он стремится стать творцом новой культуры. Но чтобы творить свою, он должен знать старую, должен пропустить через своё пролетарское сознание все культурные ценности, взяв всё необходимое для своего творчества» (там же). В этом смысле лидеры фабзавкомовского движения в своём понимании культурных задач, стоящих перед рабочим классом, были существенно ближе к ленинской, нежели богдановской постановке вопроса – для сравнения интересно вспомнить высказывания Владимира Ильича на III Всероссийском съезде молодёжи, прозвучавшие два с половиной года спустя, после выхода рассматриваемой статьи «Нового пути»: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной

всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнётом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить, к пролетарской культуре... Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 304-305). Добавим также, что прямых связей между пропагандой учениками Богданова его идей в рабочей среде и деятельностью отдельно взятых фабрично-заводских комитетов в архивах обнаружить пока не удалось, несмотря на то что мы совершенно целенаправленно искали следы подобного рода воздействий.

¹⁹³ ГАТО. Ф. 1012. Оп. Д. 39. Л. 135-136; Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 66.

¹⁹⁴ См. об этом: ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; *Иткин М. Л.* Центры фабрично-заводских комитетов в России в 1917 году // Вопросы истории. 1974. С. 21-35; *Трукан Г. А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 334. Новый путь. 1918. №3. С. 13.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 313. Л. 6.; История советского рабочего класса. Т. 1. С. 185. и др. Новый путь. 1918. № 3. С. 13-14 и др.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.; Новый путь. 1918. № 3. С. 13-14.

¹⁹⁷ См., напр.: ГАНУ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

¹⁹⁸ Новый путь. 1918. № 3 и др.

¹⁹⁹ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917-1932 гг.) М., 1966. С. 48.

²⁰⁰ Там же. С. 52-53 и др.

²⁰¹ *Панкратова А. М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 81-82; *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966. С. 49-54.

²⁰² Подроби, см.: *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности.

²⁰³ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 14-15.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ ГАЛО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 1. Л. 94-103.

²⁰⁶ Там же. Ф. Р-162. Д. 178. Л. 21-22.

²⁰⁷ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 58.

²⁰⁸ *Панкратова А.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 241; *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 35; Новый путь, 1918. № 1 -2; Рабочий контроль. 1918. № 3. С. 15.

²⁰⁹ *Пайне Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 396.

²¹⁰ Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917-1918 гг. Л., 1947. С. 378; Очередные задачи профсоюзов. М., 1918.

²¹¹ И это притом, что неизбежным следствием конверсии должно было стать закрытие более трёхсот предприятий, на которых в общей сложности работало около четверти миллиона человек.

²¹² См.: *Киселёв А. Ф.* Из истории первого периода деятельности Народного комиссариата труда (октябрь-декабрь 1917 г.)// Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977.

²¹³ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 25 ноября.

²¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 196-198.

²¹⁵ Народное хозяйство. 1918. № 1. С. 28-34.

²¹⁶ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство. С. 43.

²¹⁷ Металлист. 1918. № 1. С. 13.

²¹⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 97. Л. 2 об.

²¹⁹ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917-1919 гг. Т. 1. Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда 1917-1918 гг. Сборник документов. Л., 1947. С. 307-308.

²²⁰ Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 ноября.

²²¹ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда. С. 300-302.

²²² Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. С. 308-321.

²²³ Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22-28. I. 1918. Протоколы и материалы / Составитель Е. Цудзи. СПб., 2002. С. 200-208, 445-447 и др.

²²⁴ Путиловец в трёх революциях. Л. И. 3. 1933. С. 424, 425.

²²⁵ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917-1919 гг. Т. 1. С. 288-289.

²²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 97. Л. 5, 5 об.

²²⁷ Там же. Д. 95. Л. 4-4 об.

²²⁸ Там же.. Д. 98. Л. 4-5 об.

²²⁹ Там же. Д. 95. Л. 4 об.

²³⁰ Там же. Д. 96. Л. 1.

²³¹ Там же. Д. 96. Л. 3-4.

²³² Там же. Д. 97. Л. 13.

²³³ Там же. Д. 97. Л. 9.

²³⁴ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 15.

²³⁵ *Чернов В.* Конструктивный социализм. М., 1997. С. 245 и далее.

²³⁶ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. 1918. № 3-4. С. 6-7, 10 и др.; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 84 и др.

²³⁷ Подробнее см.: *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917-1920гг.) М., 1991. С. 42-44).

²³⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 33. Л. 18-30.

²³⁹ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 15.

²⁴⁰ См.: Отчёт Всероссийского Центрального Совета профсоюзов за июль – декабрь 1917 г. Пг., 1918.

²⁴¹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3.

²⁴² ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 134 об. – 137 об.

- ²⁴³ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.
- ²⁴⁴ Новый путь. 1918. № 1-2. С. 6.
- ²⁴⁵ Там же. С. 6-7.
- ²⁴⁶ Чураков Д.О. Фабрики рабочим? Не обольщайтесь! // Профсоюзы и экономика. 1993. №6. С. 115-116.
- ²⁴⁷ Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917-1923. Кн. 1. Т. 1-2. М.: Прогресс. 1990. С. 462.
- ²⁴⁸ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. М., 1918. С. 234.
- ²⁴⁹ См.: Чураков Д. К чему привело противостояние фабзавкомов и профсоюзов // Профсоюзы и экономика. 1995. № 1. С. 55.
- ²⁵⁰ Новый путь. 1918. № 6-8.
- ²⁵¹ Первый Всероссийский съезд профсоюзов. М.: Профиздат, 1958. С. 219.
- ²⁵² Там же. С. 204.
- ²⁵³ Там же. С. 215.
- ²⁵⁴ Фин Я. Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922. С. 45-46.
- ²⁵⁵ Новый путь. 1918. № 3. С. 1 -2.
- ²⁵⁶ Там же.
- ²⁵⁷ Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22-28.1. 1918. Протоколы и материалы / Составитель Е. Цудзи. СПб., 2002. С. V.
- ²⁵⁸ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 23-43 и др.
- ²⁵⁹ Там же. С. 133-137 и др.
- ²⁶⁰ Там же. С. 414-424.
- ²⁶¹ Подобнее см.: Исторический архив. 2004. № 1. С. 217.
- ²⁶² Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 200-208, 445-447 и др.
- ²⁶³ Пайнс Р. Русская революция. Ч. II. М., 1994. С. 358.
- ²⁶⁴ Не лишне будет отметить, что в предлагаемой Лариным системе государственного капитализма по германскому образцу места рабочему контролю оставалось крайне мало, можно сказать – не оставалось вовсе. Вмешательство рабочих в прерогативы предпринимателей только бы настораживало их, вызывало разлад с Советской властью, подрывало выполнение плановых директив.
- ²⁶⁵ Помимо всего прочего, чисто в техническом плане национализация рабочим представлялась как предоставление кредитов их предприятию со стороны государственного банка, предоставление предприятиям государственного заказа (и помощь в заключении иных заказов на «свободном» или «советском» рынке) и т.п.
- ²⁶⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 255-258 и др.
- ²⁶⁷ Там же. С. 270.
- ²⁶⁸ Там же. С. 281, 286-287 и др.
- ²⁶⁹ Там же. С. 276, 278-280, 285, 289 и др.
- ²⁷⁰ Там же. С. 443-444.
- ²⁷¹ Там же. С. 130.
- ²⁷² Там же. С. 75-84.
- ²⁷³ Там же. С. 98.

²⁷⁴ Там же. С. 103.

²⁷⁵ Там же. С. 110, 112-113.

²⁷⁶ Там же. С. 94.

²⁷⁷ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 248.

²⁷⁸ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 441.

²⁷⁹ Исторический архив. 2004. № 1. С. 219.

²⁸⁰ В этой связи интересно отметить одно обстоятельство. Прения по вопросу о взаимоотношениях двух рабочих организаций затянулись очень надолго, поэтому баллотировка резолюции проводилась, когда все делегаты уже очень устали, часть из них потянулась к выходу. Поэтому резолюция принималась как бы в общем, за основу, голосовались её основные принципы. Некоторые участники конференции пытались было возражать: «Нам подадут немасленную булку и пихают её в рот, – заявил один из недовольных. – Я не доверяю никаким организациям, а только себе. Когда мы разберём по пунктам, мы будем твёрдо и решительно надеяться на данную резолюцию». Но скептиков никто слушать не стал, под предлогом необходимости предварительно обсудить положение резолюции на местах было решено не откладывать принятие резолюции и не вдаваться в некоторые содержащиеся в ней тонкости.

²⁸¹ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 441-442.

²⁸² Впоследствии оно будет продублировано специальной резолюцией II съезда профессиональных союзов, состоявшегося полгода спустя в начале 1919г., что говорит о той роли, которую отводило ей профсоюзное руководство.

²⁸³ Цит. по: *Фин. Я.* Профдвижение СССР от возникновения до наших дней. М., 1928. С. 47-53.

Революционный этатизм: между практикой и доктриной

К самовосприятию революции: выбор элит

1. Формирование идеологии «огосударствления»

В судьбах рабочего движения революционной поры есть вопрос, о котором прежде не любили писать отдельно, но который напрямую выводит на проблему послереволюционного кризиса органов фабрично-заводского представительства рабочих. На судьбы рабочего самоуправления в русской революции 1917 г. важное влияние оказывали не только сами революционные процессы, но и то, как они воспринимались участниками событий. В частности, многое зависело от позиции революционных партий и от того, на каких принципах они готовы были строить свои взаимоотношения с рабочим классом. Особенно возросла роль этого фактора после Октября, ведь большевики были обязаны своей победой именно самостоятельному рабочему движению. Теперь многое зависело от того, как определяют победители свои взаимоотношения с рабочими организациями: будут ли они строить их на принципах сотрудничества или посредством чиновничьего вмешательства в прерогативы рабочего самоуправления?

Учитывая, что в последующие годы в нашей стране установился жёсткий, централизованный строй, некоторые исследователи склонны полагать, что большевики изначально взяли курс в этом направлении, следуя своим утопическим постулатам. С подобных позиций уже в те годы выступали такие известные деятели, как К. Каутский¹. В наши же дни эту точку зрения в той или иной степени разделяют такие отечественные авторы, поднимавшие в своих публикациях проблемы революции 1917 г., как М. Капустин, Д. Волгогонов, а также такие зарубежные авторы, как Р. Пайпс².

Многие постулаты большевизма и в самом деле могут как бы служить подтверждением некоторых взглядов этих авторов. Но идеология большевиков в сфере государственного строительства, тем не менее, не была столь прямолинейной.

К. Маркс, а вслед за ним и В. И. Ленин, действительно, считали, что переход к социализму должно обеспечивать государство диктатуры пролетариата. При этом В. И. Ленин придавал государству особенно важную роль, полагая, что в России, которая в социально-экономическом развитии отставала от передовых капиталистических стран, именно государственная власть поможет обеспечить торжество нового строя. Государство должно было «доделать» то, что не успело совершиться естественным ходом развития страны³. Однако, перед самым приходом к власти В. И. Ленин пишет одну из своих ключевых работ «Государство и революция», которая строилась на идеях безгосударственного коммунизма, что свидетельствует о неоднозначности его подходов. Что же касается идей государственного строительства на ближайшую перспективу, то считалось, что новое государство не будет прикрытием господства меньшинства. Наоборот, социалистическое государство мыслилось как власть большинства над меньшинством. Этим насилие оправдывалось, хотя слово «диктатура» в понятии «диктатура пролетариата» не носило эмоциональной нагрузки и в теории означало лишь власть трудящихся над своими прежними угнетателями⁴.

Как представляется, здесь следует учитывать и то обстоятельство, что на такой консервативный социальный институт, как государство, не могут оказать решающего воздействия такие

преходящие факторы, как колебание идеологических настроений; на развитие взаимоотношений государства и общества могут влиять лишь более фундаментальные общественные процессы в экономике и на уровне доктринальных систем, вне зависимости от их идеологических и политических мундиров⁵.

В этом смысле, как представляется, более оправданным с научной точки зрения, чем подход Р. Пайпса, Д. Волкогонова и др., является подход, учитывающий два принципиально важных обстоятельства совершенно иного рода. Во-первых, ряд авторов отмечают тот факт, что начало XX века вообще ознаменовано поворотом к усилению государства и соответствующих государственных идеологий. Применительно к тому периоду мировой истории идею регулируемого государством народного хозяйства можно без преувеличения считать центральной, определяющей основные направления политической и экономической мысли⁶. Затем важно учитывать то влияние, которое на формирование государственных институтов и настроений в обществе, в том числе на большевистскую идеологию, оказала Первая мировая война⁷.

На наш взгляд, именно война, в силу своей паразитической функции в сфере экономики⁸, явилась мощнейшим фактором ограничения в России демократических свобод и настроений. Достаточно сказать, что милитаризация труда (не единственный, но существенный элемент огосударствления), как панацея от хозяйственной разрухи выдвигается ещё в 1915 г. Впервые «ходатайствовать... о милитаризации рабочих» было решено Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов уже 26 июня 1915 г., а всего через несколько дней, 9 июля 1915 г., принимается решение добиваться «всеобщей милитаризации» работающих на войну предприятий через государственные учреждения. Аналогичные требования, по настоянию П. Рябушинского, принимаются 6 июля 1915 г. и Московским областным ВПК⁹.

Планы милитаризации общества явились как бы составным пунктом более широкого замысла, по крайней мере тенденции, формирования в России буржуазного государства западного типа. Один из сторонников этих планов, приват-доцент Сторожев, историк, отмечал, что ныне, особенно в условиях «великой европейской войны», торгово-промышленный класс становится ведущей силой, перед которой «должны склониться... демократические задачи нового времени»¹⁰. Об этих далеко идущих проектах милитаризации труда довольно точно писал А. Шляпников, сохранивший стойкий иммунитет против подобных «экономических методов» и позже, когда уже сам оказался в кресле министра: «Организация заводов по казарменному типу, награждение ставленников капитала офицерскими полномочиями над рабочими, с арсеналом наказаний и наград в руках дирекции – вот идеал **космополитического капитала**»¹¹.

Одновременно государство форсирует усиление собственного контроля над экономикой. Первым шагом, по мнению современников, сделанным в этом направлении, стал указ от 17 февраля 1915 г., наделявший провинциальную администрацию правами устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, а также запрещать вывоз продукции за пределы своей губернии¹². В случае необходимости, к особо упорствующим против поставок фронту могли применяться реквизиции. Принятию этого указа предшествовало мощное движение в общественных и управленческих кругах, отразившее тенденцию к централизации. Поэтому вскоре последовали и другие шаги в этом направлении¹³. Важнейшим из них стало подписанное 29 ноября 1916 г. управляющим Министерством земледелия А. А. Риттихом распоряжение о *хлебной развёрстке*.

Усиление экономической роли государства не встречало сопротивления общественности. Наоборот, создание Военно-промышленных комитетов и других экономических союзов также шло в русле укоренения в стране государственно-монополистического уклада. Неслучаен в этом смысле и последний шаг царизма по усилению административного регулирования экономики. Уже в ранге министра, на последнем заседании Думы, 25 февраля 1917 г. Рит-

тих объявил о передаче продовольственного дела городскому самоуправлению. Это мероприятие отнюдь не означало отказа от централизации продовольственного снабжения. Наоборот, посредством общественности правительство предполагало ещё шире охватить своим контролем хлебный рынок. Процесс укоренения государственно-монополистических структур, тем самым, подстегивался и сверху, и снизу – со стороны предпринимателей, пытавшихся таким образом «врасти» в государство¹⁴.

Растущее вмешательство государства в народнохозяйственную жизнь и соответствующие реформы органов управления находили своих сторонников, адвокатов и пропагандистов¹⁵. Открыто или косвенно приветствовали «прямое огосударствление предприятий», как это тогда называлось, экономисты Б. Авилов, Н. Астров, Л. Коффенгауз, Г. Полонский, А. Соколов. Твёрдыми сторонниками государственного регулирования выступали такие представители торгово-промышленных кругов, как В. А. Степанов, А. И. Коновалов и многие другие¹⁶. Немалое количество людей, разделявших подобные позиции, встречалось и в органах власти. Среди наиболее ярких фигур здесь можно назвать начальника Главного артиллерийского управления А. Маниковского. Он прославился тем, что 2 ноября 1916 г. направил военному министру доклад за номером 165 392. Доклад этот был не чем иным, как развёрнутой программой государственно-монополистического переустройства России¹⁷.

После февраля 1917 г. ситуация усугубляется. Временное правительство склонно было использовать всё, чтобы удержаться у власти, в том числе планируя усилить госконтроль в экономике, другое дело, насколько соответствующие планы были эффективны и суждено ли им было сбыться¹⁸. Идеолог прогрессизма А. И. Коновалов объяснял необходимость огосударствления очень примечательным образом, – оно для него являлось ответом на прежнюю непоследовательность в этом вопросе царизма, которая привела к обострению недоверия между классами. Теперь же, следовало из его выступлений, только государственное вмешательство (арбитраж, регулирование, планирование, распределение) сможет предотвратить социальный конфликт¹⁹. Радикальную позицию в вопросах экономического регулирования занимал и министр труда Скобелев, высказывания которого победно цитировали большевики: «Мы должны, – утверждал он, – ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность»²⁰.

В общем русле проводимой политики огосударствления уже 25 марта министр земледелия Временного правительства А. И. Шингарёв, подталкиваемый экономистами Петросовета, подписывает закон о регулировании в области ценообразования и заготовок сельхозпродукции²¹. Отныне владельцы обязывались предоставлять всё количество хлеба, за вычетом необходимого для собственного потребления и хозяйственных нужд, в распоряжение государства. Инструкция же Министерства земледелия от 20 августа предписывала применять к утаивающим хлеб вооружённую силу. Несмотря на последующие изменения, этот закон стал одним из решающих на пути к будущему всеобщему огосударствлению рынка хлебов и введению государственной хлебной монополии²².

Другим актом Временного правительства становится учреждение Совещания по развитию производительных сил. Его создание было не чем иным, как данью господствовавшим тогда этатистским веяниям в идеологии²³. Когда в июне 1917 г. на смену ему были созданы Экономический совет и Главный экономический комитет, в их функциях было определено: «Выработка общего плана организации народного хозяйства и труда», а также «разработка законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни»²⁴. Более того, в одном из своих заявлений правительство идёт на обещание «осуществлять систематический кон-

троль над производством, транспортной системой, валютой, распределением товаров, а в случае необходимости... контролировать и организацию производства»²⁵. Не останавливаясь на этом, правительство принимает декрет от 12 июня 1917 г. о налоговой реформе, ставший в глазах современников «величайшей победой демократии». Согласно ему, предусматривалось равномерное распределение «национального финансового бремени» и усиленное налоговое обложение прежде всего крупной цензовой буржуазии. И хотя из-за резкого неприятия этого декрета промышленными кругами осенью 1917 г. правительству пришлось пойти на попятную, общая тенденция к государственному регулированию экономической жизни усиливалась²⁶.

Делая ставку на государственное вмешательство в экономику, буржуазия, в частности кадеты, готова была даже допустить к государственному контролю рабочих, лишь бы основные рычаги власти оставались в руках цензовых элементов²⁷. Но с тем большим упорством, как мы видели раньше, предпринимательские круги боролись против рабочего контроля. Эта позиция, казалось бы, должна была поменяться после прихода к власти большевиков, когда буржуазия должна была быть заинтересована в ослаблении нового государства любыми средствами, даже путём разжигания сепаратизма рабочих коллективов. Примечательно, что, кроме тех случаев, когда конкретные владельцы использовали органы рабочего самоуправления на своих предприятиях в своих целях, этого не происходит. О позиции же имущих классов в целом можно судить по статье в одной из наиболее авторитетных в их кругах «Торгово-промышленной газеты», которая вскоре после большевистского переворота писала: «... насколько полезен и необходим государственный контроль промышленности через посредство незаинтересованных (!) и беспристрастных органов, настолько же вреден контроль промышленности через рабочие организации, ослеплённые классовою враждой и потому способные лишь саботировать работу промышленности»²⁸. Другая не менее солидная буржуазная газета «Промышленность и торговля» так передавала своё понимание рабочего контроля: «Что сказали бы о людях, которые установили бы контроль над действиями врача в тот момент, когда он останавливает кровь при пересадке сосудов, делает искусственное дыхание находящемуся в обмороке и т.п. Что сказали бы о власти, которая поставила бы контролёра для наблюдения за действиями человека, спасающего утопающего, или действиями капитана корабля во время шторма?»²⁹.

Осознанно или нет тенденцию на усиление вмешательства государства в саморегуляцию общества, на огосударствление экономики в той или иной степени поддерживали в тот период практически все реальные политические силы, вовлечённые в борьбу за власть: от Керенского до Корнилова. Различалась лишь риторика, к которой приходилось прибегать действующим персонажам для обоснования своих планов по усилению государственного вмешательства в экономику³⁰.

На подобных позициях стояли и партии, взявшие действовать от имени пролетариата. С ультрарадикальной программой соответствующих реформ выступили экономисты Петроградского Совета – меньшевики П. Гарви, Ф. Череванин, Б. Богданов. Особенно был активен и последователен на ниве социального моделирования В. Громан. Взяв за основу опыт воюющих держав, прежде всего Германии, он настаивал на том, что только всеобщее регулирование способно спасти российскую экономику. Решение этой проблемы, по его расчетам, было не под силу общественным организациям и требовало вмешательства *административного аппарата*, наделённого *всей полнотой государственной власти*³¹. В приверженности подобным воззрениям, на наш взгляд, и кроется одна из причин того скептического отношения социалистических партий к рабочему самоуправлению и фабзавкомам, которое они демонстрировали на протяжении всей революционной эпохи³². Так, в работах П. Гарви мысль о «реакционности» деятельности низовых рабочих комитетов является одной из основополагающих в его

концепции революционного движения рабочих в период русской революции. По его мнению, сепаратизм фабзавкомов мешал объединению всех сил рабочего класса и был на руку только большевикам³³. Критика рабочего контроля, рассредоточенного

по отдельным предприятиям, содержится в работе меньшевика В. Плетнёва. Он полагал необходимым сосредоточить контрольные функции в едином центре³⁴. Относительно меньшевистской позиции, подменявшей рабочий контроль государственным контролем с участием рабочих, В. И. Ленин писал: «Получается, в сущности, чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в «государственном» контроле кадеты ничего не имеют»³⁵.

Эсеры, хотя их внимание было больше приковано к вопросам земельной реформы, также разделяли общие настроения в поддержку сильной государственной власти. С их точки зрения, вмешательство государства в экономику было необходимым. Активно поддерживали они и планы огосударствления рабочих организаций, превращения их в звено хозяйственных органов государства. Пожалуй, именно эсерам принадлежит первенство в принятии резолюции, содержащей положения в поддержку огосударствления рабочих организаций. Ещё в апреле 1917 г. на I Всесоюзной конференции железнодорожников они ратовали за то, чтобы железнодорожным транспортом управляли рабочие организации, объединяющие в своих рядах рабочих и служащих железных дорог. Для этого железнодорожники должны были быть *государственно организованными*. Лидер эсеров В. Чернов прямо заявлял, что железнодорожники станут особой корпорацией, «которой будет вверено управление железнодорожной сетью». Ещё определённой на этот счет высказывался эсер Крушницкий, не разделявший организации рабочих и органы управления государством³⁶. Позже, уже будучи в эмиграции, Чернов отстаивал ту точку зрения, что сам по себе рабочий контроль – это не что иное, как путь к анархии. Положительное значение для революции он может иметь лишь как подчинённая часть контроля государственного³⁷. Считали рабочий контроль лишь суррогатом контроля со стороны всего общества и представители левацких течений неонародников³⁸.

Анархисты, выступая за *отмену* государства, его *разрушение*, как такового, вроде бы должны были быть последовательными противниками государственного контроля и сторонниками контроля рабочего. Известный анархист Г. Максимов уже после революции настаивал, что только анархисты правильно оценивали роль и значение рабочего самоуправления³⁹. На деле ситуация и в рядах анархистов складывалась не так однозначно⁴⁰. Во-первых, некоторые из них отстаивали идею общественного контроля, которая на практике не могла реально отличаться от контроля государственного. Во-вторых, отдельные группы анархистов полагали необходимым сохранить рыночные механизмы, в том числе через развитие кооперации. Но существование рынка уже само по себе подразумевает существование неравенства, а вслед за тем неизбежно и государства. Утопические надежды отдельных течений в анархизме избежать при помощи кооперации наёмного труда подвергались сомнению в самой же анархистской среде. Наконец, последовательные анархисты, настаивающие на тотальной ликвидации государства, выступали за создание таких условий, в которых бы рабочий контроль не смог продержаться сколько-нибудь длительное время⁴¹.

2. Большевики перед выбором: государственный или рабочий контроль?

В свете отмеченных тенденций в социально-экономической и идеологической областях, не удивительно, что большевики также стояли на позициях государственного регулирования, если их взгляды и отличались в этом вопросе от взглядов кадетов и меньшевиков, то только

меньшей экономической проработкой, но зато значительно большей политической определённой.

Значительное место в развитии большевистской идеологии в области абсолютизации государственной власти принадлежит Н. И. Бухарину, которого считали в партии крупным специалистом в сфере политэкономии и чьи взгляды на государство долгое время считались в большевистской среде хрестоматийными⁴². Позиция Бухарина в этом вопросе в годы войны всё более и более радикализировалась. Он становится решительным сторонником насильственных методов в политике⁴³, в том числе в отношениях между государством и торгово-промышленными кругами⁴⁴, которые, по его мнению, и были повинны в войне, а теперь паразитировали на бедствиях народа⁴⁵.

Первые наброски своей концепции роли государства победившего пролетариата, подготовленные для обнародования, Бухарин делает сразу же по поступлению к нему в эмиграцию сведений о революции в России. В первой своей статье на эту тему, появившейся ещё в Северо-Американских Соединённых Штатах, он доказывал неспособность буржуазного правительства имеющимися в его распоряжении средствами предотвратить экономическую катастрофу Бухарин отмечал: «Возьмём хотя бы финансовую сторону дела. Облегчить гнёт можно было бы лишь путём самых радикальных мероприятий». Под радикальными мерами в этом случае он подразумевал государственное банкротство. «Этой гири, – резюмировал он, – не в состоянии снять гучковско-милюковское временное правительство»⁴⁶. А могло ли Временное правительство, по мнению Бухарина, бороться с дороговизной? Какие меры нужны были для предотвращения голода? «Выход, – писал Бухарин, – нужно искать в двух направлениях: в полной перестройке всех государственных финансов и решительной политике конфискаций пищевых и иных продуктов. Перестройка бюджета требует: отказа от долгов ... максимального обложения капиталистической прибыли, доходов банков и поземельной ренты (т.е. помещиков) с одновременным установлением минимума заработной платы и ограничением рабочего дня. Последние два условия необходимы, чтобы господствующие классы не перелагали своего обложения на плечи рабочего класса. Другими словами, *перестройка* бюджета может при теперешних условиях быть осуществлена при конфискации значительной доли прибыли капиталистов и дохода помещиков»⁴⁷.

Развивая свои взгляды, Бухарин шёл ещё дальше: «Организация продовольственного дела не возможна без уничтожения экономической власти монополистических торгово-промышленных организаций: их господство может быть сломлено лишь путём конфискации (огосударствления) их товара и **контроля над производством**». «На эти меры, – делал вывод Бухарин, – не может согласиться новое правительство, ибо они противоречат его классовым интересам настолько, что их проведение означало бы отказ октябристов и кадетов от их классовой сущности. А чудес на свете не бывает»⁴⁸.

По возвращении в Россию Н. Бухарин разовьёт свои взгляды. Их стержневая мысль – нежелание и неспособность инфантильной русской буржуазии наладить государственное регулирование. В статье «Государственный контроль над производством и русская буржуазия» он пишет: «...буржуазия во всех воюющих странах переходит теперь к государственному контролю над производством... без этого контроля капиталистическое общество не выдержало бы войны...» Бухарин задаётся вопросом, почему же и после свержения самодержавия российская буржуазия не спешит организовать госконтроль? И отвечает – из боязни, что вся власть, а с ней и контроль перейдут к пролетариату⁴⁹. В своей же знаменитой брошюре по истории революции он доводит критику бездействия русской буржуазии до обвинений её в сознательном саботаже экономического развития страны⁵⁰. *Основной вывод -Временное правительство на государственное регулирование не пойдёт, так как боится социализма.*

В чём же видел Бухарин выход? Опять-таки ещё в американских статьях он говорит о необходимости прихода к власти пролетарского правительства с самой радикальной программой: «Пролетарское правительство, – подчёркивал он, – должно конфисковать пищевые продукты, оно должно конфисковать значительную часть прибылей капиталистического класса, оно должно взять под свой контроль и *целый ряд производственных областей*»⁵¹.

Эти взгляды Бухариным излагались и в других его статьях: «Экономический развал и война»⁵², «Российская революция и её судьбы»⁵³, «Государственный капитализм и социалистическая революция»⁵⁴, «Промышленники о государственном регулировании производства»⁵⁵ и пр., позже изданных отдельным сборником⁵⁶.

Необходимость радикального вмешательства государства в экономику отстаивал и лидер большевиков В. И. Ленин. Впрочем, в его работах революционной риторики было меньше, чем у Бухарина, и свою аргументацию Ленин строил на прагматичных рассуждениях о необходимости в условиях войны и разрухи поддерживать экономику страны коллективными усилиями.

Уже в своих первых набросках будущего хозяйственного устройства пролетарского государства, сделанных им в сентябре – октябре 1917 г., Ленин писал о необходимости бороться с надвигающейся катастрофой самыми жёсткими и далеко идущими методами. Эти меры, по мысли Ленина, предусматривали «контроль, надзор, учёт, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил, устранения всякой лишней траты сил, экономия их». Кроме этих общих фраз, в ленинских работах содержатся и вполне конкретные предложения, – национализация банков, что, по его мнению, можно было совершить одним росчерком пера, а также национализация сахарного, угольного, нефтяного, железного и других синдикатов и установление государственной монополии, что тоже, как считал Ленин, могло быть организовано достаточно просто, поскольку война и капитализм вели именно к таким сверхмонополиям. Среди прочих мероприятий, называемых Лениным в качестве первоочередных, – отмена коммерческой тайны, принудительное синдицирование, регулирование потребления и пр. При этом Ленин не забывал постоянно подчёркивать свою ключевую политическую установку, что правительство меньшевиков, эсеров и кадетов не способно на такие радикальные меры, объясняя это, как и Бухарин, классовый сущностью буржуазных и соглашательских партий⁵⁷.

Развивая свою мысль о необходимости и возможности при диктатуре пролетариата всеобъемлющего вмешательства государства в экономическую жизнь общества, он писал: «Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учётно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам... его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществлённые крупным капитализмом... «Огосударствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. – вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора Советов»⁵⁸, то есть государства.

В другом месте Ленин делает ещё более далеко идущие заявления: «Все граждане превращаются здесь, – излагал он своё видение будущего, – в служащих по найму у государства, каковым являются вооружённые рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Всё дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы, и получали поровну. Учёт этого, контроль за этим упрощён капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку

доступных операций наблюдения и записи, знания четырёх действий арифметики и выдачи соответствующих расписок»⁵⁹.

Всё это и позволило современному исследователю В. Мау констатировать не только *этатизм* большевиков, но и говорить о том, что эта развернутая большевиками политика *огосударствления* служила лишь *прямым продолжением российской политики военных лет – царского и Временного правительств*TM. Но именно эта политика и несла главную угрозу самостоятельности и дальнейшему развитию независимых органов рабочего самоуправления на производстве, делая их кризис практически неизбежным.

И тем не менее первые месяцы после Октября становятся временем наиболее полного проявления всех форм производственного представительства рабочих и патронирования их со стороны советского государства⁶¹. Государственная *поддержка самостоятельных пролетарских организаций на время становится стержнем всей хозяйственной политики*. Этот исторический зигзаг никогда бы не произошёл, если бы доктрина большевиков в рабочем вопросе определялась только *этатистской парадигмой эпохи*. Вторым компонентом их доктрины, приведшим пусть и к временному, но чрезвычайно важному отклонению от господствовавших тогда тенденций общественного развития, был их революционный демократизм, нашедший своё воплощение в ориентации большевиков на «самостоятельное революционное творчество масс». Демократические установки в большевистской идеологии вырастали на почве мощного давления на политический процесс в России 1917 года со стороны рабочего движения. Рождённый рабочими лозунг рабочего контроля над производством, идея рабочего самоуправления на производстве имели колоссальную мобилизующую роль, которую отмечали не только советские, но и зарубежные историки, причём даже критически настроенные к большевикам⁶². Только сделав упор в своей агитации на поддержку рабочего контроля, большевики смогли претендовать на взятие власти. «Мы были вынесены этой громадной волной», – признавался впоследствии Н. Бухарин⁶³, имея в виду стремление рабочих к реализации своих политических прав.

Казалось бы, получив статус правящей партии, большевики и в дальнейшем могли сполна использовать рабочий контроль в своих целях. Действительность же была значительно сложнее. Идея независимых *хозяйственных* организаций рабочих в социал-демократических кругах устойчиво считалась анархо-синдикалистской. Поэтому и в идеологию большевизма она вживалась сложно, встречая серьёзные возражения многих влиятельных деятелей партии. Их взгляды объединяло одно – последовательное неприятие рабочего контроля и самостоятельности фабрично-заводских комитетов.

Одним из принципиальнейших антагонистов рабочего контроля был Ю. Ларин. Ещё в ноябре 1917 г., по его же словам, он «повёл и провёл борьбу против полной передачи управления предприятиями в руки рабочих». Некоторое время спустя, в мае 1918 г., он ставит себе в заслугу «ограничение прав трудовых коллективов» и «борьбу с самостоятельным установлением рабочего управления на производстве», которые он осуществлял, если пользоваться его же терминологией, *насаждая* главки и центры⁶⁴.

Другой противник рабочего производственного представительства И. И. Скворцов-Степанов обобщал свою позицию в следующих словах: «Фабрично-заводской комитет во многих отношениях является *приемником* капиталистического предпринимателя. На все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами *данной* фабрики или завода... Этим определяются такие методы действия, которые способны не приблизить, а отдалить нас от основной задачи современности, от сознательного и планомерного урегулирования всех экономических отношений»⁶⁵.

Радикализмом в отношении рабочего контроля отличались воззрения В. Осинского (Оболенского). В подготовленном им в 1918 г. проекте организации экономической жизни

Советской республики абсолютный приоритет отдавался центральным хозяйственным органам⁶⁶. Начав с того, что рабочие должны заменить буржуазию в сфере организации производства, он заканчивал разработкой мер по введению всеобщей трудовой повинности, которая бы превратила рабочих в индустриальных крепостных⁶⁷.

Категоричное высказывание на счёт рабочего самоуправления принадлежит А. Лозовскому: «Нужно оговорить, – подчёркивал он, – с абсолютной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получилось такого впечатления, что предприятия принадлежат им»⁶⁸.

Не сразу сложились взгляды на методы осуществления рабочего контроля и самоуправления и у Ленина. Примечательный в этом смысле случай произошёл ещё в середине весны 1917 года. Попытавшиеся самостоятельно наладить производство на своём заводе рабочие-михельсоновцы обратились «за советом к Ленину». В ответ Ленин, по свидетельству рабочего Н. Я. Иванова, заявил, что «брать предприятия в свои руки ещё рано». Необходимо, подчёркивал Ленин, сперва завладеть властью. А пока следовало, разъяснял он, лишь налаживать контроль над деятельностью предпринимателей. Вернувшись, делегация мало что могла подсказать своим товарищам, ждавшим практических хозяйственных рекомендаций. В скором времени рабочим пришлось сдать свои позиции⁶⁹. По Ленину, получалось, что управлять страной проще, чем отдельным предприятием. На деле же речь шла лишь о том, что весной 1917 г. он ещё не представлял, как конкретно рабочие могут наладить производство в своих интересах своими силами. Похожий случай зафиксирован и А. Вильямсом. Как прогрессивный американский журналист и друг Советской России, он имел доступ к самой верхушке большевиков и был хорошо осведомлён о многих вещах, закрытых для глаз посторонних. Однажды он стал свидетелем эпизода, когда к Ленину обратилась группа рабочих с просьбой дать совет, как наладить работу фабрики. На это, как утверждает Вильямс, Ленин только «развёл руками». В передаче американца ленинский ответ звучал примерно так: «Откуда мне знать, как пустить в ход фабрику. Пойдите, попробуйте, а затем возвращайтесь и скажите, что вы сделали. И тогда я постараюсь чему-нибудь научиться на ваших промахах и ошибках. И прибавил, шутя, – и напишу об этом книгу»⁷⁰.

Такая неопределённость во взглядах большевистских лидеров позволила Н. Осинскому позже утверждать: «... если спросить себя, как же представлялась до 25 октября нашей партии *система* рабочего контроля в целом, и на почве какого хозяйственного порядка её думали построить, то мы нигде не найдём ясного ответа»⁷¹. 0 том же писал некоторое время спустя после прихода большевиков к власти и Лозовский: «Рабочий контроль, – подчёркивал он, – был боевым лозунгом большевиков до Октябрьских дней. Но несмотря на то, что рабочий контроль фигурировал на всех знаменах и во всех резолюциях, он был покрыт какой-то мистической таинственностью. Партийная пресса мало писала об этом лозунге и ещё меньше пыталась вложить в него какое-нибудь конкретное содержание, и когда грянула Октябрьская революция и пришлось точно и ясно сказать, что такое рабочий контроль, то обнаружили на этот счёт большие разногласия среди самих сторонников этого лозунга»⁷².

Но согласиться с полемически заострёнными высказываниями Лозовского и Осинского всё же нельзя. Как бы сложно большевики не шли к идее рабочего самоуправления, постепенно она становится неотъемлемой частью их партийных программ.

Уже в мае начинает плотнее заниматься вопросами рабочего самоуправления сам Ленин⁷³. А в работах периода, непосредственно предшествовавшего приходу большевиков к власти, он уже разворачивает целостную систему взглядов на будущее общественное устройство. Значимое место в ней отводилось и органам рабочего самоуправления: «Когда мы говорим «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда

вслед за ней, то мы разьясняем этим, о каком государстве идёт речь, -подчёркивал он, – государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилятся и керится» вот уже более полугода. Если пролетариата, если речь идёт о пролетарском государстве, *то есть* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим учётам производства и распределения продуктов»⁷⁴.

Ленин видел в рабочем контроле залог победы социалистической революции, о чём прямо писал в своей основной дооктябрьской работе с изложением плана социалистических преобразований экономики. Имеется в виду его работа «Грозящая катастрофа и как с нею бороться». В ней он, помимо всего прочего, высказывал одну мысль, которая несколько открывает истинные взгляды Ленина на будущее рабочего контроля. Он предполагал использовать рабочий контроль с целью принуждения буржуазии к сотрудничеству с новым государством. При этом Ленин полагал оставить предпринимателям и трудовым коллективам часть получаемой прибыли, чтобы сохранить у них экономический стимул к производству. Этот шаг был не мыслим без развития на предприятиях самого широкого самоуправления рабочих, поскольку в противном случае предоставляемые предприятиям права могли бы быть использованы буржуазией в контрреволюционных целях⁷⁵.

Несколько под иным углом зрения он излагает своё отношение к проблеме самоуправления трудовых коллективов в другой программной статье предоктябрьского периода «Удержали ли большевики государственную власть?», в которой он впервые выдвигает идею плановой экономики. Анализируя эту работу, Э. Карр пишет о ленинской экономической философии как о философии планирования в сочетании с решительным утверждением рабочего контроля⁷⁶.

Что же касается мнения Ленина на счёт того, противоречит ли рабочий контроль государственному, то он однозначно утверждал, что к «предпосылкам рабочего контроля можно отнести наличие в России системы государственно-монополистического капитализма», одновременно являющегося и предпосылкой контроля государственного. Поэтому эти два вида контроля он считал взаимосвязанными⁷⁷. В своём исследовании Российской революции Э. Карр приходит даже к выводу, что некоторые ленинские высказывания вели к размыванию грани между рабочим и государственным контролем⁷⁸. Дело, однако, в том, что в ленинских работах эта грань вообще не может быть найдена, поскольку для Ленина государственный и рабочий контроль были не просто взаимодополняющими, но являлись звеньями одного аппарата регулирования в случае, если само государство является рабочим. Уже в апреле 1917 г. в одном из своих выступлений, говоря от том, что синдикат сахарозаводчиков должен перейти в «руки государства под контроль рабочих», он пояснял, что «рабочие и крестьяне» являются теми, для кого и через кого будет действовать Советское государство, тем самым практически отождествляя государственный контроль с рабочим⁷⁹.

Эти взгляды не были характерны для всех социалистов того времени. Тем не менее их разделяли и некоторые сподвижники вождя. Среди них можно назвать, прежде всего, Н. Бухарина, который был сторонником самого радикального вмешательства рабочих в экономику. Без этого он вообще не мыслил перехода к социализму. Государственное планирование и регулирование без участия в нём рабочих означало, по Бухарину, создание нового государственного рабства.

Позже, возвращаясь к своей статье «Мировое хозяйство и империализм» из женеvского журнала «Коммунист» № 1-2 за 1915 г., где излагались его ключевые взгляды на государство и экономическое развитие начала XX века⁸⁰, Бухарин писал:

«Если был бы уничтожен товарный способ производства... то у нас была бы совершенно особая хозяйственная форма. Это был бы уже не капитализм, так как исчезло бы производство товаров; но ещё менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже углубилось) гос-

подство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы более всего замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рынка рабов»⁸¹.

В другом месте он уточнил свою мысль:

«Здесь существует плановое хозяйство, организованное распределение не только в отношении связи и взаимоотношений между различными областями производства, но и в отношении потребления. Раб в этом обществе получает свою часть продовольствия, предметов, составляющих продукт общего труда. Он может получать очень мало, но кризисов всё-таки не будет»⁸².

Альтернативой этому гипотетическому государству «нового рабства» Бухарин выдвигает государство, основанное на самоуправлении рабочих, отмирающее государство, то есть – социалистическое⁸³.

Уже в своих «новомировских» статьях он подчёркивал: «Дело производства не может оставаться вне рабочего контроля; а для капиталиста, товары которого подвергаются постоянной конфискации, ведение производства теряет смысл, так как он перестаёт получать прибыль. Оно переходит в руки рабочих. Так диктатура пролетариата приводит неизбежно к социализации производства и к переходу капитализма в социализм»⁸⁴. Летом 1917 г. он разработал проект преодоления угрозы голода путём развёртывания целостной системы рабочих организаций и выступил с ней на одном из июньских заседаний Моссовета. Он призвал на основе рабочих объединений создать аппарат централизованной организации хозяйства. «Нижними ячейками этого аппарата, – указывал Бухарин, – должны быть *заводские комитеты и комитеты служащих единичного предприятия*»⁸⁵. Ещё более широко изложены взгляды Н. Бухарина в ряде его публикаций в «Спартаке» и «Социал-демократе», в которых он не просто высказывал уверенность в победе социалистической революции, но писал, что она осуществится только при постоянном **организационном** творчестве рабочих, «когда вся страна будет покрыта густой сетью рабочих и полурбочих организаций»⁸⁶.

Проекты будущего устройства системы управления экономикой на протяжении 1917 г. и первых послереволюционных месяцев, пока творческая инициатива рабочих ещё не была задушена, разрабатывались и руководством самих пролетарских организаций, как это видно из предложенного Московским союзом металлистов проекта будущего всеобъемлющего контроля над производством. Во главе учреждений, регулирующих производство, по мысли авторов проекта, предлагалось поставить Центральный промышленный совет, соответствующий Особому совещанию по обороне. Средним звеном должны были стать районные промышленные советы и затем – заводские или фабричные совещания⁸⁷. Союз металлистов вообще был склонен к социальным прожектам, многочисленные свидетельства чему сохранились в архивах (см. приложения).

На позицию центрального руководства Союза металлистов сильное влияние оказывали металлисты Москвы, среди лидеров которых особенно выделялся М. П. Томский, в то время являвшийся редактором печатного органа Московского союза металлистов «Московский металлист». Сам Томский неоднократно подчёркивал взаимосвязь экономической и политической борьбы рабочих организаций. Эту общую идею он переносил и на своё отношение к рабочему контролю, полагая, что ни рабочий контроль, ни рабочее регулирование не возможны без самых радикальных форм вмешательства рабочих в вопросы организации власти. Тем самым для него не только рабочий контроль являлся шагом к социализму, но и сам социализм виделся, в определённом смысле, как шаг к реальному, полноценному рабочему контролю, опирающемуся на государственную власть. Касаясь деятельности органов государственного регулирования Временного правительства, он настаивал на их слабой эффективности и призывал передать их в руки рабочих организаций. Примечательно, что в фабзавкоммах Томский видел ответ рабочих не столько на слабость и немощность профсоюзов в первые

месяцы революции, сколько ответ на бюрократизм и недееспособность органов, регулирующих экономику. Во взглядах Томского можно чётко проследить компромисс между его централистскими убеждениями и приверженностью рабочему демократизму⁸⁸. В первой своей статье после Октября Томский пишет о рабочем контроле как об участии рабочих «в руководстве производством в целом и в каждом отдельном предприятии, в частности»⁸⁹. Однако явное предпочтение, которое Томский отдавал профсоюзной форме рабочей самоорганизации и недооценка в этой связи самостоятельной роли фабзавкомов позже приведут его в лагерь достаточно жёстких централистов⁹⁰.

Таким образом, до определённого момента в большевизме сосуществовало два основных подхода, противостоявших друг другу в определении взаимосвязи контроля рабочего и государственного, а соответственно этому – локального рабочего самоуправления и центрального государственного управления. **Первый** из этих подходов, тесно объединявший рабочий и государственный контроль, лежал в основе взглядов В. И. Ленина и Н. Бухарина, руководства крупнейшего в ЦПР Союза металлистов; **второй** подход, противопоставлявший контроль централизованного государственного аппарата анархическому вмешательству в производство отдельных трудовых коллективов, определял позицию таких видных представителей тогдашнего большевистского руководства, как Ю. Ларин, И. Скворцов-Степанов, А. Лозовский и др.

Однако, на самом деле картина была более неоднородной. И неоднородность эта с особой силой проявилась уже после прихода большевиков к власти, когда сама жизнь потребовала от них дать чёткий практический ответ на основные вопросы государственного строительства.

Прежде всего, во многом различны были подходы Ленина и Бухарина. Ленин не считал рабочий и государственный контроль атрибутами социализма, он видел в них лишь ступени перехода к социализму, которые должны быть пройдены и оставлены за спиной: «Эта революция – социалистическая, – писал он, – введение рабочего контроля, национализация банков – всё это меры, ведущие к социализму. Это ещё не социализм, но это меры, ведущие нас гигантскими шагами к социализму»⁹¹. Для Бухарина же все эти понятия: рабочий контроль, государственный контроль, планирование, самоуправление рабочих, наконец, социализм, – лежали в одной плоскости и раздельно им не воспринимались⁹².

Не были едины и противники отождествления рабочего самоуправления с государственным регулированием экономики. Тот же А. Лозовский, категорически требовавший не допускать реализации лозунга «фабрики – рабочим», был одним из самых последовательных сторонников самостоятельности рабочих организаций и выступал против их огосударствления. Он предупреждал, что огосударствление самостоятельных объединений пролетариата, подчинение их Советам приведёт к утере ими классовой самостоятельности, бюрократизации, разрыву с пролетариатом, нанесёт ущерб инициативе низов. Всё это приведёт к тому, что «сама жизнь ... создаст организации, которые будут брать на себя *защиту интересов рабочих против государственных интересов*»⁹³. Лозовский разделял понятия рабочего самоуправления и рабочего контроля и, выступая против первого, активно поддерживал второй. Он отвергал мнение о том, что рабочий контроль уже устарел и что его пора списывать со счетов⁹⁴.

Такие взгляды Лозовского на проблемы перспектив рабочего представительства исходили из его общей оценки ситуации в стране. Он считал, что мужицкая Россия никак не созрела для социализма, справедливо утверждая при этом, что «социалистическая революция начинается не тогда, когда социалисты становятся у власти»⁹⁵. Лозовский подчеркивал: «Состояние народного хозяйства делает материально невозможным организацию производства на социалистических началах, и не будем поэтому перед лицом этого, хотя и печального, но неопровержимого факта, плодить крайне вредных и опасных иллюзий, ибо иллюзии гибнут, а фаты остаются»⁹⁶.

Н. Скрыпник, один из лидеров петроградских фабзавкомов и последовательный сторонник самостоятельности этой формы рабочего самоуправления и рабочих организаций, вообще считал рабочий контроль прелюдией рабочего управления. Подобно Ленину, он полагал, что «рабочий контроль – это ещё не социализм, это лишь одна из переходных мер, приближающих нас к социализму». В то же время он всячески ратовал за распространение рабочего вмешательства в экономику предприятия, где оно ещё по каким-либо причинам не осуществлялось⁹⁷.

И. Скворцов-Степанов, так же как и Скрыпник, считал необходимым переход от рабочего контроля к рабочему управлению, изложив свою точку зрения в специальной брошюре. Но если Скрыпник приветствовал развитие фабзавкомов, то Скворцов-Степанов видел в успехах этих органов рабочего контроля одну из главнейших опасностей для революции: «Вместо республики Советов мы упираемся в республику своеобразных рабочих артелей, – писал он, – в которые как бы превращаются капиталистические фабрики и заводы. Вместо быстрого урегулирования всего общественного производства и распределения... мы имеем практику, которая напоминает мечтания анархистов об автономных производительных коммунах»⁹⁸.

Деятели, подобные И. Скворцову-Степанову, не шли дальше утверждений, что «рабочий контроль снизу есть только подсобная часть регулирования промышленности в государственном масштабе»⁹⁹.

Пессимизмом по отношению к возможностям и будущему системы рабочего самоуправления отличалась довольно широко распространившая своё влияние группа так называемой «платформы рабочего индустриализма», в состав которой входили такие известные деятели режима, как А. Гастев, А. Гольцман, В. Оборин, Н. Филипов¹⁰⁰. В основе политических установок этой группы находилась идея транснационального индустриального гиганта, экстерриториального треста, ориентирующегося на германскую или американскую монополистическую экономику¹⁰¹. В выступлениях и публикациях лидеров платформы говорилось о неотвратимости проникновения американских и германских капиталов и организационных структур в Россию¹⁰². При этом, как замечает А. Ф. Киселёв, России отказывалось в национальной самобытности, которая, по его словам, приносилась в жертву её индустриальному развитию по западному образцу. Рабочий класс России отдавался на долгую «выучку» иностранному капиталу. Здесь, по мнению А. Ф. Киселёва, воплощалась идея всё той же мировой революции, только вывернутая наизнанку, поскольку после Брестского мира авторы платформы уверились в том, что западный пролетариат сможет прийти на помощь российским братьям по классу, а без его поддержки, полагали сторонники платформы рабочего индустриализма, капитуляция русской революции неизбежна, причём в такой форме, что Россия как самостоятельное государство перестанет существовать и на её территории будет действовать некий гигантский космополитический трест¹⁰³, в котором ни о каком *самоуправлении рабочих* речи уже не шло. Как говорил С. Лозовский, платформа группы «рабочего индустриализма» предусматривала *насаждение* в России крупного капиталистического производства с привлечением «капиталов из Англии и Америки»¹⁰⁴. Много позже Гастев продолжал отстаивать тезис отсталости организации труда в России по сравнению с Западом. Среди исторических форм трудовой организации он нашёл место ремесленным союзам, английским тред-юнионам, даже церкви и армии, но и словом не обмолвился ни о русской общине, ни об артели¹⁰⁵.

Идеи «платформы рабочего индустриализма» не были беспочвенной утопией, они свидетельствовали об опасности метаморфозы курса правящей партии в вопросах рабочего самоуправления. Шло формирование далеко не безобидной тенденции к абсурдной абсолютизации центрального управления, в жертву которому можно было приносить судьбы наций и народов, классов и социальных групп, отдельных людей. По мнению участников группы, рабочие объединения должны были ограничивать свою деятельность строгой регламентацией «рабочей

производительности», которая в свою очередь должна была сделать неизбежным «нормирование рабочего отдыха, нормирование трудового темпа и всего производственного поведения пролетариата»¹⁰⁶. По мнению авторов платформы, централизованное нормирование в производственной жизни приведёт к формированию новой этики трудовых отношений¹⁰⁷. Люди, таким образом, мыслились винтиками, деталью в огромной, точно налаженной централизованной машине, которая превращает их в свой придаток, работающий точно и синхронно по раз и навсегда заведённому порядку. Задачи организаций рабочего движения «индустриалисты» видели не в развитии творчества, инициативы, самостоятельности масс, а в подчинении их твёрдой дисциплине, определяемому в едином центре порядку, всевозможным нормам. По мнению А. Ф. Киселёва, такая трактовка задач рабочих объединений не прошла бесследно и в той или иной форме она внедрялась в практику, что и дало соответствующие результаты в недалёком будущем¹⁰⁸.

С критикой подобных оценок фабзавкомов и системы рабочего представительства в целом выступал в тот период центральный печатный орган ЦС ФЗК «Новый путь». Так, в статье А. Кактина в № 1-2 за 1918 г., подробно проанализировавшего и само понятие рабочего контроля, и формы деятельности, осуществляемые фабрично-заводскими комитетами в качестве его практического проявления. «Самое понятие рабочего контроля, сначала весьма неясное, – писал Кактин, – стало постепенно, с дальнейшим развитием революции и обострением хозяйственной разрухи, конкретизироваться и развиваться вширь и вглубь»¹⁰⁹. По его мнению, «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений... так и остаются *отдельными...*»¹¹⁰. Причину этого автор «Нового пути» видел в том, что: «Работа вовсе не происходит, как утверждают скептики из рядов нашей мелкобуржуазной среды экономистов, анархически, без плана, без руководства. Например, фабрично-заводские комитеты в этом отношении точно исполняют руководства своих же высших выборных органов, районных и центральных советов фабрично-заводских комитетов, или, в вопросах труда, профессиональных союзов»¹¹¹. Кактин делает вывод: «Итак, сейчас мы совершенно иначе должны толковать понятие рабочего контроля. Теперь контрольные органы на местах – фабрично-заводские комитеты – уже не являются в преобладающем числе предприятий простыми наблюдателями за действиями предпринимателя или посыльными его в различных учреждениях за топливом, сырьём и т.д., в то же время совершенно бесправные, не имеющие никакого значения во всех регулирующих учреждениях, теперь они являются ответственными, признаваемыми государственной властью фактическими руководителями дел предприятия»¹¹².

И хотя по некоторым признакам (упоминание выборных координирующих органов ФЗК в качестве центральных регулирующих организаций, сведение роли профсоюзов к регуляции вопросов труда, непропорциональное преувеличение зрелости фабзавкомовского движения на местах и т.п.) можно предположить, что статья А. Кактина полемически направлена против верхушки ВЦСПС, завершается она выводом, который вполне вписывался в проводимую в тот период государственную политику в области промышленной демократии. Кактин, в частности, называл фабзавкомы лишь низовыми «ячейками высших учреждений народного хозяйства» и подчеркивал, что их задача сводится к тому, «чтобы всеми силами идти по указываемому этими органами и учреждениями пути»¹¹³.

О разнообразии мнений на дальнейшую судьбу самостоятельных рабочих организаций после победы Октября и о широте дискуссии на этот счёт, охватывающей не только большевистское руководство, но и среднее звено большевистского истеблишмента, свидетельствует статья, подписанная Портянко, Ник. Шевниковым, Эссеном, Виноградовым, А. Покровским и Ф. М. Шаблинским. Сперва она появилась в «Газете Временного рабочего и крестьянского пра-

вительства», а затем, из-за её важности, перепечатана в журнале «Рабочий контроль». В этой статье делалась попытка совместить демократические традиции 1917 г. с авторитарными тенденциями 1918 г. «Рабочий контроль есть, – писалось в статье, – один из видов государственного контроля, а потому не может быть речи об одном из них, как об особом установлении». Авторы не просто считали, что рабочий контроль является лишь одной из форм контроля государственного, они видели в нём такую форму государственного контроля, *без которой все другие формы государственного контроля превращались в формальность*.

Чувствуя возможную угрозу бюрократизации, они пишут о прежнем государственном регулировании. Возникнув, по мнению авторов статьи, ещё в 1864 г., оно превратилось в «тормоз живого дела». И вот, пишут они о положении после Октября, прежняя система госконтроля «который месяц» паразитировала саботажем чиновничества, «а жизнь как бы не замечает этого: в дверях контроля не стоят толпы, не ищут разрешения вопросов, не вызывают об открытии этих дверей». Буржуазно-бюрократический контроль, таким образом, подводят итог авторы, потерпел полное фиаско из-за своей оторванности от жизни.

В заключение они пишут: «Мы сознаём важность государственного контроля, но нам не нужен такой выкормыш старого бюрократического строя». По мнению подписавших статью работников нового контрольного и хозяйственного аппарата, знавших положение в своих ведомствах и в организации контроля не понаслышке, выход из саботажа прежнего чиновничества, неэффективности прежнего контроля и бюрократизации нынешнего, советского, контрольного аппарата нужно искать на путях реорганизации центральных учреждений контроля, а с другой стороны – в опоре на рабочий контроль, причём, что особенно важно, «он должен быть *обобществлён* и в него введено *выборное* начало»¹¹⁴.

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что взаимоотношения между государством и рабочим самоуправлением после прихода к власти большевиков определялись несколькими факторами. Прежде всего следует указать на готовность некоторых большевистских лидеров прислушиваться к мнению рабочих окраин и развивать разнообразные формы рабочего контроля и самоуправления. Однако серьёзную угрозу для будущего рабочего самоуправления представляли тенденции усиления роли государства за счёт подчинения всех остальных общественных институтов, господствующие в тот период. Даже в самой в большевистской партии, как мы видели, далеко не все разделяли веру Ленина в способность рабочих организаций самостоятельно наладить производство на своих предприятиях, ещё меньше сторонников рабочего самоуправления мы находим в других значимых политических партиях той поры. Тем самым дальнейшие судьбы рабочего самоуправления на послеоктябрьском этапе Российской революции зависели от двух взаимосвязанных обстоятельств: во-первых, от уровня развития самих органов рабочего самоуправления, во-вторых, от эволюции государственной политики в области рабочего законодательства и взаимодействия с объединениями пролетариата по решению стоящих перед страной проблем. Большевикам нужно было примирить интересы центра с потребностями местного самоуправления, но готовых рецептов они не имели.

Рождение «нового мира»: первые шаги в решении рабочего вопроса

3. Положение от 14 ноября о рабочем контроле: надежды и обречённость

Двойственность тенденций, определявших лицо рабочего самоуправления и его место в системе институтов послереволюционного общества, неоднородность сил, вознесённых на гребне революции к самым вершинам власти, – всё это предопределяло противоречивый характер курса нового режима власти в области взаимоотношений с органами рабочего самоуправления. Глубокие противоречия успели проявиться уже при принятии Положения ВЦИК и СНК о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. – первого и наиболее важного государственного решения в области взаимоотношений нового государства с органами рабочего самоуправления. Противоречивость отношения к рабочему самоуправлению проявилась при принятии этого Положения уже в том, что другие важнейшие лозунги Октябрьской революции с требованиями земли и мира нашли своё законодательное воплощение в Декретах высшего органа нового государства – съезда Советов (что придавало им более высокий статус и авторитет) и были приняты значительно раньше¹¹⁵.

История появления на свет Положения о рабочем контроле достаточно непростая. В своём первом публичном выступлении после Октябрьского переворота в Петрограде Ленин провозгласил победу революции и начало социалистического строительства в качестве первостепенной задачи и ещё раз назвал *учреждение подлинного рабочего контроля* одной из приоритетных задач состоявшейся революции¹¹⁶. Планировалось, что декрет о рабочем контроле, наряду с декретами о земле и о мире, будет принят на II Всероссийском съезде Советов. На заседании руководства партии 21 октября 1917 г. было решено подготовить специальные доклады по этим вопросам¹¹⁷. Несколькими днями раньше ЦК РСДРП(б) даже дал специальное поручение Милютину, чтобы тот подготовил соответствующий проект декрета о рабочем контроле¹¹⁸, однако на самом съезде ничего подобного принято не было, что могло стать следствием обнаружившихся сложностей проблемы и возникших трений в большевистском руководстве. Эта ситуация существенно снижала статус закона о рабочем контроле по сравнению с декретами II съезда. В позиции иных партийцев в начале ноября чувствовалась явная неудовлетворённость: «Есть два декрета, о мире – для солдат и о земле для крестьян, а для рабочих нет», – негодовали они¹¹⁹. А вскоре после завершения съезда разгорелась одна из наиболее принципиальных и важных за всю историю большевистской партии внутрипартийная дискуссия¹²⁰.

Как писал впоследствии Г. В. Цыперович, дискуссия эта велась в основном с двух полюсов: между теми, кто считал необходимым переход от «стихийного контроля к государственному», и более умеренной ленинской позицией¹²¹, предусматривавшей «только один путь преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий»¹²². По свидетельству современников, ленинские возражения Цыперовичу сводились к тому, что рабочий контроль нужно не сворачивать, а развертывать, пустить в ход силу инициативы масс¹²³.

Началом дискуссии можно считать появление примерно 26-27 октября 1917 г. проекта Положения о рабочем контроле, написанного Лениным. Учитывая изложенную в нём позицию, а также позицию, в дальнейшем занятую Милютиным, можно полагать, что причиной, по кото-

рой декрет о рабочем контроле не был принят на II съезде Советов, были противоречия между ленинской и милютинской трактовкой вопроса. Заставляет задуматься также то обстоятельство, что официально работать над Положением о рабочем контроле было поручено именно Милютину, и тем не менее Ленину, несмотря на горячку первых дней революции, пришлось взяться за это самому. Известно также, что Милютин принадлежал к числу «мягких» большевиков. Тем самым дискуссия о рабочем контроле становилась своеобразным продолжением дооктябрьских столкновений по поводу зрелости русской революции и необходимости вооружённого восстания в столице.

При оценке ленинского проекта в основном анализируются те его пункты, которые потом были закреплены Положением от 14 ноября. Так, Д. А. Баевский выделяет параграфы проекта, в которых говорилось о немедленных выборах в органы рабочего контроля, о безусловном запрещении остановки стратегически важных производств без разрешения выборных представителей от рабочих и служащих, о безусловном предоставлении рабочим всех документов и сведений о состоянии финансов, запасов и производства на предприятиях, а также пункт, делающий «решения выборных представителей рабочих и служащих обязательными для владельцев предприятий»¹²⁴. Важность этих положений Баевский видит в том, что они придавали деятельности рабочих органов *государственно-обязательный* характер¹²⁵.

Однако из поля зрения исследователей выпадает одно требование, которое позже в ходе дискуссии исчезло из проекта, но которое при его одобрении могло сыграть важную роль в дальнейшем развитии рабочего самоуправления. Речь идёт 8-м пункте проекта, который предусматривал, что «более подробные правила будут устанавливаться *местными* Советами рабочих депутатов и *конференциями фабрично-заводских комитетов*, а равно комитетами служащих на общих собраниях их представителей»¹²⁶.

На наш взгляд, в этом пункте проекта заложена суть ленинского отношения к рабочему самоуправлению после победы революции. Особенно чётко она видна при сравнении пункта проекта декрета с реально заменившими его 12 и 13 пунктами Положения от 14 ноября 1917 г., в которых предусматривалось, что не местные Советы, а «Всероссийский совет рабочего контроля вырабатывает общие планы рабочего контроля, инструкции, издаёт обязательные постановления, регулирует взаимоотношения районных советов рабочего контроля и служит высшей инстанцией для всех дел, связанных с рабочим контролем... Всероссийский совет рабочего контроля согласует деятельность органов рабочего контроля со всеми другими учреждениями, ведающими делом организации народного хозяйства»¹²⁷.

Низовые советы, как мы видели, на протяжении всего 1917 г. выступали действительными центрами фабзавкомовского движения. Что же касается созданного Положением от 14 ноября 1917 г. ВСРК, то его роль в развитии рабочего самоуправления на производстве была минимальной. Согласно имеющимся данным, ВСРК собирался всего два раза. На первом заседании обсуждались ближайшие задачи органов рабочего контроля и было сформировано временное бюро Совета¹²⁸. В его состав вошли Ю. Ларин, С. Лозовский, П. Н. Амосов, Савельев, Гольцман, Чудновский и Н. К. Антипов¹²⁹. На втором заседании ВСРК 5 декабря 1917 г. центральным выступал вопрос о том, какие организации имеют право представительства в ВСРК, а также вопрос о его внутреннем устройстве¹³⁰. Однако в целом это обсуждение не имело никакого смысла, поскольку на основании декрета об образовании Высшего совета народного хозяйства, опубликованного как раз 5 декабря 1917 г., ВСРК вошёл в состав Пленума ВСНХ¹³¹. Таким образом, результаты деятельности Всероссийского совета рабочего контроля оказались столь ничтожными, что даже не все активисты-профсоюзники знали о ней что-либо конкретное. Не случайно один из ключевых участников дискуссий тех дней Д. Рязанов позже утверждал, что ВСРК так и не смог собраться хотя бы на одно заседание, что, как мы

видим, формально было не верно, но по существу передавало отношение к ВСРК как совершенно искусственному, бесполезному, бюрократическому органу¹³². Тем самым «доработка» ленинского проекта в этом вопросе имела очевидные негативные последствия.

Говоря о первоначальном ленинском проекте декрета о рабочем контроле, следует остановиться ещё на некоторых важных аспектах, кардинально отличающих его от принятого позже закона. Так, в § 1 ленинского проекта вводилась норма, по которой рабочий контроль устанавливался на всех предприятиях с числом рабочих от 5 человек, а в § 2 закреплялось право органов рабочего самоуправления определять свой состав самостоятельно, без консультаций с вышестоящими органами, и, кроме того, в этом параграфе предусматривалась возможность непосредственного рабочего контроля¹³³. К сожалению, в ходе развернувшейся дискуссии эти положения были искажены либо отброшены вовсе. Для наглядности сравним параграфы ленинского проекта и окончательного варианта декрета, в которых говорится о правах самих рабочих в деле осуществления контроля. В ленинском проекте говорится: «Рабочий контроль осуществляют все рабочие и служащие предприятия либо непосредственно ... либо через своих выборных представителей»¹³⁴. В итоговом документе этот же пункт звучит иначе: «Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения»¹³⁵. Тем самым важнейшее положение о *непосредственном рабочем контроле* оказалось «утрачено».

В результате получилось так, что те, кто на словах превозносил рабочий контроль и рабочее самоуправление, на самом деле душили его мелочной регламентацией и пытались искусственно подчинить центральным контролирующим органам, придуманным в чиновничьих кабинетах и на практике не сумевшим наладить контроль даже в тех усечённых рамках, в каких это предусматривалось Декретом от 14 ноября 1917 г. По сути противниками самостоятельной инициативы низов предпринималась попытка, по выражению Э. Карра, весьма искусно обезвредить и упорядочить рабочий контроль, превратив его в широкомасштабное централизованное учреждение¹³⁶.

Характерно, что в дискуссии не государственный орган, а сам Центральный совет ФЗК предлагал проект декрета, в котором и вопрос о рабочем контроле на предприятиях, и вопрос о законодательном закреплении прав фабзавкомов на контроль за производством нивелировались, зато предлагалось создание центрального государственного органа по экономике – Временного Высшего совета народного хозяйства¹³⁷. Этот проект появился сразу же после II Всероссийского съезда Советов рабочих и Солдатских депутатов и I Всероссийской конференции фабзавкомов, и в нём сохранялся их полемический задор, что отразилось, например, в таких положениях, как следующее: «... рабочий контроль, чтобы принести все плодотворные результаты, должен быть обнимающим все капиталистические предприятия, а не случайным; организованным, а не бессильным; планомерным, а не оторванным от хозяйственной жизни страны в целом... Экономическая жизнь страны ... должна быть подчинена одному плану, составленному в интересах удовлетворения личных и хозяйственных нужд широких масс народа»¹³⁸.

Н. К. Крупская в своих записках о революции упоминает о проходивших в те дни в Смольном консультативных совещаниях комиссии под председательством Ленина, целью которых было согласовать возникшие между сторонами разногласия. В работе комиссии принимали участие М. Томский, А. Шляпников, В. Шмидт, Глебов-Авиллов, Лозовский, Цыперович и другие. «Часть товарищей говорила о необходимости государственного контроля, – вспоминала Крупская, – который бы *заменял* собой стихийный рабочий контроль, который сплошь и рядом переходил в захват фабрик и заводов, шахт и рудников, другие считали, что не на всех фабриках надо вводить контроль, а только на *более крупных* металлообрабатывающих, на железных дорогах и пр.»¹³⁹. Но Ленин в этой дискуссии занял совершенно определённую

позицию: инициативу низов нельзя суживать ни в коем случае. По свидетельству Крупской, комиссия согласилась с позицией Ленина, и соответствующий закон был принят¹⁴⁰.

Примерно в тех же тонах выдержано свидетельство ещё одного очевидца событий председателя ЦС ФЗК М. Н. Животова. «Появлению декрета о рабочем контроле предшествовала его предварительная проработка ещё до Октябрьской революции в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, – вспоминал он. – Затем, 26 или 27 октября, немедленно после переворота, было собрано совещание в Смольном институте, в 1 этаже, в маленькой комнате, почти против комнат, занимаемых Центральным Советом [ФЗК] ... Я, как участник этого заседания, был поражен той революционностью построения проекта декрета, которая была в проекте Владимира Ильича, причём при чтении проекта сам Владимир Ильич некоторые пункты обосновывал, и, помнится, при чтении и при попытке обосновать один из пунктов Владимир Ильич заразительно засмеялся, ибо в этом пункте говорилось, что рабочий, выбранный в рабочий контроль и проводящим его неправильно, подвергается наказанию по суду с конфискацией имущества. И вот, когда было сказано им «с конфискацией имущества», расхохотавшись, Владимир Ильич заявил: «А я и забыл, что имущества-то у рабочих никакого нет». Таким образом, в основу декрета о рабочем контроле, безусловно, был положен чуть ли не на все 100% проект, предложенный и прочитанный Владимиром Ильичом»¹⁴¹.

Представляется, однако, что согласование позиций шло сложнее, чем это изображено в советских мемуарах, и было достигнуто лишь путём существенных взаимных уступок. По крайней мере при обсуждении на первом заседании СНК 27 октября 1917 г. вопроса о рабочем контроле¹⁴² рассматривались оба проекта: и ленинский, и ЦС ФЗК. И хотя за основу положения о рабочем контроле был взят проект, подготовленный Лениным, по итогам обсуждения в него были внесены принципиальные дополнения об организации всероссийского и местных советов рабочего контроля и некоторые другие связанные с этим положения¹⁴³. Более того, даже в таком виде ленинский проект решено было направить на доработку в специально созданную комиссию в составе Ю. Ларина и В. Милютина¹⁴⁴. Если наши предположения относительно причин отсрочки принятия декрета о рабочем контроле на II съезде Советов правильны, то такой состав комиссии мог свидетельствовать лишь о том, что ленинская точка зрения вообще не нашла понимания на этом первом заседании нового советского правительства. Второй проект, содержащий положения о создании центрального органа государственного управления экономикой¹⁴⁵, также не отвергался. Оба проекта были переданы в Комиссию труда и были опубликованы для обсуждения пролетарскими организациями в государственной и партийной печати¹⁴⁶.

Дальнейшая доработка в Комиссии труда также складывалась не просто. Не сумев выработать компромиссного с ленинским документа, В. Милютин и Ю. Ларин подготовили свой проект, существенно отличающийся от предложенного Лениным¹⁴⁷. С первых же строк этого проекта становилось ясно, что рабочий контроль видится его авторам исключительно в качестве инструмента государственной политики, своеобразного механизма претворения в жизнь «общего хозяйственного плана, обнимающего промышленность, торговлю, транспорт и сельское хозяйство»¹⁴⁸. Появлялись и другие проекты. Поэтому на заседании Комиссии труда совместно с представителями пролетарских организаций 5 ноября¹⁴⁹ и в Петроградском совете профсоюзов 9 ноября 1917 г.¹⁵⁰ обсуждалось уже не 2, а 4 проекта: ЦС ФЗК, Ю. Ларина и В. Милютина, переработанный ленинский и Временного ЦК Союза металлистов. Суть развернувшихся в эти дни обсуждений сводилась к тому, каким же должен быть контроль – государственным или рабочим¹⁵¹.

Наиболее жёсткой критике подвергся именно ленинский подход, дававший наибольший объём прав низовым звеньям системы советов и фабзавкомам на предприятиях¹⁵².

Лариным и Милютиным проект Ленина критиковался за чрезмерное преувеличение реальных возможностей рабочего контроля при недооценке значения центрального планирования. Один из авторов альтернативной платформы Ларин 9 ноября заявлял: «Опасность велика, ибо рабочий класс рассуждает так, что раз власть политическая в руках рабочих, то и вся экономическая власть (управление предприятиями) переходит к ним». В ленинском проекте, подчеркивал Ларин, «вводится нечто вроде «социализации земли» на фабриках и заводах, когда хозяином фабрики становится не предприниматель, а коллегия рабочих»¹⁵³. Ларин предлагал своё понимание задач рабочего контроля – во-первых, это содействие снабжению предприятий, налаживание дисциплины труда и прочие широко распространённые формы деятельности фабзавкомов и контрольных комиссий; во-вторых, это невмешательство в права администрации и в организацию производства. Владельцам предприятий отводилась треть мест в регулирующих промышленность органах власти, делались другие уступки, в частности решения рабочих организаций на их предприятиях для них обязательной силы не имели¹⁵⁴.

На позицию Ларина скорее всего влияло его видение общей экономической политики Советской республики, которое он излагал в те дни в центральной большевистской прессе. С предложениями Ларина по умеренному проведению рабочего контроля сочетались, в частности, сохранение частного капитала, сотрудничество с которым предполагалось вести путём принудительного синдицирования и образования крупных акционерных обществ, основой деятельности которых будет единоначалие, планирование, прибыль¹⁵⁵. Вероятно также, что Ларин уже тогда обдумывал подходы к предложенной им несколько позже широкой национализации, поэтому и предлагал изначально сузить права фабзавкомов, поскольку революционной власти было бы легче бороться с «контрреволюционной» буржуазией, чем с пролетарскими организациями.

От ЦК металлистов с критикой в адрес проекта Предсовнаркома выступал А. Гольцман. «Рабочий контроль – идейный пережиток, – подчёркивал докладчик, – ... нужно общее регулирование, а не контроль на отдельных предприятиях». «Никакого рабочего контроля нам теперь не нужно», – уверял он. Настаивая на государственном, а не рабочем контроле, Гольцман, однако, понимал утопичность подобных планов, поэтому предлагал ограничиться пока системой государственных мер, нацеленных на спасение промышленности Московского и Петроградского районов¹⁵⁶.

Позиция Гольцмана была поддержана другим представителем ЦК металлистов А. К. Гастевым, ставшим впоследствии одним из вдохновителей упомянутой выше «платформы рабочего индустриализма», а также представлявшим ВЦСПС С. А. Лозовским.

Лозовский, в частности, требовал подчинить рабочий контроль регулирующим органам, созданным некоторое время назад Временным правительством, таким, как Заводское совещание и Экономический совет. Гастев также предложил опираться на хорошо зарекомендовавший себя институт Особых совещаний. По мнению Гастева, рабочий контроль мог превратиться в контроль «в своей хате». «Рабочая масса даёт порой образцы отсталой психологии, заботясь о снабжении только своих заводов и не видя дальше «своей колокольни», – заявил он. – ... Надо приостановить издание этого декрета, чтобы не внести смуты в рабочую среду»¹⁵⁷.

С похожими взглядами на совещании выступали и меньшевики. Как писал позже журнал московских рабочих-металлистов, они обвиняли большевиков в попытках ввести в крестьянской России социализм, уничтожить наёмный труд и санкционировать захват рабочими предприятий¹⁵⁸. Так, с резкой критикой декрета выступил видный меньшевик, представитель профсоюза печатников М. С. Каммермахер (Кефали). «Декрет о рабочем контроле издаётся

с демагогической целью: «кинуть кость», показать, что [что-то] делается, и в случае неосуществления свалить вину на контрреволюцию, мешавшую проведению декрета», – обрисовал он своё понимание планов большевистского руководства¹⁵⁹.

Однако на этот раз ленинский проект получил существенную поддержку. В его защиту выступили руководители ЦС фабрично-заводских комитетов Петрограда Н. А. Скрыпник, Н. К. Антипов, Н. И. Дербышев¹⁶⁰. Получили одобрение радикальные подходы к рабочему контролю и на местах. Жёсткую резолюцию принимает, например, 11 ноября 1917 г. экономический отдел Моссовета. В ней по итогам обсуждения проекта Положения о рабочем контроле признавалось необходимым, не дожидаясь выработки общегосударственного плана борьбы с разрухой, оказывать всемерное содействие московскому пролетариату в «деле развития его рабочей самостоятельности путём передачи всего административно-производственного аппарата в руки фабрично-заводских комитетов»¹⁶¹. Позиция местных органов рабочего представительства тем самым способствовала ускорению работы над проектом декрета, а заодно помогла максималистам добиваться уступок от «мягких» большевиков.

Заключительное обсуждение будущего закона о рабочем контроле состоялось на заседании ВЦИК 14 ноября. К тому времени, после названных выше правок, бывший ленинский проект, который теперь по сути представлял компромиссный проект фабзавкомов и Совнаркома, получил значительную опору в партийных верхах. Даже один из самых последовательных критиков рабочего контроля Лозовский согласился проголосовать за проект, если в создаваемые декретом учреждения войдут и профсоюзы, «чтобы поставить дело контроля так, как это соответствует интересам рабочего класса», то есть будут бороться за его централизацию¹⁶². Перешёл, после произведенных согласований, на точку зрения объединённого проекта и Милютин, выступавший теперь основным докладчиком по проекту. В своём докладе Милютин предлагал опереться на уже готовые формы контроля с тем, чтобы объединить их «в один стройный общегосударственный аппарат». Он пояснял, что «жизнь обогнала нас», поэтому необходим манёвр, уступка рабочим, с тем чтобы подойти к заветной цели централизованного социалистического производства с этой стороны¹⁶³. Таким образом, на заседании ВЦИК спор шёл уже не о том, развивать ли рабочее самоуправление или нет, а о том, использовать его потенциал, пока невозможно наладить государственную плановую экономику, или этого лучше не делать, чтобы не разбудить в рабочих анархо-синдикалистские тенденции.

Доработанное Положение о рабочем контроле по результатам обсуждения было проголосовано и принято ВЦИК на том же заседании 24 голосами, против 10, и на следующий же день было обнародовано в печати.

4. Закон принят, борьба продолжается...

Бурные дискуссии и сшибка крайних позиций для декрета о рабочем контроле не прошли даром. По определению Ленина, он появился на свет в «беспомощном» и «случайном»¹⁶⁴ виде. Было совершенно очевидно, что век его долгим не будет¹⁶⁵. Причина его нежизненности коренилась прежде в том, что принятый документ носил на себе сильный отпечаток сопутствующих его появлению споров. Он напоминал лоскутное одеяло, сшитое из обрывков различных противоборствующих в дискуссии платформ. От ленинского проекта из принципиально важных осталось только два положения – это распространение рабочего контроля на все предприятия, а не только на крупные, и обязательность решений органов рабочего контроля для владельцев. Все остальные положения, составляющие суть ленинского подхода к рабочему самоуправлению, такие, как ведущая роль местных Советов в его координации и возможность непосредственного осуществления рабочими контроля над деятельностью пред-

приятый, минуя организации контроля, как уже было отмечено, либо совсем исчезли, либо были искажены сделанными поправками¹⁶⁶.

Но не добились своего и сторонники жесткого государственного руководства над рабочими организациям. По мнению одного из них В. Ф. Плетнёва, по сравнению с декретами о земле и о мире, Положение о рабочем контроле было шагом назад. Сравнивая законы о земле и о рабочем контроле, он писал о первом как о мероприятии революции социалистической, тогда как «декрет о рабочем контроле, по его словам, – революция буржуазная». «С одной стороны, – пояснял он парадоксальное даже для того времени утверждение, – экспроприация экспроприаторов, упразднение частной собственности на землю и средства производства, с другой – сохранение принципа частной собственности – и лишь благая попытка причесать «в интересах регулирования» растрёпаннейший из всех способ производства». На основании этого он приходил к заключению о «*полусоциализме*» Октябрьской революции¹⁶⁷.

В окончательном своём виде Положение от 14 ноября прежде всего не давало ответ на вопрос о характере движения за рабочий контроль: понимать ли его в плане развития самоуправления рабочих или только в плане атаки на буржуазные порядки? Если рабочий контроль означал централизованное управление экономикой съездом Советов и его исполнительными органами, то тогда рабочий контроль был не более, чем синонимом национализации и контроля при «рабоче-крестьянском правительстве». Если же рабочий контроль означал самостоятельность фабзавкомов в решении хозяйственных задач на своём предприятии, то это было уже совершенно иное. Так понимаемый рабочий контроль при определённых условиях мог вступить в конфликт не только с предполагаемым государственным планированием, но и с любой вообще практикой государственного регулирования экономики¹⁶⁸. Управленцы-практики расходились и в том, следует ли начинать рабочий контроль снизу, путём развития инициативы самих пролетарских масс, или сверху, через вновь создаваемые государственные органы. Существенные разногласия были в понимании организационных функций рабочего контроля: то ли они должны осуществляться рабочими объединениями через их участие в соответствующих регулирующих госучреждениях, то ли рабочие сами должны были оказаться непосредственными организаторами производства¹⁶⁹.

В этой связи уместно остановиться на распространённом в литературе мнении, согласно которому Положение от 14 ноября давало довольно стройную систему органов рабочего контроля, в центре которой стояли Советы, которым подчинялись высший и местные контрольные органы. На самом деле эта идиллия была очень далека от действительности. Согласно положению о рабочем контроле, регулированием экономики должны были заниматься и фабзавкомы, и вновь создаваемые контрольные комиссии, и профсоюзы, и Советы¹⁷⁰, а если учесть Декрет ВЦИК и СНК об учреждении Высшего совета народного хозяйства от 2 декабря 1917 г., то сюда же добавлялись ещё и местные совнархозы, местные отделы труда и т.п.¹⁷¹. Как результат – дублирование, многоначалие и прочие пороки худших из бюрократических структур.

Почему же стороны столь сложно шли на компромисс? Только ли в приверженности своим убеждениям было дело? Последние исследования показывают, что дискуссия по основным принципам законопроекта о рабочем контроле имела ещё одну грань, и связана она с борьбой за власть. Как уже было оговорено, основным оппонентом ленинского подхода в начале дискуссии был Милютин – одна из ключевых фигур правого крыла большевистской партии. На протяжении 1917 г. правые неоднократно подвергали критике предложения Ленина, начиная с его апрельских тезисов и заканчивая курсом на вооружённое восстание. В литературе о послеоктябрьском периоде много говорится о деятельности левых, а вот о правых – почти ничего. Создаётся впечатление, что после ухода со своих руководящих постов, в знак несогласия с позицией большинства ЦК партии на переговорах с Викжелем, правые как течение, как группировка исчезают...

Что это совсем не так, видно из всего хода дискуссии о рабочем контроле и рабочем самоуправлении. Понятно, что для партии, на знамёнах которой были начертаны лозунги пролетарской революции, этот вопрос не был праздным. Наоборот, в какой-то мере он был базисным, определял подходы к многим другим вопросам. В частности, к вопросу о революционной власти. Полемика о рабочем контроле показывает, что правый большевизм после ухода правых из ЦК, Совнаркома и руководства ВЦИК не только не исчезает, но пытается «взять реванш», навязав свои подходы к организации власти. Подтверждением этому служит, что сразу же вслед за принятием положения о рабочем контроле не менее жаркие столкновения произошли в ходе принятия декрета о Высшем совете народного хозяйства. Две эти дискуссии могут и должны рассматриваться как нечто единое не только в силу взаимосвязанности обсуждавшихся проблем, но хотя бы уже потому, что декрет о ВСНХ в какой-то мере можно считать одним из проектов организации рабочего контроля. В его основу легла платформа ЦС ФЗК в период обсуждения Положения о рабочем контроле.

Сюжеты, связанные с подготовкой и проведением декрета о ВСНХ, проанализированы А. Л. Филоненко. Хотя в его работе нет широких политических обобщений, неизбежных в случае анализа хода дискуссии о рабочем контроле в первые месяцы существования Советской власти в целом, но позиции сторон, прозвучавшие при конструировании высшего экономического органа Советской Республики, показаны историком блестяще. Он совершенно верно подметил тот далеко не случайный факт, что в руководстве ВСНХ в короткий срок концентрируется целая плеяда партийных деятелей, которых вполне можно считать наиболее яркими фигурами правого большевизма: Милютин, Ларин, А. М. Рыков, В. П. Ногин и др. Филоненко полагает, что они пытались через Высовнархоз реализовать свои представления об управлении страной. Основное положение их плана, по мнению исследователя, строилось на убеждении, что в Советской Республике экономика должна преобладать над политикой. Отсюда следовал вывод, что ВСНХ должен стать центральным органом власти, органом экономической диктатуры пролетариата, тогда как СНК должен оставаться органом только политической диктатуры. И тот и другой орган должны были формироваться независимо друг от друга парламентом, роль которого выполнял ВЦИК и у руля которого в первые после II съезда Советов дни стоял Каменев. Как показывает Филоненко, хотя Ленину и тут удалось отбить атаку и создать ВСНХ при Совнаркоме, борьба за привилегированное положение ВСНХ среди прочих советских ведомств, попытки подчинить именно ему все экономические наркоматы растянулась на долгие месяцы, что не могло быть простой случайностью¹⁷².

Понимание, что за столкновением мнений по рабочему вопросу после Октября 1917 г. стояли отнюдь не только теоретические разногласия, способно существенно прояснить их упорный и бескомпромиссный характер. Вместе с тем, борьба за власть, за собственность, за привилегии никогда не ограничивается только верхами. Неопределённость по одному из наиболее принципиальных для нового режима вопросов способствовала расширению фронта дискуссий, переходу их в новое состояние. И если первоначально своё видение послереволюционного устройства высказывали преимущественно верхи партии, то со временем дискуссия распространялась на широкие партийные массы, точнее, на среднее звено партийного и нового хозяйственного аппарата. Фактически не затихая, она продолжалась всю зиму 1917-1918 гг. В ходе неё свою позицию обозначили отраслевые и региональные рабочие организации, советские и хозяйственные органы и партийные организации губернского и уездного уровней. Одна сторона в этой дискуссии придерживалась мнения, что контроль, как политика государственная, должен осуществляться Советами, другая склонялась к тому, что органы рабочего самоуправления сами должны осуществлять контроль через свои общероссийские центры независимо от Советов, тем более что ещё на Всероссийской конференции фабзавкомов рабочие комитеты были торжественно провозглашены «естественными органами рабочего контроля внутри предприятий»¹⁷³.

Тон дискуссии задавали металлисты. Уже 16 ноября 1917 г. обсуждение этого вопроса провёл Московский областной комитет рабочих-металлистов, на котором его руководители Б. Козелев, Косиор и Козин добивались передачи в ведение профсоюзов экономических отделов при местных Советах. Представитель же центра М. Томский, не возражая в принципе, чтобы рабочий контроль исходил от самих рабочих организаций, категорически возражал против того, чтобы профсоюзы брали на себя ответственность за управление производством, чтобы не оказаться в положении рабочего и одновременно хозяина¹⁷⁴. Затем тот же вопрос поднимался 23 ноября 1917 г. на Первой конференции фабзавкомов металлообрабатывающей промышленности¹⁷⁵ и 1 декабря 1917 г. на заседании Центрального бюро профессиональных союзов Москвы¹⁷⁶.

Ситуация накалялась. Трения попытались сгладить на совместном заседании представителей отделов труда райсоветов, Московского совета профсоюзов, экономического отдела Моссовета и Комиссариата труда, состоявшемся 4 декабря 1917 г. На этот раз было принято, как казалось, компромиссное решение. Планировалось создать в Москве представительной орган рабочего контроля, в который бы вошли 12 представителей от крупных профсоюзов и 6 представителей от Моссовета. Но и это решение удовлетворило профсоюз металлистов не до конца. Уже на следующий день его руководство пошло на создание своего собственного экономического совета по организации рабочего контроля в своей отрасли¹⁷⁷.

Идущие с мест предложения и требования аккумулировались в ЦК союза металлистов. Из сохранившихся в его архиве материалов видно, насколько вопрос о самостоятельной роли рабочего класса живо интересовал низовые организации союза, причём не только в Москве, но и в других регионах России, в частности на Урале, где он также выступал значимой общественной силой¹⁷⁸. Близкие проблемы волновали руководителей региональных отделений и другого мощного профсоюза – текстильщиков. Так, с позиций, аналогичных позиции металлистов, при принятии решений о структуре органов рабочего контроля выступил в те дни и профсоюз текстильщиков Иваново-Вознесенска, принявший специальную инструкцию о центральной комиссии рабочего контроля, в которую должны были входить представители от низовых контрольных комиссий, местных советов и профсоюзов¹⁷⁹.

Разногласия относительно того, кому должно принадлежать руководство рабочим контролем, имели под собой вполне определённую подоплёку. Они свидетельствовали, во-первых, о стремлении рабочего самоуправления стать самостоятельным, если не центральным, звеном нового строя и, во-вторых, показывал зарождающееся соперничество между Советами, как государственными органами, и рабочим самоуправлением¹⁸⁰. В условиях, когда старая система управления оказалась дезорганизована, а сложившиеся производственные связи нарушены, фабзавкомы стали главной силой, сдерживавшей тяжёлый кризис. Но большевики не готовы были согласиться с этим, поскольку объективно эффективность идущих снизу координирующих связей была в общегосударственных масштабах не так уж и действенна, а положительный результат хотелось иметь немедленно. Всё это в дальнейшем не могло не вести к пересмотру ключевых положений Закона о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. вовсе не в пользу самостоятельности рабочих организаций.

И здесь становится очевидным ещё одно противоречие, заложенное Положением о рабочем контроле, 14 ноября 1917 г. Согласно декрету, оставаясь и по составу, и по задачам деятельности, и по способу образования организациями общественными, органы рабочего самоуправления наделялись государственными функциями. По словам Ленина, «на днях рабочие получили закон о контроле над производством. Согласно этому закону, фабрично-заводские комитеты составляют государственные учреждения»¹⁸¹. В то же время, как мы видели выше, органы рабочего самоуправления эволюционировали в сторону хозяйственных органов,

поэтому наделение их государственно-административными функциями было шагом непродуманным, направляющим деятельность органов рабочего самоуправления в совершенно не свойственное им прежде русло. В этом смысле следует признать, что хотя Ленин никогда и не скрывал, что все декреты Советской власти носят не юридический, а сугубо пропагандистский характер, но даже с этой точки зрения Положение ВЦИК и СНК от 14 ноября было одним из самых противоречивых документов эпохи, и практически сразу же начинается процесс его ревизии¹⁸².

В какую же сторону могли идти эти изменения? Казалось бы, сам закон о рабочем контроле однозначно давал ответ на этот вопрос. В нём, в частности, в заключительном 14 параграфе говорилось, «что все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих, отменяются»¹⁸³. Следовательно, это подразумевало, что все последующие узаконения пролетарской революции не должны стеснять деятельность фабзавкомов, а наоборот – будут расширять их права и возможности. Именно в таком духе и была выдержана хорошо известная по литературе инструкция Центрального совета фабзавкомов. Её авторы полагали, что «рабочий контроль над промышленностью... надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а напротив, в широком смысле вмешательства» во все производственные процессы¹⁸⁴.

Но инструкция ЦС ФЗК была скорее исключением, чем правилом¹⁸⁵. Реально в становлении правительственного курса в сфере рабочего вопроса значительную роль сыграл не § 14, а § 8 и § 9 декрета о рабочем контроле. Первым из них предусматривалось, что решения низовых органов самоуправления всегда могут быть отменены «постановлением высших органов рабочего контроля». Согласно же другому, не только владельцы, но и «представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля», объявлялись *«ответственными перед государством»* за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества – то есть не перед рабочими, выбиравшими их, а перед назначенными сверху чиновниками¹⁸⁶. Эти положения открывали широкий простор для ревизии первоначальной концепции декрета перед теми, кто считал самостоятельность рабочих организаций пройденным этапом в развитии революции¹⁸⁷. Ярчайшим примером этой тенденции может служить не менее широко известная инструкция Всероссийского совета рабочего контроля, трактовавшая рабочий контроль как сугубо пассивный, надзирательный и запрещающая фабзавкомам вмешиваться в деятельность заводоуправлений¹⁸⁸.

Этот подготовленный ВСРК проект выглядел столь вызывающим, что, например, советский историк В. А. Виноградов приписывает её авторство эсерам и меньшевикам, что совершенно несправедливо. Более того, авторство инструкции не вполне правомерно приписывать даже самому ВСРК, поскольку её проект был подготовлен не самим этим органом, а специально для этого выделенной комиссией¹⁸⁹. Вопрос о её создании обсуждался на I заседании ВСРК. Выступавший в ходе прений Лозовский подчеркнул, что на местах рабочие не знают, что и как контролировать и что дело контроля – это прерогатива централизованной государственной политики. «В инструкции необходимо сказать, – развивал он своё понимание вопроса, – что рабочий контроль – это не значит переход предприятия в руки рабочих этого предприятия, ибо сепаратные действия только ухудшат и запутают положение дела». С аналогичными претензиями к фабзавкомам выступил и Ю. Ларин. Попытки председателя ЦС ФЗК М.Н. Животова перевести ход дискуссии в более конструктивное русло не увенчались успехом.

Как отмечается в газетном отчёте о заседании, «выступавшие ... товарищи присоединились к точке зрения тов. Ларина, указывая на недопустимость существования «фабрично-заводского патриотизма» и на совершенно неотложную необходимость объединённой работы»¹⁹⁰. По итогам состоявшегося обмена мнениями в состав редакционной комиссии были

делегированы представители от ВЦИК, ВЦСПС, ЦС ФЗК, экономического отдела Моссовета и Союза металлистов. В комиссии преобладали сторонники ларинской линии¹⁹¹, тем самым работа над инструкцией оказалась всецело в под его влиянием, и когда документ был готов, Ларин настоял на том, чтобы его текст опубликовали без предварительных прений под предлогом необходимости предоставить возможность высказаться по сути изложенных в нём вопросов не только членам ВСРК, но и местным организациям, а также чтобы «*отчуждение* её (так в тексте! – *Д. Ч.*) не затянулось слишком долго»¹⁹².

Куда спешил Ларин – понятно. По сути его инструкция отбрасывала фабзавкомы к временам закона Временного правительства от 23 апреля 1917 г., по которому они сводились к сугубо формальным организациям. Поэтому в рабочих массах ничего, кроме именно *отчуждения*, она вызвать была не способна, и её обсуждение грозило вылиться в серьёзную битву. И действительно, на VI конференции фабзавкомов Петрограда, проходившей в конце января 1918 г., в адрес ларинской инструкции прозвучала лавина яростной критики¹⁹³. Особенно подробно остановился на инструкции Высшего совета рабочего контроля А. М. Кактынь в своём докладе по вопросу о формах рабочего контроля и путях реализации Положения от 14 ноября 1917 г. Переходя от вступительной части своего доклада к анализу предложений Ларина, он сразу же, без каких-либо дипломатических ухищрений, назвал их «некоторыми извращениями», «которые нам стараются навязать наши товарищи справа». Особое негодование у докладчика вызвало стремление Ларина все распорядительные и финансовые права на предприятиях оставить в руках капиталистов, а верховные контрольные функции передать центральным государственным органам: «Мы получим не что иное, – разъяснил свою позицию Кактынь, – как простой бюрократический рабочий контроль, такой же самый рабочий контроль, какой имеется в Германии, в Англии, в Америке и целом ряде других стран, более развитых капиталистически, где капитализм проходит через высшую ступень – империализм... Но этот контроль совсем не то».

Критикуя предложенную Лариным схему, с трибуны конференции Кактынь заявлял о глубокой разнице между буржуазным, бюрократическим контролем, который, опираясь на пример Германии, навязывал русскому рабочему движению Ларин, и контролем демократическим, пролетарским. Если пролетарский контроль действовал «в целях удовлетворения интересов самых широких масс населения, всего трудового народа, то предлагавшийся Лариным контроль неизбежно должен был скатиться к защите узкого слоя олигархов: «Контроль... бюрократический, буржуазный вводится специальным аппаратом, бюрократией, особой чиновничьей средой, которая для этого дела назначается сверху и которая делает всё в интересах той клики, которая стоит у государственного руля», – настаивал докладчик. Завершая обзор ларинского документа, он выносил ему не подлежащий обжалованию «смертный приговор»: «В нём не хватает самого главного, – подчеркивал Кактынь, – не хватает доверия к ... рабочему классу. Во всём сквозит недоверие, нежелание с ним считаться, как с взрослым, возмужалым, сознательным классом, и желание трактовать его как анархические массы, дикие в своих выступлениях, которые не способны тонко вещи производить в жизнь и только в состоянии разрушать всё, до чего дотронуться»¹⁹⁴.

Родственную позицию с докладчиком занял один из руководителей ЦС ФЗК М. Н. Животов. По сообщению прессы, касаясь ларинской инструкции, он сообщил, что все его товарищи были буквально возмущены «тем недоверием к рабочему классу, которое вложено в основание инструкции». По словам корреспондента горьковской «Новой жизни», оратор призвал рабочий класс выразить недоверие самому Ларину¹⁹⁵. Не отставали от официальных лиц и рядовые участники конференции. Анархист И. С. Блейхман отметил её пагубность и враждебность рабочим, поскольку «всякая форма организации, которая идёт не снизу вверх, а сверху вниз... не в интересах рабочего класс», а представитель рабочего комитета Ижорского завода

Л. Зимин настаивал, что если разбираться с предложениями Ларина, то сразу становится ясно, что они ничего общего с рабочим контролем не имеют и на них «нужно смотреть не как на контроль», понимая под этим губительность для рабочего контроля выдвинутой ВСРК инструкции. В обоснование своей враждебности к ларинским построениям делегаты конференции ссылались не только на высокие политические идеалы: необходимость эмансипации пролетариата, развития революции и т.п. В их речах звучали и вполне жизненные, реалистические соображения. Так, И. П. Жук, делегат от заводского комитета Шлиссельбургского Порохового завода, откровенно признавался: «Правда, что политическая власть находится в руках рабочих, теперь диктатура пролетариата, а всё-таки карман карманом». В этой фразе в концентрированном виде отразилась одна из основных причин, по которой во многих трудовых коллективах при позитивном отношении к рабочему контролю, к государственному контролю, в какой бы форме он ни предлагался, относились настороженно и даже озлобленно: всеохватывающий процесс передела собственности, собственный житейский опыт, приучивший рабочих заботиться о себе самостоятельно и не ждать милости начальства, заставляли их предпочесть синицу скромного достатка в руках журавлю всеобщего планового социалистического хозяйства в небе¹⁹⁶. Даже рабочие национализированных предприятий, получив от государства какие-то выгоды и поддержку, стремились сохранить как можно больше прав для своих организаций, сохранить рабочий контроль хоть в каком-нибудь виде.

Однако позиция низовых рабочих организаций к этому времени уже мало что значила. В советской историографии подготовленный Центральным советом рабочего контроля проект инструкции о статусе и полномочиях фабзавкомов на производстве подвергался справедливой критике. Вместе с тем советская историография стремилась приукрасить складывавшуюся в действительности картину, не переставая утверждать, будто бы ларинская инициатива никоим образом не отражала сущности политики Советского государства в отношении независимых пролетарских организаций. На самом же деле всё обстояло как раз наоборот. Доказательством чему служит факт принятия документов аналогичного содержания и другими органами, регулирующими деятельность органов рабочего контроля¹⁹⁷.

Так, если в резолюции экономического отдела Моссовета за 11 ноября 1917 г. по итогам обсуждения тогда ещё проекта Положения о рабочем контроле признавалось необходимым, не дожидаясь выработки общегосударственного плана борьбы с разрухой, оказывать всемерное содействие московскому пролетариату в «деле развития его рабочей самостоятельности путём передачи всего административно-производственного аппарата в руки фабрично-заводских комитетов», то уже 17 ноября 1917 г. экономический отдел Моссовета меняет свою позицию. Теперь на организованном им совещании прежнюю резолюцию поддержал в основном лишь большевик А. Шлихтер, тогда как большинство собравшихся поддержало меньшевика С. Вейцмана, предлагавшего «узаконение» рабочего контроля «отложить»¹⁹⁸. А 25 ноября 1917 г. экономический отдел принимает инструкцию, мало отличимую от инструкции ВСРК. В ней откровенно провозглашалось, что задачей рабочего контроля «отнюдь не является передача предприятия в ведение и управление рабочих данного предприятия»¹⁹⁹. Задачами же контрольных органов на предприятиях назывались надзор и учёт²⁰⁰. Показательно, что Общество заводчиков и фабрикантов Шуйского промышленного района не только поддержало это решение, но и постановило «обратиться в Совет рабочего контроля Центрального промышленного района с просьбой распространить на Ивановский край действие Московской инструкции по рабочему контролю»²⁰¹.

На уже упоминавшейся I Московской городской конференции фабзавкомов металлообрабатывающей промышленности, организованной по инициативе профсоюза металлистов и собравшей 125 делегатов от 116 заводов, была принята резолюция, где так и говорилось, что «осуществление распорядительной власти в предприятиях принадлежит заводууправлению»,

фабзавкомы же, и даже профсоюзы, никакой реальной власти не получали²⁰². Не было в ней и положений об обязательности решений контрольных комиссий для предпринимателей, о всех же их злоупотреблениях полагалось сообщать наверх для принятия решений, «не принимая самим никаких репрессивных мер»²⁰³. 11 января 1918 г. резолюцию, согласно которой органы рабочего самоуправления «на фабриках не имеют права вмешиваться в хозяйственные дела предприятия»²⁰⁴, принимает Московский совет рабочего контроля. По срокам это совпадало с обсуждением тех же проблем в Петрограде, но уже на всероссийском уровне – на I Всероссийском съезде профессиональных союзов.

5. На подступах к политике огосударствления

Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов проходил с 7 по 14 января 1918 г. в Петрограде²⁰⁵. Он становится существенной вехой на пути подчинения самостоятельных рабочих организаций и ревизии декрета о рабочем контроле. *На съезде впервые был провозглашён новый курс в области решения рабочего вопроса, ставший известным как курс на огосударствление рабочих организаций.* По существу, на нём в центре обсуждения оказывался вопрос о наведении в промышленности централизованного порядка и ликвидации революционной вольницы рабочих организаций. То есть именно тот вопрос, о котором споткнулось Министерство труда Временного правительства. На профсоюзном съезде он решался двояко: с одной стороны, ставилась задача подчинить профсоюзной бюрократии «независимые ни от кого» фабзавкомы²⁰⁶, с другой стороны, сами профсоюзы намечалось подчинить хозяйственной деятельности государства.

Съезд работников профсоюзов открылся в сложной политической обстановке. Стало известно, что депутатов Учредительного собрания разогнали, и делегаты съезда находились под впечатлением этих событий²⁰⁷. По мнению А. Ф. Киселёва, глубоко и всесторонне разбирающего эти события, фактор эмоциональной, накалённой до предела обстановки, в которой проходил съезд, не способствовал поискам компромисса, и оппоненты не слушали друг друга, а выходили на трибуну дать бой политическим противникам, что наложило отпечаток и на результаты съезда. Вместе с тем вопросы, которые должны были обсудить делегаты: о характере революции, о взаимоотношении профсоюзов и фабзавкомов, наконец, о политике «огосударствления» рабочих организаций, – требовали к себе пристального внимания²⁰⁸.

Решения съезда во многом были предопределены выступлением на нём Г.Е. Зиновьева, объявившего эсеро-меньшевистское требование независимости рабочих организаций от Советской власти неверным и призвавшего к скорейшему включению профсоюзов в работу государственных органов. Большевиков в этом вопросе поддержали левые эсеры и некоторые другие более мелкие левые группы. Но хотя настрой левого крыла профсъезда на огосударствление рабочих организаций был преобладающим, некоторые делегаты отстаивали точку зрения о недопустимости этого шага. Так с прежней уверенностью отстаивал свою точку зрения о необходимости независимости профсоюзов А. Лозовский, предупреждая о возможности при других решениях их бюрократизации. С последовательно демократических позиций выступили присутствовавшие на съезде анархисты М. Шатов и Максимов. Так, Шатов полагал, что в будущем Советы уступят место «безвластной власти» фабзавкомов, а Максимов предупреждал, что огосударствление потенциально таит в себе немалую угрозу рабочим организациям, так как любая власть, в том числе рабоче-крестьянская, будет стремиться подчинить себе общественные структуры, и на первый план выдвинуться партийные интересы, которые не всегда будут совпадать с интересами пролетариата²⁰⁹.

Но эти предупреждения не переломили настрой большинства.

Более того, тот же Лозовский только что отстаивавший свободу и независимость рабочих организаций в отношении профсоюзов, обрушился с острой критикой на фабзавкомы. Он ссылался на пример фабрики «Треугольник», рабочие которой, так же как и администрация этого предприятия, из-за *экономических* соображений противились отмене на их заводе ночного труда для женщин. «Я должен сказать, – обращался Лозовский к присутствующим, – что такая автономия для фабрично-заводского комитета, который добивается сохранения ночного женского труда... является совершенно излишней». Таким образом, в аргументации Лозовского отчетливо прозвучала новая интонация – если раньше в основном ссылались, что вмешательство рабочих мешает предпринимателям налаживать производство, или что фабзавкомы исходят только из интересов рабочих своего предприятия, то теперь фабзавкомы обвинялись и в том, что они помогают налаживать производство *капиталистам*, и тем самым вредят пролетарскому государству²¹⁰. В подтверждение своих слов Лозовский ссылался на мнение одного из небольших левобольшевистских журналов «Эра», в одной из публикаций которого так и говорилось, что «между отдельными рабочими и предпринимателями могут произойти соглашения в ущерб другим рабочим», в частности «соглашения для поднятия цен на продукты», так как это может «отозваться на карманах потребителей, которыми в большинстве своём являются рабочие»²¹¹. Ответивший Лозовскому от ФЗК Белоусов подчеркнул, что от Лозовского ждали не общих слов, а предложений по существу, фабзавкомы же выполнили работу *по первичному поддержанию* промышленности России в *самый тяжёлый для неё период*, ошибки же бывают всегда, когда начинаешь новое дело²¹².

Несколько на более традиционных позициях в критике рабочего контроля выступал Череванин, известный и прежде своей склонностью к абсолютизации централизованного регулирования. Он высказался в том смысле, что рабочий контроль начинает приобретать «зловредные функции» в случае его перерастания в социалистическую форму отношений. Такую свою позицию он объяснял тем, что Россия своими силами, сама, без помощи Запада никогда не сможет восстановить свою промышленность. «И вы думаете, – спрашивал он с трибуны съезда, – что по плечу рабочему классу такая задача?» – имея в виду построение социализма в разорённой, отсталой России, и сам себе отвечал: «...достаточно поставить этот вопрос, чтобы рассмеяться всякому марксисту при утвердительном ответе на него»²¹³.

Таким образом, даже те делегаты, кто ещё отстаивал самостоятельность профсоюзов, не понимали необходимости такой же независимости и для фабзавкомов.

Ход 1-го профсоюзного съезда и его решения позволили некоторым исследователям даже утверждать, что на нём судьба рабочего движения в России была практически предрешена. В частности, Р. Пайпс делает вывод о том, что на этом съезде возобладали *типичный для России процесс огосударствления*²¹⁴.

Трудно не заметить преувеличенность этой оценки. Причиной огосударствления были вовсе не традиции русской истории, как уверяет Пайпс. Наоборот, именно жившие в народе традиции трудовой демократии, помноженные на специфику революционного лихолетья, служили какое-то время противовесом господствующим во всем цивилизованном мире явлениям усиления роли государства. Далеко не закончена на I профсъезде была и борьба за самостоятельность рабочих организаций. Однако нельзя не признать, что решения съезда действительно наносили по рабочему самоуправлению серьёзный удар.

В частности, ключевая резолюция съезда «О рабочем контроле», принятая по докладу Лозовского, сводила его к своеобразному «проводнику общехозяйственного плана», который вырабатывался где-то наверху абстрактными и безымянными «регулирующими органами», под которыми теперь можно было понимать всё, что угодно. Принятое решение без обиняков провозглашалось «одним из великих завоеваний пролетариата в его борьбе за окончательное освобождение». Далее в резолюции говорилось, что пролетариату «необходимо самым решитель-

тельным образом отказаться от *всякой мысли* распыления рабочего контроля путём *предоставления рабочим отдельного предприятия права принимать окончательное решение по вопросам, затрагивающим **само существование** предприятия*. В качестве задачи органам рабочего самоуправления вменялась в обязанность «подготовка отдельных отраслей к **огосударствлению**» – не больше, не меньше²¹⁵.

Метаморфозы государственного курса и фабзавкомы

6. Рабочее самоуправление в тисках политики огосударствления

Приведённые выше факты позволяют говорить о том, что к зиме – началу весны 1918 г. тенденция на подчинение рабочего самоуправления возобладала, но утверждать, что был взят курс на полный отказ от него, тоже не приходится. Принятые на съезде профсоюзов документы, хотя реально и шли вразрез с интересами отдельных трудовых коллективов, но воспринимались самими делегатами как способствующие укреплению рабочего движения в целом. В ходе дискуссий зимы 1917 – весны 1918 г. большинство нового хозяйственного актива твёрдо встало на точку зрения необходимости главенства интересов государства над интересами рабочего самоуправления. Вместе с тем рабочие организации ещё рассматривались как необходимый элемент борьбы с буржуазией, поэтому о полной их ликвидации или полном упразднении их прав речи ещё не шло. Профсоюзы и даже фабзавкомы сохраняли свои прерогативы в самоорганизации, структуре и некоторых видах деятельности, хотя и утрачивали многие из своих прежних завоеваний.

Тем не менее важно отметить, что тенденция на отказ от самостоятельности рабочего самоуправления, возобладавшая в тот момент, находилась в явном противоречии с отмеченными выше тенденциями развития фабзавкомовского движения. Как мы видели, именно на конец зимы – начало весны приходится некоторый подъём количественного его роста, проходит ряд конференций фабзавкомов ЦПР, на которых сами рабочие говорят о необходимости дальнейшего развития своего самоуправления.

Курс на свёртывание прав органов самоуправления не мог не сказаться на приостановке отмеченного подъёма. Но особенно сильное сковывающее влияние огосударствления экономики и органов рабочей самоорганизации сказалось на качественной стороне состояния дел в фабзавкомовском движении.

Выше уже говорилось, что одним из не самых благополучных участков работы фабрично-заводских комитетов был контроль финансовый. Как одна из причин этого называлась нехватка профессиональных, компетентных кадров. Но до революции их не было тоже, но, как мы видели, рабочие некоторых городов ЦПР решались даже на контроль над местными региональными отделениями банков. После Октября ничего подобного уже не происходило. Причину этого следует видеть прежде всего в отмеченном выше противоречии между самостоятельностью рабочих организаций и курсом на усиление регулирующей роли государства.

Нельзя сказать, что финансовый контроль заглох сразу после прихода к власти большевиков. В параграфе о развитии фабзавкомов после Октября мы уже говорили, что на некоторых предприятиях рабочими по-прежнему осуществлялись попытки наладить контроль и в этой сфере. Налаживается контроль платежей и расчётов на Судаковском заводе²¹⁶. Контролировались средства, полученные от распродажи излишков завкомом завода Гужона²¹⁷. Как об одной из важнейших задач, стоящих перед пролетариатом, о налаживании финансового контроля говорилось на майской конференции органов рабочего контроля и самоуправления Костромы²¹⁸. Ряд ФЗК имел специальные правила о расходовании денежных средств. Требовать от администрации сведения о ежедневном приходе и расходе по кассе, а также еженедельно о «состоянии и наличных средствах в кассе» 22 января 1918 г. было решено, например, рабочими «Общества электрического освещения 1886 г.»²¹⁹. В своём исследовании о развитии органов хозяйственного регулирования в Советской России В. З. Дробижев говорит и о других подобных документах, существовавших, в частности, на Реутовской мануфактуре, причём в

отдельных случаях рабочие органы были столь упорны в своих требованиях, что на некоторых предприятиях предприниматели лишались даже права вскрывать денежные ящики без представителей рабочих²²⁰. Несколько слов стоит сказать также о деятельности по финансовому контролю, которую осуществлял ЦС ФЗК. В первую очередь она сводилась к инструктированию активистов с мест, рассылке своих инструкторов на различные предприятия для помощи рабочим в налаживании элементов финансового контроля и т.п.²²¹.

Не сразу пошло на борьбу с инициативой рабочих в этом вопросе и государство. Причина этого крылась в той ситуации, которая складывалась в финансовой сфере. В частности, полностью рухнула налоговая система, что привело к резкому оскудению государственных доходов²²². Исчезла возможность контролировать денежное обращение в стране. Комиссар Госбанка обращался к рабочим: «Не дайте буржуазии вытаскивать из банка деньги на её грязные делишки... приложите все усилия к тому, чтобы ваш контроль был действительным контролем... Не давайте хозяевам обмануть вас, и во всех случаях, когда у вас будут требовать на получение денег, строго проверяйте, нет ли у хозяина или управления заводов других источников покрытия необходимых расходов»²²³. Через центральную прессу Госбанку приходилось просить рабочих прислать образцы печатей и соблюдать установленную документацию и отчётность²²⁴, что говорит о крайнем хаосе в этом вопросе, царившем в Республике, и о попытках отдельных лиц этим хаосом воспользоваться. Только участие органов рабочего самоуправления могло хоть в какой-то мере стабилизировать положение дел.

Тем самым на короткое время контроль за финансовой деятельностью своих предприятий со стороны фабзавкомов превращался в важный элемент новой революционной государственности, поскольку другого финансового аппарата у Советской власти в первые недели её существования просто не было. Но чем дальше, тем больше эта практика начинает входить в противоречие с одним из центральных пунктов программы большевиков в области реформирования экономики, согласно которому всё банковско-финансовое регулирование при переходе к социализму должно находиться в руках государства²²⁵. Рабочий контроль над банками и крупными финансовыми потоками становится обременительным анахронизмом, от которого новые власти поторопились отказаться при первой возможности. Без банковского же контроля любое «финансовое контролирование» обращалось в иллюзию²²⁶.

Постепенно государство вообще начинает перекрывать возможность рабочим вмешиваться в деятельность не только финансовых учреждений, но и заводоуправлений. Причём заводоуправлений не только национализированных предприятий, но и частных. Так, возвращаясь к Всероссийскому съезду профсоюзов, стоит отметить, что резолюция по рабочему контролю, принятая на нём, так прямо и говорила, что органы рабочего контроля «не занимаются вопросами финансирования» даже у себя на предприятии, точнее **не должны** заниматься²²⁷. Лишались права финансового контроля фабзавкомы по § 8 Инструкции о рабочем контроле Всесоюзного совета рабочего контроля²²⁸. Не предусматривался финансовый контроль и в решении экономического отдела Моссовета от 25 ноября 1917 г.²²⁹, а также во многих других инструкциях, местных правилах, директивах, принимавшихся и рассылавшихся в тот период для ознакомления в низовые звенья рабочего контроля. Как правило, эти документы носили не рекомендательный, а распорядительный характер.

Не менее показательна пагубное влияние нерасчётливого вмешательства государства в хозяйственную жизнь проявилось на снабженческой деятельности фабзавкомов, которая прежде, как мы могли убедиться, складывалась существенно успешнее попыток установить рабочий контроль в области финансов. Однако и здесь тормозящее влияние бюрократического централизма начинало сказываться всё более ощутимо.

В протоколах завкома Тульского патронного завода запечатлён один из случаев, иллюстрирующих характер начавшегося процесса и отношение к нему на местах. 22 февраля 1918 г. завком обсуждал доклад своего представителя Давыдова о его последней поездке «в город Царицын за топливом». Для завкома в Царицыне были заготовлены 160 цистерн нефти. «Но главная задача, – сетовал Давыдов, – нет паровоза». Причиной его отсутствия было бездействие центральных властей. Тульский патронный завод оказался перед угрозой приостановки работ из-за бюрократического беспорядка на транспорте, когда железные дороги подчинялись чиновникам в Москве и не желали принимать в расчёт нужды местных предприятий. Центральная власть была не в состоянии обслужить нужды заводчан и, по мнению рабочих завода, оставляла «единственный выход – по примеру *других* заводов заарендовать в Москве специальный паровоз», но уже на свой страх и риск²³⁰. На этом же заседании говорили и о предшествующем случае, который давал рабочим повод выражать недоверие центральным экономическим властям и новым порядкам. Давыдов, продолжая свой доклад, остановился на том, что ему уже приходилось сталкиваться с последствиями чиновничьего произвола. В одной из прежних поездок ему отказали в получении топлива, причиной же отказа стала ведомственная разобщённость и царившая неразбериха в организации вопросов снабжения центральными российскими властями. В результате огромный завод оказался без нефти «вследствие отсутствия», как записано в протоколах завкома, у его представителя «нарядов от вновь установленного органа Совета народного хозяйства, а имевшиеся у него районные наряды потеряли законное значение»²³¹. Как мы видели выше, до Октября завком ТПЗ вполне справлялся с обеспечением своего предприятия топливом, налаживая прямые связи с местами его производства и переработки, теперь же, чтобы получить в Царицыне нефть, завкому нужно было сперва обращаться в Москву за нарядами «от вновь установленных органов», а потом уже искать нефть. Поскольку в прениях рабочие ТПЗ ссылаются на другие заводы, печальный опыт результатов «централизованного государственного регулирования социалистической экономикой» имелся не только на патронном, но и на других заводах Тулы. Прежде всего в подобных факторах и следует искать причины растущего недовольства рабочих Тулы своим положением, наметившегося весной 1918 г., а вовсе не в меньшевистском влиянии и прежней «прикормленности царизмом», на чём натаивал один из авторов журнала «Рабочий контроль»²³².

Похожим образом складывались дела не только у металлистов Тулы, но и у текстильщиков Иваново-Вознесенска, начинавших всё отчётливее воспринимать новые тенденции в политике центральных властей как опасные и вредные для рабочего самоуправления. На прошедшем в конце февраля 1918 г. в Москве совещании представителей рабочего контроля Иваново-Кинешемской области это вскрылось, в частности, в отношении «Центроткани», «которая своим отношением часто тормозит дело», а именно не даёт трудовым коллективам самостоятельно решать вопросы сбыта продукции. Как было рассказано корреспонденту «Правды», по итогам осмотра рабочими складов своих мануфактур в Иваново-Кинешемском районе положение с затовариванием готовой продукции было прямо-таки «ошеломляющим». Особенно взрывоопасная ситуация складывалась из-за бюрократизма чиновников от «Центроткани» на фабриках Вичугского района, а в самом Иваново-Вознесенске на фабриках Горелина и товарищества Тверской мануфактуры, где продукция попросту гнила, в то время как «народ до нитки обносился и негде и не на что купить ситцу»²³³. Как писал один корреспондент иваново-вознесенской газеты: «Нам часто приходилось встречать представителей фабричных комитетов фабрик, находившихся в 20 верстах от Москвы, которые обивают пороги в Московском хлопковом комитете, разыскивая хлопок, и в то же время под боком, в той же

Москве имеются громадные склады, набитые хлопком». И такая ситуация, отмечается в статье, складывается не только в столице с её мощной армией управленцев, но и в провинции: Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме, Рыбинске, Кинешме²³⁴.

Аналогичным образом разрасталось воздействие политики огосударствления и на другие виды деятельности фабзавкомов. Вскоре после январского профсъезда, в исполнение звучавших на нём требований, регулирование рынком рабочей силы передаётся в ведение государства²³⁵. В § 16 «Положения о бирже труда» было чётко оговорено: «Наём рабочих и служащих производится только через биржу труда»²³⁶. С переходом контроля над наймом и увольнением к государственным учреждениям фабзавкомы лишаются одного из своих важнейших завоеваний. Тарифная компания и обострение экономического кризиса приводят к вытеснению фабзавкомов из области контроля за размером заработной платы. С лета 1918 г. вопросы определения тарифов по заработной плате сосредотачиваются в центре²³⁷. Теперь приоритет в этой области отдаётся Наркомтруду²³⁸, профсоюзам и местным государственным органам, таким, как Комиссариат труда Московского промышленного района или Воронежский губернский комиссариат труда. Причём вмешательство государства, как это ни покажется странно в свете имеющихся представлений о рабочей политике большевиков, нередко было направлено против повышения заработной платы, в том числе в даже частной промышленности²³⁹. Делалось это для того, чтобы исключить резкие колебания заработной платы на предприятиях одной отрасли. Предполагалось, что разница в зарплатах разрушает классовую солидарность и классовое единство, – сомнительная идея, продиктованная уравнительными настроениями той эпохи и проникшая даже во властные структуры. Постепенно сводится на нет и самое первое завоевание фабзавкомов: в Советской России под предлогом революционной сознательности начинает всё больше игнорироваться 8-часовой рабочий день.

О растущем подчинении органов рабочего самоуправления красноречиво говорит и тот факт, что в принимаемых документах, регламентирующих права фабзавкомов, содержатся такие нормы, которые прежде, в первые недели после Октября, были бы просто немыслимы. В них вносили такие типовые положения, как это видно хотя бы на примере широко растиражированного и повторённого

Устава металлообрабатывающих предприятий, как недопустимость рабочих собраний и деятельности органов рабочего контроля в рабочее время²⁴⁰. Если раньше циркуляры Временного правительства, содержавшие подобные требования, привели к беспорядкам на многих предприятиях той же металлообрабатывающей промышленности, а также кожевников, текстильщиков и других отрядов рабочих ЦПР, то теперь подобные нормы были как бы в порядке вещей.

Самым ярким примером того, как вмешательство государства в прерогативы органов рабочего самоуправления сказывалось не только на ограничении их прав, но и меняло сам характер низовых рабочих организаций как органов гражданского общества, может служить деятельность фабзавкомов по наведению трудовой самодисциплины. Борьба за дисциплину в период между февралём и октябрём, а также сразу после Октября воспринималась самими рабочими как проявление их «классовой сознательности» и отсутствия у них «классового эгоизма»²⁴¹. Отсюда меры по наведению порядка в цехах зачастую носили исключительно моральный характер, как это в своё время было и в крестьянской общине. Так, экономический отдел Подольского Совета в январе 1918 г. постановил: «за недобросовестное отношение к труду подействовать... морально посредством контрольной комиссии»²⁴², а на Куваевской мануфактуре в Иваново-Вознесенской губернии было решено: «что касается тех товарищей, которые по своей малосознательности не хотят выполнять ту работу, которая на них возложена, то на них постараемся воздействовать нравственным путём, то есть посредством увещаний»²⁴³. Часто только лишь злостное нарушение влекло за собой уже более ощутимые санкции, такие, как штрафы, увольнения, изъятия из зарплаты²⁴⁴.

Но постепенно «насаждение», как тогда говорили, трудовой дисциплины всё больше принимает форму борьбы с так называемой «митинговой демократией». Причём под «митинговой демократией» теперь понимали любое проявление рабочими их самостоятельности. То, что несколько месяцев назад провозглашали «революционной активностью класса-гегимона», становилось для победившего режима лишним и даже опасным. Центром борьбы за дисциплину труда в её новом понимании становится ВСНХ²⁴⁵.

Уже 27 марта 1918 г. на заседании его Президиума в этой связи возникает и вопрос о трудовой принудительной дисциплине для пролетариата²⁴⁶. Но на этом заседании соответствующие решения не прошли. Против выступил В. И. Ленин, чувствовавший, что большевики пока не осилят введение принудительной дисциплины в достаточно массовом масштабе. Тогда он и предложил осуществлять принудительные меры под прикрытием борьбы за «рабочую дисциплину» руками самих рабочих²⁴⁷. Характерно, что в борьбе за достижение этого Ленин предлагал полагаться не на традиции российской рабочей демократии, а на нормы подавления рабочих, выработанные эволюцией капиталистической фабрики. Разработку норм «трудовой дисциплины» он думал поручить прежним владельцам, научившимся «внедрять» порядок и дисциплину на своих предприятиях ещё при царском режиме²⁴⁸.

Возвращался Президиум ВСНХ к проблемам рабочей дисциплины и позже. Так, на заседании 1 апреля 1918 г., когда шло обсуждение Положения о трудовой дисциплине, подготовленного Всероссийским Советом профсоюзов, В. И. Ленин требовал ужесточения его в плане «карательных мер» за «несоблюдение» рабочими «трудовой дисциплины». Обращаясь к членам Президиума, он разъяснял: «Что же касается мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима **кара** вплоть до **тюремного заключения**. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно **изменяется**. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже **уголовное преступление**, и за это должна быть наложена определённая **кара**»²⁴⁹. Причём подобные меры предлагались Лениным ещё в середине декабря 1917 г., когда он для учёта количества и качества труда настаивал на создании судов из рабочих и крестьян²⁵⁰.

Эти «ленинские указы» не оказались пустым звуком. На фабрике т-ва Полушина рассчитанных рабочих передавали суду как за уголовное преступление²⁵¹. Рассматривал рабочий суд дела рабочих, «которые работали недобросовестно» и на заводе Густава Листа²⁵², на многих прочих предприятиях Московского региона. Что же касается общей линии на «завинчивание гаек», то хорошим примером здесь могут служить «Правила трудовой дисциплины», принятые на прошедшей 17 июня 1918 г. общегородской конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Твери.

В них делалась попытка регламентировать самые разные стороны жизни рабочих, наказания же за малейшую провинность были суровыми. Так, запрещалось «купаться и мыться на заводе, за исключением предназначенных для этого помещений», «принятие пищи в рабочих мастерских». Из прочих мер «в интересах санитарии» рабочие были, как записано в документе, «обязаны пользоваться только предназначенными для этого отхожими местами», а также «не должны были задерживаться в уборных», причём наблюдение за исполнением этого пункта возлагалось на самих рабочих. «Опоздавшие более чем на 20 минут» не допускались к работе до перерыва, причём пропущенное при этом время высчитывалось при оплате труда, а опаздывавшего «систематически» могли устранить с завода «без оплаты вперёд». «Хищения материалов и изделий, а также подлоги в расчётных книжках и требовательных ведомостях наказываются как **уголовные** деяния. **Виновные передаются народному суду**»²⁵³. Совершенно

очевидно, что приведённый документ содержит не только меры по действительному поддержанию дисциплины. Налицо стремление к мелочной регламентации всего поведения рабочих.

7. На перепутье: фабзавкомы и рабочий протест

Понятно, что, ощущавшие себя победителями в состоявшейся революции, рабочие не могли просто так смириться с утерей самостоятельности и завоёванных прав. Как только большевики вместо прежнего частнохозяйственного ярма попытались надеть на рабочих ярмо государственного принуждения, они столкнулись с ожесточённым сопротивлением. На первый взгляд, такое развитие событий выглядит не вполне логичным, ведь рабочие сами ждали от государства всеобъемлющей патерналистской опеки, причём не только от нового, большевистского, государства, но и от государства вообще, государственной власти, как таковой. Не будет преувеличением сказать, что одной из фундаментальных причин Февральской революции стало разочарование рабочих в способностях царского режима опекать интересы рабочих, что видно из приведённых в предшествующих главах материалов. Ждали поддержки рабочие и от Временного правительства. Ещё до Октября зафиксированы многочисленные обращения рабочих к правительству с призывами ввести на их терпящих бедствие, разоряющихся фабриках и заводах государственное регулирование или, в других случаях, наложить секвестр на предприятия саботажников. Так, в протоколе завкома завода бр. Бромлей за 24 июня 1917 г., помимо «перечня важнейших мероприятий, направленных к установлению нормального хода на заводе» и указания на то, что действия заводоуправления направлены к сокращению производства, звучит категорическое требование членов завкома *«установления государственного контроля»*. Аналогичные случаи отмечены и на других предприятиях ЦПР, Петрограда и других районов России, количество которых особенно увеличивается летом 1917 г.²⁵⁴.

Но особенно участились подобные обращения рабочих после Октября 1917 г., когда в сознании рабочих государство стало и «своим», и «демократическим», примером чего может служить позиция рабочих текстильной фабрики В. И. Агафонова подмосковной станции Химки, просивших «объявить её собственностью Российской республики» – традиционная формулировка для подобных обращений. А на заводе Михельсона, когда там сложилась остро критическая ситуация из-за недостатка рабочей силы, завком постановил, что единственным выходом может стать **милитаризация труда**²⁵⁵.

В чём же, в таком случае, видели рабочие главную угрозу для своих массовых объединений? Что заставляло их с подозрением относиться к усилению воздействия со стороны государства на различные стороны жизни общества? Не столкнулись ли мы с проявлением нелогичности рабочих, вызванной их экономической безграмотностью и неискушенностью в политике? Ответ на этот вопрос частично прочитывается в той горячей полемике, которая развернулась на VI Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, когда из уст многих делегатов от трудовых коллективов города на Неве прозвучали нескрываемые опасения перед начавшейся бюрократизацией Советского государства. Государственная опека и бюрократический диктат в представлении большинства рабочих того времени не являлись родственными явлениями, а выступали в качестве непримиримых антагонистов. Бюрократизм был главным врагом в налаживании взаимовыгодного сотрудничества между рабочими организациями и Советским государством.

Тем самым корень зла рабочие видели не в самом вмешательстве Советского государства в экономику, а в тех формах, в которые оно могло вылиться. Ещё до Октября, сталкиваясь с проявлением бюрократизма в своих рядах, рабочие реагировали на них крайне болезненно и пытались обезопасить себя от проявлений чего-либо подобного в будущем. Тем более что даже в деятельности самих фабзавкомов случаи отрыва активистов от выдвинувших их рабочих коллективов были не редкостью. Так, рабочим московского завода «Металлолампа» пришлось

выступить против своего завкома, члены которого, по словам работающих на предприятии, не считались с их мнением и позволяли себе относиться к своим же товарищам некорректно и заносчиво. На другом московском предприятии – заводе Хлебникова – рабочие жаловались, что их избранники оторвались от коллектива и не работают и что пора заставить их это делать. Происходили подобные инциденты и после Октября. Завком Пучужской мануфактуры, например, столь «активно» занимался «управленческой деятельностью» и с такими проявлениями волокиты, что в январе 1918 г. его прямо обвиняли в бюрократизме²⁵⁶.

Поэтому рабочие, поддерживая регулирующие усилия Советского государства, выступали против любых проявлений бюрократизма в системе управления производством, отождествляя порядки бюрократические с самодержавными и буржуазными. Уже на I Петроградской конференции фабзавкомов была принята резолюция, в которой однозначно говорилось, что регулирование *бюрократическими механизмами* невозможно²⁵⁷. С аналогичных позиций выступали и фабзавкомы ЦПР. К примеру, на Учредительном делегатском собрании областного Союза текстильщиков Иваново-Вознесенска, проходившем летом 1917 г., представители фабзавкомов не только поддержали решения по этому вопросу своих питерских товарищей, но и приняли свою аналогичную резолюцию. В ней «бюрократический путь регуляции промышленности» отвергался категорически, поскольку воспринимался как *антипод* рабочего контроля²⁵⁸.

Особенно нетерпимыми проявления бюрократизма становятся после Октября²⁵⁹. Критикуя на одном из заводских собраний новое «советское» руководство своего предприятия, работница ткацкой фабрики Раменского района Таптыгина, делегатка Всероссийского женского съезда, так передавала отношение рабочих к подобным явлениям: «Только те коммунисты, – говорила она, – которые живут с рабочими в спальнях корпусах, а которые в особняки убежали, это не коммунисты. Это уже не коммунисты, которые едят у себя: без доклада не входить»²⁶⁰. После Октябрьской революции бюрократизм всё больше начинается восприниматься рабочими не просто как какой-то «нарос на теле революции», а как злейший враг рабочего самоуправления²⁶¹.

Ситуация с рабочими организациями резко осложнялась из-за кризиса промышленности, транспорта, снабжения городов хлебом, о чём подробно уже говорилось. Став во главе государства, большевики оказались не в состоянии совершить ожидавшегося от них чуда – в одночасье переломить негативные тенденции в социально-экономической и политической сферах. Более того, подчас их собственные действия способствовали обострению ситуации, что вытекало из победы во внутрипартийной борьбе тех групп в большевистском руководстве, которые не видели смысла в поддержке рабочего контроля и самоуправления. В этих условиях рабочие ещё больше тяготились своим бедственным материальным положением, ощущали себя брошенными один на один с экономической разрухой и надвигавшимся голодом. Сходные причины порождают сходные по своему проявлению следствия. Так же как и в предшествующие месяцы, крайне низкий жизненный уровень значительного числа рабочих, а также попытки государства, теперь уже советского, ограничить независимость рабочих организаций становились катализаторами массовых выступлений, теперь уже не против «буржуазии», а против самого «пролетарского государства». Материальные тяготы и политика огосударствления становились *постоянными раздражителями рабочего протеста*. Такова, если вкратце, анатомия временами проявлявшего конфликта «рабочего класса и рабочего государства».

В советской историографии тема рабочего протеста в первые месяцы формирования большевистского государства относилась к числу неудобных. Не отличалась объективностью также эмигрантская историография, а западные историки, как правило, просто повторяли её положения и выводы. В силу этого имеет смысл остановиться подробнее на проблеме взаимоотношений *между рабочим протестом и органами рабочего производственного само-*

управления. Прежде всего приходится констатировать, что протестные выступления рабочих в Советской России носили довольно массовый характер. Общее число участников протестных выступлений рабочих на подконтрольных большевикам в 1918 г. территориях ориентировочно может быть определено в 100-250 тыс. человек²⁶². Так, временами достаточно напряжённо складывалась ситуация в «колыбели революции» – Петрограде. Рабочие были не довольны перебоями со снабжением и выплатами зарплаты. Знаковым событием, своеобразным предупреждением властям в те дни становится колпинская драма. По оценке историков Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, сценарий того, что произошло в Колпино, со всей наглядностью продемонстрировал, как вскоре станут развиваться события по всем городам России²⁶³. Здесь рабочим протестным выступлениям непосредственно предшествовал голодный бунт, вспыхнувший в очередях за хлебом, с последовавшим за ним расстрелом, учинённым местными властями, безоружной толпы, состоявшей в основном из жён и детей рабочих, протестовавших против голода. Среди раненых в результате стрельбы был 14-летний подросток Пётр Куликов, ученик начального училища при Ижорских заводах. Один человек погиб – рабочий Ижорского завода, казначей профессионального союза электриков Потёмкин.

События в Колпине сразу же были использованы оппозицией для атаки на правящий блок большевиков и левых эсеров. Пропаганда оппозиции ложилась на благоприятную почву. Уже 10 мая забурлил традиционно оппозиционный по отношению к власти Обуховский завод. В тот же день по инициативе Колпинской и Обуховской делегаций мощный митинг прошёл на Путиловском заводе. На следующий день, 11 мая, беспорядки в Петрограде приобрели ещё больший размах. В этот день выступления рабочих шли на Русско-Балтийском заводе, на заводе «Сименс и Шуккерт», на Арсенале. По сообщению оппозиционной прессы, «серия митингов, начавшихся в связи с голодом и репрессиями», перекинулась и на другие заводы. Так, на заводе Речкина рабочий митинг постановил: «Правительство, расстрелявшее рабочих, носит имя рабочего правительства. Мы призываем всех рабочих потребовать от большевистской власти снять с себя наше имя, которым оно прикрывается». В последующие несколько дней волна протестов поднялась ещё выше, к ней подключились рабочие Карточной фабрики, Гильзового, Охтинского и других заводов. 14 мая в 8 часов 30 минут с Николаевского вокзала в Колпино отправился поезд с делегацией рабочих петроградских заводов, направлявшейся на похороны погибшего в результате расстрела рабочего. Власти пытались предотвратить превращение похорон в политическую акцию. Тем не менее в похоронах приняло участие более тысячи человек. На могилу Потёмкина лег венок с красноречивой надписью «Жертвам голодных – погибшим от сытой власти»²⁶⁴.

Беспорядки и волна стачек прокатились также и по другим регионам страны. Одним из важнейших очагов протестных выступлений становится Москва. Здесь выступления рабочих не приобретают такого всеобщего характера, как в Петрограде, но они особенно тревожили большевистское руководство – поскольку столица страны находилась теперь в Москве. Упорством, например, отличалось сопротивление со стороны железнодорожников. До крупных столкновений дело дошло на Александровской (Казанской) железной дороге²⁶⁵. На этот же момент приходится новый всплеск протестов со стороны печатников ЦПР²⁶⁶. Причиной этому было то, что нажим большевиков на оппозиционную печать существенно ослаблял их самостоятельные профессиональные организации и увеличивал безработицу среди всех профессий печатного дела. «Борьба большевиков со свободой печати сильно бьёт печатников, выбрасывает их на улицу, – писала газета «Дело народа» и добавляла: – Связь между большевистским режимом и безработицей в такой степени ясна, что у печатников большевизм потерял всякую почву». Новые проблемы порождала и практика национализации типографий, которая, по мнению журналиста, нанесла вред не только «буржуям», но и «рабочим печатникам»²⁶⁷. И хотя

на самом деле речь шла не о большевизме, как таковом, а о бюрократическом перерождении его режима, сама тенденция развития умонастроений рабочих-печатников показательна.

Другим крупным очагом протестных выступлений весной-летом 1918 г. становится Тула. В июне 1918 г. состоялись забастовки на тульских фабриках Боташева, Копырзина, Лялина. Напряжённой обстановка была на крупнейших заводах города: Патронном и меднопрокатных²⁶⁸. Особенно нелегко большевикам приходилось на Оружейном заводе. Здесь сопротивление рабочих приходилось пресекать самым жёстким образом, вплоть до угроз закрыть предприятие. Напряжённостью отличалась обстановка в Нижегородской губернии²⁶⁹. На Урале прошло несколько заводских рабочих восстаний. Кульминационным моментом этой повстанческой волны становится знаменитое Ижевско-воткинское восстание²⁷⁰.

Постепенно формы протеста рабочих приобретали всё более масштабные и организованные формы. Они принимают отчётливый политический оттенок, внушая серьёзные опасения советскому руководству. Так, начавшееся ещё в январе 1918 г. организованное протестное движение рабочих к лету 1918 г. привело к попыткам проведения 23 июля в Москве беспартийного Всероссийского рабочего съезда²⁷¹. Как показывают материалы следствия, в нём приняли участие около 40 делегатов, представлявших Москву, Петроград, Владимир, Нижний Новгород, Сормово, Тулу, Рыбинск, Севастополь, Воткинск и др.²⁷². В рамках подготовки съезда в этих и других городах возникают альтернативные Советам пролетарские организации, объединившиеся к лету 1918 г. в достаточно многочисленное и влиятельное движение рабочих-уполномоченных. Зарождение движения уполномоченных происходит в северной столице, где в момент брестского кризиса мощно заявило о себе Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов Петрограда (ЧСУ ФЗ). В ЦПР центром движения уполномоченных становится Тула, где оно выходит на политическую арену почти в те же дни, что и в Петрограде. В дальнейшем среди важнейших центров ЧСУ ФЗ и подготовки рабочего съезда выделяется Нижний Новгород. После долгих неудачных попыток, к лету 1918 г. удаётся распространить движение уполномоченных и на новую столицу Советской Республики – Москву²⁷³.

Что же должны были делать в такой непростой ситуации органы рабочего представительства и производственного самоуправления? Всё их развитие в 1917 г. было связано с протестной энергией рабочего класса. И после прихода к власти большевиков часть рабочего активизма именно через них направлялась против прежних владельцев предприятий. Но теперь фабрично-заводские комитеты, как уже неоднократно отмечалось выше, эволюционировали в сторону превращения в низовые структуры нового режима. Это заставляло их служить не только целям «гражданской войны», но и «гражданского мира». В то же время теперь рабочие выступали не только против капиталистов, но и против государства и его представителей. Как в этом случае должны были себя вести традиционные организации рабочего класса? Полностью отдать инициативу альтернативным формам пролетарского представительства? Или разрушать то самое государство, становлению которого ими было отдано столько ресурсов?

Далеко не все заводские и фабричные комитеты старались дистанцироваться от растущего рабочего протеста. Многие из них оказывались вовлечены в орбиту протестного рабочего активизма самым непосредственным образом. В какой-то степени это нашло своё отражение в частичной дебольшевизации фабрично-заводских комитетов, а также объединённых с ними теперь профсоюзов. Многие деятели оппозиционного рабочего движения становятся видными фигурами в фабзавкомовском движении, к их числу принадлежат такие знаковые для весны-лета 1918 г. фигуры, как И. И. Шпаковский и Н. Н. Глебов, которые занимали крупные должности не только в оппозиционном большевикам движении уполномоченных, но в фабрично-заводских комитетах своих предприятий²⁷⁴. Но если не отвлекаться на подобные, пусть и важные, но всё-таки исключения, то придётся признать – фабзавкомы как особые рабочие организации в своём подавляющем большинстве встали на защиту государственных интере-

сов, хотя и пытались отстаивать свои собственные корпоративные интересы, а также интересы рабочих. По существу, они становятся ударной силой в борьбе с протестными настроениями непосредственно на предприятиях, как это было, скажем, на заводе бр. Бромлей, завком которого в ноябре 1917 г. и в апреле 1918 г. пытался унять брожение среди рабочих предприятия²⁷⁵. Форпостом противодействия растущему рабочему протесту становятся фабзавкомы в Воткинске, где они теряют свои функции выборных представительных органов и становятся назначаемыми сверху административными учреждениями²⁷⁶. Аналогичную позицию отстаивали фабзавкомы Тулы, в которой страсти были накалены как ни в каком другом городе ЦПР. Разъяснение позиции большинства фабзавкомов города можно найти в воззвании к рабочим Центрального заводского комитета Тульского оружейного завода: «В интересах цеховых комитетов, *как рабочих организаций*, – отмечалось в нём, – первым по важности должен стоять вопрос оставить предприятие работающим и ни в коем случае не допускать то или иное предприятие к закрытию. К тому же в Заводском комитете имеется телеграмма, в которой ясно указано, что если производительность на заводе поднята не будет, то Оружейный завод может быть закрыт»²⁷⁷. Здесь государственный террор и угроза локаута явственно сливались с борьбой за сохранение завода.

Та же ситуация наблюдалась и в Петрограде, например, когда рабочие ткацких фабрик Максвелля прекратили работы и сформировали делегацию на другие ткацкие фабрики города, желая заручиться их поддержкой, фабкомы большинства предприятий закрыли перед делегацией масквелевцев двери, не позволили ей организовать антибольшевистские митинги либо иные акции протеста. Ввёл жесткую дисциплину и не допускал никаких протестных выступлений в рабочее время комитет Трамвайного парка²⁷⁸. Жёсткую позицию по отношению к оппозиционным настроениям в рабочей среде занимали комитеты Путиловского, Орудийного, Патронного, Порохового и других заводов, городской электрической станции, Карзин-кинской мануфактуры, фабрики Варгунина, некоторых типографий и других предприятий города.

Активно выступали против беспорядков, например, завком и цеховые комитеты Обуховского завода. Его деятельность в этом направлении естественным образом активизировалась в марте 1918 г., когда на заводе началось создание альтернативных рабочих организаций (прежде всего в рамках движения уполномоченных). Уполномоченные Обуховского завода попытались в это время довести до сведения Советского правительства требования стоящей за ними части рабочих. По всей вероятности, была сформирована делегация в Наркомат труда для переговоров. Её состав определялся, понятно, в обход позиции официальных рабочих организаций завода. Это вызвало с их стороны резкое недовольство. На заседании 8 марта 1918 г. членами заводского и цеховых комитетов, Демобилизационной комиссии и Исполнительного комитета районного Совета, стоящих на платформе Советской власти, сложившаяся ситуация была подвергнута заинтересованному анализу.

«После всестороннего обсуждения вопроса» собравшимися была принята резолюция. В ней требовалось исключить всех членов заводских организаций, не стоящих на платформе Советской власти. Было решено также проинформировать СНК, Раскольникова, Шляпникова, Шмидта и других советских руководителей о состоянии дел на заводе с целью не допустить переговоров центра с «самозванными» делегациями от рабочих. От Заводского комитета резолюцию подписал Зубарев, от цеховых комитетов – Ермаков, от Исполкома – Ильин, от Демобилизационной комиссии – Стель-маков²⁷⁹. Возникает вопрос, если бы не столь бескомпромиссная позиция, занятая местным завкомом, не мог ли диалог между недовольными рабочими и Наркоматом труда снять возникшее на заводе напряжение? Но взаимопонимания между властью и рабочими достичь не удалось, и с 25 июня 1918 г. завод был закрыт. Вместе с закрытием завода прекратили своё существование его заводской и цеховые комитеты²⁸⁰.

Не случайно лидеры оппозиции столь яростно пытались дискредитировать фабзавкомы. «Неудобная» позиция фабзавкомов стала предметом обсуждения уже на первых заседаниях Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда²⁸¹. С критикой в их адрес выступили Блохин (Блоха) и другие уполномоченные. Так, Корохов с Обуховского завода в предоставленном ему слове сообщил: «Заводской комитет [Обуховского завода] был у нас всегда эсеровский. Но большевики фальсифицировали выборы, и теперь они в комитете в большинстве. Уже четыре месяца назад вынесли недоверие заводскому комитету, но это не помогает. *Они смеются, когда им выносят недоверие*»²⁸². По сообщению правосоциалистической прессы, делегаты первой конференции отмечали, что фабзавкомы в своём развитии зашли в тупик, занимаются захватами предприятий, вырождаются в обычные административные органы. По едкому замечанию одного из делегатов, «заводские комитеты стали несменяемыми и опираются на пулеметы». Словом, по определению другого участника конференции, «заводские комитеты – большевистские по преимуществу -выродились в какой-то уродливый, враждебный рабочему классу в целом институт»²⁸³.

Критика фабзавкомов стала официальной позицией движения уполномоченных. Нелицеприятные замечания в адрес фабзавкомов встречаются во многих его официальных документах: «Декларации петроградских рабочих Четвертому чрезвычайному съезду Советов», «Воззвании Организационного бюро по созыву Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда»,

Воззвании Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда «К рабочим и работницам!», «Обращении московской делегации Собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда к рабочим Петрограда» и других. К примеру, в воззвании от 26 марта 1918 г. ЧСУ ФЗП заявлялось с подкупающей прямоотой: «Заводские комитеты сделались комиссиями по расчёту рабочих, сделались казёнными учреждениями, которые не нуждаются в нашем доверии и давно потеряли его. И они нам не помогут»²⁸⁴. В специально принятой на пленарном заседании движения уполномоченных 16 апреля 1918 г. резолюции «О независимости рабочих организаций» это положение разъяснялось подробнее: «После Октябрьского переворота и захвата политической власти большевиками началось быстрое разложение во всех областях жизни, -заявлялось в документе. – Заводские комитеты перестают руководствоваться в своей деятельности реальными интересами рабочей массы, отрываются от неё и отходят от непосредственной защиты заводских рабочих в сторону большевистской политики. Часто под гипнозом большевистских увещаний они вступают в открытую борьбу с рабочими: разгоняют собрания, препятствуют и запрещают перевыборы и т. под.»²⁸⁵.

Таким образом, как видим, органы рабочего производственного самоуправления, да и всё рабочее движение в целом, оказывались в непрестом положении. Октябрьская революция, в первые же часы провозглашенная большевистскими лидерами пролетарской и даже социалистической, мировой революцией, ставила перед русскими рабочими непростую задачу выработать своё отношение к новому Советскому государству. Им нужно было определиться не только в отношении захвата власти левыми социалистами, но по-новому подойти к собственным задачам и той роли, которую они должны были играть в рождавшемся государстве. С одной стороны, разрастание бюрократизма в советском государственном аппарате реально грозило рабочим вероятной утратой прежних независимых позиций, но, с другой стороны, сепаратизм различных рабочих организаций мог реально ослабить силы революционного режима, что в конечном итоге также грозило существованию рабочего самоуправления²⁸⁶. Органам рабочего самоуправления так и не хватило зрелости безболезненно миновать Сциллу и Харибду возникшего перед ними выбора.

8. От эры «пролетарского коллективизма» к эпохе «военного коммунизма»

Антагонизм между рабочей демократией и огосударствлением органов рабочего самоуправления грозил вылиться в не менее принципиальный, чем в своё время антагонизм между трудом и капиталом. Однако к концу весны – началу лета 1918 г. возможностей для развития рабочего самоуправления оставалось всё меньше. Начавшаяся интервенция оборвала мирный период развития российской революции и спровоцировала кровопролитную Гражданскую войну. С переходом к военному положению и политике развёрнутой национализации в большевистской среде возобладали настроения, мало совместимые с рабочим самоуправлением. Если на I Всероссийском профсъезде речь шла об ограничении рабочего самоуправления, то теперь вопрос становится о полном отказе от него – война требовала напряжения всех сил и централизации власти.

В своём объёмном, хотя крайне тенденциозном исследовании той эпохи американский советолог, апологет тоталитаристской школы Р. Пайпс сигналом к перемене официального курса в рабочем вопросе называет одну из речей Л. Д. Троцкого, которая, по определению Р. Пайпса, имела «странный, совершенно фашистский заголовок»: «Труд, дисциплина и порядок спасут Советскую Социалистическую Республику». Троцкий призывал рабочих к «самоограничению», к смирению перед фактами ограничения их свобод, возвращению управляющих из числа прежних «эксплуататоров» и т.п.²⁸⁷ Примерно в это же время выходит настроенная резко против рабочего контроля работа Н. Осинского «Строительство социализма», в которой предлагалась развёрнутая, целостная система принудительного перехода общества к централизованному социализму²⁸⁸. Именно подобные подходы начинают всё отчётливее формировать тон официальной пропаганды.

Решающий (хотя и не последний) бой между сторонниками усиления государства и апологетами рабочего самоуправления произошёл на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства²⁸⁹. Это, наверное, не случайно, если учесть то, что выше говорилось о ВСНХ, а также о концентрации в нём деятелей, осознанно ставивших перед собой цель перераспределения власти между рабочим государством и рабочими низами. Съезд проходил в Москве с 26 мая по 4 июня 1918 г. Его состав был достаточно представительный: 252 делегата от 5 областных, 30 губернских и значительного числа уездных совнархозов. Генеральная направленность съезда была красноречиво сформулирована в прозвучавшем 29 мая выступлении нового председателя ВСНХ А. И. Рыкова, – это полное отождествление рабочего и государственного контроля, а также критика прежнего «левацкого» руководства бюро ВСНХ в лице Н. И. Бухарина, Н. Осинского и А. Ломова, которое имело свой взгляд на будущее рабочих организаций после революции²⁹⁰. Не случайно поэтому, что решениями съезда рабочее самоуправление если и не упразднялось окончательно, то сохранялось лишь в пережиточных, часто символических формах. Приоритет полностью отдавался хозяйственным органам нового государства.

Ключевым решением съезда по рабочему самоуправлению следует считать принятое по докладу Андропова «Положение об управлении национализированными предприятиями», шедшее значительно дальше всех предшествующих постановлений по проблемам централизованного регулирования экономики. В нём предусматривалось, что «две трети фабрично-заводского управления назначаются областным (т.е. вышестоящим) Советом народного хозяйства». Лишь одна треть членов управления избиралась «профессионально-организованными рабочими предприятия». При этом «список членов фабрично-заводского управления по конституировании его и избрании председателя представляется на утверждение ближайшего органа высшего управления». Но и это было ещё не всё. По новому положению «ближай-

ший орган Высшего Управления имеет право, если в этом случается необходимость, назначать в фабрично-заводские управления национализированного предприятия своего представителя», который получал бы право «решающего голоса и право приостанавливать решения фабрично-заводского управления, противоречащие общественным интересам». Кроме того, «в экстренных случаях» вышестоящие инстанции с некоторыми формальными оговорками получали право «назначать управления предприятий» по собственному усмотрению²⁹¹. Принцип, по которому рабочим коллективам давалась возможность формировать управление лишь на треть, и другие антидемократические нововведения ни у кого из делегатов на общих пленарных собраниях возражений не вызывали, а если у кого и вызывали – тому просто не предоставляли слова²⁹².

Решения съезда совнархозов ликвидировали фактически фабзавкомы как самостоятельные ячейки экономической жизни общества и как органы производственного самоуправления. Дальнейшая борьба между самоуправлением рабочих и политикой огосударствления велась в рамках других организаций, прежде всего профсоюзов²⁹³. Свёртывание деятельности фабзавкомов становилось теперь неизбежным и ничего принципиально не меняющим делом. Весь период от I Всероссийского съезда до II Всероссийского съезда профессиональных союзов, на котором фабзавкомы были в очередной раз, но теперь уже окончательно подчинены профсоюзам, являлся временем такой переориентации сохранившихся элементов рабочего самоуправления с задач революционных на задачи гораздо более меньшего масштаба. Происходившие перемены чётко отражены в двух документах, это проект «Положения о комиссиях рабочего контроля на частных фабрично-заводских предприятиях» и проект «Положения о комиссиях рабочего контроля на национализированных фабрично-заводских предприятиях». Оба документа были разработаны Советом профессиональных союзов. В первом из них подчёркивалось, что «рабочий контроль *подчинён [и] ответственен* в своих действиях перед вышестоящими органами», а во втором отмечалось, что прежние методы контрольных органов «должны уступить место *ревизионному* контролю за правильностью и хозяйственностью расходования народного достояния *без вмешательства в распорядительные права органов управления предприятием*» (выделено мной. – Д. Ч.)²⁹⁴.

Параллельно с подчинением рабочих общественных организаций хозяйственно-административным аппаратом обозначилась ещё одна ведущая тенденция, характерная для периодов становления государства из предгосударственных институтов, а именно, рождение новой элиты. Есть немало моментов, которые связывают её с процессами трансформации системы рабочего самоуправления в первые месяцы революции. Существующая в историографии традиция рассматривает формирование новой элиты на политическом уровне²⁹⁵. Но новый правящий слой нельзя ограничивать партией большевиков и сотрудниками центральных ведомств. На практике его становление как массовой политической реальности происходило на куда более широком историческом пространстве. В этом смысле важным объектом будущих исследований представляется связка *совнархозов – заводоуправлений национализированных предприятий – экономических отделов низовых советов – районных звеньев отраслевых профсоюзов*. На этом уровне и происходит формирование нового хозяйственного уклада и нового широкого господствующего слоя. Таким образом, органы рабочего самоуправления объективно получали возможность сыграть весомую роль в формировании нового правящего слоя. Но уже на начальных этапах послереволюционного развития вырисовывается иллюзорность открывавшихся было здесь перспектив. Уже к середине 1918 г. становилось очевидным, что рабочий класс в процессе образования новой элиты доминирующей силой не стал²⁹⁶. Социальная мобильность «прямого действия» сменялась сложным механизмом подъёма наверх, важную роль в котором играли государственные либо связанные с ними структуры.

По сути решения I Всероссийского съезда совнархозов и начало сплошной национализации совпали с переходом от первого, романтического, периода революции к периоду военного коммунизма, все основные особенности которого, пусть пока ещё и в самых общих чертах, так или иначе уже начали проявляться в летние и осенние месяцы 1918 г. «Революция самоуправления» подходила к логическому завершению. Став питательной средой для нового революционного государства, институты непосредственной демократии должны были найти свою социальную нишу, вписаться в формирующуюся систему общественных отношений, стать низовым элементом стремительно возрождающейся государственной иерархии²⁹⁷.

9. Рабочее самоуправление в зеркале Конституции 1918 г.

Закрепление нового статуса институтов гражданского общества и, в частности, органов рабочего самоуправления происходит в первой российской Конституции 1918 г. Сегодня много пишется о её недостатках, о классовой ограниченности её правовых норм, о том, наконец, что её принятие было определённым шагом назад по сравнению с февральско-мартовским режимом. Советская Конституция 1918 г. критиковалась уже современниками, правда, с тех пор ни характер критических замечаний, ни их содержание изменений не претерпели²⁹⁸. Дело, однако, не в этом – Советская Конституция 1918 г. была первым подобным документом за всю историю России. Временное правительство, несмотря на весь свой номинальный демократизм, за всё время своего существования так и не сподобилось принять ничего сопоставимого с ней по масштабу. Несколько законов Временного правительства, которые, условно говоря, носили конституционный характер, не создавали единого конституционного поля в стране и регулировали отдельные сферы жизни общества, в первую очередь касавшиеся функционирования центральной власти²⁹⁹. Следует также серьёзно усомниться в адекватности прежних оценок «классового» характера Конституции 1918 г.

Принято было считать, что Конституция 1918 г. провозглашала в России создание государства диктатуры пролетариата. Некоторые её положения, действительно, давали основания для подобного рода выводов. Так, в § 9 гл. 5 говорилось, что основной задачей Конституции РСФСР на предстоящий переходный период является установление «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства». Сюда же могут быть отнесены и некоторые конкретные положения Конституции. Прежде всего Конституция подтверждала свободу союзов. Профсоюзы, фабзавкомы и другие организации в прежней историографии расценивались как основа системы диктатуры пролетариата³⁰⁰. Кроме этого, закреплённый в Конституции принцип построения Красной армии, когда «почётное право защищать революцию с оружием в руках» предоставлялось «только трудящимся», вполне отчётливо воспроизводил установления, по которым прежде шло формирование рабочей милиции и Красной гвардии. Конституция закрепляла право на труд, провозглашая обязанность трудиться краеугольным принципом нового строя, тем самым закреплялись и нормы, заложенные в советском трудовом праве, а, как известно, одной из ключевых норм советского трудового права была высокая роль профсоюзов в регулировании трудовых и производственных отношений. Наконец, вовсе не случайно в гл. 2 Конституции 1918 г. оказалось следующее положение: «Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской Республики подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства» – факт чрезвычайно важный, часто забываемый исследователями и, кроме того, уникальный по своей юридической практике, когда в Конституции специально упоминаются прежде принятые конкретные законы³⁰¹.

Именно эти положения и нормы Основного закона Советского государства в прошлом позволяли историкам писать о нём как о государстве диктатуры пролетариата, а сегодня – как об утопическом «государстве-коммуне», несбыточной мечте, которая на практике со временем была подменена жёстким имперским централизмом большевиков³⁰².

Но более глубокий анализ текста Конституции заставляет отказаться от устоявшихся оценок. Так, уже перечисление норм Конституции 1918 г., в которых закреплялись результаты рабочего движения 1917-1918 гг., показывает преувеличенность существующих в историографии оценок. Такие понятия, как «рабочее», «профессиональное» или «производственное» самоуправление, в Конституции вообще не упоминались, вместо них употреблялось известное по конституциям зарубежных государств «местное самоуправление». Система органов рабочего самоуправления как единое целое не воспроизводилась и не закреплялась Конституцией, отдельные её звенья вживлялись в законодательное пространство нового режима изолированно друг от друга, а фабзавкомам вообще не нашлось самостоятельного места в новом общественном устройстве, закрепляемом конституцией.

Не следует забывать и ещё об одном важном обстоятельстве, что некоторые массовые организации, прежде являвшиеся звеном растущей системы органов рабочего самоуправления, к моменту принятия Конституции изменили свою природу, что и нашло отражение в Основном законе Советского государства. Речь идёт, естественно, о Советах. К примеру, прежние нормы формирования низовых Советов, когда комплектование депутатского корпуса в основном осуществлялось через профсоюзы, фабзавкомы и прочие пролетарские организации, подменялись в Конституции 1918 г. всеобщими выборами. Что же касается пресловутых ограничений для представителей «свергнутых классов», имевшихся в Конституции, то они носили расплывчатый характер и могли применяться против кого угодно, в том числе против самих рабочих, и уже в силу этого не сильно меняли социальную сущность новой системы выборов. В них скорее видится узаконение диктатуры вообще, нежели диктатуры собственно рабочих.

Несколько комментариев необходимо сделать и относительно заложенной в Конституцию 1918 г. избирательной системы. От системы выборов в Советы, существовавшей до Октября, в тексте Конституции оставались лишь производственные округа, но и в них выборы шли на всеобщем основании. Другим моментом, оставшемся от прежней системы выборов, было сохранение разного принципа делегирования в городские и сельские Советы, в результате чего один голос горожанина условно приравнивался к 5 голосам жителей деревни. Но это положение носило исторически сложившийся характер: когда на III съезде Советов рабочие и крестьянские Советы объединились в единую общероссийскую структуру, были сохранены прежние принципы их формирования. В результате городские Советы формировались по одним нормам, а сельские по другим³⁰³. Никакого отношения к диктатуре пролетариата такое положение вещей не могло иметь отношения уже хотя бы потому, что речь шла об одном голосе **горожанина**, а вовсе **не обязательно рабочего**, как утверждалось прежде и *почему-то утверждается по сей день*. Если различие норм представительства от города и деревни и было кому-то выгодно, то вовсе не рабочим, а **чиновничеству**, новой красной бюрократии, ловко действовавшей из-за спины рабочего класса³⁰⁴. Тем самым вовсе не случайно, что изменение избирательной системы вызвало серьёзные нарекания уже в то время. Так, в письме Коллегии Наркомюста в ЦК РКП (б) от 4 июля 1918 г. один из пунктов был напрямую посвящён этому вопросу. В документе подчёркивалось, что проект «ломает существующую систему выборов в Советы», «уничтожает представительство профсоюзов, политических партий», отмечались прочие упущения с точки зрения авторов протеста³⁰⁵.

Стоит ли пояснять, что замечание Коллегии НКЮ осталось без ответа. Речь шла не о случайном эпизоде, а последовательном курсе на вытеснении рабочих элементов из системы Советов. Причину этой практики понять не сложно: если весной-летом 1918 г. в губернских Советах

большевики и левые эсеры продолжали укреплять своё положение³⁰⁶, то в городских Советах, по крайней мере в Петрограде и практически во всех губерниях ЦПР, на Урале у большевиков в середине 1918 г. возникли существенные трудности из-за роста в рабочей среде абсентеизма протестных настроений и вызванного этим укрепления позиций оппозиции, прежде всего правых эсеров и меньшевиков³⁰⁷.

Не стоит недооценивать и тот факт, что многие положения Конституции 1918 г., декларировавшие закрепление результатов рабочего движения в предшествовавшие периоды революции, на практике никакого значения не имели. Взять, к примеру, принцип, ограничивавший право «прежних эксплуататоров» «защищать с оружием в руках Советскую власть». В жизни он не соблюдался *никогда*. Уже в бытность существования Красной гвардии в её рядах можно было встретить и прежних полицейских, и прежних жандармов³⁰⁸. Тем более потребность привлечь на свою сторону кадровых офицеров императорской армии возросла в связи с началом Гражданской войны³⁰⁹. По существу, соответствующая норма Конституции принималась в условиях, когда её выполнение было фактически не возможно. То же самое можно сказать и о подтверждении в Конституции 1918 г. положений закона о рабочем контроле – закона, который в момент принятия Конституции уже давно не выполнялся и был перечёркнут последующими актами, регулирующими рабочий вопрос в Советской России (к примеру, подробно проанализированной выше инструкцией ВСРК, а также резолюциями I Всероссийского съезда профсоюзов и I Всероссийского съезда советов народного хозяйства).

В конце концов, в Конституции 1918 г. РСФСР нигде не провозглашалась государством диктатура пролетариата. В тексте Основного закона, и это признавала уже советская историческая наука, даже не содержалось формулировки самого такого понятия, как «диктатура пролетариата»³¹⁰. Более того, и этот факт никак не учитывается ни прежней, ни современной историографией, приводимый выше § 9 гл. 5 чётко формулировал, что диктатура пролетариата – это *лишь основная задача, рассчитанная на предстоящий переходный момент, но никак не отражение существующего положения вещей*. Фактически это означало, что установление диктатуры пролетариата отодвигалось на неопределённое время, поскольку продолжительность переходного периода в тексте Конституции никак не оговаривалась.

Какой же тогда строй, если не диктатуру пролетариата, провозглашала Конституция 1918 г.? Ключевым в этом смысле следует признать § 10 гл. 5, в котором записано: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной

Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединённому в городских и сельских Советах»³¹¹. Таким образом, Конституция 1918 г. провозглашала диктатуру, но не пролетариата, а трудового народа, диктатуру трудящихся классов (§ 8, гл. 4), а это – чисто эсеровское определение, не имеющее ничего общего с ортодоксальным марксизмом³¹².

Совершенно очевидно, что различные нюансы в тексте Конституции отразили реально существовавшие перекосы в государственном строительстве, а также те проблемы, которые существовали внутри самого рабочего движения революционной поры. Поэтому во время работы над проектом Конституции вспыхивает очередная волна дискуссий о судьбах рабочего самоуправления в «условиях пролетарской государственности». В ходе этой дискуссии со всей определённостью успевают проявить себя тенденции развития большевистского режима, которые вскоре будут определять его лицо многие десятилетия. К этому времени реальность была уже такова, что ни о каком возвращении к положению, когда рабочее самоуправление представляло собой самостоятельную политическую и экономическую силу, уже не шло. Грамотный учёт специфики момента мог бы способствовать лишь закреплению за органами рабочей самоорганизации прочного, независимого места в системе постреволюционного государства. Попытки повернуть время вспять были чреваты ещё большим ужесточением авторитарных

тенденций, поскольку дестабилизировали и без того хрупкие механизмы общественного взаимодействия, действовавшие на территории, подконтрольной Советам. Всё это с неизбежностью предопределяло жёсткость полемики, развернувшейся в процессе подготовки Основного закона Советского государства.

Часто позиции, высказываемые сторонами при обсуждении проекта Советской Конституции, восходили непосредственно к духу и содержанию первых дискуссий о значении для революции рабочего самоуправления. Отголосок дебатов о месте пролетарских объединений в советской системе можно видеть, к примеру, в ряде позиций, высказанных при обсуждении нового избирательного права. Так, дебатировалось, проводить ли выборы в городах на основе максимально широкого участия граждан или предоставлять *право голоса только членам профсоюзов*? Форсирование революции требовало второго подхода. Реанимировались и прежние разногласия по поводу соотношения прав центра и периферии. Но если прежде речь шла о строительстве независимых пролетарских организаций, то теперь полемика переносилась на принципы государственного устройства России в целом. За расширение прав местных советских органов, к примеру, выступил М. Н. Покровский. Идеи трудовой демократии явно проявились в проекте М. А. Рейснера. Рейснер стоял за федерацию коммун. Под коммунами он понимал *территориально-хозяйственные единицы*. Те, в свою очередь, сами должны были являться федерацией местных организаций трудящихся, *организованных профессионально*. Местные коммуны должны были объединяться в провинциальные, областные, наконец, – в Российскую Федерацию. Пересекалась с этой и позиция П. П. Ренгарте-на. Он видел Россию федерацией *профессиональных объединений* трудящихся. Разногласия выявились и по такому, казалось бы чисто техническому, вопросу – с чего начинать рассмотрение в Конституции органов народной власти. Так, А. П. Смирнов настаивал, что органы власти нужно рассматривать от низших к высшим. Он был незамедлительно поддержан А. А. Шрейдером. Близкие с ними мнения выразили М. М. Покровский и Ю. М. Стеклов³¹³.

10. Зарождение новой государственнической идеологии: «красный патриотизм» и «национал-большевизм»

Однако не следует впадать в иллюзию и видеть в левых радикалах последовательных «защитников» рабочего самоуправления. И Рейснер, и все левые, принявшие участие в подготовке проекта Конституции РСФСР 1918 г., основной упор делали не столько на закреплении независимости и самостоятельности рабочих организаций (многие из них даже не ставили этой задачи), сколько на необходимости полного разрушения прежней (дореволюционной) российской государственности. Рабочее самоуправление ими рассматривалось как рычаг для успешной реализации этих планов, так же как несколько раньше оно было использовано для удара по торгово-промышленному классу. Понятно, что в условиях энергичного наступления левого радикализма неизбежно должно было произойти становление идеологии, которая *по всем важнейшим вопросам государственного строительства* противостояла бы ему, *объединив в себе реалии нового периода революции и наиболее жизнеспособные традиции прежней российской государственности*.

В начале-середине 1918 г. возникновению такой идеологической парадигмы способствовали и другие важные сдвиги, в том числе в статусе, который имело само революционное государство. На протяжении всего предшествующего периода русской революции власть была ещё достаточно слаба, чтобы взять на себя ответственность за страну Сперва буржуазное, а потом и большевистское правительства называли себя временными³¹⁴. Теперь же, после укрепления власти Советов, приставка «временное правительство» из названия Совнаркома исчезла. Вторым важным обстоятельством явилась стабилизация в низах. Неустойчивость власти в пред-

шествующее время подпитывалась шедшим снизу импульсом недоверия и неудовлетворённости. Теперь этот импульс сходил на нет: к середине 1918 г. основные требования масс были удовлетворены. Бытовые же неудобства не могли служить достаточным дестабилизирующим фактором, и выступления протеста против государства (теперь уже Советского) не носили того размаха и не были столь остроты, как летом-осенью накануне Красного Октября 1917 г.³¹⁵ Понятно, что окрепшее и почувствовавшее свою ответственность революционное государство требовало и новой *государственной* идеологии. Такой идеологией становится, с одной стороны, так называемый национал-большевизм и, с другой стороны, так называемый «красный патриотизм», которые, каждый по-своему, «подпирали» новое, возмужавшее государство в идеологической сфере³¹⁶.

Подробно изучавший рождение и сущность «красного патриотизма», видный израильский историк М. Агурский так объясняет возникновение подобных настроений в партии. До революции главным врагом для большевиков являлась своя буржуазия. Теперь, на этапе перехода к мировой революции, главным врагом становится буржуазия и государства Запада. Тем самым врагом становится как бы сам Запад с его жизненным укладом, сама западная цивилизация, как цивилизация – насквозь буржуазная. Ей противопоставляется молодое революционное российское государство. В результате революции в России и запаздывания революции у других народов, Россия самым естественным образом превращалась в оплот прогресса, одна противостояла всему миру зла и насилия, звала следовать за собой «отсталые» (в плане социального устройства) буржуазные страны Западной Европы и Северной Америки. Такое исключительное место в мировом революционном движении не могло не импонировать многим большевикам, даже тем из них, которые воспитывались в традициях интернационализма. В этих условиях классовая борьба просто не могла хоть в какой-то мере не превратиться в борьбу национальную³¹⁷.

Стоит внимательно прислушаться к мнению Агурского, уверяющего, что настроения, способствовавшие возникновению «красного патриотизма», обнаруживаются ещё до Октября 1917 г. Историк полагает, что первым их высказывает Сталин на одном из заседаний VI съезда РСДРП. При обсуждении резолюции по текущему вопросу Е. А. Преображенский внёс поправку, в которой условием возможного взятия большевиками государственной власти называлось наличие пролетарской революции на Западе. Отклоняя поправку Преображенского, Сталин заявил, что совсем «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». «Надо откинуть, – подчёркивал Сталин в своём выступлении, – представления о том, что только Европа может указать нам путь»³¹⁸.

В своей книге Агурский приводит отрывок из выступления на X съезде РКП (б) одного из руководителей украинской парторганизации В. П. Затонского, по-своему объяснявшего происхождение и природу «красного патриотизма»: «Национальное движение, – рассуждал он, – выросло также и в Центральной России, и именно тот факт, что Россия стала первой на путь революции, что Россия из колонии, фактической колонии Западной Европы, превратилась в центр мирового движения, этот факт наполнил гордостью сердца всех тех, кто был связан с этой русской революцией, и создался своего рода русский красный патриотизм. И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских»³¹⁹.

К числу основных идеологов и «певцов» «красного патриотизма» Агурский относит, например, К. Б. Радека, А. В. Луначарского, других видных деятелей большевистской партии. Так, Радек, объясняя некоторые враждебные действия иных лидеров стран Антанты, обвинял их в том, что они ненавидят Россию, независимо от класса, господствующего в ней, в том, что эти деятели «ненавидят русский народ». Относительно Луначарского, Агурский пишет о нём как о человеке, по-видимому, одним из первых в партии выступившим в защиту русского

национального характера, противопоставляя его характеру разложившихся западных наций. Так, в своей полемике с идеологами пролеткульта Луначарский называл душу американского народа «индустриально-коммерческой», подчинённой машинам, фактически выставляя американцев типом выродившегося человека. Им первый нарком просвещения противопоставлял более глубокую, стихийную душу русских. Он писал: «Русский рабочий класс был в состоянии, обливаясь собственной кровью, принося громадные жертвы, из глубины самодержавия и варварства подняться до положения авангарда человечества, несмотря на свою сиволапость и неладность, которые зато... вознаграждались варварской свежестью чувств, способностью увлекаться грандиозными лозунгами – словом, наклонностью к активному реалистическому идеализму». Агурский называет сказанное Луначарским «апофеозом русского характера»³²⁰.

Главным вдохновителем, теоретиком и чуть ли не вождём «красного патриотизма» в партии, по мнению исследователя, становится Л. Д. Тоцкий. Он относился к русскому национальному характеру не с таким пиететом, как Луначарский, но, как глава армии, он был заинтересован в привлечении в неё кадровых офицеров бывшей императорской армии, а для этого не видел лучшего средства, «чем русский национализм, подчинённый большевизму». Троцким была выдвинута формула, согласно которой «в динамике национальное совпадает с классовым», он также был убеждён, что в революции «совершаются процессы, в разных точках соприкасающиеся с национализмом». В силу этого «большевизм для Троцкого национальной монархизма». Он провозглашал: «Октябрьская революция глубоко национальна»³²¹. Не случайно именно наркомвоенмор является автором ставшего знаменитым воззвания «Социалистическое отечество в опасности». В нём политический Троцкий по сути первым в большевистской (и шире – в марксистской) традиции признаёт Россию – Отечеством (до этого у большевиков господствовало марксистское понимание вопроса, согласно которому у пролетариата отечества нет)³²².

Как и Луначарский, наиболее полное выражение русского национального духа Троцкий видел в русском рабочем классе, которому были присущи такие качества, как отсутствие привычной рутины, конформизма и соглашательства, решительность в мышлении, дерзание, однако, в отличие от Луначарского, Троцкий не противопоставлял эти черты Западу Высшим выразителем русского национального гения Троцкий называл В. И. Ленина. Чтобы вести такую революцию, беспрецедентную во всей истории человечества, доказывал Троцкий, Ленину было необходимо обладать неразрывными связями с основными силами народной жизни, обладать особой силой, исходящей из самых глубинных корней русского народа³²³.

Что же касается национал-большевистских настроений, то они также возникают в партии ещё до Октября 1917 года. Их массовое распространение условно может быть отнесено к периоду дискуссий о Брестском мире и судьбах рабочего самоуправления в условиях «пролетарской диктатуры», то есть к концу 1917 – началу 1918 года. Известно, к примеру, какую непримиримую позицию в тот момент занял Ленин по отношению тем, кто готов был пожертвовать властью Советов в России ради продолжения революционной войны³²⁴. К этому течению примыкали некоторые старые большевики, также оказавшиеся сторонниками немедленного мира с Германией, например Сталин. Два течения, «красный патриотизм» и национал-большевизм, тесно переплетались друг с другом, имели много общего, поскольку оба базировались, во-первых, на этатистских элементах большевистской доктрины и, во-вторых, на государственническом инстинкте русских рабочих. Не случайно некоторые современники революции называли Троцкого «первым сменевеховцем» (то есть национал-большевиком)³²⁵, а Сталину приписывали приоритет в озвучивании некоторых ключевых установок идеологии «красного патриотизма», как это делает тот же Агурский.

В то же время адепты национал-большевизма того времени, прежде всего Сталин, готовы были трактовать социальную базу русской революции более широко, чем это было принято

в классическом марксизме. Если Луначарский и Троцкий, как мы видели, особую ставку в своих концепциях «красного патриотизма» делали на русский пролетариат, то Сталин ещё на VI съезде партии в противовес позиции левых большевиков, Преображенского и Бухарина, называл резервом социалистической революции в России русское крестьянство, а не западный пролетариат³²⁶. Такое понимание социальной базы революции вело к отрицанию необходимости мировой революции, к стремлению ограничиться в деле социалистического переустройства рамками одного государства. Тем самым, если «красный патриотизм» был идеологией включённости России в мировой революционный процесс, был идеологией осаждённой крепости, защитники которой обязаны распространить идеалы свободы и справедливости на другие народы, то в основе национал-большевистских настроений лежали представления о высокой степени самодостаточности России, вне зависимости от дальнейшего развития революции в других странах.

Наиболее ярко проявились зарождавшиеся национал-большевистские взгляды в период подготовки проекта Конституции 1918 года. Их концентрированное выражение отразилось в позиции Сталина, критиковавшего сторонников превращения России в трудовую коммуну без границ и национального содержания³²⁷. Как полагает венгерский специалист по истории русской революции Т. Краус, уже в те годы Сталин, похоже, приходит к убеждению, что стихийный патриотизм масс может стать наиболее надёжной опорой революционной власти³²⁸. *Конституция 1918 г., закрепив представление о Советской республике, как о едином государстве, с чёткими границами и внутренним устройством, имеющим свой флаг, гимн, герб, столицу, стала реальным воплощением зарождения национал-большевистской идеологии.* Здесь же уместно предположить, что провозглашение Российской Федерации государством диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства является следствием не только и не столько левоэсеровской платформы, сколько результатом усиления в РКП (б) национал-большевистских настроений, то есть в каком-то смысле почвеннических симпатий, которые всегда, начиная со славянофилов, базировались на стихийной симпатии к крестьянству и отводили ему важную роль в историческом процессе³²⁹.

Влияние национал-большевистских настроений на правовые нормы Советской Конституции 1918 г. означало идеологическое закрепление перехода революционного общества на новый этап его развития. Основным законом, по которому предстояло развиваться теперь этому обществу, существенно ограничивал права и функции рабочего самоуправления. Это было очередным свидетельством того, что ни Россия, ни человеческая цивилизация в целом ещё не достигли того уровня, когда бы институты гражданского общества могли превалировать над государством или хотя выступать с ним на равных. «Реальное государство» в который раз оказалось слабее «государства мнимого». И всё же *сохранение в Конституции Советской России пусть и ограниченных прав за рабочими организациями явилось не только признанием их вклада в становление новой государственности, но и признанием невозможности для современного государства, даже в чрезвычайных условиях, условиях войны и разрухи, обходиться без демократических институтов саморегуляции общества.* Пусть и в урезанном виде, государство идёт на их сохранение, вынуждено законодательно закреплять основные каналы и механизмы взаимодействия с ними. *Вероятно, в этом и следует видеть один из основных сдвигов, произошедших в результате борьбы рабочих за демократические ценности и экономическую справедливость в русской революции 1917 года.*

Примечания

¹ Каутский К. От демократии к государственному рабству Берлин, 1922.

- ² См.: *Капустин М.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990; *Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. В 2-х книгах. М., 1992; *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. М.: Новости, 1994; *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994. Т. 1-2.
- ³ Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1995. С. 261.
- ⁴ *Карр Э.* История Советской России. Большеви́стская революция 1917-1923. Кн. 1.Т. 1-2. М., 1990. С. 135.
- ⁵ См.: *Цакуное С. В.* В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 3-23.
- ⁶ *Мау В.* Реформы и догмы. 1914-1929. М., 1993. С. 9-10.
- ⁷ *Чураков Д.* К изучению истоков левого коммунизма: Бухарин о Первой мировой войне // Россия в Первой мировой войне. Рязань, 1994.
- ⁸ *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М., 1990. С. 335-344.
- ⁹ *Лаверычев В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 253.
- ¹⁰ Известия Московского Военно-промышленного комитета. 1916. 30 августа.
- ¹¹ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 1. С. 155.
- ¹² *Ясный М. Н.* Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг. 1917. С. 2.
- ¹³ См.: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 196-200.
- ¹⁴ *Мау В.* Реформы и догмы. С. 16.
- ¹⁵ Судьбы реформ и реформаторов в России. С. 264.
- ¹⁶ *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 135-136.
- ¹⁷ *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914-1918 гг. М., 1920.
- ¹⁸ Судьбы реформ и реформаторов в России. С. 264-265.
- ¹⁹ *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., 1993. С. 92.
- ²⁰ Правда. 1917. 16 мая.
- ²¹ *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С.395-396.
- ²² Важно отметить, что другие воюющие страны пошли на такие ограничения свободного рынка значительно раньше. Достаточно сказать, что Германия, страна, где государственно-монополистический капитализм шагнул особенно далеко, закон о хлебной монополии приняли ещё 25 января 1915 года. Нельзя, конечно, отрицать, что процесс усиления государственного вмешательства в экономику в разных воюющих странах имел свои особенности, но в конечном итоге на власть мог претендовать только тот, в чьих руках находились запасы продовольствия. Поэтому формирование распределительной экономики было не мыслимо без огосударствления хлебного рынка.
- ²³ *Карр Э.* История Советской России... С. 449.
- ²⁴ Собрание узаконений. 1917-1918. № 182. С. 1015.
- ²⁵ Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 49
- ²⁶ *Галили З.* Лидеры меньшевиков... С. 251-253.
- ²⁷ На это, в частности, указывал В. И. Ленин. См. его: Поли. собр. соч. Т. 34. С. 306.
- ²⁸ Торгово-промышленная газета. 1917. 28 ноября.
- ²⁹ Промышленность и торговля. 1917. 12 декабря.

- ³⁰ Судьбы реформ и реформаторов в России. С. 265.
- ³¹ *Галили З.* Лидеры меньшевиков... С. 126.
- ³² *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). CHALIDZE PUBLICATIONS. 1989. С. 21; *Фин Я.* Профдвижение СССР. От возникновения до наших дней. М., 1928. С. 44-45.
- ³³ *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация. С. 20-21;
- ³⁴ *Плетнёв В.* О рабочем контроле. М., 1918.
- ³⁵ *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. М., 1987. С. 133; *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 34. С. 306.
- ³⁶ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство. С. 18; *Лозовский А.* Настоящее и будущее профессиональных союзов // *Партия и союзы.* Пг., 1921. С. 156 и др.
- ³⁷ *Чернов В.* Конструктивный социализм. М., 1997. С. 236, 250 и др. Здесь будет более чем интересно отметить, что идеолог крестьянского социализма не просто ссылался на мнения своих оппонентов, но и выбрал те из них, которые объясняли отсталость рабочего класса тем, что «во время войны состав рабочего класса изменился», что в него «вошло много чуждых, недисциплинированных элементов», под которыми меньшевики, как известно, подразумевали *крестьянство.*
- ³⁸ Союз социалистов-революционеров максималистов. О рабочем контроле. М., 1918.
- ³⁹ *Максимов Г.* Анархо-синдикалисты в российской революции // *Прямое действие.* 1997. № 9/10. Подробнее см. *Maximoff G.* Syndikalists in the Russian Revolution. London, 1985.
- ⁴⁰ Разные платформы внутри анархизма в период революции 1917 г. и последовавшего за ним периода хорошо отражены в сборнике: *Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935.* В 2-х т. Т. 2. 1917-1935 гг. М., 1999.
- ⁴¹ Всё это вряд ли случайно и вело к тому, что на территориях, подконтрольных Махно, рабочий вопрос существенно осложнял жизнь анархистам, и, кроме того, заслуживает внимания то обстоятельство, что, когда анархистам удалось-таки на продолжительное время закрепить свою власть в «махновской» республике, они легко отказались от поддержки фабзавкомов и предпочли опираться на штыки своих военных формирований и карательных органов. (См. подробнее: *Шубин А. В.* Махно и махновское движение. М., 1998. С. 110-121. Собранные в книге факты говорят сами за себя, хотя автор даёт им свою трактовку в духе защиты исторической практики анархизма.)
- ⁴² См.: *Марецкий Д.* Бухарин Н. И. // *Большая Советская Энциклопедия.* 1-е изд. М., 1927. Т. 8. Буковые-Варле. СТБ. 271-284.
- ⁴³ *Чураков Д. О.* К изучению истоков левого коммунизма: Бухарин о Первой мировой войне // *Россия в Первой мировой войне.* Рязань, 1994. С. 42-44.
- ⁴⁴ *Новый мир.* 1917. 21 февраля.
- ⁴⁵ Там же. 28 февраля.
- ⁴⁶ Там же. 24 марта.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Социал-демократ.* 1917. 25 мая.
- ⁵⁰ *Бухарин Н. И.* От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 53-54; 54-55.
- ⁵¹ *Новый мир.* 1917. 27 марта.

- ⁵² *Спартак*. 1917. № 3. С. 1-6.
- ⁵³ Там же. №1. С. 8-12.
- ⁵⁴ Там же. №2. С. 6-11.
- ⁵⁵ *Социал-демократ*. 1917. 10 июня.
- ⁵⁶ *Бухарин Н. И.* На подступах к Октябрю. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
- ⁵⁷ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 34. С. 162-177.
- ⁵⁸ Там же. С. 307-308.
- ⁵⁹ Там же. 97, 101.
- ⁶⁰ *Мау В.* Реформы и догмы. 1914-1929. М., 1993. С. 9.
- ⁶¹ *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М 1923. С. 238.
- ⁶² *Avrich P. H.* The Bolshevik and Worker's Control in Russian Industry // *Slavic Review*. March. 1963. Vol. XXII. № 1. P. 60-61; *Он же.* Russian Factory Committees in 1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas/* Н. 2. Wisbaden, 1963.
- ⁶³ Воспоминания Н. Бухарина в журнале «Пролетарская революция». 1922. № 10. С. 316-322.
- ⁶⁴ *Рабочий контроль*. 1918. № 4
- ⁶⁵ *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7-8.
- ⁶⁶ См.: *Осинский Н.* Строительство социализма. М., 1918.
- ⁶⁷ См.: *Пайне Р.* Русская революция. М., 1994. Т. 2. С. 361, 364.
- ⁶⁸ *Лозовский А.* Рабочий контроль. Пг., 1918. С. 21.
- ⁶⁹ *Имени Владимира Ильича. История Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени электромеханического завода им. В. И. Ленина.* М.: Московский рабочий. 1970. С. 80; *Уваров А. К.* К Ленину за советом // *За власть Советов*. М., 1957. С. 27.
- ⁷⁰ См.: *Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената.* М., 1990. С. 124-125.
- ⁷¹ *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. С. 452.
- ⁷² *Лозовский А.* Рабочий контроль. Пг., 1918. С. 19.
- ⁷³ Удачным примером теоретических поисков Ленина в этом вопросе является составленная им резолюция о рабочем контроле. Документ был поддержан не только I конференцией фабзавкомов Петрограда, для которой он непосредственно предназначался, но и многими рабочими конференциями других районов России, в особенности ЦПР и Москвы. Подобные резолюции принимаются на Военно-артиллерийском заводе, заводе Гакенталья, телефонном заводе и прочих предприятиях. Существенное влияние оказала ленинская постановка вопроса на резолюции, принятые на конференциях фабзавкомов Басманного и некоторых других районов Москвы (подробнее см.: *Октябрь в Москве.* М., 1967. С. 119-120; *Коваленко Д. А.* Фабрично-заводские комитеты России. С. 240 и др.). А на Учредительном делегатском собрании Иваново-Кинешемского профсоюза текстильщиков делегат Евсеев в своём выступлении так отозвался о ленинской резолюции Первой конференции петроградских фабзавкомов: «Она, – говорил он, – намечает прямой путь из того экономического тупика, в который нас завела буржуазия» (*Труды делегатских собраний Иваново-Кинешемского областного союза рабочих и работниц текстильной промышленности.* Изд. Ив.-К., обл. проф. союза рабочих и работниц текстильных предприятий, 1918. С. 23).

- ⁷⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 306-307.
- ⁷⁵ Там же. С. 162-177.
- ⁷⁶ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. С. 457.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 308.
- ⁷⁸ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. С. 451-452.
- ⁷⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 302.
- ⁸⁰ Коммунист. 1915. № 1-2.
- ⁸¹ Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм. М. – Л. 1927. С. 155.
- ⁸² Цит. по: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988. С. 58-59.
- ⁸³ Бухарин Н. Что такое социализм? // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 36-37.
- ⁸⁴ Новый мир. 1917. 27 марта.
- ⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 90. Л. 2-9.
- ⁸⁶ Социал-демократ. 1917. 27 мая; см. так же: Спартак. 1917. № 2. С. 1-4.
- ⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 1,2-11.
- ⁸⁸ См. подробнее: Горелов О. И. М. И. Томский (страницы политической биографии). М., 1989. С. 18-22.
- ⁸⁹ Московский металлист. 1917. 29 октября.
- ⁹⁰ Хотя права профсоюзов, в их большевистском понимании, Томский будет отстаивать и значительное время спустя (подробнее об эволюции взглядов М. Томского см.: Горелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000).
- ⁹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 101.
- ⁹² Бухарин Н. Программа коммунистов-большевиков // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 39-80.
- ⁹³ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7-14 января 1918 г. Стенографический отчет с предисловием М. Томского. М.: ВЦСПС, 1918. С. 98.
- ⁹⁴ Лозовский А. Рабочий контроль. Пг., 1918. С. 3.
- ⁹⁵ Там же. С. 5.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Новый путь. 1917. № 3-4. С. 21.
- ⁹⁸ Скворцов-Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению. М., 1918. С. 9.
- ⁹⁹ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 7.
- ¹⁰⁰ Киселёв А. Ф. Профсоюзы и Советское государство. С. 24.
- ¹⁰¹ Рабочая жизнь. 1918. 8 апреля.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. 5451. Он. 2. Д. 8. Л. 37.
- ¹⁰³ Киселёв А. Ф. Профсоюзы и Советское государство. С. 24-25.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Он. 2. Д. 8. Л. 30.
- ¹⁰⁵ См.: Гастев А. Наши задачи // Организация труда. 1921. № 1.
- ¹⁰⁶ Рабочая жизнь. 1918. 8 апреля.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Киселёв А. Ф. Профсоюзы и Советское государство. С. 25, 26. Впрочем, в платформе «рабочего индустриализма» неправомерно видеть «происки» «недоброжелателей России» или

противников рабочего класса и рабочей демократии. Это идейное движение было чрезвычайно сложным и неоднородным в своей основе, объединяя совершенно разных, не похожих друг на друга мыслителей и политических деятелей. Примером этому может служить тот же Гастев. Не следует забывать, что его взгляды нашли выражение не только в его экономических и политических работах, но и в стихах – А. Гастев был одним из крупнейших представителей литературного течения, получившего название «пролетарской поэзии». Его этические, эстетические и даже политические идеалы не могут быть вполне поняты без учёта этой стороны его творчества. Вот его позиция на будущее человечества (здесь и далее цитируется по кн.: Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века. М., 1991. С. 419-425):

Землю рождённые, мы в неё возвратимся,
как сказано древним, но земля преобразится:
запертая со всех сторон – без входов и выходов! –
она будет полна несмолкаемой бури труда;
кругом закованный сталью земной шар будет котлом
вселенной, и когда, в исступлении трудового
порыва, земля не выдержит и разорвёт стальную
броню, она родит новых существ, имя
которым уже не будет человек.

(«Мы посягнули»)

Пронизана характерным космизмом и самооценка поэта:

Я живу не годы.
Я живу сотни, тысячи лет.
Я живу с сотворения мира.
И я буду жить ещё миллионы лет.
И бегу моему не будет предела.

(«Моя жизнь»)

Отсюда вытекает и взгляд Гастева на революцию:

Мы знаем, – заколет в груди... Но великое
с болью даётся. Для великого раны не страшны.
До вершин доберёмся, возьмём их!
Но выше ещё, ещё выше! – В победном
угаре мы с самых высоких утесов, мы с самых
предательских скал ринемся в самые дальние
выси!
Крыльев нет?
Они будут! Родятся... во взрыве горячих желаний.

(«Мы идём»)

В стихах Гастева узнаются мотивы таких его современников, как В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и, конечно, теоретика пролетарской культуры А. А. Богданова. Как мог, Гастев перевёл их из области умозрительных построений в область политики, и при этом, в общем-то, нет ничего удивительного, что, когда человек начинает мыслить масштабами вечности, вселенной, бессмертия, он может не заметить тех, кто окружает его.

¹⁰⁹ Новый путь. 1918. № 1- 2. С. 3.

- ¹¹⁰ Там же. С. 4-5.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. С. 4.
- ¹¹³ Там же. С. 5.
- ¹¹⁴ Рабочий контроль. 1918. № 1. С. 15..
- ¹¹⁵ *Иткин М. Л.* Современная литература о рабочем контроле. 1917-1918 гг. // Вопросы истории. 1987. № 12.
- ¹¹⁶ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 3.
- ¹¹⁷ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 г. – февраль 1918 г. М., 1958. С. 118.
- ¹¹⁸ *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция 1917-1923. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1990. С. 458.
- ¹¹⁹ Цит по: *Леонов С. В.* Рождение Советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997. С. 122.
- ¹²⁰ *Иткин М. Л.* Современная литература о рабочем контроле (1917-1918) // Вопросы истории. 1987. № 12.
- ¹²¹ Красная летопись. 1927. № 2. С. 230-231.
- ¹²² *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 274.
- ¹²³ Кормчий Октября. 1925. С. 84.
- ¹²⁴ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 30.
- ¹²⁵ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917-1921 гг.) М., 1974. С. 18.
- ¹²⁶ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 30.
- ¹²⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 83-85.
- ¹²⁸ *Виноградов В. А.* Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983. С. 92.
- ¹²⁹ Известия. 1917. 30 ноября.
- ¹³⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ¹³¹ Национализация промышленности в СССР. Сб. док и материалов. 1917-1920 гг. М., 1959. С. 74-75.
- ¹³² Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. М.: ВСНХ, 1918. С. 104.
- ¹³³ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 30.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 83.
- ¹³⁶ *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. С. 460.
- ¹³⁷ *Чураков Д.* Октябрь 1917 года и некоторые причины кризиса рабочего самоуправления // Россия. XXI. 1995. № 3-4. С. 139.
- ¹³⁸ Цит. по: *Лозовский А.* Рабочий контроль. Изд. «Социалист», 1918. С. 85-88.
- ¹³⁹ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 341.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. Токио, 2001. С. 92-93.
- ¹⁴² *Ленин В. И.* Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 7.

- ¹⁴³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 77-82.
- ¹⁴⁴ *Коваленко Д. А. В. И. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России.* М., 1976. С. 39.
- ¹⁴⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 82.
- ¹⁴⁶ См.: Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 1 ноября; Правда. 1917. 3 ноября.
- ¹⁴⁷ *Коваленко Д. А. В. И. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России.* С. 39.
- ¹⁴⁸ Местные органы рабочего контроля, согласно положениям проекта, обязаны были действовать под жёстким руководством вышестоящих государственных учреждений. Права низовых ячеек рабочего контроля не только по отношению к государству, но и по отношению к владельцам предприятий ограничивались. Любопытно отметить, что в проекте Милютина-Ларина в качестве верховной государственной власти, имеющей право направлять деятельность рабочего контроля, продолжало фигурировать Учредительное собрание, что было просто немыслимо для содержания ленинского варианта декрета (Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 30 октября).
- ¹⁴⁹ Правда. 1917. 15 ноября.
- ¹⁵⁰ *Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти.* С. 19.
- ¹⁵¹ *Киселёв А. Ф. Профсоюзы и Советское государство.* С. 29.
- ¹⁵² Переработанный ленинский проект вносился от имени Комиссии труда В. В. Шмидтом, в силу этого большинство критиков предпочитало называть его «проектом Шляпникова».
- ¹⁵³ Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. Протоколы и материалы. СПб., 1997. С. 167.
- ¹⁵⁴ *Коваленко Д. А. В. И. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России.* С. 39.
- ¹⁵⁵ Известия. 1917. 18 ноября.
- ¹⁵⁶ Московский металлист. 1917. № 6. С. 18-19.
- ¹⁵⁷ Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. С. 166-167.
- ¹⁵⁸ Московский металлист. 1917. № 6. С. 19.
- ¹⁵⁹ Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. С. 167.
- ¹⁶⁰ *Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти.* С. 19.
- ¹⁶¹ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 ноября.
- ¹⁶² Протоколы заседания ВЦИКП созыва. М., 1918. С. 61.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ *Ленин В. И. Поли. собр. соч.* Т. 38. С. 140.
- ¹⁶⁵ *Панкратова А. М. Фабзавкомы в борьбе за социалистическую фабрику,* М., 1923. С. 238-241.
- ¹⁶⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 83-85.
- ¹⁶⁷ *Плетнёв В. Ф. О рабочем контроле.* М., 1918. С. 6-7.
- ¹⁶⁸ *Карр Э. История Советской России.* С. 452.
- ¹⁶⁹ *Киселёв А. Ф. Профсоюзы и Советское государство.* С. 29-30.
- ¹⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 83-85.
- ¹⁷¹ Там же. С. 172-174.

¹⁷² Одна из глав его монографии так и называется «Борьба за власть», и название это следует признать как нельзя более удачным, хотя сам историк борьбу за власть трактует в несколько суженном смысле, как межведомственное соперничество внутри нарождающегося бюрократического аппарата (подробнее см.: *Филоненко А. Л.* ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998. С. 22-41). Принимая в общем трактовку А. Л. Филоненко развернувшегося в большевистских верхах противоборства, следует отметить, что борьба за усиление ВСНХ велась правыми отнюдь не только из-за приверженности своим доктринальным установкам, которые, к слову сказать, часто разнились у разных представителей умеренного крыла большевистской партии. Но на определённом этапе в Вы-совнархозе усиливаются именно правые элементы, покинувшие правительство в период первого кризиса Советского правительства, вызванного нотой Викжеля. Экономическая, да и политическая платформа правых была довольно широка и охватывала фактически все аспекты развития страны после произошедших революционных потрясений. Филоненко, в частности, пишет о взаимодействии некоторых из перечисленных выше деятелей с кооперацией, обращает он также внимание на то, что эти связи использовались в целях усиления собственного веса в советском аппарате. Но упоминание об этом у него сделано как бы мимоходом, тогда как на связь некоторых правых большевиков с кооперацией следовало бы обратить большее внимание. Дело в том, что, как показывает московский историк А. В. Лубков, кооперация в тот период нередко выполняла роль межпартийного центра, в рамках которой шёл активный поиск компромисса в целях послереволюционного переустройства (подробнее см.: *Лубков А. В.* Война. Революция. Кооперация. Москва, 1997). Не случайно в аппарате ВСНХ оказалось немало умеренных социалистов, прежде всего меньшевиков и эсеров, разделявших многие взгляды правых большевиков. Тем самым в своей политике некоторые лидеры ВСНХ «в миниатюре» осуществляли на практике тот компромисс, который не удалось достичь в период борьбы за коалиционное социалистическое министерство. Совершенно очевидно, что этактистские устремления, недооценка рабочего самоуправления со стороны лидеров правого большевизма не были случайностью, а вытекали из общей линии «стабилизации революции», как она рисовалась умеренным большевикам, подобным Милютину, Рыкову, Каменеву и др. Но «стабилизация» за счёт коалиции вправо существенно осложняла ту ситуацию, в которой в первые месяцы после революции вынуждено было развиваться движение пролетарских низов.

¹⁷³ *Лозовский А.* Рабочий контроль. С. 85-88.

¹⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 180. Оп.1. Д. 28. Л. 1-3.

¹⁷⁵ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 ноября.

¹⁷⁶ Социал-демократ. 1917. 14 декабря.

¹⁷⁷ Там же. 12 декабря.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-8.

¹⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 73. Л. 22-22 об.

¹⁸⁰ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство. С. 32.

¹⁸¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 63.

¹⁸² Там же. С. 241-244.

¹⁸³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 85.

¹⁸⁴ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917-1919 гг. Сборник документов. Л., 1947. Т. 1. С. 238.

¹⁸⁵ Показательна история принятия и публикации инструкции ЦС ФЗК. Ещё 2 декабря 1917 г. в «Известиях ЦИК» вышло объявление, что печатается и вскоре фабзавкомам на местах будет разослана специальная инструкция, разъясняющая и развивающая декрет о рабочем

контроле. 7 декабря 1917 г. в «Известиях» был обнародован её проект с введением, специально подготовленным руководством ЦС ФЗК. В нём безоговорочное предпочтение отдавалось активным формам рабочего контроля над пассивными. Однако центральный орган большевистской партии «Правда» печатать инструкцию отказался. 5 декабря в «Правде» появилось лишь краткое изложение некоторых положений проекта. Между редакцией и ЦС ФЗК возникла «довольно резкая переписка» (по определению самих её участников). В архивах сохранилась копия письма за 23 декабря, из которой видно, что ещё 20 декабря ЦС ФЗК направил в «Правду» полный вариант документа «и в интересах сообщения рабочей массе» настаивал «на скорейшем напечатании инструкции». Инструкция ЦС ФЗК была передана на утверждение СНК, но правительство от принятия каких-либо официальных решений уклонилось. Официальный статус инструкция ЦС ФЗК приобрела лишь в конце января 1918 г. после одобрения её VI городской конференцией фабзавкомов Петрограда, которая благодаря широкому представительству на ней с мест фактически играла роль общероссийской (подробнее см.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. III. Октябрь. Токио, 2001. С. 136-138).

¹⁸⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 83-85.

¹⁸⁷ По замечанию западного историка М. Бринтона, эти «туманные пункты» вскоре привели к тому, что весь декрет о рабочем контроле «не стоил бумаги, на которой он был написан». По мнению же Р. Пайпса, эти два положения закона способствовали тому, что под прикрытием легитимности фабрично-заводские комитеты со временем «были поставлены под контроль бюрократии» и «полностью выхолощены». Бюрократическая надстройка, делает он вывод, не давала фабзавкомам развить свою собственную, независимую от государства организацию (см.: *Brinton M. The Bolsheviks and Worker's Control. 1917 to 1921. Lnd., 1970. P. 16; Пайнс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 396).*

¹⁸⁸ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917-1918 гг. Сборник документов. Т. 1. С. 245.

¹⁸⁹ Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917-1918 гг. Л., 1947. С. 243-244.

¹⁹⁰ Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов / Под ред. *Е. Цудзи*. Ч. III. Токио, 2001. С. 135-136.

¹⁹¹ Персонально её состав выглядел следующим образом: Ларин, Милютин, Лозовский, Бронский, Амосов, Трахтенберг и др.

¹⁹² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁹³ Новый путь. 1918. № 6-8. С. 22-24.

¹⁹⁴ Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22-28.1. 1918. Протоколы и материалы» / Составитель *Е. Цудзи*. СПб., 2002. С. 136-138.

¹⁹⁵ Новая жизнь. 1918. 27 января.

¹⁹⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Часть IV. С. 167, 170, 191.

¹⁹⁷ Даже Ленин был бессилён воспротивиться этому. Когда к нему, как вспоминал А. Кактынь, обратилась группа питерских рабочих с просьбой поддержать своим авторитетом инструкцию Центрального совета фабзавкомов Петрограда, он посоветовал им действовать на свой страх и риск, не дожидаясь решений сверху (Ленин в первые месяцы Советской власти. М., 1933. С. 128.). Тем самым он по сути ушёл от ответа, очевидно не желая вновь ввязываться в борьбу, в которой ему так и не удалось одержать верх при подготовке закона о рабочем контроле. Возможно также, что к этому моменту, как практик-государственник, и сам он усомнился в целесообразности диалога с рабочим представительством.

- ¹⁹⁸ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 21.; ЦГАМО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.
- ¹⁹⁹ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 23 ноября.
- ²⁰⁰ Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии: Документы и материалы. М., 1958. С. 179.
- ²⁰¹ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 35.
- ²⁰² Металлист. 1917. 16 декабря; Московский металлист. 1917. 29 ноября.
- ²⁰³ Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. С. 190.
- ²⁰⁴ Социал-демократ. 1918. 18 января.
- ²⁰⁵ *Цураков Д.* Октябрь 1917 года и некоторые причины кризиса рабочего самоуправления//Россия. XXI. 1995. С. 140.
- ²⁰⁶ О чём речь уже шла в соответствующем параграфе.
- ²⁰⁷ *Чураков Д.* Фабрики рабочим. С. 115.
- ²⁰⁸ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство. С. 15.
- ²⁰⁹ Там же. С. 16-22.
- ²¹⁰ Первый Всероссийский съезд профсоюзов М., 1958. С. 194.
- ²¹¹ Там же. С. 194-195.
- ²¹² Там же. С. 221-222.
- ²¹³ Там же. С. 204.
- ²¹⁴ *Пайнс Р.* Русская революция. С. 396-397.
- ²¹⁵ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7-14 января 1918 г. Поли, стеногр. отчет. М., 1918.
- ²¹⁶ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 2. Д. 1397. Л. 2, 3, 4, 4 об.
- ²¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 215. Л. 11, 18.
- ²¹⁸ Северный рабочий. 1918. 29 мая.
- ²¹⁹ Исторический архив. 1949. № 1. С. 403.
- ²²⁰ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 38.
- ²²¹ Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М., 1927. Ч. III. С. 278-286.
- ²²² *Пайнс Р.* Русская революция. С. 367.
- ²²³ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 37.
- ²²⁴ Правда. 1917. 19 декабря.
- ²²⁵ *Бухарин Н.* Избранные произведения. М., 1990. С. 51-54.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ *Фин Я.* Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1922. С. 64-72.
- ²²⁸ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 23.
- ²²⁹ *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. С. 35.
- ²³⁰ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Рабочий контроль. 1918. №4. С. 7.
- ²³³ Новый путь. 1918. № 6-8. С. 21.

- ²³⁴ Рабочий город. 1918. 3 января.
- ²³⁵ Газета рабочего и крестьянского правительства. 1918. 31 января.
- ²³⁶ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 10-11.
- ²³⁷ *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство. С. 51-70.
- ²³⁸ Вестник Народного комиссариата труда. 1918. № 2-3. С. 106.
- ²³⁹ Там же. С. 100-102.
- ²⁴⁰ ГАТО. Ф. Р—1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.
- ²⁴¹ *Генкин. Л. Б.* Становление дисциплины труда. М., 1967.
- ²⁴² История советского рабочего класса. Т. 1. С. 183.
- ²⁴³ Материалы по истории СССР. Т. 3. С. 185.
- ²⁴⁴ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 23. Л. 43, 73, 81-85; Д. 30. Л. 16 и др.
- ²⁴⁵ Протоколы Президиума Высшего совета народного хозяйства. Декабрь 1917 г.-1918 г. М., 1991. С. 14.
- ²⁴⁶ Там же. С. 81-82.
- ²⁴⁷ Ленинский сборник. Т. 37. С. 72.
- ²⁴⁸ Протоколы Президиума ВСНХ. С. 82.
- ²⁴⁹ Там же. С. 84.
- ²⁵⁰ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 35. С. 430
- ²⁵¹ ГАИО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.
- ²⁵² *Романов Ф.* Профсоюзы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954. С. 142.
- ²⁵³ Известия Тверского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 29 июня.
- ²⁵⁴ Так, были солидарны со своими товарищами с завода бр. Бромлей рабочие ещё одного московского предприятия – завода Бари, которые после объявленного владельцами локаута обратились с просьбой к Временному правительству принять закон, объявляющий преступлением попытки дезорганизовать промышленность массовыми увольнениями. Не менее решительно действовал рабочий комитет фабрики Г.Г. Бреннера в Петрограде, рабочие которой, захватив предприятие в свои руки, обратились к властям взять фабрику под контроль государства для получения ею кредитов на поддержание производства (см.: ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 100. Л. 77; *Галили З.* Лидеры меньшевиков. С. 397 и др.).
- ²⁵⁵ Рабочее движение в 1917г. С. 330; ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 36. Л. 15.
- ²⁵⁶ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 53. Л. 11; ГАИО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.
- ²⁵⁷ *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. С. 271.
- ²⁵⁸ Труды делегатских собраний Иваново-Кинешемского областного профессионального союза рабочих и работниц текстильной промышленности. Изд. Ив.-Кинешемского обл. проф. союза рабочих и работниц текстил. пром-ти, 1918. С. 23-24.
- ²⁵⁹ В этот период они приобретают гораздо больший, чем прежде, размах и становятся особенно вопиющими. В своих записках Г. Б. Струмилло приводит один эпизод, который даже его, старого профсоюзного активиста, заставил усомниться в жизнеспособности рабочей самоорганизации в изменившейся ситуации. объездив весь Урал, куда он выбрался из голодного Петрограда, Струмилло пришёл к заключению, что в этом некогда цветущем центре русского рабочего движения «профессиональные союзы были превращены просто в клубы бездельников, куда набилась всякая сволочь, которая не хотела работать, но во всё вмешивалась,

езде мешала и изо всех сил старалась показать, что она начальство и что – хочет казнить, хочет милует».

И вот однажды он был вызван к начальнику депо, на котором устроился временно работать. «Входя в кабинет, – рассказывает он, – я увидел, что там стоят трое рабочих и о чём-то просят помощника. Как только я вошёл, вошёл и начальник депо, и тут разыгралась следующая сценка. Все трое обратились к нему с просьбой защитить их от профессионального союза, говоря, что им от него нет житья, что ничего не помогает, что председатель Гусев берёт у них взятки и всё же их донимает и штрафами, и арестами, обходит их квартиры, вмешивается в их личную жизнь, пристаёт к их женам, дочерям... Рассказывая это, один старик-рабочий тут же заплакал.

– Что вы скажете на это? – обратился начальник депо ко мне. Нужно сознаться, что я был ужасно смущён и потрясён всем слышанным. Но что я мог сказать, зная, что борьба с этим ни к чему не приведёт, разве только к арестам протестантов? Он их отпустил, обещав переговорить с союзом, а меня он вызвал для того, чтоб показать мне иллюстрацию к тем разговорам, которые мы с ним вели, когда я в спорах с ним отстаивал необходимость профессионального движения и рабочих организаций. Меня это разозлило, и я ему заявил, что это ещё больше меня убеждает в необходимости организаций и сплочения рабочих и что только тогда этого не будет. Но он всё же видел, как это меня потрясло. Да и действительно, положение было ужасное, когда рабочим приходилось искать защиты от своих же организаций у администрации» (Урал и Прикамье (Ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж, 1982. С. 38-39).

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 168. Л. 82-83.

²⁶¹ См.: Новый путь. 1918. № 6-8. С. 21.

²⁶² Подробнее см.: *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004. С. 83-89.

²⁶³ *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 63.

²⁶⁴ Независимое рабочее движение в 1918 году. С. 119-133.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Л. 291 и др.

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 122. Л. 339.

²⁶⁷ Дело народа. 1918. 10 апреля.

²⁶⁸ Государственный архив Тульской области. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 129;

²⁶⁹ См., напр.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 69.

²⁷⁰ См.: Ижевский защитник. 1918. 28 август.

²⁷¹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 204.

²⁷² Там же. Д. 126. Л. 21, 21 об., 22, 22 об.

²⁷³ Подробнее см.: *Чураков Д. О.* Организованный рабочий протест и становление Советского государства. М., 2003; *Он же.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004.

²⁷⁴ При этом следует отметить, что дебольшевизация отнюдь не вела к серьёзному увеличению числа сторонников оппозиции в профсоюзной верхушке и даже непосредственно на предприятиях в фабзавкоммах. Об очень характерном в этом контексте эпизоде рассказывает официальная газета Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 21 июля 1918 г. в Смоленске проходило общегородское собрание Союза металлистов, на котором

предполагалось избрать новое правление. Состоялось оно вскоре после подавления мятежа левых эсеров, когда прежний советский правительственный блок распался и ситуация складывалась очень неопределённо. Большевикам приходилось рассчитывать теперь только на свои силы, поэтому, как писала газета, «некоторые товарищи в своих речах призывали выбирать только истинных защитников рабочих интересов – коммунистов». Прежнее правление вынесло на обсуждение список этих «истинных защитников» – в основном «все виднейшие работники союза»: Лянсберг, Красовский, Лукин и другие. Из восьми предложенных кандидатур лишь трое были беспартийными. «Но собрание предложило своих кандидатов», – рассказывает автор репортажа. В результате новое правление оказалось беспартийным. В него вошло несколько большевиков и меньшевиков, но в целом большинство его новых членов не принадлежало ни к какой партии (Известия Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 24 июля).

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 100. Л. 81.

²⁷⁶ *Лотков С. Н.* Камско-Воткинский завод и его рабочие // Урал и Прикамье (Ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев *М. С. Бернштам*. Париж, 1982. С. 426.

²⁷⁷ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 39. Л. 129.

²⁷⁸ Новая жизнь. 1918, 30 мая.

²⁷⁹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 97.

²⁸⁰ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Экономические конфликты и политический протест. Сб. док. СПб, 2000. С. 121.

²⁸¹ Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что правые социалисты вообще на протяжении всей революции, да и потом, уже находясь в эмиграции, к фабзавкомам относились крайне негативно. Они видели в них проявление местничества, рабочего сепаратизма, наконец, русской мужицкой заскорузлости и национальной отсталости (См.: *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). Chaldize Publications. 1989. С. 20-21; *Чернов В. М.* Конструктивный социализм. М., 1997. С. 236, 237, 238 и др.

²⁸² Независимое рабочее движение в 1918 году. С. 82 и др.

²⁸³ Дело народа. 1918. 22 марта. № 1.

²⁸⁴ Новая жизнь. 1918. 26 марта.

²⁸⁵ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. 1918. №3-4.

²⁸⁶ Насколько эта угроза была реальной, видно из правления не только «белых режимов», во главе которых оказывалось реакционное националистическое офицерство, но и короткой, однако очень поучительной истории т.н. «режимов демократической контрреволюции», во главе которых стояли меньшевики и правые эсеры, искавшие свой третий путь в революции, но находившие всё те же диктаторские меры подавления рабочих организаций (подробнее см.: *Чураков Д. О.* «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. № 5. 2003 и др.

Пайпс Р. Русская революция. Т. 2. М., 1994. С. 360. Следует, правда, объяснить, что Троцкий выступил со своей речью не 28 мая, как указывает Пайпс, а несколько раньше, а именно 27 марта, когда он присутствовал на Московской городской партконференции, и называлась она несколько проще – «Труд, дисциплина, порядок». В мае речь Троцкого уже успела появиться в виде отдельной брошюры, вышедшей в издательстве «Жизнь и Знание», и вот тогда-то она и приобрела тот заголовок, под которым её упоминает Пайпс в своём исследовании (*Троцкий Л. Д.* Труд, дисциплина и порядок спасут Советскую социалистическую республику. М., 1918). Позднее Троцкий включил текст своего выступления на майской конференции коммунистов Москвы в своё собрание сочинений. Имя Троцкого часто связывают с левым боль-

шевизмом. Но нельзя забывать, что левизна Троцкого проявлялась, как правило, в политической сфере, в вопросах экономики он был куда более умеренным. Это сказалось не только на его подходах к армейскому строительству, но на возможных путях решения рабочего вопроса. Видя царящую в экономике неразбериху, Троцкий не возражал против введения капиталистических методов хозяйствования в их государственно-монополистической форме. Рабочему самоуправлению места в его схеме не оставалось, поскольку оно полностью перекликалось с государственным контролем. В своём мартовском выступлении он отмечал: «Раз мы установили советский режим, т.е. такой строй, при котором во главе власти оказываются лица, непосредственно избранные Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, не может быть антагонизма между властью и рабочими массами, как нет антагонизма между правлением союза и общим собранием его членов». В словах Троцкого сквозит слабо завуалированная критика против порождённых революцией форм проявления рабочей самодеятельности: «Тот разлив коллегиальности, который ныне наблюдается у нас во всех областях, – утверждал он, – является естественной реакцией молодого революционного, вчера ещё угнетенного класса, который отбрасывает единоличное начало вчерашних повелителей, хозяев, командиров и везде ставит своих выборных представителей. Это, говорю я, совершенно естественная и в истоках своих здоровая революционная реакция. Но это не есть последнее слово хозяйственного государственного строительства пролетариата». Проблемы, стоявшие перед рабочими, Троцкий, подобно всем правым интернационалистам, влившимся в большевистскую партию в условиях революционного подъёма, объяснял исторической отсталостью России, крестьянскими пережитками русских рабочих. Он уверял, что «отрицательные явления наблюдаются везде: на заводах, на фабриках, в мастерских, в профессиональных союзах», что же касается причин царящего в стране хаоса, то, по его мнению, «они имеют ... своё историческое объяснение, которое покоится в старом «сплошном» мужицком быту, когда не было ещё пробуждённой свободной, самостоятельной человеческой личности». Рецепт решения стоявших перед советским режимом задач Троцкий предлагал простой: «Необходимо, – обращался он к своим слушателям, – через партию и через наши профессиональные союзы прививать ... новое настроение на заводах и фабриках, вводить в массы это новое сознание трудового долга, трудовой чести и, опираясь на это сознание, вводить трудовые суды, чтобы и тот рабочий, который относится безучастно к своим обязанностям, расхищает материал, небрежно с ним обращается, и тот, который не заполняет всех пор своего рабочего времени трудом, подвергались суду, чтобы имена этих нарушителей социалистической солидарности печатались во всех советских изданиях, как имена отщепенцев» (Указ. соч.).

²⁸⁸ *Осинский Н.* Строительство социализма. М., 1918. С. 46 и др.

²⁸⁹ Формально, он был посвящён экономическим последствиям «похабного» Брестского мира и возможным перспективам развития народного хозяйства страны.

²⁹⁰ *Рыков А. И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 36-37 и др.

²⁹¹ Однако принятая посланцами местных совнархозов резолюция считалась ещё «умеренной», были и более радикальные точки зрения. Так, в развернувшемся обсуждении проекта основной резолюции Рязанов предлагал ещё более ужесточить централизацию и «не повторять старых ошибок» (Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. М., 1918. С. 256-257.; *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России. С. 399-400 и др.).

²⁹² Значительно более бурно обсуждение документа проходило в ходе работы по секциям, где проконтролировать все выступления организаторам съезда было просто технически не возможно. Так, на секции по организации производства выступление Арского и предложенная им резолюция подверглись самой резкой критике. Делегат Пахомов, например, усомнился в том, что «план, предложенный тов. Арским, вполне отвечал бы желаниям рабочих».

Далее Пахомов более откровенно пояснял свою, так деликатно высказанную мысль: получая большинство в органах контроля и управления, говорил он, руководящий совнархоз «будет делать и направлять политику так, как ему будет угодно, и очень может быть, *это не будет соответствовать желаниям рабочих и очень часто пойдёт вразрез с интересами рабочих*». Суть предложений Пахомова сводилась к тому, что «*рабочих должно быть большинство*». Это предложение вызвало яростную реакцию некоторых других делегатов. Гросман, в частности, категорически отверг поправку, предложенную Пахомовым, на том основании, что это может повредить производству. Ещё более категоричен был Трахтенберг: «Я нахожу, – заявил он, – что нельзя давать рабочим большинства мест потому, что если большинство будет в руках рабочих, то в таком случае областные советы народного хозяйства не смогут проводить своей политики». «Между тем, – пояснял свои сомнения Трахтенберг, – областные советы народного хозяйства получают инструкции от ВСНХ, который имеет сведения, что делается во всех заводах, в то время как рабочие **не могут** этого знать и поэтому *будут ... судить с местной точки зрения*» (Стенографический отчет. М., 1918. С. 370-371).

Бескомпромиссное обсуждение проекта резолюции вспыхнуло на заседании организационной секции. С точки зрения защиты интересов рабочего самоуправления с докладом на секции выступил левый большевик В. М. Смирнов. Доклад же Г. Д. Вейнберга был пронизан официальной, централизаторской идеологией. Позиция Вейнберга не нашла поддержки, и 2 июня 1918 г. секция принимает резолюцию, словно бы воскрешавшую иллюзии первых дней Октября с его лозунгом «Фабрики – рабочим» (*Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. С. 73*). О произошедшем сразу же было доложено на самый верх. «Спасением» ситуации занялся В. И. Ленин. Он в тот же день пишет председателю ВСНХ о наговоренных левыми «глупостях» об управлении предприятиями и том, чем эти «глупости» левых «грозят» (Ленинский сборник. XXI. С. 130). Возглавленная опять же Лениным так называемая «согласительная комиссия» Совнаркома смогла устранить возникшую опасность для курса на централизацию и принятая 3 июня 1918 г. резолюция уже не содержит никаких лазеек для желающих сохранить в неприкосновенности былую значимость органов рабочего самоуправления (Народное хозяйство. 1918. №4. С. 18).

²⁹³ Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 370-371.

²⁹⁴ Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917-1919 гг. Л., 1947. Т I. С. 457-461.

²⁹⁵ В советской историографии, например, основное внимание уделялось влиянию партии большевиков в центральных ведомствах (см.: *Трухан Г. А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. С. 179-180*). Не смогли подобрать верного ключа к вопросу о формировании новой элиты и противники советской системы. Ярким примером здесь вполне может считаться концепция М. Восленского. Согласно ей, правящий в СССР класс, номенклатура, сложился на базе замкнутой социальной группы, касты, каковой до революции была в глазах Восленского большевистская партия (см.: *Восленский М. Номенклатура. М., 1991*).

²⁹⁶ В частности, о том, как шло формирование кадров отделов труда *местных Советов*, можно представить на основе анализа анкет делегатов II Всероссийского съезда комиссаров труда, состоявшегося примерно в одно время со съездом совнархозов – в мае 1918 года. Материалы анкет не охватывают все регионы страны и весь контингент работников отделов и комиссариатов труда. Но данные проводившегося на съезде анкетирования достаточно репрезентативны. Имеются анкеты, заполненные работниками разных уровней руководящего состава местных органов труда, от комиссаров труда и членов коллегий до заведующих подотделов по 3 областным, 19 губернским, а также по 49 городским и уездным отделам труда. Территориально анкетированием удалось охватить ключевые экономические районы страны с разви-

тыми институтами рабочего самоуправления: Северо-Западный район, ЦПР, Урал, Поволжье, Сибирь. Согласно результатам анкетирования, несмотря на то, что речь идёт об органах труда, т.е. таких органах нового государства, которые действовали на «чисто пролетарском» направлении, рабочие изначально не занимали в них доминирующего положения. В должностном составе уездных и городских комиссаров труда они составляли всего 57,68% (см.: *Киселёв А. Ф.* Отделы труда местных Советов: формирование взаимоотношений с профсоюзами (октябрь 1917 – лето 1918 г.) // *Советы и творчество масс.* М., 1986. С. 42-43). Всего же в уездных городах в исполкомах число рабочих составляло 48,8% (см.: *Владимирский М. Ф.* Советы, исполкомы и съезды Советов. Вып. 1. М., 1920. С. 14).

²⁹⁷ См. об общих тенденциях в развитии органов самоуправления в сб.: *Институты самоуправления: историко-правовое исследование.* М., 1995.

²⁹⁸ См., напр., характер аргументов в кн.: *Покровский И. А.* Перуново заклатье. Из глубины // *Пути Евразии.* М., 1992. С. 263. И. А. Покровским, одним из идеологов русского религиозного ренессанса и правоведом, в частности, жёстко критиковалась система диктатуры пролетариата. По его мнению, понятие диктатуры пролетариата разрывало представление о народе и государстве как о едином целом, что вело к самым пагубным последствиям. Покровский и другие авторы отмечали неопределенность самого понятия «пролетариат», что, по их убеждению, создавало условия для произвола.

²⁹⁹ См., напр.: *Российское законодательство X-XX веков.* Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 127-129.

³⁰⁰ Становление пролетарской диктатуры в России. Вопросы установления Советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917 – март 1918 г.). М., 1975. С. 259.

³⁰¹ См.: *Известия.* 1918. 19 июля.

³⁰² См.: *Леонов С. В.* Рождение Советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997.

³⁰³ *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. М., 1990. С. 129.

³⁰⁴ Этот факт был хорошо осознан оппозицией в рабочей среде уже в то время. В решениях оппозиционных рабочих организаций, бастующих трудовых коллективов и антиправительственных рабочих митингов нередко говорилось, что новая власть не должна называться пролетарской.

³⁰⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 140. Д. 4. Л. 1-3.

³⁰⁶ См. об этом: *Бугай Н. Ф.* Динамика численности большевистских фракций Советов в первый год пролетарской диктатуры (На материалах Центрально-промышленного района) // *Рабочий класс – ведущая сила Октябрьской социалистической революции.* М., 1976.

³⁰⁷ *Клоков В. А.* Меншевики на выборах в городские Советы Центральной России весной 1918 г. // *Меншевики и меньшевизм.* М., 1998.

³⁰⁸ В этой связи нельзя не вспомнить слов В. Набокова, сетовавшего на «диктатуру» революционной фразы, в жертву которой была принесена «вся полиция, личный состав которой (а также и жандармерии) несколько месяцев спустя естественным образом влился в ряды наиболее разбойных большевиков («рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше»). См.: *Архив русской революции.* М., 1991. Т. 1. С. 27.

³⁰⁹ См. подробнее: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов в 1917-1920 гг. М., 1988.

³¹⁰ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 15.

³¹¹ Известия. 1918. 19 июля.

³¹² Сивохина Т. А. Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба. М., 1995. С. 104.

³¹³ См.: Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984; Карр Э. История Советской России. С. 115-134; Таранев Н. Как выработывался первый основной закон Советского государства // Политическое самообразование. 1988. № 10; Леонов С. В. Рождение Советской империи. С. 197-209.

³¹⁴ См. подробнее о символическом и, в какой-то мере, сакральном измерении этого вопроса и его значении для России в кн.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 185 и др.

³¹⁵ См.: Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова М., 1996. С. 186.

³¹⁶ В дальнейшем национал-большевистские взгляды и симпатии, так же как и красно-патриотические, выйдут за пределы собственно РКП (б). В эмиграции и в самой России возникнет организационно слабо оформленное, но достаточно массовое течение, которое в последующие годы будет условно определено как «сменовеховство», но самоназвание этого течения будет звучать гораздо более определённо. Основатель и духовный лидер нового течения русской эмигрантской мысли Н. В. Устрялов назовёт своё детище «национал-большевизмом». В начале 1920-х годов «национал-большевизм» станет идеологическим прибежищем тех деятелей белой эмиграции и беспартийных представителей интеллигенции в самом СССР, которые начнут принимать революцию и пойдут на сближение с большевиками, хотя позиция самого Устрялова будет более сложной и противоречивой (См. его: Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2003).

³¹⁷ См.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С НО-НІ. Надо признать, что в этом была своя логика. Революция 1917 г. по своему характеру действительно несла национальные черты и являлась как бы первой успешной национально-освободительной консервативной революцией XX века, хотя преувеличивать эти аспекты революции 1917 г., рассматривать их изолированно – не следует.

³¹⁸ Агурский М. Идеология национал-большевизма. С. 141.

³¹⁹ Там же. С. 141-142. К сожалению, историк не приводит цитату полностью, а её концовка не менее показательна, чем начало: «Они дорожат, – продолжил свою реплику Затонский не столько Советской властью и советской федерацией, сколько у них есть тенденция к «единой, неделимой». Необходимость действительного централизма у некоторых товарищей перепутывается с привычным представлением о «единой, неделимой»» (Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 203). Интересно также добавить, что выступление было посвящено докладу по национальному вопросу, сделанному на съезде Сталиным.

³²⁰ Агурский М. Идеология национал-большевизма. С. 144.

³²¹ Там же. С. 145.

³²² Известия ВЦИК. 1918. 9 февраля.

³²³ Агурский М. Идеология национал-большевизма. С. 146. У Троцкого русским национальным корням Ленина была посвящена целая статья (см.: Троцкий Л. Д. Национальное в Ленине // Недорисованный портрет: 1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях. М., 1990. С. 81.

³²⁴ *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М., 1997. С. 300, 304, 314 и др.

³²⁵ *Нагловский А.* Воспоминания // Новый журнал. 1968. № 90. С. 159.

³²⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 250.

³²⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 3. Л. 2.

³²⁸ *Краус Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917-1928. Будапешт, 1997. С. 133.

³²⁹ В этой связи небезынтересно напомнить, что и становление такого марксиста, как Ленин, началось с увлечения именно крестьянской проблематикой, не случайно его 5-е, самое полное на сегодняшний день, собрание сочинений начинается с работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (см.: ПСС. Т. 1. С. 1-66), факт, практически проигнорированный отечественной историографией, зато подмеченный и понятый зарубежными историками (см.: *Ингерфлом К.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 202-204, 205, 282 и др.).

Вместо заключения: судьбы рабочего самоуправления после революции

Так получилось, что, говоря о развитии фабзавкомовского движения и связанного с ним производственного самоуправления рабочих в 1917 году, нам не раз приходилось выходить и за хронологические рамки, и за рамки собственно рабочего движения. Это и понятно – рабочее самоуправление не было чем-то изолированным. Возникновение его так или иначе обуславливалось нараставшим процессом перехода России от традиционных общественных институтов к общественным институтам современного типа. Сами эти институты вряд ли могут представляться однозначно: с одной стороны – это новейшее тотальное государство, с другой стороны – гражданское общество с его демократическими элементами. Развитие России требовало именно демократизации механизмов общественной регуляции. Ответом на этот вызов и становится, в определённой мере, русская революция 1917 г. и рождённые ею органы самоуправления. Но революция завершилась, и централизованное государство вновь вернуло себе доминирующие позиции, а самоуправление оказалось неэффективно в противодействии растущим метастазам бюрократизма.

Русская революция лишь одна из нескончаемой череды массовых народных выступлений, направленных на достижение лучшей доли. И прежде, и после неё социальные взрывы, нацеленные на решение извечных вопросов добра и справедливости, оканчивались такими же результатами. Имеет ли в этих условиях демократия право на существование или она заведомо слабее прочих существующих в обществе тенденций? Ставя вопрос о принципиальной возможности в России рабочего самоуправления и заостряя внимание на том внешнем воздействии на органы рабочего представительства в 1917 г., которое, в конечном итоге, и не дало реализоваться демократическому потенциалу фабрично-заводских комитетов, мы как раз и стремились разобраться в этом.

Громадный фактический материал, который дают события русской революции 1917 г., заставляет задуматься о самом характере взаимовлияний между органами локальной самоорганизации и обществом в целом. Где та грань, за которой локализм становится разрушительным для общества и, с другой стороны, общественный контроль над местными интересами перерастает в диктатуру? Стоит ли искать её на уровне общественной организации или речь идёт о более глубоких, типологических и даже аксиологических противоречиях? Во всяком случае, взаимодействие рабочих комитетов конкретных предприятий подчас складывалось гораздо более успешно с региональными и даже всероссийскими центрами фабзавкомовского движения, чем с действовавшими в их городе, на их же предприятии профсоюзными органами. Многовариантность происходившего в 1917 г. на разных предприятиях и в разных регионах затрудняет получение однозначных оценок.

Но что само по себе означало существование внутри рабочего движения нескольких принципиально не схожих типов пролетарской самоорганизации? Не могло же это быть исключительно следствием конфликта внутри политической элиты, по-разному видевшей будущее рабочего движения в стране, или простым следствием неразберихи первых месяцев революции? Эта ещё одна проблема, возникающая при изучении деятельности фабзавкомов в период русской революции и выходящая на целый комплекс других вопросов. Прежде всего, речь здесь может идти о характере революции, степени её зрелости и национальной природе.

В своё время, стремясь дать наиболее адекватный анализ западного общества, К. Маркс в качестве «его элементарной формы» назвал *товар*. По сути, все последующие политэкономические построения Маркса есть не что иное, как диалектическое развёртывание (по Гегелю!) из этой категории «товар» *всей системы западного устройства, включая сюда политическую*

надстройку, культуру, мораль и другие сферы общества. Нам видится, что таким первичным звеном, матрицей, через анализ которой только и можно понять российское общество и русскую историю, является община. Такая постановка вопроса позволяет приблизиться и к пониманию ситуации вокруг множественности форм рабочего представительства в период революции 1917 г. в России.

На протяжении всего исследования выявлялись те факторы, которые позволяли бы говорить о влиянии на рабочее самоуправление (и в частности, на становление фабзавкомов) этих общинных традиций трудовой демократии и хозяйственного самоуправления. В этом смысле, построенные по западному образцу профсоюзы, действительно, могли показаться чужеродным явлением в русском рабочем движении. Отчасти так оно и было. Но что же с другой стороны? В России полным ходом шёл рост государственного индустриализма и, помимо этого, заимствованных форм новейшего капитализма, – словом, элементов современной урбанистической цивилизации. Этот фактор также предъявлял свой вызов революционному движению рабочих, и ничуть не менее простой, чем потрясшее современников крушение тысячелетней российской монархии. Могла ли опора рабочего самоуправления лишь на традиционные институты способствовать их прочности, когда всё общество в целом было застигнуто революцией как раз на этапе трансформации традиционного уклада?

Дело, однако, в этом случае не только в стратегии борьбы и перспективах постреволюционного устройства. Существование и *массовая база* различных по типу пролетарских организаций говорит о *неоднородности самого русского рабочего класса*. Причём мы имеем в виду не пресловутое мелкобуржуазное или какое-либо ещё влияние, и даже не воздействие на рабочий класс выходцев из деревни. Природа существовавших различий ещё должна быть выявлена. Но очевидно одно – *подавление той или иной составляющей существовавшего тогда многообразия было чревато кризисами*. Революция открывала возможности для постепенного решения существовавших противоречий, но она же создала почву для их насильственного подавления.

Развиваясь, рабочее самоуправление воздействовало на изменение фабричных порядков. Но условия острого гражданского противостояния, то спадавшего, то обострявшегося на протяжении всего 1917 г., обостряли автономистские настроения не только на уровне отдельных предприятий и производств. В рамках отдельных предприятий, помимо рабочего, в 1917 г. действовали и другие формы самоуправления. Речь идёт не только о разного рода формах самоорганизации торгово-промышленного класса, хотя и их нельзя сбрасывать со счёта. На многих предприятиях параллельно с рабочими фабрично-заводскими комитетами и рабочими профсоюзами существовали комитеты и союзы служащих. Таким образом, изучение проблематики рабочего самоуправления выводит ещё на одну задачу, не традиционную для историографии революции 1917 г., а именно на проблему фабричного самоуправления, которое бы включало рабочее самоуправление как одну из составляющих, но не единственную часть общей самоорганизации в рамках отдельного предприятия.

Понятно, что понимаемое таким образом фабричное самоуправление подразумевает определённый «гражданский мир» внутри отдельных предприятий, механизмы поиска компромисса. Способствовало бы это укреплению позиций фабричных коллективов перед лицом государства? Очевидно, что там, где удалось наладить какой-то внутренний диалог между рабочими, служащими и даже предпринимателями, сопротивление процессам огосударствления было наиболее упорным и меры на его преодоление наиболее бескомпромиссными. Но идёт ли речь об устойчивой тенденции, или перед нами всего лишь видимость, и в основе отмеченного нами явления лежат другие процессы? Ответ на этот вопрос давать пока преждевременно, поскольку нами рассмотрено лишь самоуправление рабочих. За этим первым шагом должны последовать другие, и, как минимум, темой отдельного исследования должно стать самоуправление служащих в различных отраслях производства в период революции.

Многоступенчатая система самоуправления как условие свободы самоорганизации отдельных социальных групп. Эта проблема поднимается и в современных дискуссиях о рабочем самоуправлении. Пережив все прочие формы самоуправления, став основой нового государства, – не попало ли рабочее самоуправление в ловушку? Вакуум, образовавшийся после затухания всех прочих форм земского и городского самоуправления, не в этом ли следует искать причины разрастания бюрократизма? Ясно, что вопрос этот в рамках изучения рабочего самоуправления останется без ответа, поскольку он в большей мере касается тех слоёв, которые рабочим самоуправлением охвачены как раз и не были. Но столь же очевидна и его теснейшая связь с рассмотренными в исследовании процессами.

В таком развитии революции нам также видится проявление конфликта национальных традиций с идущими процессами модернизации. *Модернизация, как таковая, не подразумевает каких-либо национальных, социальных или других различий. К их существованию она индифферентна. Но российское общество было именно многоструктурным и многослойным.* Выбор представляется довольно прозрачным: либо сложная система самоуправления на всех уровнях социальной иерархии, либо единообразие и централизация. Представляется, что в условиях 1917 г. и даже начала 1918 г. ни один из вариантов предопределён не был. Поэтому было обращено такое внимание на вопросы революционной доктрины, поскольку в условиях социальной неопределённости доктринальные пристрастия элит начинали жить своей собственной жизнью и становились одним из существенных факторов при выборе дальнейших сценариев общественного развития. Традиционное общество не смогло вписаться в рамки существовавших тогда идеологий, не успело и не стремилось подстроиться под возрастающие ритмы модернизации. Кризис базирующихся на традиционалистских ценностях институтов, в том числе фабзавкомов, – важное, но не единственное проявление этого.

Возможность разрешить или хотя бы смягчить противоречия путём выстраивания системы органов самоуправления не была реализована. Не решённые противоречия загонялись вглубь, накапливаясь, придавая историческому процессу самые причудливые очертания. Сами судьбы рабочего самоуправления в России в послереволюционные годы порождают множество вопросов. В частности, когда после описанных выше событий 1917–1918 гг. мы видим периоды наибольшей политической активности рабочих? Первый период её подъёма приходится на конец 1920 – начало 1921 г. Здесь всё кажется понятным. Милитаризация труда, перебои со снабжением хлебом, идеи «перетряхивания» профсоюзов. Именно к этому времени отмеченные в нашем исследовании тенденции на огосударствление и бюрократизацию выявляются в полной мере. Если в 1913 г. в промышленности на сто рабочих приходилось около восьми служащих, то в 1920 г. их было уже 16. Красноречив и пример роста аппарата экономических ведомств республики, призванных заменить в своё время производственное самоуправление рабочих. Так, с осени 1918 г., то есть со времени, на рассмотрении которого завершено данное исследование, до начала 1920 г. аппарат, к примеру, ВСНХ увеличился почти в 10 раз – с 2,5 тыс. до 24 тыс. служащих. Помимо этого, в губернских совнархозах было занято 93,6 тыс., а в уездных 106 тыс. человек. Таким образом, всего в системе совнархозов было задействовано 234 тыс. человек. Для наглядности скажем – это примерно совпадает с количеством работников всей текстильной промышленности, где в это время их было занято около 240 тысяч. Ярким примером искусственного раздувания штатов служащих, приводимым ещё Литвиновым в его статье в «Правде» за 21 ноября 1921 г. был Главанил (Бензиновый трест). В его штате числилось 50 человек, управлявших единственным предприятием со 150 работавшими на нём. Но те же процессы протекали и в самих органах рабочего самоуправления. В частности, процессы бюрократизации привели к тому, что в годы Гражданской войны наиболее быстро рос профсоюз служащих. Если в первой половине 1918 г. в его рядах насчитывалось всего около 50 тыс., то к началу 1920 г. – 550 тыс., а к июлю 1921 г. – 1 млн 67 тыс. человек. *В сфере материаль-*

ного производства складывалась ненормальная обстановка, когда численность управленцев сравнивалась и даже начала превышать численность управляемых.

Особый этап в развитии рабочего движения, в том числе различных проявлений рабочего самоуправления, приходится на период НЭПа. Характерно, что сам по себе переход к НЭПу был связан с дискуссией о профсоюзах на X съезде большевиков (март 1921), в ходе которой высказывались разные точки зрения не только по вопросам организации труда, но и роли пролетарских организаций в советской политической системе. НЭП сопровождался отказом от политики прежних лет на максимальное огосударствление профсоюзов, расширением их прав в сфере охраны труда и регулирования трудовых отношений, отменялось принудительное членство в профсоюзах. Повышается общественная роль профсоюзов. В 1922 г. профсоюзы участвовали в борьбе с голодом, собрав 4 триллиона руб. и около 900 тыс. пудов продовольствия. Раскрепощение профсоюзов было связано с развитием негосударственного сектора экономики: на частных предприятиях профсоюзы выполняли роль «передового форпоста» борьбы с буржуазными элементами и в силу этого пользовались поддержкой властей.

Но вот парадокс – переход к новой экономической политике, то есть комплекс мер, направленных на урегулирование особенно волновавших рабочих в годы военного коммунизма вопросов, привёл не только к поиску новых форм рабочей самоорганизации, но и к осязательному обострению протестных настроений в рабочих окраинах. Новый кризис во взаимоотношениях «пролетариата» и «пролетарского государства» был даже глубже и продолжительнее, чем кризис заключительного периода военного коммунизма. В выступлениях рабочих нэповского времени прежде всего бросается в глаза их антирыночная направленность. Совсем не случайно всплеск забастовочной активности приходится на 1923–1925 гг., то есть на время наибольшего разворота государства к рыночным реформам в экономике – факт, говорящий сам за себя. Потом забастовочная активность рабочих идёт на спад – и это время, когда централистские тенденции вновь обретают свою силу, несколько утраченную после отказа от военно-коммунистического радикализма.

Можно ли объяснить это явление тем, что переход к НЭПу не стал возвратом к традициям рабочего самоуправления, и оно по-прежнему переживало тяжёлые времена? Не случайно лидер левого меньшевизма Мартов подверг первые шаги НЭПа резкой критике, а в недрах профессиональных союзов вновь возникли оппозиционные настроения. Представляется, что В. И. Ленин при переходе к нэпу главную задачу видел всё же не в экономике, а в том, чтобы реформировать госаппарат, «который ровно никуда» не годился и который большевики «переняли целиком от прежней эпохи». Тем не менее, именно эта задача в рамках НЭПа реализовалась не в полном объёме и не вполне в том направлении, которое виделось Ленину. Победную поступь бюрократизма рынок не остановил, даже ускорил. Соответствующие изменения отразили происходящую эволюцию режима и в области социальной структуры населения. Так, например, с примерно 9 млн в 1923 г. численность населения городов увеличилось к 1926 г. до 11 млн, то есть на 21 %. Прирост же численности служащих был существенно выше и составил за те же годы 31%. Количество безработных к концу нэповского периода примерно совпадало с численностью управленцев, что даёт представление о тенденциях расслоения «социально однородного общества победившей революции». Рост бюрократизма напрямую отразился и на состоянии рабочего самоуправления, что выразилось в разгроме профсоюзных кадров в конце 1920-х гг., а также падении роли профсоюзов в советской политической системе.

Но наиболее противоречивыми в судьбах рабочего самоуправления становятся 1930-е годы. Связь 30-х гг. с событиями революции 1917 г. несомненна, но многим она видится совершенно по-разному. Не случайно поворот к тому курсу, который стал господствующим в это время, называют революцией, но революцией сверху, значит, уже не совсем революцией. Причина множества столь полярных оценок, существующих на этот счёт, – в сложности самой

эпохи. Неоднозначность происходившего тогда, как представляется, особенно ярко проявилась как раз в ситуации, складывающейся вокруг различных форм рабочего самоуправления.

Отмеченная для эпохи русской революции двойственность почвеннических и модернизационных тенденций становится в это время ещё более наглядной, сужается и круг возможных альтернатив дальнейшего общественного развития. Но тот вывод, который был сделан нами применительно к середине 1918 г. (о том, что, несмотря на кризис и ликвидацию одних форм самоуправления, оно продолжало существовать и развиваться в других) представляется нам применимым и к 30-м годам.

Разумеется, мы не собираемся оспаривать выводы Т. Клиффа и других специалистов по истории рабочего движения периода индустриализации, что сталинская группа вынуждена была нанести целый ряд ударов по самостоятельности рабочего движения с тем, чтобы суметь самой удержаться у власти. Так, в ходе борьбы за единоначалие на производстве был упразднён так называемый треугольник, когда в выработке и принятии решений помимо директора участвовали также руководители профсоюзной и партийных ячеек этого предприятия. По сути речь шла об участии в управленческой деятельности рабочих, правда, в отчуждённой, опосредованной форме. Для понимания атмосферы 30-х гг. характерно, что, несмотря на то, что и профсоюзы, и партия давно стали составными частями политической системы, даже эта реликтовая форма рабочего контроля показалась теперь ненужной для правящей бюрократии. Официально треугольники были похоронены в 1937 г., когда на Пленуме ЦК один из ближайших сподвижников И. Сталина - А. Жданов заявил: «Треугольник представляет из себя совершенно недопустимую форму... Треугольник представляет нечто вроде какого-то коллегиального органа управления, в то время как наше хозяйственное руководство совсем иным образом построено».

Дальнейшему нажиму подверглись и сами профсоюзы, которые были лишены своего традиционного фундаментального права регулирования оплаты труда. В 1934 г. умерла традиция заключения коллективных договоров. В 1940 г. председатель ВЦСПС Шверник прокомментировал это следующим образом: «... когда план является решающим началом в развитии народного хозяйства, вопросы зарплаты не могут решаться вне плана, вне связи с ним. Таким образом, коллективный договор, как форма регулирования заработной платы, изжил себя». Ну и, конечно, серьёзно ограничивало возможность самоорганизации рабочих рабочее законодательство конца тридцатых годов. По сути, это было законодательство уже военного времени, и демократические процедуры в нём никак не предусматривались.

Раз за разом институты традиционного общества на уровне рабочего самоуправления вступали в конфликт с новейшими тенденциями в развитии общества. В результате шло подавление и разрушение этих традиционных институтов при отсутствии чего-либо нового, идущего им на смену. Но в том-то и заключалась особенность самоуправления рабочих в России, что его почвеннические, общинные корни не давали ему полностью поглотиться курсом модернизации. Возникает вопрос, можно ли в этой ситуации смотреть на постреволюционное развитие рабочего самоуправления в России только с точки зрения существования форм рабочей самоорганизации, тождественных западным?

Даже в самые трудные годы официальные рабочие организации продолжали нести немало черт, позволяющих говорить о существовании в СССР каких-то элементарных форм самоуправления рабочих. Эти проявления самоорганизации масс вряд ли возможно абсолютизировать, но с определённого уровня, пусть и очень низкого, государство, даже в лице администрации, уже не могло, а главное, не желало вмешиваться в деятельность этих низовых очагов рабочей самоорганизации. Подчас в каких-то передовых, скажем стахановских, бригадах элементы самоуправления приобретали даже производственный характер. Сегодня, как мы знаем, стахановское движение оценивается неоднозначно, но его роль в некоторой реанимации производственного самоуправления разве не заслуживает самого заинтересованного внимания?

В этом смысле профсоюзы и другие официальные формы рабочей самоорганизации играли роль буфера между личностью и государством. Советское общество вообще состояло из множества таких автономных, часто самодостаточных ячеек, контроль за которыми постоянно ускользал из рук центрального правительства.

Говоря о судьбах рабочего самоуправления после революции 1917 г., нельзя, хотя бы коротко, не упомянуть и ещё об одном обстоятельстве, прямо выходящем на затронутую в книге тему связи рабочих с их деревенскими корнями. До революции связь эта была достаточно широкой. Но что происходит в 1930-е гг.? Широко известный факт: в течение 1930-х гг. из аграрного сектора высвобождается около 20 млн человек. Частью они дополнили социальную группу управленцев, армию, интеллигенцию, уголовный мир, дно советского общества. Вместе с тем неоспоримо, что основная масса выходцев из деревни, а это в основном молодёжь, дополнила рабочий класс, численность которого в течение жизни одного поколения возросла с 9 до 23 млн человек, что не может быть объяснено естественным приростом.

С точки зрения западного человека, ситуация, порождённая миграционными процессами 30-х гг. представляется «обществом зыбучих песков». На первое место в оценках выступают различия между поколением рабочих 1930-х гг. и рабочими, сформировавшимися в период, предшествующий индустриализации. Складывалось мнение, постепенно переключавшее и в нашу литературу, что длительное время они оставались сельскими жителями, вырванными из привычной им социальной среды. Адаптация к городу протекала мучительно и далеко не гладко. И. Дойчер, например, полагал, что именно этому поколению рабочих советские города обязаны своим нынешним серым, мрачноватым, полуварварским видом. Российский же обозреватель С. Кара-Мурза пишет в этой связи о чём-то подобном новому изданию крепостничества – крепостничества заводских цехов и институтских лабораторий.

С такими однозначными оценками согласиться вряд ли возможно. Но дело даже не в этом, а в том, что с миллионами выходцев из деревни в города хлынул поток патриархальных демократических представлений русского крестьянства о счастливой доле и правильном общественном устройстве. Города же встретили новых людей серыми, нематыми улицами, дымными цехами, бюрократическим произволом, надменностью интеллигенции. Кроме социальной мести, нашедшей своё отражение в массовой поддержке новыми рабочими расправ над «врагами народа» и других протестных акциях, их социальная энергия стремилась найти применение на уровне самоорганизации локальных коллективов. Каковы были формы этой локальной самоорганизации и можно ли говорить о её влиянии на всё советское общество? Здесь исследования только предстоят.

Применительно к 1930-м гг. с особой остротой возникает вопрос о том, что, собственно, следует понимать под самоуправлением: это форма политической деятельности или любая деятельность, направленная на обобщение, выражение и защиту интересов автономных групп? При традиционном подходе к самоуправлению, действительно, кроме официальных структур, сложно заметить структуры неформального, часто стихийного самоуправления, охватившего все слои рабочего класса в 30-е годы. Неформальные, но социально значимые типы самоорганизации трудовых коллективов становятся важной чертой советского общества и не дают ему действительно уподобиться «обществу зыбучих песков». Но особенно характерна способность к созданию таких неформальных самоорганизующихся коллективов была для социально более мобильной молодёжи, примеры чему часто встречаются в мемуарах и других источниках об «ударных комсомольских стройках». Даже Троцкий, критиковавший отход советской молодёжи от политики, вынужден был признавать, что её активность не исчезла, а оказалась направленной на другие цели. В этом смысле представляет большой интерес изучение многочисленных молодёжных (и не только) субкультур, формировавшихся в 1930-е гг. Процесс социализации молодёжи, всегда сопровождающийся усвоением элементов прежней культуры и созданием элементов своей, не мог не носить в 1930-е гг. ряд специфических черт. Если эту специфику

рассматривать с точки зрения самоуправленческих начал, когда под старой культурой будет пониматься сознание, привнесённое из среды русского крестьянства, а под новой культурой – тот тип мировосприятия, который начал складываться под воздействием процессов модернизации, то во многом могут измениться и более глобальные оценки 1930-х годов.

Представляется, что именно в этот период окончательно успевают проявиться те тенденции, которые были заложены в русскую историю революцией 1917 г. Альтернативы, борющиеся друг с другом перспективы развития к этому времени позволяют окончательно сформироваться советскому типу общества. Океан разбуженных возможностей постепенно к концу 1930-х гг. входит в берега. Происходит некоторая консервация и в вопросе рабочего самоуправления. Нельзя сказать, что развитие его форм завершается. Нет, просто окончательно складываются те рамки, в которых государство готово было терпеть (или не способно было предотвратить, или даже сознательно поощряло) общественную инициативу своих граждан, одетых в рабочие спецовки.

В дальнейшем, в годы войны и послевоенного развития, границы эти то расширялись, то снова сужались, но это не меняло характера взаимоотношений между властью и самоуправлением рабочих, как формальным, в рамках официальных структур, так и неформальным, существующим там, куда влияние государства не распространялось. Существовавшие в эти годы формы рабочей самоорганизации можно трактовать самым разным образом. В частности, в листовках Московской Хельсинской группы заявлялось о неспособности советских профсоюзов защищать права трудящихся, отрицалось само значение профсоюзов как органов самоорганизации рабочих. Нам же эта оценка представляется, по меньшей мере, спорной, хотя большего внимания, на наш взгляд, заслуживают выступления МХГ в пользу создания в СССР независимых профсоюзов. Создание таковых, вполне вероятно, способствовало бы оживлению деятельности и других форм рабочей самоорганизации. Но, с другой стороны, для создания независимых профсоюзов требовалась немалая активность самих рабочих. А этого-то как раз и не наблюдалось. Во всяком случае, ни «Хроника текущих событий», ни такие исследователи советского оппозиционного движения, как В. Пономарёв и Л. Алексеева, не зафиксировали в те годы сколько-нибудь серьёзных выступлений рабочего класса, направленных на создание независимых от государства органов самоорганизации. Протестные выступления этих лет, в том числе масштабные выступления низов хрущёвского времени, также не вели к возникновению долговременных альтернативных рабочих организаций. Для того чтобы рабочее самоуправление получило новые стимулы для своего развития, потребовались гораздо более мощные внешние воздействия, чем хрущёвская «оттепель» или «косыгинская реформа».

Но альтернативность не может считаться показателем действенности самоуправления, очень часто происходит наоборот -конфронтационность ведёт к неэффективности органов самоуправления, неспособности решать стоящие перед ними проблемы, достигать значимого для рабочих результата. Гораздо эффективнее действовали в последние десятилетия существования советского строя официальные профсоюзы. В немалой мере этому способствовал и общий политический климат в СССР. Называя 1945-1953 гг. периодом зрелого сталинизма, что совершенно справедливо, не следует забывать, например, что сама по себе победа в Великой Отечественной войне способствовала бурному общественному подъёму, который выразился во всей сферах общественной жизни. Послевоенные годы – это не только время новых политических репрессий, усиления государственного вмешательства в частную жизнь людей, но и время надежд, роста элементов общественной самоорганизации. Сам по себе подвиг возрождения и подъёма промышленности в годы первой пятилетки был бы не возможен без роста самостоятельности рабочих коллективов, возникновения в нём простейших форм самоорганизации. Понимало происходившие в низах процессы и сталинское руководство: в 1947 г. была возобновлена практика заключения коллективных договоров, расширялись права профсоюзов

по улучшению условий труда и организации быта рабочих, происходили другие послабления общественной инициативе.

Однако наиболее решительные перемены в развитии самоуправленческих начал в СССР смогли произойти только после смерти Сталина. Новые тенденции в развитии рабочих организаций, а также в их взаимоотношениях с государством обозначились в ходе реформ второй половины 1950 – начала 1960-х гг., то есть в годы так называемой хрущёвской «оттепели». С определённой точки зрения, важнейшим содержанием этой эпохи становится попытка откатиться от некоторых явлений, свойственных периоду «позднего сталинизма», в том числе от набравшего обороты процесса усиления традиционного государства в ущерб организациям, родившимся на волне революции 1917 г. Одним из ключевых лозунгов «оттепели» становится лозунг «возвращения к ленинским принципам», «возвращения к Октябрю». Это подразумевало, помимо всего прочего, усиление в жизни общества роли общественных организаций, в том числе профсоюзов и других рабочих организаций. В январе 1957 г. ВЦСПС разработал «Положение о порядке рассмотрения трудовых споров», по которому местные отделения профсоюзов получали право решать трудовые конфликты на уровне отдельных предприятий. И хотя в дальнейшем самостоятельность профсоюзов постепенно выхолащивалась, они играли видную роль в развитии сети учреждений здравоохранения и культуры, туризма, спорта, социального страхования и др. Этому способствовала значительная материальная база, которыми располагали союзы: к 1959 г. в их распоряжении находилось 13 675 клубов, домов и дворцов культуры, более 120 тыс. красных уголков, около 26 тыс. библиотек, большое количество прочих культурных и иных объектов. Итоги деятельности профсоюзов в 1950-е гг. были подведены на XII съезде профессиональных союзов СССР, который проходил с 23 по 27 марта 1959 г., на нём присутствовало 1322 делегата, представлявших почти 53 миллиона рядовых членов организации.

Некоторое оживление рабочей инициативы намечается и в ходе так называемой «косыгинской реформы», и других преобразований рубежа 1960-1970-х гг. Так, в 1970 г. были приняты «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» (КЗоТ), в силу своей значимости названный второй конституцией для профсоюзов. Существенное значение для развития инициативы рабочих организаций имели также принятые в этот период по инициативе высшего советского руководства, в том числе лично Л. И. Брежнева, живо интересовавшегося профсоюзной проблематикой, такие нормативные акты, как «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии» (1965 г.), «Положение о порядке рассмотрения трудовых споров» (1974 г.) и др. В эти годы профсоюзам было возвращено право законодательной инициативы, другие важные привилегии, которые в прошлом были утрачены профсоюзами.

Важные перемены в жизни органов рабочего самоуправления наметились в начале 1980-х гг. В мартовском номере журнала «Коммунист» за 1983 г. появилась большая программная статья нового советского лидера Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». По сегодняшним меркам в ней не было ничего публицистически сенсационного. Но в те годы автор подобной статьи, не будь он первым человеком в партии и государстве, мог бы легко пополнить список инакомыслящих. Не стоит, конечно, переоценивать произошедшее, но в андроповской статье прозвучал целый ряд моментов, далеко выходящих за рамки официальной партийной идеологии тех лет. Среди них и признание несовершенства советской системы, и утверждения о необходимости демократии при социализме, но главное – упоминание о самоуправлении, причём в марксовом его понимании, а также рассуждения о «более органичном включении трудовых коллективов в нашу общегосударственную работу». Всему этому можно было бы и не придавать значения, если бы уже 12 апреля в печати для «всенародного обсуждения» не появился проект закона «О трудо-

вых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», вскоре одобренный Верховным Советом СССР и получивший силу закона.

Пока трудно сказать, результатом каких намерений правящего в СССР слоя явилось принятие этого закона, но именно он открыл дорогу первым изменениям в области рабочей самоорганизации, начавшимся в годы перестройки и связанным с историей рождения и кризиса советов трудовых коллективов. Во второй половине 1980-х гг. СТК создавались на большинстве советских предприятий, некоторые оптимисты готовы были сравнивать их с фабзавкомом. Вернулась практика выбора и контроля над руководством предприятий, цехов и участков. С периодом фабзавкомов, действительно, можно было найти общее. В частности, неопределённость в разграничении полномочий между официальными профсоюзами и СТК, когда каждый член трудового коллектива был одновременно и членом профсоюза. По свидетельству некоторых профсоюзных лидеров, этим обстоятельством подчас умело пользовалась администрация, стараясь противопоставить друг другу эти две формы рабочей самоорганизации. Негативная оценка со стороны профсоюзной бюрократии «конкурирующих» форм самоуправления тоже не кажется чем-то новым и удивительным.

Часть наиболее активных СТК образовали уже действительно самостоятельную рабочую структуру самоуправления «Совет трудовых коллективов». В те же годы развиваются и другие формы рабочего самоуправления, старт чему дали выступления шахтёров ведущих угольных регионов, а также консервативно настроенных по отношению к горбачёвской «перестройке» рабочих Белоруссии и Прибалтики, включая Ленинград. К ним могут быть отнесены многочисленные объединённые фронты трудящихся (до их перерождения в радикальные политические группировки), альтернативные профсоюзы, забасткомы, а также некоторые формы малых акционерных предприятий и подрядных бригад. Причём там, где рабочее самоуправление приобретало наиболее действенный характер, в нём ярко проявлялись черты, роднящие эти новейшие формы рабочей самоорганизации с Советами 1905 г. или забасткомом зимы 1917 г.

По разнообразию форм рабочей самоорганизации это время перестройки сопоставимо с мартом – апрелем 1917 г., тогда рабочие организации также были охвачены организационной лихорадкой. Но нельзя не увидеть и серьёзного различия: если в 1917 г. постепенно происходила кристаллизация нескольких наиболее перспективных форм рабочей самоорганизации, то уже начиная с 1990-1991 гг. можно видеть, как многочисленные ветви рабочего движения, упираясь в тупик государственного курса и общеполитической ситуации, теряют своё лицо, силу и сходят со сцены.

Большие надежды относительно будущего расцвета рабочего самоуправления ещё сравнительно недавно связывались с начавшейся в стране приватизацией. Раньше у советских идеологов было понятие – «реальный социализм». Оно было призвано объяснить, почему всем хотелось как лучше, а получалось как всегда. Очевидно, вскоре идеологам потребуется изобрести термин «реальная приватизация». Применительно к рабочему самоуправлению идея приватизации трактовалась так, что рабочие, сделавшись акционерами своих предприятий, превратятся в их хозяев. Под этим предлогом администрация часто предлагала распустить существующие профсоюзы, поскольку работники сами стали владельцами предприятий и им не от кого защищаться. По словам некоторых профсоюзников, речь шла о второй, после кампании по созданию СТК, номенклатурной попытке поиграть в экономическую демократию. Так ли это или нет, но для самоорганизации рабочих политика приватизации оказалась более чем сокрушительной. Реальными владельцами предприятий стали представители прежней администрации или новой финансовой элиты, перед которыми рабочие, без профсоюзов, оказались совершенно беззащитными. Возникающие же то тут, то там стачкомы, сталкиваясь с позицией государства, изменить что-либо были не в состоянии.

Определённый подъём рабочего движения 1990-х гг. завершился очередным глубоким спадом и застоём. Движение рабочих масс в начале XXI в., конечно, не замирает совсем, но теплится на очень низкой отметке. Так, в высшем законодательном органе -

Государственной думе третьего созыва представлен только один рабочий, тогда как даже до свержения монархии в Государственной думе Российской империи представительство рабочих было существенно более значительным. Что же касается IV Государственной думы, то в ней «рабочих от станка», как это определялось в начале XX в., не осталось вовсе. Самым пагубным образом на развитии рабочего движения и положении рабочих организаций отразился новый трудовой кодекс, принятый в декабре 2001 г. Положения нового, «демократического» КЗоТа отнимают у рабочих их последние социальные права и завоевания, которых они добивались на протяжении полутора столетий. Профсоюзы по новому КЗоТу низводятся до уровня безмолвных помощников администрации. Многие прежние права профсоюзов оказались выхолощены. Так, вместо прежнего права законодательной инициативы по новому КЗоТу за профсоюзами оставлено право «принимать участие в разработке законов и иных нормативных правовых актов», причём только таких, которые касаются «норм трудового права». Свои контрольные функции в сфере контроля за условиями труда теперь профсоюзы могут осуществлять только во взаимодействии с «государственными органами надзора и контроля». И таких ограничений в новом КЗоТе предостаточно.

Происходящие в Российской Федерации перемены вновь возрождают из небытия такое забытое, казалось бы, понятие, как «рабочий вопрос», в том числе вопрос о будущем в стране органов рабочего самоуправления – опять, как в 1917 г., он становится достоянием не только историков, но и политиков, вновь возвращает свою былую актуальность, хотя за прошедшие почти сто лет Россия сделала огромный рывок в своём развитии, успела взойти на порог нового постиндустриального, информационного общества. Однако, что кардинально нового появилось в ней со времени Великой русской революции? В главном российское общество осталось прежним. В чём же нам видится это главное? ***В его неоднородности, в необходимости поиска широкого компромисса в нём.*** Можно, конечно, раздавить, как это было в тоталитарных государствах, самостоятельность отдельных общественных групп, но даже современное тоталитарное государство, поставив себе на службу все средства современных коммуникаций и технологии манипулирования массами, вынуждено прибегать к созданию искусственных форм самоуправления, как это очень чётко показано в мемуарах нацистского преступника Шпеера.

Вероятно, индустриальный уклад сегодня уже не может считаться последним словом развития человеческой цивилизации. Во всяком случае, страны «первого» эшелона, пытаясь решить внутри себя проблему устойчивого развития, постепенно выводят его на периферию – в страны «второго» и даже «третьего» эшелона развития, оставляя себе лишь наукоёмкие отрасли с большим преобладанием белых воротничков. Но даже при подобном сценарии индустриальный уклад всё ещё не исчезает. Не исчезают и другие, доиндустриальные, уклады. Более того, возникают автономные уклады, субкультуры и субэтносы, претендующие на большую или меньшую автономию, в противном случае угрожая остальному обществу нарушением его стабильности (к слову сказать, именно в этом следует видеть корень обострившейся в последнее время проблемы так называемого терроризма). И если даже тоталитарное государство не способно справиться с этой проблемой, что ещё, кроме самоуправления, может дать обществу возможность выйти из поджидающих его тупиков?

В своё время индустриальный уклад казался передовым. Рабочий класс и буржуазия воспринимались как передовые классы. Формы демократии, предложенные пролетариатом и буржуазией, воспринимались как панацея от всех бед прежнего государственного устройства. В России поочерёдно обе модели либеральной и социалистической демократии были апробированы. Либеральная демократия, с присущими ей формами самоуправления, почти сразу же оказалась в кризисе. Пролетарское самоуправление, составив в гордом одиночестве каркас

нового государства, в образовавшемся вакууме также не долго смогло сохранять свой демократический потенциал. Не произойдёт ли сейчас нечто подобное, если в поисках «совершенства» общество заикнется на формах саморегуляции, порождаемых постиндустриальным этапом его развития? Тем более, что Россия-то не принадлежит к странам «первого эшелона» модернизации, идущие в мире процессы глобализации готовят России роль полуиндустриальной сырьевой периферии, причём, в лучшем для неё случае.

В свете этого, нам представляется не случайным, что немалое количество людей видят будущее России именно на путях развития самоуправления, в том числе рабочего. К сожалению, и этот факт следует отметить: в дискуссиях о судьбах рабочего самоуправления в современной России преобладает внимание к его политическим и экономическим формам. В то же время, как показывает опыт рабочего самоуправления в свете революции 1917 г. и последовавшего послереволюционного развития, экономические и политические формы самоорганизации отнюдь не исчерпывают всего существующего здесь многообразия. Впрочем, никто, разумеется, не станет возражать, что именно экономическое и политическое самоуправление имеют базовый характер для демократизации российского общества и что на их примере можно попытаться понять: что же, собственно, представляет собой самоуправление, рабочее самоуправление, в частности? Придаток государства или более широкий принцип общественной самоорганизации?

Оставив этот вопрос открытым, отметим, что многие участники обсуждения вопросов современного рабочего самоуправления склонны именно к расширенной его трактовке. Именно с этих позиций идут поиски «третьего пути» для России, который, по словам А. Бузгалина, сводится к поискам альтернатив неолиберальному «концу истории» (по Фрэнсису Фукияде) и возрождению номенклатурного социализма. В частности, В. Белоцерковский, в прошлом участник правозащитного движения, а ныне сотрудник Института самоуправления во Франкфурте-на-Майне, в своих работах предлагает целый комплекс мер, способных, по его представлениям, привести к созданию в России общества, в котором бы самоуправление было основным принципом управления на всех этажах социальной лестницы.

Меры, предлагаемые участниками обсуждения современного рабочего движения России для его оживления, сводятся к расширению прав работников, в том числе путём передачи большинства хозяйственных объектов трудовым коллективам. За такое решение вопроса в разное время выступали такие разные деятели, как С. Фёдоров, С. Алексеев, Л. Пияшева, В. Селюнин, Г. Лисичкин, С. Хохлов, Б. Пинскер, И. Клестов, А. Бобровский, А. Жиденский и др.

К сожалению, большинство высказываемых сегодня мнений опирается на западный опыт. В этом сегодняшние левые не далеко ушли от радикальных либералов и социалистов 1917 года. Так, уже упомянутый Белоцерковский в своей программной книге «Общество самоуправления – спасение и расцвет России» так прямо и говорит, что идеалом общественного устройства для него являются Соединённые Штаты Америки. «И это неслучайно, – подчёркивает он, – США – страна сильно развитого самоуправления». Но базироваться только на западном опыте сегодня уже совершенно недостаточно. Не случайно объективные исследователи на Западе подчёркивают узость имеющихся представлений о рабочем самоуправлении и его возможном месте в современном мире, как это делает, в частности, крупный специалист в области рабочего самоуправления Д. Сцелл. А между тем практически все вопросы, волнующие сегодня исследователей, и об участии рабочих в управлении предприятиями, и о контроле со стороны их организаций за прибылью предприятий и наймом рабочей силы, и о методах информирования рабочих относительно состояния дел на производстве, и о механизмах принятия рабочими управленческих решений и т.п. – *всё это решалось и апробировалось в революционной России 1917 года на очень обширном историческом пространстве.*

Так возможно ли в будущей России рабочее самоуправление? Человек должен быть хозяином своей судьбы – вот, говоря словами историка и публициста А. Фролова, аксиома, прини-

маемая нашим сознанием без доказательств, интуитивно. Но именно в этом и заключён основной парадокс всей истории человечества: с одной стороны, человек всё время стремился стать свободным от окружающих его обстоятельств (по П. Сорокину и Жан Поль Сартру), с другой стороны, он становился всё более не свободен от самого себя (по Э. Фромму и Н. А. Бердяеву). Над разрешением этого парадокса бились не только «узкие эмпирики» историки, не говоря уже о «приземлённых» политиках, но и «крутолобые мечтатели» философы. Но как он будет разрешён на самом деле – сможет показать только время.

Схемы и диаграммы

Источники финансирования фабрично-заводских комитетов

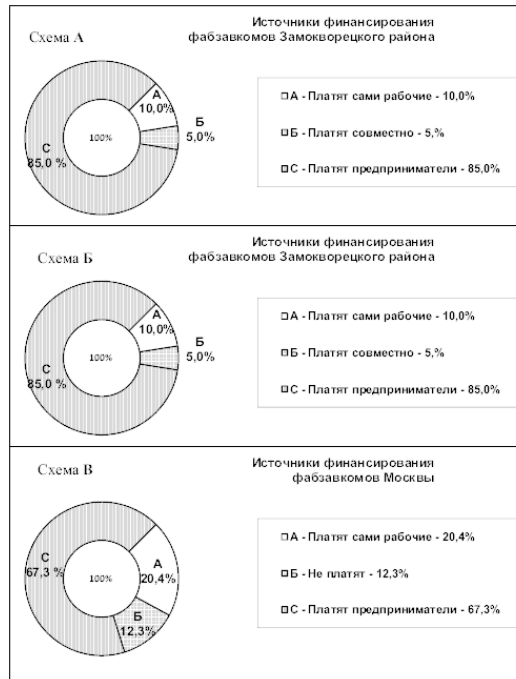
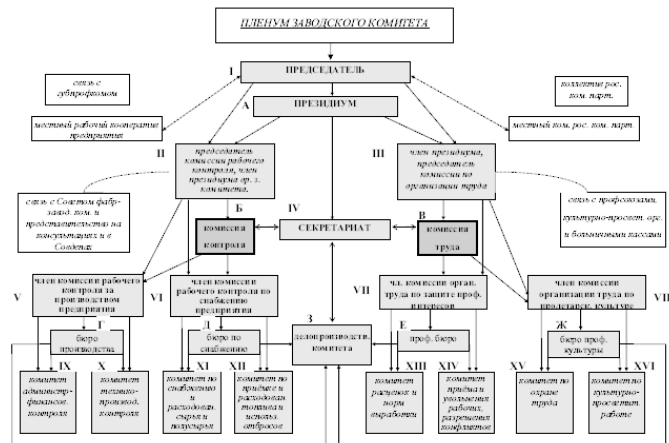
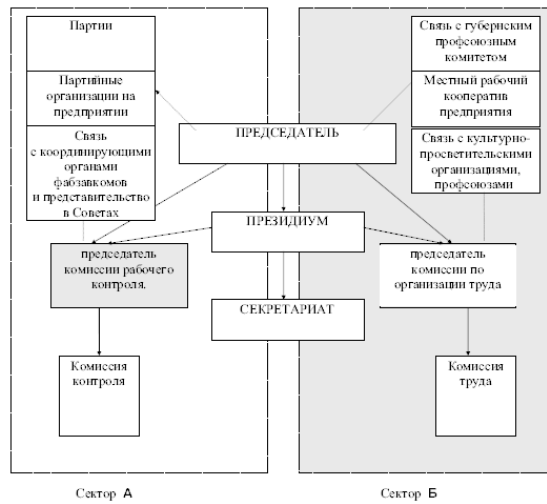

Схема фабрично-заводского комитета крупного предприятия

Функциональная схема фабрично-заводского комитета

Партийный состав I Всероссийского съезда профсоюзов

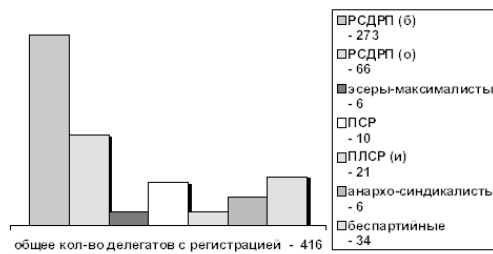
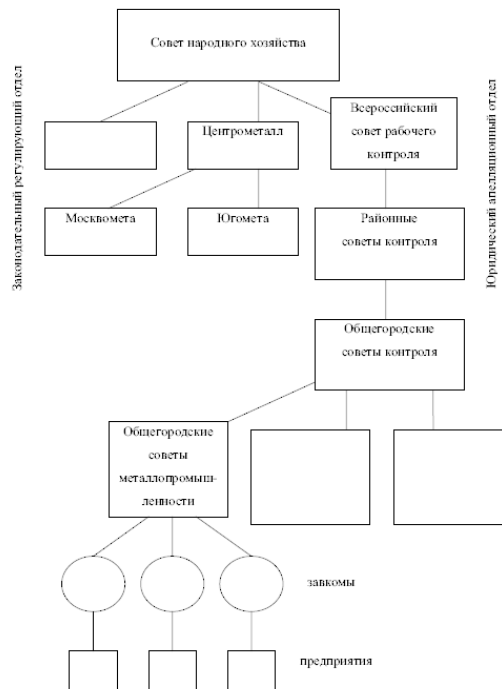

Схема учреждений, регулирующих производство

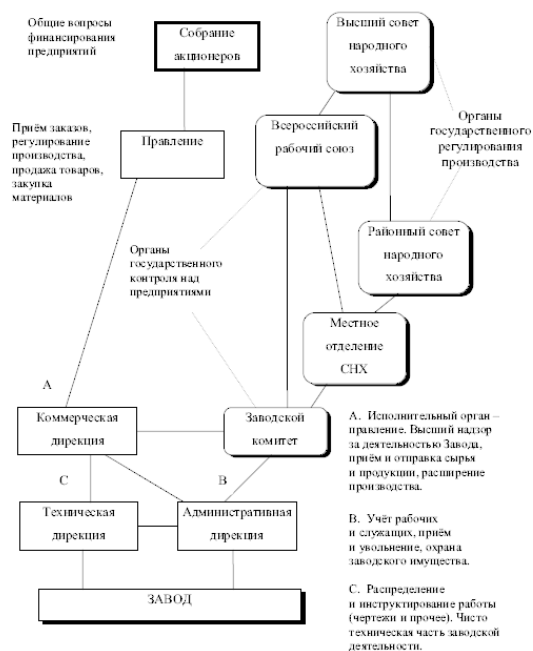
Сост. по: ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

Схема государственного регулирования хозяйства (Согласно декрета Совета Народных Комиссаров о рабочем контроле)

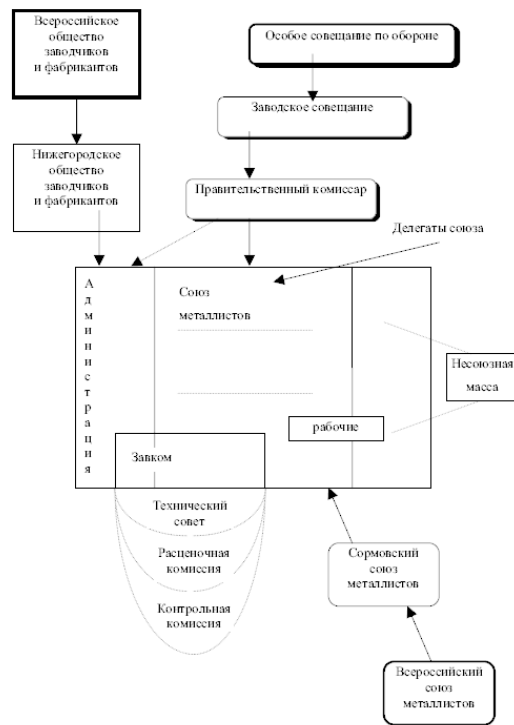
ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 10.

Схема государственного контроля над предприятиями

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

Схема организации Сормовского завода

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л.4-5.

Схема управления производством и предприятием

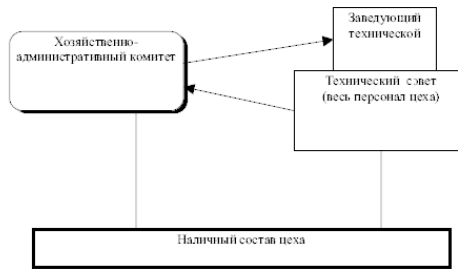
Виды управления		Верхнее управление		Управление предприятием		
				ком.ч.	технич.	социальное
Государственные	Государственно-регулируемые предприятия	Особое совещание по обороне	Министерства и управления	Заводское совещание предприятия	Распределочная комиссия	
Муниципальные						
частные	Частноуправляемые предприятия	Тресты, АО, предприятия				
Осуществление рабочего представительства		Участие через регулирующие и политические учреждения		Информация, совещательный голос	Паритетный принцип	

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

Проект управления уральскими заводами

(Принят съездом представителей уральских и других государственных предприятий)

Схема № 1. Управление цехом

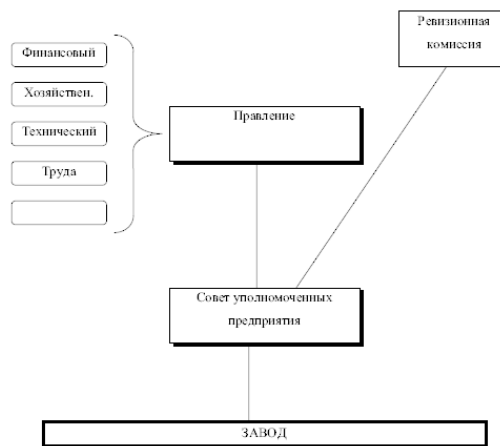

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

Проект управления уральскими заводами

(Принят съездом представителей уральских и других государственных предприятий)

Схема № 2. Управление заводом

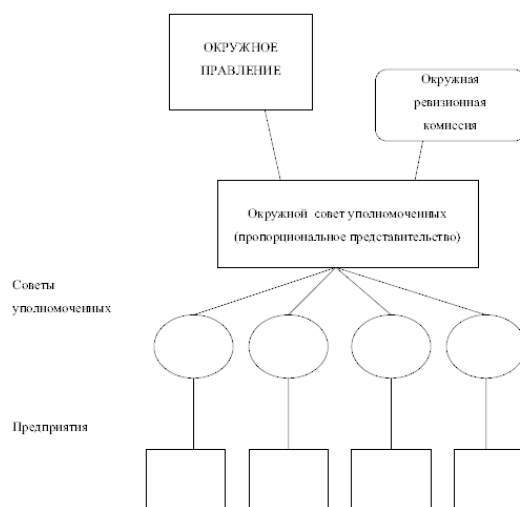

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

Проект управления уральскими заводами

(Принят съездом представителей уральских и других государственных предприятий)

Схема № 3. Управление предприятиями округа

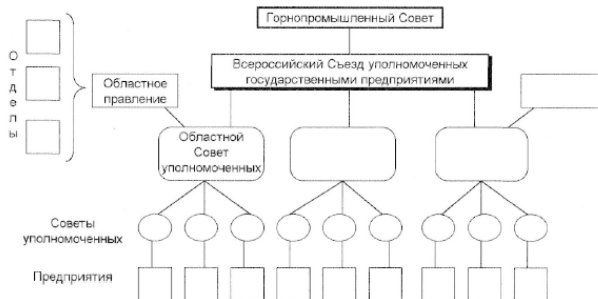

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л.

Проект управления уральскими заводами

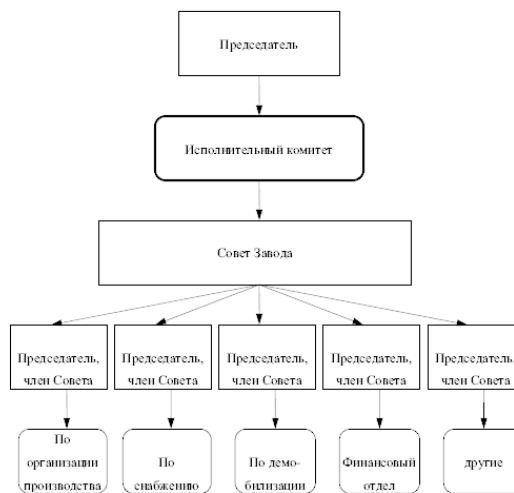
(Принят съездом представителей уральских и других государственных предприятий)

Схема № 4. Всероссийское и областное управление

ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

Положение об управлении Обуховским заводом

Составлено по: РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 97. Л. 1-2 об.